

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

ПОТАНЦУЙ
НА КРАЮ ОБРЫВА

ДРАКОН
ЦВЕТА
КРОВИ

Annotation

Страшное потрясение ждет Академию Драконариев. Привыкли издеваться над безответной однокурсницей, а она вдруг поменялась. Да так, что страшно становится. Результат жестокой шутки привел к тому, что душа Каэтаны ушла, и в ее теле оказалась душа женщины иного мира. Комсомолки, спортсменки и фитнес-тренера. Зоя в себе сомневаться и терпеть унижения не будет. И займется она тем, что лучше всего умеет. Создаст свою спортивную секцию. Говорите, женской дружбы не бывает? Еще как бывает. Рецепт прост. Много спорта, много врагов вокруг – и драконы. Смешать, взболтать... драконы против и уже изволили скушать врагов? Тогда оставляем тренировки. А драконы – драконы сами останутся. Драконы цвета крови врагов.

5 причин купить книгу:

1. Вы сможете полетать на драконе и поплавать с ним.
2. Узнаете о том, как тренировки влияют на потомственных дворянок.
3. И о том, что будет, если принести в другой мир что-то новенькое (фитнес, стрип-пластику, брейк-данс).
4. Потанцуете на краю обрыва.
5. Раскопаете древнюю историю предательства.

-
- [Галина Гончарова](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 -
 - [Интерлюдия](#)
 - [Глава 2](#)
 -
 - [Интерлюдия](#)
 - [Глава 3](#)
 -
 - [Интерлюдия](#)

- [Глава 4](#)
 -
 - [Интерлюдия](#)
- [Глава 5](#)
 -
 - [Интерлюдия](#)
- [Глава 6](#)
 -
 - [Интерлюдия](#)
- [Глава 7](#)
 -
 - [Интерлюдия](#)
- [Глава 8](#)
 -
 - [Интерлюдия](#)
- [Глава 9](#)
 -
 - [Интерлюдия](#)
- [Глава 10](#)
 -
 - [Интерлюдия](#)
- [Глава 11](#)
 -
 - [Интерлюдия](#)
- [Глава 12](#)
 -
 - [Интерлюдия](#)
- [Глава 13](#)
 -
 - [Интерлюдия](#)
 - [Интерлюдия](#)
- [Глава 14](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
-

Галина Гончарова

Дракон цвета крови

© Гончарова Г. Д., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Пролог

Бывают моменты, когда ты летишь на крыльях. Любви, удачи, победы...

Я точно знаю – бывают.

Но бывают и моменты, когда ты падаешь, падаешь, падаешь... и неважно, что ты сейчас твердо стоишь на ногах, а не находишься в кабине лифта. Ты падаешь в бездонную черную яму.

Или в зрачки другого человека.

Сегодня со мной это уже третий раз.

– Зая, ну ты понимаешь, так получилось...

Понимаю.

Что я понимаю?

С утра я поняла, что весь мой опыт, все таланты, умения и навыки ничтожны перед деньгами, связями и истериками. Да, вот так.

Мишка, хозяин клуба, в котором я работаю, очень долго извиняется. И в глаза мне не глядит принципиально. Потом уж со злостью хлопает бокал коньяка и рывкает от души:

– Зойка, какого х...! Эта дура тебя просто приревновала, вот и все!

– Мишка, тебе чем поклясться?! Я даже повода не давала!

– И плевать, что тебе ее пузырь сорок лет не нужен! Хватит и того, что ты ему улыбнулась. Целых два раза.

– Я ему, кажется, просто сказала, что жена сейчас освободится...

Означенного «пузыря» я почти не помнила – к чему? Это своих подопечных я запоминаю надолго и всерьез, а их родственников фильтрую как незначительную информацию. Вот будут у меня заниматься – запомню.

Кажется, мужчина. Полный, важный, щекастый... мне такие никогда не нравились. Предпочитаю совсем другой тип. Да и замужем я...

– Ты! Сказала! Зайка, если б ты видела, как выглядишь...

– Видела.

После тренировки?

Мокрая, усталая, измотанная, без косметики и в любимой полинявшей маечке – чучело огородное смотрится лучше. А что? Нет?

Я ж не просто тренирую девчонок, я и сама с ними выкладываюсь.

Мишка качает головой.

– Не видела. Ты как лампочка светишься. И тут уж плевать... ты знаешь, сколько у меня твой телефон просили? Десятками!

– Все равно ты меня увольняешь.

– Эта дура – дочь Волковского, а они с нашим шефом кореша. И, Зай...

– Да?

– Ты бы пока уехала из Москвы, а? В ближайший год ты тут точно работы не найдешь, эта стерва постаралась тебе все перекрыть.

Я только плечами пожимаю.

Ну и ладно. Мы с мужем давно хотели завести ребенка. Будет куда потратить этот год. А что до денег – не пропадем. У нас достаточно отложено, чтобы прожить и три года. Если, конечно, очередного кризиса не случится.

Но все равно – ощущение падения. И обиды.

За что?

А вот просто так! Тапком – и по носу! Во имя высшей подлочки и мерзавности! Не расслабляйся, Зойка!

* * *

Второе осознание реальности происходит в поликлинике.

Дорогой, между прочим. И не за паркетные полы тут платят. Полы как раз самые простые, плитка, кажется, еще с советских времен осталась. Врачи тоже не анкетные. Бóльшую часть я давно и прочно знаю, еще со времен своей спортивной карьеры.

Я не сказала?

Когда-то гимнастка, теперь – фитнес-тренер. Заодно веду восточные танцы, стрип-пластику и аэробику. Специалист-многостаночник. Хоть на шесте, хоть без шеста.

Так многие спортсмены кончают, знаете ли. Глядя в телевизор, восхищаясь олимпийцами и планируя блистательные карьеры для детей – советую помнить. На одну пробившуюся приходится десять тысяч съеденных. Растоптанных, сломавшихся или – мой случай – просто вышедших в тираж.

К примеру, балерина не должна быть выше определенного роста. Сто шестьдесят пять – и не больше пятидесяти килограммов веса. А то и меньше. Переросла?

Свободна, детка. Или пляши всю жизнь в седьмом ряду на пруду.

С другой стороны, если в тебе те же сто шестьдесят пять сантиметров, ты можешь всю жизнь пробиваться в баскетбол. Упорно и безрезультатно.

Единичные исключения, увы, только подтверждают правило. И то – частенько стоит посмотреть родственников и друзей тех самых исключений.

Остальные... единицы из нашего потока устроились нормально – по их меркам. Кто-то работает в школе, кто-то, как я, по спортзалам. А сколько спилось? Скололось? Ушло в криминал?

Я не знаю статистики, я вижу своих однокурсников. И результат печален.

Поток – по сто человек на курсе. Живы-здоровы человек десять. Успеха не добился никто. Такого, оглушительного, чтобы на всю страну прогреметь. Я еще более-менее устроена.

Дом, семья, работа... была.

Ладно. Займемся ребенком.

И тут мне прилетает тапком второй раз. В поликлинике светло, уютно, пахнет чем-то неуловимо медицинским, а я себя чувствую как в глубоком подвале.

– Вы бесплодны.

– К-как?

Гинеколог смотрит на меня серьезно и спокойно.

– Вы же спортсменка в прошлом? Правильно?

– Да.

– Нагрузки. Плюс простывали в детстве, верно?

– Ну да... на сборы ездила...

До сих пор раз в месяц такие боли, что едва таблетками спасаюсь. Но лечить было некогда. А теперь...

Поздно.

Слово звучит приговором.

Я могу усыновить ребенка, но не родить своего. Даже яйцеклетку для суррогатной матери у меня взять не получится. Увы. И об этом надо сказать мужу.

Я встаю из удобного кресла в кабинете врача, но это внешне. А внутренне я словно падаю. В глубокий темный колодец без дна. Но меня ведь есть кому подхватить. Мы с мужем договорились сегодня поужинать в ресторане.

* * *

– Зай, тут такое дело...

– Какое?

– Ну... я... и Оля...

Он сидит напротив. Кудрявый, симпатичный, высокий, стройный, мечта половины женщин в этом зале. А мне хочется выплеснуть на него вино, расцарапать ему щеки, закричать.

Потому что другая женщина беременна от него. И ждет от него ребенка.

И я ему не нужна.

И я падаю, падаю, падаю... темнота накрывает меня...

На что меня еще хватает, так это сохранить лицо. Я встаю из-за стола и улыбаюсь.

– Замечательно, дорогой. Надеюсь, ты помнишь, что все МОЕ имущество оформлено исключительно на МЕНЯ? Собирай вещички – и проваливай.

Муж меняется в лице.

– Зоя! Это мелочно! Я столько лет с тобой жил...

– Не только со мной. Это первое. И все, что я заработала, я заработала без тебя. Своим трудом и горбом. Так что свободен, лапочка.

Фамилия мужа – Лапочкин. И весь он такой... лапочкин...

Да и пропадом ты пропади!

Встаю и выхожу из ресторана на улицу. Иду на автостоянку. И...

Машины, которая вырывается из-за угла, я решительно не вижу.

Вспышка.

Удар.

И чернота, в которую я падаю уже по-настоящему.

* * *

Свет в конце тоннеля?

Он частенько оказывается поездом. Вот и сейчас на меня смотрят с укоризной. Не свысока, не зло, не обидно, но... я разочаровала существо рядом со мной. И это чувствуется.

И мне хочется плакать.

Я не знала, но разве это избавляет от ответственности?

– Ай-ай-ай. А еще такая взрослая девочка...

– Никому не нужная. Пустая... Вот зачем я? Детей у меня не будет. Семьи нет. Работы нет. Ничего нет. И меня тоже. Так... так будет лучше.

Из сияния формируется женский силуэт, и меня ласково гладят по голове.

– Знаешь, какой самый страшный грех?

– Убийство?

– Отчаяние, маленькая. Отчаяние. Смотри сюда. Вот это могло бы случиться. Но ты отчаялась и опустила руки.

На кончике ее пальца загорается свет. И я смотрю.

Я вижу, как выливаю на бывшего... – да, уже бывшего – супруга вино.

Прямо на кудрявую голову.

Слушаю его вопли, как музыку. И аплодисменты из-за соседнего столика. С мужчиной, который подходит ко мне, я и уезжаю. И закономерно провожу ночь в его постели.

А наутро...

Наутро у меня начинается новая жизнь.

Оказывается, у него есть дочь. И бывшая жена, с которой он воюет за ребенка.

И свое дело – более того, дело, в котором я разбираюсь. Торговля спортивным питанием.

Лента времени разматывается все быстрее. И вот мы уже у дома, на лужайке, вокруг нас трое детей...

– Я смогла родить?

– Нет. Вы их усыновили.

И мне становится больно. Так больно...

– Зачем?

За что ты мне это показываешь? Я так провинилась этим моментом отчаяния? Да? Там, упиваясь своим горем, я предала не

только себя.

Я подвела еще и их. Таких счастливых... а теперь ведь этого не будет. Это ад?

Да?

– Нет. Это возможность.

– Возможность?

– Ты неглупа. И должна понимать, что ада и рая в вашем понимании не существует.

Я пожимаю плечами. С этим я согласна. Глупо же! Сто лет на земле – и вечность на облаке? Да там уже, наверное, перенаселение!

Определенно, все не так просто.

– Непросто. Но мы сейчас не о божественном замысле, а о том, что ты впала в грех отчаяния, фактически покончила с собой. Предала и себя, и мужа, и детей. И если говорить обо всем остальном – еще и маму, и отца, и сестренку... думаешь, им больно не будет?

Я опускаю глаза.

Больно? Кто бы сомневался – будет. И мое имущество – у меня ведь завещание написано на всякий случай, на маму, так что Димочка пролетит мимо со своей Олечкой, – ничего для родных не изменит. Им все равно будет больно, как мне сейчас.

Так тоже, оказывается, бывает. Не знала и не ведала, а виновата. И я уверена, что существо не врет. Здесь вообще не врут.

На несколько минут в пространстве повисает тишина. Потом сгусток света начинает трансформироваться.

Существо... сейчас оно становится похоже на женщину. Как персонификация какой-нибудь доброй тетушки. Вот так и выглядят настоящие русские красавицы, жены и матери, лет в пятьдесят – теплые, сдобные, от нее даже пахнет свежесдобным хлебом, вкусно так...

Уютно.

Теплая рука гладит меня по голове.

– Ты хочешь все исправить?

Мне могут дать шанс?! Тогда это рай!

– Да.

Женщина вздыхает. И я осознаю, что рай там, не рай, а выбирай. Халявы не будет.

– Зоя, в моих силах помочь тебе. Но... не бесплатно.

– Что я должна сделать?

Этот подход я понимаю. Ты мне, я тебе, товар – деньги, все логично. Бесплатно только гадюки яблочки предлагают. Червивые.

– Я могу аннулировать несколько секунд. И вернуть тебя в тот ресторан, за стол. Но и ты должна будешь мне отработать.

– Как и чем?

Женщина проводит рукой – и в воздухе загорается окно. За ним, как в роликах, потихоньку кружится планета, чем-то похожая на Землю.

Моря, континенты, белые облака, зелень...

– Смотри сюда. Это Фейервальд.

– Фейервальд?

– Мир, где очень требуется восстановить равновесие.

– Да? И как?

– Тебе придется меня выслушать. Я – богиня, в том понимании, которое вы вкладываете в это слово. И мое имя Даннара.

– У нас такой не было.

– Была. Только носила другое имя. У славян, у твоих предков, меня звали Живой.

– Жива? Нет, не слышала.

– А что ты вообще знаешь о ваших богах? Впрочем, это неважно сейчас. Мы ушли, когда пришло христианство, ушли в другие миры. Но связи сохранили. А сейчас, когда христианство ослабло, народ просто ходит в храмы, но не верит, мы можем заглядывать. Возвращаться. И даже искать себе помощников. Боги, чтобы ты знала, не могут сами спускаться в миры и действовать в них.

– Почему?

– Это как распашонку на взрослого надевать. Сил много, повернешься – и только нитки затрещали.

Я киваю.

– Допустим. И получается, что вы ищете себе помощников. Типа... аватара?

– Нет. Аватар – это иное. Я не дам тебе своих сил, не стану говорить твоими устами, не буду творить чудеса твоими руками. Там в меня и так верят, да и... аватары обычно плохо кончают. Тебе нужна судьба Христа?

– Обойдусь.

Подозреваю, что помирать – больно и неудобно. У меня-то хоть быстро было, а если мучиться? Долго? Не хочу, боюсь боли.

– Поэтому слушай внимательно. На Фейервальде было нарушено равновесие. Если ты сможешь его восстановить – получишь долгую и счастливую жизнь. И люди в твоём мире её получают. Энергию, которая образуется от разделения души, я направлю на решение твоей проблемы. Ты выльешь на бывшего мужа вино – и все у тебя будет хорошо. Там и так.

Шар с семьёй – моей семьёй! – погас. Я прикрываю глаза, потом открываю их снова и смотрю на богиню.

– Хорошо. Допустим. Но это будет счастлива ОНА, не я?

– Да. Я разделю вас. Ты – вторая половина души. И ты туда не вернешься, ты отправишься на Фейервальд. А та, первая половина, не будет помнить о тебе. Но проживет долгую и счастливую жизнь. Именно так, как я говорила.

Я думаю недолго.

Меня не обманывают, я это знаю. Чувствую.

Но даже если и обманывают – что я теряю? Да ничего! Зато смогу посмотреть другие миры, смогу что-то делать дальше, смогу многое изменить для себя и в себе.

– Если я откажусь?

– Перерождение. Я не властна над твоей душой. Ты же крещеная, поэтому посвящена другому богу. Просто одна из твоих прабабок была моей жрицей. Вот я и смогла тебя... перехватить.

– Почему именно я?

– Потому что нарывы надо вскрывать снаружи. Не изнутри. Те, кто живет в том мире, они не видят проблему, они принимают её как должное. И не могут с ней справиться.

– Нарыв может прорваться сам.

– А может перейти в гангрену, воспаление, погубить организм.

– Угу. Суть ясна.

Мне действительно было более-менее понятно.

– Если я не соглашусь добровольно...

– Я просто отпущу твою душу. А дальше – все как вам, христианам, положено.

– Понятно. Допустим – пока допустим, я соглашаюсь...

Даннара улыбается, и я продолжаю:

- Вы вернете часть моей души обратно.
- Слепок.
- Что с ней будет после смерти?
- Все как обычно. Это... говоря понятным тебе языком, как амеба.

Поделившись пополам, она потом опять растет до нужного состояния. Тебе, правда, будет легче, тебе достанется новое тело, а вот Зоечке там, на земле, тяжелее. Но она встретит любимого и любящего. Это поможет. И я обещаю приглядеть за ней.

Больше я не колеблюсь.

– Я согласна. Кровью подписывать надо?

– Нет. Вначале было Слово. И твоего слова достаточно для мироздания.

Хм. Какое я весомое существо... в мироздании.

Даннара опять улыбается. Явно читает мои мысли. Ну и ладно, я все равно померши. Пусть читает, если не боится.

– Ты хотела меня еще расспросить, верно?

– Хотела. Уточнить задание. Вы сказали – восстанавливать равновесие. Это как?

– Я не смогу тебе рассказать много. Это тоже нарушение равновесия.

– А о мире?

– Ты будешь знать то, что будет знать твой реципиент.

– Мой кто?

– Ты не знаешь, что такое реципиент?

– Теоретически знаю.

Просто не вязалось с божественным обликом вот это все... амебы, реципиент...

– А как я должна разговаривать? На старославянском? – Даннара смотрит с материнской улыбкой. И мне становится стыдно. Ну да! Бог сотворил Вселенную, а изъясняться он должен как? Чтобы мы его понимали?

Даже жалко богов. Поди объясни все... амебе.

– Извините. Я постараюсь не перебивать.

– Ничего страшного, Зоя. Твой реципиент – моя адептка. Она посвящена мне при рождении. Ее мать была моей жрицей, хотя и тайно, и посвятила мне дочь. Она погибла.

– Мать или дочь?

– Обе.

– Хм... несчастный случай – или грибочки есть не хотела?

Даннара только головой качает.

– Это тебе тоже предстоит выяснить самостоятельно. Зоя, не могу я!!! НЕ МОГУ!!! – Богиня аж переливаться начала всеми цветами, словно радуга. – Боги не всесильны, к сожалению. В противном случае мы могли бы решить все сами, но мы не имеем права вмешиваться напрямую. Я могу выдернуть твою душу – и я дорого заплачу за это. Я могу дать толчок, но я не имею права тебе что-то рассказывать. Боги не всеведущи, но доступное нам куда больше вашего.

– Я понимаю...

– Но тебе от этого не легче.

– Не легче. Но вы мне сделали предложение, от которого глупо отказываться. И я сделаю тоже. Все возможное и невозможное.

– Ты умничка и настоящий боец. Еще и поэтому я выбрала твою душу.

– Спасибо. Но я тогда о деле. Я в дурдом не загремлю? С вашей реципиенткой?

– У тебя будет ЕЕ память. Не моя, а ее. Все, что знала она, будешь знать и ты.

– Ага... А моя память?

– И твоя тоже. Ты останешься сама собой, просто получишь доступ к ее знаниям. Они будут постепенно всплывать по мере надобности. Как гугл-поиск, пользуясь вашими сравнениями. Может поболеть голова, но не сильно.

– Угу. Компьютер перегреется. Надеюсь, она не прогуливала школу.

– Нет. Не прогуливала. Училась девочка очень тщательно. – В голосе богини скользит затаенная грусть. – Но ее душу почти сломали. Ее затравили, как зверя, и она не нашла выхода. Посвящение позволило мне призвать ее душу, оно же позволит и дать ей хорошее перерождение.

Я киваю.

– Мне надо за нее мстить?

– Нет. У нее не было желания мести. Так что это на твое усмотрение.

– Найти равновесие... ладно. Я буду искать. А если кто под руку подвернется, сам и виноват будет.

– Примерно так. И это мне тоже в тебе нравится. Ты не злая, не мстительная... ты даже на мужа уже не злишься.

– Если все сложится так, как вы мне показали?..

– Даю слово.

– Тогда ему и мстить не надо. Ему жизнь будет хуже смерти.

Богиня улыбается.

– Вполне возможно. Но выбирает он сам. Как и ты.

– Я выбрала, – подтверждаю я. – Можете меня отправлять, если больше ничего не расскажете. Чего время тянуть?

И получаю в ответ очередную улыбку.

– Отправляю. Смотри сюда...

Передо мной загорается очередной огненный шар. И я смотрю в его прозрачную глубину.

Языки пламени притягивают, завораживают... толчка в спину я даже не ощущаю, только понимаю, что падаю, падаю... не много ли за один день падений?

Глава 1

– Недоумок! Если она умерла – ты под суд пойдешь!

Фу, какой визгливый голос. Просто фу таким быть!

– Она не должна была...

Второй голос мне не понравился. Внутри все инстинктивно сжалось... от страха? Так... и кого это я так боюсь?

– Должна, не должна... Ты представляешь, что с нами сделает ректор? А ее родители?

– Мамаши у нее нет, папаше все равно, он чокнутый...

Какая замечательная аттестация! Почему мне кажется, что это про меня? И кто я такая? Раз уж мне память обещали?

Уй-й-й-й-й-й!

Кто ж знал, что это ТАК больно? Это вам не странички в интернете перелистывать. В левый висок словно игла вонзилась, я бы взвыла, но пока сил не было даже на это. Зато теперь я знала, кто я и что я.

Каэтана Кордова, студентка в Академии Драконариев. Семнадцать лет от роду.

Первый курс, второй месяц обучения. Самое подходящее существо для троллинга и буллинга, чего уж там.

Отец – Рауль Кордова, ученый. Не богат, но знатен, примерно тридцать поколений благородных предков. Так что приставку «эс» он носит по праву. Эс Кордова или, в моем случае, – эсса Кордова.

Единственная эсса, потому что мать умерла, когда Каэтане было пять лет.

У нас есть небольшое поместье... асиенда. Так они называются здесь. Асиенда...

Каэтана – симпатичная девчушка, которая всю жизнь прожила с отцом. Теоретически ученый знал, что девочек надо воспитывать. Практически же...

Вечно эти высокоумные теории не согласуются с реальной жизнью. У девочки были гувернантки и воспитательницы, но... отец нанял ту, которая была похожа на его собственную.

Раэша Летиция Луна воспитала девушку именно так, как воспитывали ее саму. Поднять глаза на мужчину – грех, улыбнуться – грех, слово сказать – смертный грех. За все это чуть ли не расстрел на месте. И вот это вот, запуганное-зашуганное, отправили в Академию Драконариев.

Об этом отец теоретически тоже знал, туда всю благородную молодежь зачисляют...

Ох-х-х... да что ж так больно-то? Я взвыла и попробовала поднять голову.

– Жива! – выдохнул подозрительно знакомый голос.

Щелк – память.

Мариса Лиез, разумеется, эсса.

– Я же говорил. – Второй голос. И снова память – щелк.

В любом коллективе есть такие существа, которые самоутверждаются за чужой счет. Не отравил никому жизнь – день прожит зря.

Это есть в садике, школе, институте, на работе... лучший метод борьбы – перевести ваши отношения в силовую плоскость. То есть ввалить негодяю так, чтобы он собирал выбитые зубы сломанными пальцами. Но это было хорошо для меня.

Которую, кстати, тоже воспитывал отец. Только мой был военным. Девочек воспитывает отец, а учит мать. Мальчиков воспитывает мать, а учит отец. Поговорка такая.

А тут...

Девочка и глаза-то поднять боялась лишней раз, не то что огрызнуться или пнуть негодяя. Идеальная жертва.

Одетая по моде сорокалетней давности, воспитанная как для монастыря, шепчущая что-то на занятиях и глаз не смеющая поднять от избытка стеснительности. Находка для подонка.

Подонок в данном случае – Матиас Лиез. И девочка его боялась до истерики. Она голову поднять не могла, шевельнуться боялась, чтобы не стать мишенью для очередных насмешек или издевательств.

Потому у меня все внутри и сжимается...

Надо эту ситуацию исправить. погоди, Матиас, ты еще научишься при моем появлении отползать в уголок, прикидываться ветошкой и молиться, чтобы пронесло. А еще заикаться и писаться. Слово Змеи Особо Ядовитой.

Данный тролль, кстати, родной младший брат Марисы. Девушки с визгливым голосом. Понятно, она его опекает, как может. А меня... меня и защитить некому. На меня всем наплевать.

То есть Каэтану травили все, кому не лень было рот открыть. Что ж, пришла пора изменить эту ситуацию в корне. Я кое-как оторвала голову от пола и оскалилась милой улыбкой Зюечки-Заечки.

Это друзья меня зовут Зайкой. А для врагов у меня другое имя.

Змея Особо Ядовитая.

И сейчас я накапливала яд на клыках.

– Ты жива? Так вставай давай, что разлеглась? – потребовала Мариса. Еще и ногой меня подтолкнула. Ну, все.

Ты попала, зараза.

Щелк – память вернула еще один кусочек.

Матисас, эта тварь, стащила у Каэтаны нижнее белье. Трагедия?

Смотря кому.

Я бы посоветовала ему носить и менять ориентацию. Но Каэтана? Малолетка, воспитанная в строгих правилах? Этот гаденыш пообещал ей, что вывесит ее белье на флагштоке. А если она не хочет, пусть приходит ночью в Знаменную башню и снимает свое бельишко сама. А то к утру его все увидят.

Знаменная башня, ага. Названа так потому, что на ее вершине гордо реет знамя академии. Больше всего она напоминает колокольню. Да и нет там ничего, кроме часов, колокола и знамени.

И лестницы.

Крутой. Угловатой.

Понятно, ночью дурочка Каэ помчалась за своим бельишком... Дрожа, шарахаясь от каждого куста, дергаясь и переживая. А этот недоумок еще напугал ее на лестнице...

Конечно, девчонка споткнулась. И покатила вниз по ступенькам.

Надо полагать, она свернула шею и попала к Даннаре.

А я вот... я – в ее тело.

И теперь у местных шутников возникнут большие проблемы. Капитальные.

– Зачем? – лениво поинтересовалась я. – Не-не, я до утра полежу. А вдруг у меня переломы? Или еще какие-то травмы? А утром найдут меня, спросят, записочку прочитают, которую твой братик мне подсунул. Ну и разберутся как положено.

Мариса побледнела.

– Ты...

– Я, конечно. Знаешь, что он мне написал?

Поскольку Матиас был дураком и подонком, который самоутверждался за счет Каэтаны и не ждал от нее подвоха, он и написал все открытым текстом.

Мол, придешь в башню – отдам белье. Нет – всем его покажу.

Х-ха!

И записочка у меня лежит... как я люблю компроматы! Буллинг, троллинг... вы знаете, что делают с пойманными троллями? Правильно, тащат на лабораторный стол для препарирования и тщательного изучения. А потом – разделка и баночка со спиртом.

– Да кто тебе поверит? – вякнул Матиас.

– Мне? Твоему почерку поверят, твоим чернилам из грасальских орешков и золотой пыли, о которых ты всем уши прожужжал, да и следы остались наверняка. У тебя ума не хватит их убрать, – припечатала я. – Записочка у меня в надежном месте лежит, я ее завтра ректору предъявлю и плакать буду. Горько-горько. Так что... пеняй на себя. Что у нас за такие шуточки в Уставе прописано? Исключение? Или сразу под суд? За покушение на убийство... это же ты меня напугал? Вот, считай, лишение дворянства. А то, может, и тюрьма. Не казнят, я жива осталась. Но ты еще будешь мечтать о плахе.

Мариса зашипела словно гадюка.

– Да я тебя...

– Это если ты за братцем не полетишь летягой, – ехидно отозвалась я. – Кто ж поверит, что у него ума хватило на такую подлость! А вот если ты подсказала... я намекну, что эс Морено обратил внимание на меня, и все поймут.

Скрежет зубовой стал для меня настоящей симфонией.

Оба Лиеза скрежетали зубками, понимая, что попали. И поделаться со мной ничего не смогут.

Тащить меня за руки, за ноги? А я еще и орать могу, и отбиваться. И до рассвета не так чтобы далеко. Каэтана полночи по комнате металась, этот полудурок чуть не ушел спать. Но желание поиздеваться было сильнее желания выспаться.

Козел!

Надеюсь, сестричка шкуру с него сдерет. Шпильками. А если она не справится, я помогу.

– Чего ты хочешь? – сдалась сестричка.

Ага, вопрос на миллион. Чего я хочу?

Память Каэтаны послушно зашевелилась, и я насмешливо ухмыльнулась.

– Хочу. Обязательство. На пять тысяч золотом.

– ЧТО?!

– А ты думала... сейчас этот придурок мчится в свою комнату и там пишет его по всей форме. И приносит сюда. Это будет моей гарантией безопасности. Заверенная бумага у него есть?

– Нет, – соврал Матиас.

– Значит, сначала к сестре, за бумагой, а потом сюда. Жаль, времени уже немного осталось.

– У меня столько нет! – Матиас топнул ногой.

– Шесть тысяч, – равнодушно ответила я. Род Лиез, в отличие от нас, богат. – Сегодня ты сделал глупость, и за нее придется платить.

– Ты понимаешь, замарашка...

– Понимаю. До рассвета часа два? Семь тысяч.

Дошло. Долетело! Что каждый вяк и хрюк увеличивает сумму и что снисхождения не будет. А если история получит огласку... Мне тоже достанется. Но Матиас и Мариса вылетят обязательно.

И парень, развернувшись, помчался к зданию мужского общежития. Мы остались с Марисой.

Я села прямо на каменную плитку, пошевелила головой, руками, прислушалась к телу.

Телу!

Да разве ж это тело?

Это сопли в киселе! Вермишель переваренная! Глиста недобитая!

Вот у меня раньше было! И пресс, и попка орешком, и мышцы прокачаны... я все шпагаты могла выполнить, по канату влезть, а как у меня был удар поставлен! Местным и не снилось!

Я бы с этой лестницы кубарем скатилась, сгруппировавшись! Потом встала – и похоронила шутника.

А тут... синяк на синяке.

– Кажется, переломов нет. Ты бы приглядывала за братцем, а?

Мариса зашипела. У нее что – в роду гадюки были? Вообще похоже. Или ужи-вонючки? Судя по братику?

– Ты...

– Ага. Белье свое ему в карман засунула, заманила, надругалась, запинала – гадина, правда? С лестницы еще сама себя спустила, лишь бы дураку нагадить. Радуйся, что я жива осталась. Ты-то умненькая, в отличие от него, вот представь! Находят с утра мой труп!

– Я бы...

– Что ты бы? Что бы ты придумала? Куда бы ты его дела? Учти, тело вообще тяжелое, таскать его неудобно, а сколько потом еще проблем будет с утилизацией! Драконам скормила? Так они сразу все не съедят, что-то да останется. И где башня, а где драконы? И охрана там есть. Вы бы таких проблем получили...

Воображение у Марисы было, а холодная погода и предрассветный ветерок прилично охлаждали разгоряченную голову. Это у Каэтаны платье практичное, серое, шерстяное... теплое! И плащ такой же. Страшный, как атомная война, но теплый, как... как она же. В таком изжаришься!

А у Марисы все легкое, изящное, элегантное – красота! И в ней, в красоте этой, холодно.

– Ты не совсем дура, что ли? – попыталась защищаться красотка.

Я фыркнула от всей широкой души.

– Дура. И не советую думать иначе. Находят мой дурачий труп. Потом находят в моей комнате дурачью записку. И ситуация перерастает... о, она так шикарно перерастает, что вам жить не захочется. С вас бы три шкуры спустили.

Мариса поежилась.

В принципе ничего нового и интересного я ей не открыла. Она все и сама понимала, когда бежала к братцу. Но что все это понимаю я? Вот это для нее было открытием.

Щелк – память Каэ подсказала, что я не слишком-то много с них истрясла. В переводе на наши, отечественные рубли, это тысяч двести-триста. Приличную машинку – и то не купишь, разве что бэушную и битую напроць. Но приодеться хватит. И на подушку безопасности – тоже.

Вернулся Матиас, размахивая листом из чековой книжки.

Да, здесь есть и такое. Листы, заверенные печатями, подписями, с какими-то степенями защиты – не подделаешь. Я взяла в руки, пригляделась.

Что ж.

Семь тысяч золотых солеев мне пригодятся. И нет, не на шмотки.

– Спасибо, Матиас. Если решишь еще надо мной так подшутить – обращайся. Деньги мне потребуются.

Я кое-как поднялась с камня и направилась к женскому общежитию.

За спиной послышался звук подзатыльника.

А и ничего, не обеднеют. Зато запомнят, что за все в этой жизни надо платить. Хорошо, если деньгами. А то ведь могли и чем побольше взять. Здоровьем, жизнью...

Я медленно ползла в направлении общаги.

Болело все.

Синяки, голова, задница... голова – особенно. В нее постепенно приходила нужная информация.

Раэша Луна была уверена, что девушка обязана знать историю, географию, уметь петь, музицировать, вышивать, вести хозяйство... короче – Каэ готовили к роли верной и преданной кому-то супруги. Не самая плохая участь при хорошем муже. Но где его найти?

Вот с моим мы шесть лет прожили, и ведь прекрасно жили. Шесть – в браке, два до брака... знала б я, что он мне рога наставляет, – оторвала бы ему наставитель. С корнем вырвала!

Все я понимаю. И что у мужчин и женщин разное отношение к измене, для мужчин это как стакан воды выпить, а для женщин намного серьезнее.

И что ему со мной было хорошо и удобно. И что...

Та, другая, ждет ребенка. Вот этого я точно простить не смогу. И не надо уже.

Я вспомнила еще раз картинку, которую увидела в сияющем окошке. Счастливая семья на лужайке, и дети, и собаки, и здоровенный кот поглядывает на всех, вальяжно рассевшись в центре стола... я всегда хотела кота или кошку, Димка был против.

Здесь я хоть кошачий приют себе завести смогу! И плевать мне, кто там будет против!

Вот и общага.

А на входе-то дежурная. Каэ, дурочка малолетняя, ты как из общаги выбралась?

Щелк.

Ой, мама... эта идиотка блаженная реально вылезла из окна на карниз, добралась до дерева и по нему спустилась вниз. С такими соплями вместо мышц!

Только вот повторять я это не стану. В таком состоянии я не в окно попаду, а в реанимацию. И я решительно толкнула дверь общаги. Дежурная аж подскочила за столом.

– К-кхак! Кордова? Ты?

– Вы и эсса, – поправила я. И не стала начинать утро с ругани. Да и отношения портить ни к чему. – Раэша Лопес, у меня серьезная проблема.

– Неужели?

Раэша явно оправилась и собиралась то ли жалобу на меня накатать, то ли в журнал записать... что тут для нарушителей?

А, вспомнила. Отработки. Нехорошая штука, кстати говоря. И родителям сообщается.

– Я не помню, как вышла из здания. Вообще не помню.

Раэша предсказуемо не поверила.

– А как одевалась – тоже не помнишь?

– Как всегда, наверное, – я пожала плечами. – Сами видите...

Раэша видела.

Все серое, скромное, немаркое, в таком виде на свидания не ходят. Это даже не смешно. И мимо нее я действительно не проходила, она бы помнила.

– Вот, у меня отмечено. Эсса Кордова, пришла в общежитие...

– Да, раэша.

– Мне отмечать, что ты пришла второй раз? – ехидно поинтересовалась раэша.

Я выдохнула.

Нет, ну что это такое? Я хоть и паршивенькая, но эсса. И мне будет каждая тетка тыкать? Дело не в том, что я аристократка в этом мире, а она вахтерша. Просто если я сейчас не попробую поставить себя, на мне потом каждая зараза ездить будет.

Или уже ездит?

Память Каэ подсказывала, что еще и погоняет. И упрекает за неудобство. Попу они, видишь ли, на чужой шее отсидели, не догадалась Каэтана подушечку подложить!

Подложу я.

С иголками...

– Разша, я предлагаю доверить решение вопроса ректору, – нежным тоном произнесла я. – Должен же кто-то выяснить, что со мной случилось, как я вышла из здания, не выходит ли кто-то еще... ну и так, по мелочи. Где студиозусы достают запрещенную травку и вино? К примеру?

Разша даже с лица опала как-то.

Ну да. Когда девушка изначально сволочь, и права качает, и на всех орет – это воспринимается уже адекватно. А вот когда была тихоня, глазки в пол, а потом как подняла их, да как посмотрела... красненькими, хищненькими, да ка-ак улыбнулась, а во рту еще и зубки как у акулы. В три ряда...

Не нравится? Это потому, что вы не Босх. Ему бы понравилось.

– Я... эм-м-м...

– Зовем ректора, разша? Или вы сейчас старательно смотрите в другую сторону? К примеру, в окно?

Конечно, надолго того шока не хватило. Разша тут же оправилась от потрясения и перешла в атаку.

– И часто я в окно буду смотреть?

– Не чаще, чем в свой тайничок, эм-м-м-м? – невинно намекнула я.

– Ш-шантажируешь?

Еще одна гадюкопроизводная? Развелось вас... надо прореживать! В этом серпентарии может ползать только одна змея! Особо! Ядовитая! Я!

– Вы что-то путаете, разша. Я – благородная эсса. Мы не занимаемся невесть чем, – парировала я. Развернулась и направилась к лестнице.

Свою комнату я найду. То есть комнату Каэ.

Общежитие радовало. Коридор шел кольцом, комнаты расположены по семейному типу – четырехлистником. Шестнадцать дверей с одной стороны, шестнадцать с другой. То есть восемь «четырешек». Каждая дверь – это комната. Одна комната рассчитана на одного человека.

Правда, душ и туалет один на четыре комнаты, но это кое-как можно перетерпеть. А так очень даже ничего. Небольшая комнатка, в ней кровать, тумбочка и шкаф. Рядом с тумбочкой – стул. Судя по всему, ее можно превратить в письменный стол.

На стене полка с учебниками.

Еще одна полочка – с книгами.

Я упала на тщательно застеленную кровать, провела рукой по лбу. В голове кружились и роились самые разные мысли.

Память Каэ занимала свое место. Было больно, но потерпеть реально. Зато...

У меня есть еще один шанс на жизнь.

Шанс на счастье...

Почему-то я сразу поверила и в Даннару, и в разделение души, и в другой мир. И раз уж я здесь, надо вспомнить все, что я о нем знаю. Для начала.

Фейервальд.

В нем четыре континента. Долер, Анмер, Лаида и Нарес. Я сейчас на Наресе. Население мира, кстати, – люди. Мир монорасовый, эльфов и фей здесь не встретится, гномов и цвергов тоже. А вот люди живут на всех четырех континентах. Создали свои государства, построили храмы.

Государства Долера – Катар, Ранмар и Вадион. Долер – материк достаточно каменистый, не слишком плодородный, так что сельскохозяйственную продукцию им поставляют. У них из своего разве что овцы хорошо плодятся. Если так прикинуть – да, Катар, Ранмар и Вадион ближе всего к Англии, Шотландии и Ирландии.

Друг друга они терпеть не могут, поэтому вежливо пакостничают. Втихаря.

На границах там постоянный беспредел, то стадо угонят, то эса какого прикончат... дело житейское. Лесов своих нет, поля... теоретически, если над ними горбиться и корячиться, можно получить урожай. Но лучше ловить рыбку и выращивать овец. Коз, опять же,

растят, коза животинка неприхотливая, а с нее и мясо, и шерсть. Козье молоко вообще штука шикарная!

Катар, будучи раза в два больше и Ранмара, и Вадиона, пытается подмять их под себя, но правители это просекли быстро. И сопротивляются что есть сил. Не объединяются в единое целое, но сотрудничают и катарцам дают отпор. Регулярно и болезненно. Статьи импорта – зерно, вино, продукты питания. Экспорта – шерсть, металл, уголь. Ну и там еще по мелочи. Тот же торф.

Торфяные болота тут такие, что половину континента занимают спокойно. И сильно мешают воевать, кстати. Не успеешь войско в чисто поле вывести, а уже по колено в болоте оказался. И утонул.

Лаида.

Мирный и спокойный сельскохозяйственный континент. Кстати – как раз место, где очень уважают Даннару. Уважают, поклоняются, строят храмы. У них там палку в землю воткни – зазеленеет.

Государства – Сурат, Велот и Эстормах.

Забавно, что во главе Сурата и Велота стоят мужчины, а в Эстормахе уже несколько десятков поколений наследование идет по женской линии. И на троне всегда царица. Матриархат там.

За это эстормахцев считают дикарями. Но им на это глубоко начхать. Два раза.

Живут они хорошо, планируют жить еще лучше, ни с кем не воюют; более того, если Сурат идет войной на Эстормах, царица быстро жалуется велотцам. И наоборот тоже. А потом спокойно живет до следующей вспышки тестостерона в соседних государствах.

Мужей, кстати, царице Эстормаха традиционно подыскивают с других континентов. Так, на всякий случай. Больше всего они с Долером и торгуют, кстати. Но и на другие государства их хватает.

Так... если что – я знаю, куда мне надо эмигрировать.

Анмер.

Государства – Санторин, Ларана, Маройт и Алоэт. И вот тут начинается беда-беда...

Анмер и Нарес отделены друг от друга проливом. Хорошим, не Ла-Маншу чета, приличным таким проливом. Не тридцать километров в ширину, конечно, но это и не пролив Дрейка. Увы.

Нечто среднее.

Около двухсот километров ширины, около трех километров глубины. Шторма случаются, но когда это кого останавливало? Уж точно не санторинцев.

Да-да, самое мощное государство там – Санторин. А к нему придатками остальные три.

Примерно как Османская империя. Турция – основное государство. Сателлиты – Сербия, Венгрия, кстати, тот же Ирак во времена оны. Да там много кого было в Османской империи. Подминали они под себя все, до чего могли дотянуться. И кстати, искренне удивлялись, получив ответку.

А за что?

А вот за все хорошее! Люди имеют право жить, как ИМ нравится. А не как вам захочется.

На своем континенте Санторин подмял под себя все, до чего дотянулся. И религия там, кстати, агрессивная. Там правит бал бог войны. Сантор. Да-да, в честь него и государство назвали. И по преданиям там есть Камень Сантора, в который лично бог вонзил свое копьё. А тот, кто вытащит копьё Сантора, станет властелином мира.

Пока таких не нашлось.

Ничего, они и без копьё изрядно отравляют жизнь Наресу, на котором я сейчас нахожусь.

На территории Нареса есть четыре государства – Лоан, Равен, Вердана и Алира. Сам континент по форме напоминает ящерицу. Вот, Лоан – это хвост. Алира – голова. Большая часть – Равен, в котором я и нахожусь. Остаток – Вердана. Подбрюшье, можно сказать. Или подхвостье.

На Наресе много леса, есть горы, есть луга и поля. Земледелие у нас тут не слишком прижилось, а вот сады шикарные.

Лес в основном находится на территории Равена, кстати говоря. И горный хребет – тоже.

И вот что касается хребта... тут и начинается самое интересное. Нарес – единственный континент, на котором живут драконы.

Дра-ко-ны!

Настоящие.

Вполне себе крупные, плотоядные, рыбаодные и всякое прочее. Популяция у них не слишком велика, обычно драконов не больше тысячи – полутора. И тому есть серьезные причины.

Драконы – крупные.

Средняя длина дракоши от кончика носа до кончика хвоста – около пятидесяти метров. И эти пятьдесят метров надо прокормить. А они плотоядные. И кушать хотят регулярно. Есть и помельче дракоши, но есть ведь и покрупнее?

В природе у них в качестве пищи заложено все. Птица, звери, рыба... если что – они и человека могут скушать, просто брезгуют. Чем-то им люди в диету не подходят. То ли холестерином, то ли билирубином. Так что преступников в диету не предлагайте, пожалуйста. Даже чисто вымытых и диетологически правильных.

Чтобы прокормить драконов, в Равене заложены рыбные пруды. Пасутся стада. А крестьяне отлично знают, что любые налоги можно заплатить натурой. То есть сельхозпродукцией.

Драконы слопают.

Что получают драконы – понятно. Их одомашнили, о них заботятся, кормят, чешут и гладят.

Что получают люди?

Элитный боевой полк. Да, именно так.

Дракониды – академия драконариев. Драконьих всадников.

И кормят их всем Наресом. Потому как Анмер не дремлет и попытки захвата предпринимает регулярно. А Наресу такое и рядом не нужно, и близко не легло. Им... нам и так неплохо.

Живем более-менее мирно, спокойно, чего еще надо? Ну, с Санторином понятно. У них леса практически нет, считай – степи. И пустыня. И плодородной земли мало. А еще – характер такой. Вот есть народы, которые в принципе любят воевать. А есть те, которые не любят.

И словно мало Нареса...

Океан.

Мировой океан, который омывает все четыре континента.

Это в моем родном мире он более-менее тихий и спокойный. А в этом мире – не дождетесь.

В этом мире в океане есть бич, от которого плачут все четыре континента. И кстати, сотрудничают с Наресом. И драконов кормят всем коллективом. Даже санторинцы скидываются на общее благо. Да-да, в этом мире государствам удалось договориться. Очень помог общий враг.

На Фейервальде из океана регулярно лезут химеры. Или морские чудовища, просто здесь вот так их прозвали. Так повелось, химера и химера. Потому что ни на одно из нормальных существ они не похожи. Тело от жабы, голова от рыбы, хвост от змеи, лапы и вовсе от ящерицы... вариантов масса, и со щупальцами есть, и с тентаклями, и с чем только нет. А главное – все зубастые и голодные.

Откуда они там берутся, как размножаются и где растут? А вот тут – простите. Надо быть Кювье, чтобы это исследовать. Или хотя бы обзавестись батискафом.

Потому что химера исследователей любит. Гастрономически.

Есть ответ только на один вопрос – что ей надо от людей? А надо ей кушать.

Они плотоядные и на сушу лезут с упорством, достойным лучшего применения. Нападают на людей, на деревни, на города. И тут в дело вступают драконы.

Вылетают, наводят порядок... то есть по-простому – рвут и жрут монстров. Часть приносят на сушу. Часть не приносят – не долетают. Понятно, химеры этим тоже недовольны и драконов стараются тоже сожрать. Поэтому популяция небольшая.

Кто-то погибает.

Кто-то выживает.

Это, кстати, еще одна статья экспорта Нареса.

Драконы.

Небольшие базы драконов есть на всех четырех континентах. Основная – на Наресе, здесь же и драконарий, и академия, ученицей которой и является Каэтана. И по одной базе на каждом из соседних континентов. Драконы и их всадники живут там, патрулируют и континенты, и море вокруг, охотятся на химер. Средний срок службы – пять лет, потом отряды меняются.

Почему драконы ориентированы в основном на Нарес? И всегда возвращаются сюда? Только тут в горах есть термальные источники. А без них драконы не могут плодиться.

Жить – могут. Даже страсти предаваться могут, но если они отложат яйцо где-то в другом месте, оно просто не вызреет. Только драконий хребет, только определенные пещеры, только термальные источники с каким-то важным составом воды. Соли там растворенные, минералы... Отец Каэ, кстати, занимался этим вопросом. Поэтому

девочка и смогла поступить в академию. Точнее, поэтому ее сюда и взяли.

Поэтому она и знает что-то о драконах.

А так в эту академию очень серьезный отбор. Только благородные, край – бастарды. И не просто так они сюда поступают. Закончившие учебу становятся драконьими всадниками. На первом же курсе благородный эс получает дракона, а в следующие годы растит его, учится вылетать вместе с ним и... да. Увы-увы, подыскивает себе супругу.

Таков закон.

Эс, не имеющий супруги и наследников, не имеет права участвовать в боевых вылетах.

С чем это связано, Каэ не знала. Я пока тоже не догадывалась.

Так что академия была таким полигоном... наследники тренировались, сколачивали себе команды, проявляли лидерские качества, искали жен... вот затем в академию и поступали эссы.

Минутку...

Ну ладно, местные дамы над этим не задумывались. А я-то чего?

На вылет идут только мужики-драконы? А бабы?

Что я вообще знаю по анатомии и физиологии драконов?

Да практически ничего. Каэ это не слишком интересовало, она вообще боялась драконов. И читать предпочитала романы. Такие, где он встал на одно колено и поднес ее руку к своим губам. Два раза. А потом они упали в розы. Или в лепестки роз, кто их там разберет, романтиков...

Мы один раз попробовали с мужем, кстати. Потом эти клятые лепестки отовсюду отлепляли и выковыривали. Липнут они как заразы, а пахнут не особенно.

Ладно, не будем думать о гадостях. Будем думать о хорошем. В моем положении есть что-то хорошее?

Сложно сказать.

Мне тут учиться три года. На первом году учебы происходит... привязка?

Уй-й-й-й-й!

В голову хлынул новый поток информации.

Ну да. Привязка, запечатление, импринтинг – называйте, как вам больше нравится. Мне больше подходило последнее слово,

«импринтинг» как-то привычнее всех этих терминов.

Итак, первый курс.

Теория и теория.

Но кроме этого мальчишек ведут к драконам. И там годовалые дракончики (раньше матери просто никого не подпускают) выбирают себе хозяев. И происходит импринтинг.

Случается это на Новый год, он тут тоже зимой, и мероприятие красиво называется Выбором Дракона. Что-то там между ними такое происходит важное. После этого человек и дракон взаимодействуют как слаженная боевая единица. Дракон слушается человека, человек прислушивается к дракону.

Нет, драконы не говорят. По-человечески точно не говорят. И в людей не превращаются. Но человеческую речь явно понимают. А человек может разговаривать с драконом. Вроде как с одним, конкретным. Своим. Они настраиваются на одну волну.

Драконы.

А драконессы?

Не об этом ли говорила Даннара, имея в виду нарушенное равновесие?

Не знаю. Надо разбираться. Сидеть в библиотеке, читать, думать... вот как хотите – очертя голову я во все это не полезу. Надо собирать данные.

Обобщать, систематизировать... да про тех же драконов узнать побольше!

Каэ, дуреха несчастная, биологию не изучала. Хотя тут и не ее вина, а папаши. Типичный эс.

Женщина создана для того, чтобы вести дом и рожать детей.

Мужчина создан для боевых вылетов.

Сам он, кстати, тоже отучился в академии, но им драконы даже закусить побрезговали. Вот и пришлось папеньке изучать теорию вместо практики.

М-да. Надеюсь, в мою жизнь он не полезет. Я ведь не Каэтана, я так приложить могу, что барельеф от стенки не отклеят.

Ну а девушки... эссы в академии три года гадючат. Другими словами я этот процесс не назову.

Они ищут мужа. Приглядываются, выбирают, охотятся, ну и параллельно делают вид, что чему-то учатся. Гадючник получается

высокопробный. Высокосортный, я бы сказала.

Спорим, что об меня попробуют поточить когти? Уже начали...

Академия, кстати, пользуется большой популярностью, но принимают сюда только тех, кто рожден на Наресе. Жестко. Другим континентам и выходцам с них драконов не доверяют. Причем всю родню студента проверяют до пятого поколения. Вдруг они переселенцы? Тогда нельзя.

Нравится ли соседям такое положение?

Нет.

Это как у одной страны есть ядерен батон, а у остальных ядерен фигвам. И обидно, и хочется, и вообще... а чего это ИМ? Нельзя ли нам? И вообще, делиться надобно!

Наверное, если бы не сами драконы, на Нарес бы наезжали намного активнее. Но драконы не принимают участия в человеческих войнах. Решительно. И известен случай, когда одного дракона попытались натравить на другого. Эсы поругались и решили устроить дуэль на драконах.

Драконы поступили как истинно разумные существа. Они сожрали наездников.

За столько лет правители поняли, что в человеческие разборки рептилии не полезут. Ни под каким предлогом.

На химер – с удовольствием. Хоть по три раза на дню.

А в качестве боевой единицы человеческого войска – увольте. Даже когда в океане два корабля дерутся, драконы демонстративно облетают их по дуге. Они в это НЕ ЛЕЗУТ!

Не нравится? А это уже ваши трудности.

Так что соседние континенты кое-как смирились с таким положением дел. Кроме Санторина. Вот не нравится им, что кто-то без них обходится. Не нравится.

И у них есть вариант. Или завоевать весь Нарес, или завоевать Равен, или...

Правда, тут есть одно крохотное препятствие. Когда Санторин попробовал повоевать с Равеном в прошлый раз, Равен просто отозвал базу драконов с его земель. И когда полезли химеры, Санторин оказался в сложном положении. А воевать-то с кем первым? То ли с Равеном, то ли с монстриками из океана...

Выбрали химер. И заключили перемирие с Равеном. Там их хоть не жрали.

Но это не отменяет военных хитростей. Ладно, ладно, я не знаю, каких именно, но тут стоит только родную Землю вспомнить.

Чисто теоретически? Гитлер напал на СССР в 1941 году. СССР победила Германию в 1945 году.

А фиг ли та Германия вообще сохранилась? Была бы у СССР новая область, к примеру, Рейнская? Или Швабская? Почему товарищ Сталин не додал паразитов до состояния кровавого пятна?

А вот это и называется высокая политика...

Полагаю, и тут есть свои подводные течения, камни, водовороты... это я их не знаю! Но их наличие сомнений не вызывает.

И в связи с этим...

Даннара! У тебя совесть есть? Или как? Простите, пожалуйста, если я сейчас оскорбляю чувства верующих! Но все равно! Ну хоть намекнула бы!

Я понимаю, что речь идет о серьезном выигрыше. Понимаю, что на халяву могут отвесить только пинков и подзатыльников.

Понимаю.

А мне от этого легче? Здесь и сейчас?

У меня задание из разряда русских народных сказок. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Тащи давай, не разлеживайся!

А вот что и кому... Как было сформулировано задание? Восстановить равновесие? Ну так у меня ассоциация одна – с упражнениями на бревне. Будем спортзал искать?

А еще...

Я не Каэтана.

Вот ни разу, ни рядом, ни близко, ни около. Это она была милой и доброй девочкой. Краснела, шептала и стеснялась. А я? Стеснительный фитнес-тренер?

И как это должно выглядеть? Подхожу я к качку размером в два раза больше меня, дотрагиваюсь пальчиком до плеча и шепчу: «Простите пожалуйста, то есть извините великодушно, не соблаговолите ли вы сделать еще три подхода к снаряду?» И краснею, краснею, краснею...

Верится?

Правильно, мне тоже в это не верится. Потому как чушь и глупость.

С другой стороны, наоборот было бы хуже. А тут...

Баба-яга в тылу врага! Это ж моя любимая роль! Что мне стоит притворяться полной дурочкой? Учитывая, что пару лет я таковой дома и была? Мужу-то верила, а рога росли, росли... И даже не чесались! Так что – была. Не стоит себя оправдывать.

Что делала Каэтана?

Да ничего! Сидела на занятиях и хлопала глазами. Нещадно краснела и заикалась, когда к ней обращались. А после занятий удирала в единственное место, где ее не трогали. В библиотеку.

Да-да, здесь и такая есть. Только она не слишком востребована.

Почему?

Так все ж логично! Кого готовит академия?

Драконариев. Всадников на драконах. И что им нужно? История? Не обязательно. Им хватит конкретного «Готовьсь, цельсь, пли!». География? Дракон долетит.

Вот биология, но только биология драконов, нужна. Тактика, стратегия, военное дело, физическая подготовка – этому уделяется много времени.

Магия?

А вот тут я всех разочарую раз и навсегда. Магии на Фейервальде нет. Зверушка «человек колдующий» здесь встречается только в романах. Исключительно.

И то...

Примерно так же, как у нас в средние века. Есть Мерлин, есть Моргана. То есть добрый волшебник и злая ведьма. И наоборот. Но никто в это особенно не верит – а зачем? Нет здесь магии, попросту – нету!

Зато есть драконы.

Память Каэтаны снова ничего не подсказывала.

Большие, разноцветные, страшные – у-у-у-у-у! Бою-у-у-у-у-у-у!

Очень информативно, зар-раза! Ладно, не будем ругаться на девочку, она сделала, что могла. То есть вовремя родилась и вовремя померла, предоставив мне это тело. Некрасиво?

Уж простите. Выбирая между ней и собой, я выберу себя. А тот, кто поступит иначе... а он меня все равно не осудит. Потому как

спиритических блюдецек в этом мире тоже нет.

Я посмотрела в окно.

Рассвет уже скоро. И побудка.

Режим дня тут жесткий. Шесть утра – побудка. Шесть тридцать – зарядка. Для мужчин отдельно, для женщин отдельно. Полигон общий, нагрузки и группы разные. Семь тридцать – водные процедуры и свободное время. Можно переодеться и почистить перышки.

Восемь тридцать – завтрак.

Девять тридцать – начало занятий.

Здесь занятия длятся по два часа. Два занятия – и в половине второго обед.

Четырнадцать тридцать – еще одно занятие.

Потом два часа дается на выполнение заданий и уроков, в восемнадцать тридцать ужин, а с девятнадцати тридцати свободное время. Как свободное?

Отбой в десять вечера. Остается два с половиной часа.

Ты можешь их просидеть в библиотеке – только к отбою не опаздывай.

Можешь просидеть у себя в комнате.

Можешь отправиться на полигон потренироваться, сделать еще какие-то задания, посидеть в одной из общих гостиных... это если ты свободен и располагаешь собой по своему усмотрению.

Но так бывает не всегда. Есть такое слово «залет». Вот, если ты попадаешься с нарушением режима, к примеру, как я сегодня могла влететь, то свободное время у тебя отменяется. И получаешь ты вместо этого общественные работы.

Опоздал к отбою? Час общественных работ. Правда, по комнатам не ходят, и если ты опоздала вечером, можешь прогулять до утра. Лишь бы не попасться.

На занятие? Тот же час, если преподаватель не смилуется.

Поймали с какой-то запрещенкой? Уже от десяти часов и больше. Это сильно зависит от того, с чем ты влетел. За алкоголь – десятка. А вот за разные наркотические средства (И тут такое есть? Сволочи, мусульманской религии на вас нет!!!) можно и на двадцать часов влететь, и на тридцать...

Работы четко регламентированы. Никаких «похорон окурка» или чего-то бессмысленного. Девушки помогают на кухне или моют полы,

парни в драконятнике, навоз могут выгрести, корм разносить. Могут что-то чинить, шить, да много чего можно придумать. Рабочие руки в школе требуются всегда, и свято место пусто не бывает. Вот тут и начинается подвох.

Крупный такой... Задания домашние делать – надо.

Вариантов два. Или ты не высыпешься и ходишь потом как зомби. Или влетаешь еще на отработки, за несделанные домашние задания. Получаешь штрафные часы, начинаешь снижать успеваемость. И по результатам...

Казалось бы – кому те результаты нужны?

А вот нужны.

От этого очень сильно зависит, куда тебя распределят после академии. Да и в академии к тебе приглядываются, здесь заключаются союзы, здесь нарабатываются связи, здесь выбирают перспективных – и отсеивают раздолбаев...

Не нравится?

А вот так...

Ходят слухи, что импринтинг – явление не окончательное и дракона можно переориентировать на другого человека. А ты, друг любезный, полетишь летягой из академии.

Девушкам и того хуже. Если ты вылетела из академии, считай, замуж удачно не выйдешь. Это как клеймо на всю жизнь. Так и будешь прозябать за каким-нибудь неудачником. Может, даже за купцом, и плевать, что ты – эсса. Если ты ни на что не способна, кому ты такая нужна?

Только это и удерживало Каэтану от слезного письма отцу. Хотя девчонка уже готова была кинуться ему в ноги и слезно умолять забрать ее из этого гнусного места.

Ладно еще режим дня! Учеба! Она привыкла к распорядку, она привыкла к дрессировке! Но не к такому количеству народа! Не к всеобщей травле. Ей-то надо было тишины и спокойствия, а ее травили чуть не всем курсом. А там и старшие бы скоро подключились, это мне повезло, что учебный год едва начался... Год?

Ну да.

Он здесь длится те же двенадцать месяцев, только в каждом месяце ровно тридцать шесть дней. Без чередования, без високосных

годов и прочего. Из них на каникулы отводится ровно два месяца. Правда, тоже летних.

Можно будет съездить домой. Или не нужно?

Я потом решу.

Каэтана и я... Ладно – здесь! Никто пока к ней не приглядывался, все видят только серые платья и опущенные глаза. А дома?

Начнут меня строить и дрессировать, та же разша Летиция и начнет, не удержится. И как пошлю я ее, и как пойдет она... напрямиком в реанимацию! Я ж стесняться не буду, я не словами, я могу и чем поухватистее...

Ладно.

Это я больше шучу, чтобы как-то в себя прийти. Будем считать – истерика.

Я сползла с кровати и подошла к шкафу. Память Каэ подсказывала, что надо бы сходить искупаться. Первой. И вода будет теплее, и пока никто не проснулся...

Сходить?

Почему нет? Все лучше, чем лежать бревнышком и думать, думать... все равно ничего умного я сейчас не придумаю, только нервы себе перемотаю вчистую. Итак, туалет и душ!

* * *

Унитаз ничем принципиально не отличался от земных. Разве что был металлическим. Надо полагать, до фаянса здесь пока не додумались. И рядом лежала не нарезанная бумага, а нечто вроде листьев лопуха. Тоже логично.

И экологично, кстати говоря.

Душ? Тоже все ясно и понятно. Две рукоятки, поднимаешь одну – льется горячая вода, вторую – холодная. Смешивай в нужной пропорции и мойся.

Что я быстро и сделала.

Память Каэ подсказывала, что если не успеть, сюда придут еще три девушки. И тогда насмешек не избежать.

Девчонку так замучили, что она даже мылась в рубашке. Я-то под душем стояла в чем мать родила. Волосы промыла.

Подумала, что еще своего отражения в зеркале ни разу не видела. И тут же вспомнила, что зеркало тут есть. Именно в душевой.

Большое, чуть не от пола до потолка, металлическое, полированное.

Не стекло, но себя разглядеть можно. Я вытерлась и подошла к пластине.

М-да.

Первое впечатление было верным. Глиста в корсете. Тощая, облезлая... не девушка, а аскарида. Каэ никто не говорил, что на теле должны быть выпуклости, а не дряблости?

Видимо, эта информация прошла мимо.

Если сверху вниз?

Ладно. Волосы средненькие. До лопаток, невнятного каштанового цвета, вроде как волнистые. Не слишком густые, но и лысины тут не будет. Уже неплохо. Что там у нас из натуральных средств? Репейное масло? Лимон? Будем применять все.

Личико?

Средней выразительности. Форма сердечком, нос короткий, прямой, глаза средние, серые, причем оттенок красивый. Такой темно-серый, графитовый. Брови и ресницы свои, черные. Но брови хорошо бы выщипать, а ресницы тронуть тушью.

Губы тонкие, бледные и невыразительные. Подбородок на месте и даже украшен ямочкой, но на общем бледном фоне не выделяется.

В принципе нормальное личико, но краска нужна. Иначе никто внимания не обратит. Ладно, хотя бы минимальная поддержка и подкраска. Да и прическа... Каэ волосы зачесывала назад и стягивала в пучок-гульку, как и ее наставница. А можно ведь и локоны, и челочку, и лицо подчеркнуть...

Этому девчонку не учили.

Дальше – шея. Длинная и тощая. Плечи бледные, но хоть без веснушек. Руки – заплакать и повеситься. Мышцы на них просто отсутствуют. Две вареные сопли, а не руки.

Грудь?

Хм... у иных девочек в двенадцать лет – и то побольше бывает. А тут – доска, два соска. Выжечь прыщи зеленкой и жить дальше.

С другой стороны... зато ничего не трясется и не мешается. У меня была троечка, и как же я с ней мучилась! С утяжками,

поддержками и всяким прочим! Здесь – хоть ты что делай, трястись просто нечему. А делать я буду.

Дальше приятное открытие. Талии девушки могут позавидовать все осы, пчелы и даже шершни. Талия тонюсенькая.

Интересно, это заслуга корсета – или?..

Память подсказывала, что не корсета. Это радовало. Кому нравится – пусть носит, а мне искривление позвоночника, паршивые легкие и угробленный кишечник даром не нужны. Да и остальным органам там доставалось по полной программе.

Так что это без меня.

Дальше – снова слезы жалкие.

Обвисшая попа. Тощие и кривые ноги. Ступни маленькие, но толку-то? С такой кривизной?

Ладно, баран между ног не пройдет, утрировать не буду. Но именно за счет того, что ноги тощие, они и кривые. Надо или отъедаться, или наращивать мышцы на тренировках. Давать грамотные упражнения, следить за собой, правильно питаться, рассчитать соотношение БЖУ...

Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы!

И как я это все тут сделаю?

Я печально натянула платье и удрала к себе, пока никто не проснулся. Надо еще сделать из себя образцовую страхолодину. И... булавку, что ли, в платье засунуть? Чтобы она меня колола и не давала забываться? Надо обдумать этот вопрос.

* * *

Платья...

Это не вопрос. Это песок. В прошлой жизни я бы таким полы мыть не стала – плитка в разные стороны расползется. В ужасе. Это жуть жуткая...

Начнем с ткани. Она натуральная, да. А вы такое носили? Вот она – чистая шерсть. Колочая, как будто ее не с овцы, а с ежа состригли.

Вот лен. Через пять минут в носке будет как жеваная тряпка.

Вот сукно. Тяжелое, как доспехи.

Цвета? Просто вау! Или – вах? Это не расцветки, это... в таком нищие на паперти стоять постесняются! Все серое, черное... о! Единственное исключение! Платье грязно-коричневого цвета.

Фасоны примерно одни и те же.

Воротник под горло, пуговицы, длинные рукава, длинный подол.

В таком себе жениха искать – это смертельно оскорбить весь мужской род. Какие там драконы? Каэтана выглядела так, что на нее бы и дракон не позарился. Сплюнул бы.

В зеркало даже глядеть не хотелось.

А самое ужасное то, что такой я пробуду следующие три года. И на то есть веские причины.

Мне придется выглядеть, как чучело, придется одеваться как Каэтана, разговаривать как она, делать все как она... учиться, краснеть, страдать и рыдать. Не потому, что мне это нравится. Нет.

Потому что мне нужно, во-первых, отработать свой долг перед Даннарой.

Во-вторых, придумать, где и как устроиться в этом мире.

Стартовый капитал у меня уже есть. Маленький, но свой. Надо будет на выходных... – то есть на выходной, это ровно один день из десяти, – сходить в банк и перевести деньги на свой счет. Или как-то реализовать их... да хоть бы и побрякушек каких купить. Только брать золото.

Чтобы потом легко его перепродать было. Как же это все сложно!

На что я там раньше жаловалась? На вредных клиенток?

Верните меня назад, я больше не буду... Нет? Я тоже думаю, что не поможет.

Но что точно надо купить – это пару нижних рубашек. У Каэтаны они есть – тоже колючие и грубые. Я в таком кошмаре ходить не согласна. Пусть платья будут страшнее атомной войны! Но белье у меня будет дорогим и красивым!

Интересно, а можно что-то с волосами сделать? Или лучше не рисковать? Мне и так предстоит терпеть и терпеть... лишь бы не попалиться! А ведь могу. Характер такой... да и сдерживаться я не привыкла.

Из зеркала на меня печально смотрела унылая моль. Нет, из этого бабочку не сделаешь. И тренировки не помогут. Потому что в памяти

Каэтаны прошито, как она идет на спортивную площадку – в платье!
Да, именно что в платье... а как в нем заниматься? В таком?

Ы-ы-ы-ы-ы-ы...

Кажется, эта фраза станет у меня самой любимой!

Интерлюдия

– Ты уверен, Санджар?

Мужчина привычно простерся ниц перед вышестоящим.

– О Великий...

– Короче!

– Недостойный наблюдал, недостойный советовался с мудрецами.

Недостойный пробовал то же самое с ящерицами...

Второй мужчина, о котором можно было сказать только одно слово – «власть», смотрел на низшего чуть ли не с отвращением.

Ученые...

Это... да, это тоже люди. Но считать их равными себе? Ему такое и в голову не приходило. Сын тора, воин, красавец... да, и будущий правитель Санторина, что немаловажно. И – это?

Вот это, которое тут протирает пузом пол? Мужчина?

Мужеского пола, это вернее.

– Драконы – не ящерицы.

– Величайший...

Его высочество Баязет поморщился.

– Не называй меня так^[1].

– Великий, – поправился Санджар, чуть ли не извиваясь от верноподданнических чувств, – мы делали все возможное. Если бы у нас была живая особь... живое...

– Живого дракона я вам не достану.

– Великий, мы...

– Санджар, ты понимаешь, что мне придется сделать... многое.

Ты обещаешь, но чем ты ответишь за свои слова?

Санджар поднял голову. Темные глаза полыхнули огнем неизбежного фанатизма.

– Моя жизнь в вашей власти, Великий.

– Возможно, она и станет ценой провала.

Санджар снова ткнулся лицом в пол.

– Великий...

Как он увидел жест, останавливающий его словоизлияние? Ну... у опытных царедворцев глаза видят, как у вальдшнепа или стрекозы^[2].

Баязет подошел к окну, посмотрел вдаль.

Санторин!

Как прекрасна и изобильна его страна! Как богата и роскошна!

Сады и дворцы, фонтаны и молитвенные башни, леса и озера, поля и водопады. Изобильные урожаи и тучные стада, гнущиеся от плодов ветви и гроздья винограда, масло и вино... пусть и не везде. Но главное достояние Санторина – не зерно и не скот.

Главное достояние Санторина – люди. Люди, которым сам Сантор повелел владеть миром.

Бесстрашные и решительные, умные и воинственные.

Люди, которые достойны власти.

Сложись все чуточку иначе, санторинцы давно бы владели миром. Но на их пути стоит одно препятствие.

Драконы!

Проклятые чешуйчатые ящерицы, которым все нипочем. Их не достанешь, их не собьешь, они пресекают любую попытку изменить сложившееся положение. Они защищают мир?

Это еще вопрос, от чего они его защищают.

Морские чудовища?

Лицо принца омрачилось.

Ладно... он видел их сам. И сражался. И... потерял нескольких людей. И если бы не драконы, потери были бы куда больше. Но...

Но!

Можно построить прибрежные крепости! Можно построить катапульты, корабли, можно... да пусть бы были и драконы! Но почему они мешают людям?!

Всем ясно, что править миром должны достойнейшие! Санторинцы.

Да, если не будет драконов, будет намного больше жертв среди людей. Это понятно. Но Сантор дарует победу достойнейшему, а мужчина живет только в сражении. И в нем же и умирает.

Иногда быстро, иногда медленно.

Баязет повернулся к ученому, который так и не отклеил пузо от пола.

– Я рискну, Санджар. Но помни, ты отвечаешь головой за результат.

– Моя жизнь в твоей власти, Великий.

Баязет в этом и не сомневался.

Глава 2

Начинайте день с зарядки.

Вообще в фитнес-центрах четко делят народ на две группы. Те, кто пришел работать, – и те, кто пришел искать себе приключений на тыльное место.

Кстати, иногда это одни и те же люди, только в разное время.

К примеру, фитоняшка Мила, которая ходила к нам в центр. Утром приходит – волосы в хвостик, купальник такой скромненький, лосины дешевенькие – и давай потеть на тренажерах. Да так, что потом хоть полы вытирай – пот ручьями льет. Спокойная, серьезная – человек над собой работает!

Вечером встретишь – не узнаешь! Макияж, маникюр, костюмчик из супермодных, спортивная обувь, которая стоит подороже директорской БМВ – девушка вышла на охоту.

А вот так!

Папа у нее богатый, с деньгами проблем нет, а приключений хочется. Она качков и ловила себе в клубе. А в остальном нормальная девушка. В рамках состояния и воспитания.

А в основном кто-то ходит работать над собой, а кто-то искать себе развлечения. Вот первых я люблю и уважаю, а вторые мне никогда не нравились. Работать я и с ними буду, я профессионал, но сил и энергии на таких тратится больше, а отдача меньше. Несправедливо.

Звук колокола заставил меня подпрыгнуть.

– Ой, ля...

Вот что я ненавижу – это мега-будильники. Есть повод. У родителей в детстве был советский будильник. Знаете, такой здоровущий и отвратительно трещащий. Вот с тех пор я такие побудки и не выношу.

Я люблю будильники негромкие, спокойные, уютные. Здесь этого не дождешься... или я найду себе приличный будильник, или буду подлетать с кровати на полметра. Мне так не нравится. Просыпаешься – трясешься, руки дрожат, сердце бьется что есть сил...

Белье, будильник... что еще окажется в списке до выходного? За эти шесть дней?

Все остальные, кажется, воспринимали будильник вполне нормально. Зашевелились, за дверью, которая ведет в ванную, послышался шум.

Какой-то он подозрительно... шумный? И возле моей двери?

Подкралась на цыпочках, прислушалась.

– ...Рвет дверь...

– И тут ее...

И мерзкое хихиканье.

Угу, ну, такое мы тоже просекаем. Наверное, это рассчитано на Каэ, которая или приходила раньше всех, или позже всех... и что вы решили установить перед дверью несчастной девчонки?

Ладно же.

Я потом разберусь и обезврежу ловушку. А вы...

А вот тут беда. Ничего я им сделать не смогу. Просто потому, что не могла бы Каэ. А я, не зная всех тонкостей, пока не рискну сильно выделяться. Мало ли кто пишет и докладывает. Мало ли – куда и кому.

Поэтому даже ловушка...

Хм-м-м?

Я коварно улыбнулась и отправилась на завтрак.

* * *

Столовая.

Отдельный корпус. Большое здание, в котором помещаются кухня, собственно столовая и банкетный зал. Иногда в академии устраиваются торжества, вот чтобы далеко тарелки не носить...

И все?

Память услужливо подкинула картину большого зала.

Раздаточная – эти места одинаковы во всех мирах.

Стол... столы тут разные. Это радует.

Есть одиночные, есть на четыре человека, на шесть, на двадцать – выбирай не хочу. Кто-то сомневается, что именно выбрала Каэ? Правильно. Самый дальний и крохотный столик, рядом с мойкой

посуды... там ее не дергали. Девчушка быстро давилась убогой пищей и тут же убегала. Еще бы...

Скотина ее папаша. Девочка постоянно жила в изоляции, а тут – тарарах! И она не остается одна даже в душевой. В комнате – другое дело, в комнату даже местные гиены не лезут. Не сильно нарываюся. Пока. Но даже уборная – и та может стать полем боя... расслабиться не удастся, нервы вибрируют – удивительно, что она раньше с башни не кинулась!

Могла бы.

При таком режиме жизни – запросто! Еще и этот подонок Лиез... фу-у-у! Выдыхай, Зочка, потом вдыхай и снова выдыхай. Зря ты, что ли, дыхательную гимнастику и йогу осваивала? Именно на такой случай. Чтобы никого не убить...

Вахтерша проводила меня злым взглядом. Я поставила себе галочку: помириться. Но это потом. И направилась на поле для зарядки.

И кто сомневался, что здесь все будет именно так, как вечером в нашем центре? Я вот не сомневалась.

Стояла, ждала, наблюдала.

Поле для девушек, поле для парней, у нас инструктором женщина, у парней мужчина. Впрочем, женщина выглядит так, словно последние лет двадцать проработала шпалоукладчицей. Такая кубическая фигура...

– А, Кордова? Отлично. Приступай к разминке, если пришла.

– Да, разша, – пробормотала я.

Разминке... я бы тебе показала мастер-класс! Но придется... с чего там начиналось?

Пришлось неловко вращать в разные стороны головой, потом я попробовала потянуть руки, наклониться...

Разша Пизано смотрела на меня с плохо скрытым отвращением. Я боролась с желанием как следует размять это тело!

А еще показать кое-что из своих наработок.

Я бы тебе колесом прошлась – в родном теле! А «солнышко» не хочешь? Да я на руках могла ходить без особых проблем, от одной стены до другой! И равновесие удерживала без особых трудностей!

А тут!

Это не тело, это издевательство! Не-не, я не против, пусть остается! Это лучше, чем вообще ничего или, как сейчас модно, другой пол. Баба попадает в мужика, мужик в бабу... бррр! Снос крыши и размыв фундамента при таком гарантирован! Мне бы точно пришлось в дурдом ехать.

Постепенно подтягивались остальные девушки. Я отмечала тех, кого знала.

Мариса Лиез – эта в другой группе, потому как третий курс. При свете дня она выглядит еще более шикарно, чем ночью. Красотка как есть. Точеные черты лица, бархатная кожа, громадные карие глаза, фигурка такая, что модные журналы за нее передрались бы. И в довершение всего – грива натуральных блондинистых кудрей. Матиас, кстати, если отвлечься от подлючести его натуры, тоже симпатичный. Высокий блондин с карими оленьими глазами. Мордашка красивая, фигура спортивная – мечта всех первокурсниц. Недостаток один – сволочь. Но это, право же, такие мелочи...

Олинда Оливэра – миниатюрная брюнетка с выдающимися формами. Такими выдающимися, что и спереди, и сзади можно тарелку поставить – суп не прольется.

Фатима Ломбардо – ее противоположность. Высокая и худая блондинистая жердь. Тем не менее именно потому девушки и сдружились. Гадючность у них была общая. Именно их я и слышала сегодня в душевой, с-соседушки!

Севилла Коцци – третья соседка. Тоже брюнетка, но усредненная, без особых внешних признаков. Разве что родинка на шее. А так – обыкновенная. И выражение лица можно, наверное, отнести в приметы. Ощущение, что у нее под носом какашка присохла, и она брезгливо принюхивается.

Нарсия Карсез – рыженькая дрянь с жидкими волосенками и веснушками.

Элина Бочене – равнодушная богачка, которая точно знает, что для нее парень всегда найдется. Лучшее украшение девушки ведь что? Правильно, хорошее приданое.

Кайа Ибанес – тоже однокурсница. Холеная и надменная, одни серьги у нее в ушах стоят столько, что можно половину курса купить. Красные бриллианты...

Алефи Мартино, Флоренсия Леви, Ярина Лонго, Майя Коста, Майя Перальта...

Имена всплывали в памяти, каждый раз отдаваясь страхом. Да что, Каэ тут только ленивый не травил, что ли?

Память послушно подсказывала, что да.

На этом курсе двенадцать эсс и шестнадцать эсов. Казалось бы – чего ты выделываешься? Всем хватит, и еще тебе останется. Но не все так просто.

Память Каэ подсказывала, что эсы стараются не обращать внимания на ровесниц, приглядывают себе супругу помладше. Да и извечный бабский инстинкт, гласящий (голосящий? вопиющий?) страшное: а вдруг мне и не хватит? И что – все при мужике, а я одна как дура?

Вот и травили несчастную Каэтану. А что? На ее фоне и умной показаться легко, и красивой. Дождалась, сказала о девчонке гадость, та покраснела, разревелась, убежала... а ты-то на ее фоне такая вся элегантная, плечиками пожимаешь и сережки в ушках поправляешь...

Я скрипнула зубами, выполняя очередной элемент и слыша приятный хруст суставов. Каэ, коза драная! Ты бы хоть студень какой лопала! Желе! Да что там! Обычный бульон из куриных лапок чудеса творит! И с суставами, и с кожей – если его правильно приготовить, там коллагена столько, что на сорок банок импортного крема хватит и еще на десять останется!

И никакого хруста!

Тьфу, балбеска!

Я присела и с трудом поднялась. Коленки дрожали после десяти приседаний так, что впору к ним миксер привязывать и омлет сбивать! Епт-компот, как любит говаривать один из клиентов нашего центра! Мне это решительно не нравится.

– Эсса Каэтана! Еще десять отжиманий!

Вот тут я и пожалела, что нет у меня бюста шестого размера. Лег на него – и лежи себе дальше. И дышать можешь. Назовем сие отжиманием.

Ладно-ладно, попробуем. И прошу заметить, что все это я проделываю в ПЛАТЬЕ!!! Длинном!

Глухом!

Пот ручьем льет – тут прачечная есть или мне все на руках стирать? Нет, память Каэтаны подсказала, что так извращаться не приходится. Хоть и жуткие у нее платья, но их десять штук, можно каждый день менять, даже по два раза.

И прачечная есть. Хозяйственные службы тут работают. Раз в три дня приноси вещи – постирают, заштопают. Все совершенно бесплатно. И постельное белье тут меняют раз в неделю. Уборку – и ту делают! Бардак в комнате разбирать не будут, но полы помоют, постель поменяют, а раз в месяц и окна вымоют.

Так жить можно...

– Эсса Каэтана! Еще десять отжиманий!

Мне кажется или преподавательница издевается над бедолажной тушкой девчонки? погоди ж ты у меня! Я тебе устрою степ-аэробика! С утяжелением!

Руки подогнулись – и я ткнулась носом в землю. Тьфу!

* * *

Сейчас я намного лучше понимаю своих девочек. Тех, кто ходил ко мне заниматься. Тех, кто первые занятия выглядел загнанной лошастью. Казалось, ничто не заставит меня оторвать руки от земли.

Сердце колотится в горле, ноги чугунные, голова весит целую тонну, мерзкий пот течет по лицу, заливая глаза, подташнивает...

Щас сдохну-у-у-у-у...

Нет?

Даже этого мне не дадут.

Казалось, ничто не заставит меня шевельнуться, кроме...

Над головой захлопали крылья. И я невольно дернулась.

Чтобы произвести такой шум, птичек должна быть целая эскадрилья. А у них недержание. Обгадят от ушей до пяток, не отмоюсь... куда драпать?

Где прятаться?

Нигде...

Потому что в небесах парили ОНИ.

Невероятные.

Величественные!

Громадные!!!

Как описать дракона одним словом?

Восторг.

Они наплывали откуда-то сбоку, клином, разворачивались в треугольники, собирались в строй, снова перестраивались... их было так много, самых разных. Сначала я не понимала, потом начала выделять основные цвета.

Четыре основных цвета.

Белый, черный, синий, красный.

Дополнительные, их намного меньше, зеленый и желтый.

Мощные крылья распахнуты, но все равно непонятно, как они держат в воздухе громадные тела. И не ящерица это вовсе, и не змея. Драконы совсем иные, хотя в чем это заключается – я не отвечу.

Соразмерность, изящество, мощь, и все это в тесной клетке из плоти и крови.

И – огонь!

Даже сейчас я вижу... чувствую? Я понимаю, что в любой момент нас может снести шквалом пламени, но восхищаюсь. Что-то случилось такое с моим зрением, что я отчетливо вижу каждую деталь, каждое их движение, каждую чешуйку на морде летящего впереди черного дракона.

Здоровущего такого...

Ничего он не змея.

Он разумен, и еще поумнее многих будет. У него огромные глаза. Серьезные и ясные, спокойные и доброжелательные. Прозрачные, словно старый янтарь. И морда... лицо тоже спокойное. Он выполняет свою работу, он выводит молодняк на вылет. Он учит и приглядывает.

Он... он такой настоящий!

У меня просто слов нет...

– Эсса, вы так и будете лежать?

Разша... как там ее?

Чинзана?

– Да, буду, – отозвалась я. – А что?

– Вы что – драконов никогда не видели?

Никогда. И теперь ни о чем не жалею. Если и было в моей голове что-то такое... сожаление, горечь, боль, невозможность вернуться... все выдуло, словно взмахом мощных крыльев. И ничего они не

прозрачные. И площадь у них очень серьезная, и размах... больше всего это похоже на крылья летучей мыши. Только чувствуется, что они намного прочнее.

– Какие они... невероятные!

Кажется, разша что-то прочитала на моем лице, потому что смягчилась.

– Ладно. Еще три минуты лежите, потом опять комплекс отжиманий. Понятно?

Я хрюкнула что-то согласное. А что я еще могу сказать? Да что угодно, лишь бы не отрывать взгляда от величественного видения, которое сейчас проплывает надо мной к морю. Там они будут тренироваться.

А я?!

Я тоже так хочу!

Возьмите меня, пожалуйста!!!

Увы, драконы меня не слышали. Они медленно летели по направлению к морю. А разша оказалась полностью права. Ровно через три минуты скрылся последний дракон, и небо очистилось. А я как раз и дыхание немного выровняла, так что без напоминаний перевернулась в «упор лежа».

Отжимания?

Да подавитесь! После драконов все это кажется таким незначительным! Таким... крохотным!

Хочу туда! К ним!

Туда, где ветер!

Даннара, спасибо тебе! Самое искреннее спасибо!

* * *

На вахте сидела уже другая тетка.

«Разша Линда Ония», – шепнула память. Она же и подсказала, что эта разша относилась к девчонкам плохо. Ко всем.

Каэтана тут на общем фоне не выделялась. Бесит разшу просто! Что бесит? А все!

Почему она старая, толстая и разша – а тут перед ней бегают молодые симпатичные эссы! Хотя... старая? Я пригляделась. Ну и

вовсе нет! Лет сорок тетке, просто не надо булочки пирожками закусывать! Тогда и попа на одном стуле помещаться начнет!

Я прошла в свою комнату. Потом осмотрела дверь душевой.

Хм-м... плохо. С моей стороны имеется вульгарная задвижка. Шпенек, пластинка, гнездо... такую легко не испортишь! А КАК ее можно испортить?

Никак.

С другой стороны, привинчена эта задвижка обычными винтами. Вульгарными даже.

А что у меня тут полезного?

Эх, где мой мультитул? Любимый, из качественной стали... знаете, сколько там насадок было для отвертки? Двенадцать!

Я бы им вмиг что хочешь отвинтила! А тут возилась с маникюрными ножницами, как дура! Минут пять грохнула!

И решительно отправилась вниз.

– Разша, простите, что я вас беспокою...

Недовольный взгляд. Как на описавшуюся кошку. Ну так и будем ее косплеить! Мяу-у-у-у-у!

– Разша, простите... я не хотела, оно само...

Минут через пять лепета и трепета разша уяснила суть дела. Вздохнула, вытащила из стола что-то такое... жутковатое и отверткообразное. Как в пятнадцатом веке, ей-ей. Хоть ты Бертольда Шварца ищи по закоулкам!^[3]

– Пойдемте, эсса.

Видимо, решила, что проще самой сходить, чем объяснять дурочке, что надо сделать и как. А мне того и надо.

* * *

При виде задвижки, которая держалась на огрызках болта и честном слове, разша сдвинула брови – и быстро взялась за дело. А именно, кивнула мне отойти и распахнула дверь. Так-то ее привинтить можно, но сложнее. Проще открыть дверь, устроиться поудобнее...

Последнее не получилось ни у кого.

Ни у трех девиц, которые сплетничали, подправляя перед зеркалом краски на мордочках.

Ни у раэши, которую без затей облило с ног до головы чернилами.
Епт-компот!

Первый класс школы для слабоумных! Эти красавицы над дверью банку чернил прицепили! Ы-ы-ы-ы-ы! Они бы еще веревку поперек порога натянули.

Фейспалм удалось задавить в зародыше. И истошно завизжать – чтобы раэша поняла, что попала.

А, нет. Попала не она. Попали девицы. Судя по воплям, которые выходят на расчетную мощность...

– ...Себе позволяете?!..! Идиотские шуточки!!! Позор всему семейству!!!

Я тихонько отползла в сторонку и ухмылялась на кровати. Так, чтобы меня участники не видели. А зачем? Им хорошо, они делом заняты. Я вот тоже займусь. Переоденусь потихоньку за дверцей шкафа... потная? Ничего, мы по дедовскому методу! Водичкой из графина на полотенце плеснуть, протереться на скорую руку – и свалить. Воровать у Каэ просто нечего, тут любой вор от горя удавится. Комнату раэша и без меня закроет. А под раздачу попадать?

Не-не-не. Без меня, пожалуйста. Знаю я, что дальше будет. Сейчас раэша проорется. Потом девчонки огребут взысканий и будут долго отмывать душевую.

Потом все вспомнят обо мне... а меня тут и нет. И вообще – кушать хочется.

Интересно, что тут предлагают на завтрак?

* * *

Серое платье шло Каэтане ничуть не больше остальных. Серый – он ведь тоже разный. Есть благородный серебристый, есть глубокий графитовый, есть оттенок голубиноного крыла. А есть шкурка больной поносом мыши. Судя по всему, мышей у портнихи было много. Страдающих.

Итак, столовая.

Что у нас на завтрак?

Епт-компот! Оф-ф-фсянка, сэр? Нет, перлоф-ф-фка, мэм!

ТЬфу, гады!

Если кто понимает, перловку можно сварить так, что пальчики оближешь. С тушеночкой, с травами, с тыквой и медом, с овощами... да я такое изображу! Тарелку вылизете!

Но тут это самая обычная «шрапнель». Такое кушать – себя не уважать.

А выбора нет. Еще для возбуждения аппетита предлагается хлеб с маслом и сыром и кисель такого вида, словно его из слизняков варили. Вкусовые качества там тоже на уровне, хлеб жесткий, сыр пахнет козой, кисель можно одним глотком выпить...

Каэтана предпочитала скушать бутерброд – и запить водой. Потом, из-под крана.

Я такими глупостями страдать не собираюсь. Получила на поднос тарелки, отползла подальше в тень, за привычный столик, и там принялась усиленно жевать. Жевать, я сказала! И не думать, что каша явно пригорела! Привкус у нее такой... гадкий. И запах не слишком.

У нас сосед по даче курей вкуснее кормил! Он эту пшеночку на открытом огне, на печке, в котелке... Там такой запах шел! Народ за три улицы облизываться начинал!

Жую! Думаю о хорошем.

Заодно поглядываю по сторонам. Лишний раз убеждаюсь, что травить Каэ было просто незачем. Парней тут намного больше, чем девчонок. Интересный перегиб. Кажется, чего-то мой донор попросту не знает. В библиотеку!

Сегодня же, после занятий.

А что у нас сегодня?

На повестке дня землеописание. Потом математика. И под конец – домоводство. Ладно. Посмотрим, чему меня там научить попытаются. Особенно на математике.

* * *

Преподавателя землеописания звали Бонифацио Риос. Симпатичный мужчина примерно лет тридцати пяти вдохновенно рассказывал про Санторин. Я слушала с интересом.

Рассказывать мужчина действительно умел. Подбирал интересные факты, шутил, улыбался... ученицы смотрели влюбленными глазами.

Мне кажется – или шуку бросили в реку?

Вполне возможно.

Сам разн Риос никого не выделял, за время урока успев обратиться с вопросами к каждой девушке. Кроме Каэтаны.

Я мысленно поставила ему плюс.

Кстати – память Каэтаны подсказывала, что пару раз он ее таки спросил. Увидел, как стесняется девушка, и пожалел. Читай перевод: не хотел ждать, пока девчонка промямлит все, что у нее на языке. А то пока ответ через застенчивость пробьется, там урок закончится.

Но слушать действительно интересно. Особенно если отделять политинформацию.

Как я понимаю, у Равена есть шикарное преимущество. Драконы.

Так-то, теоретически, они не станут вмешиваться в конфликты людей. Но им и не нужно. Начинается война, все драконарии делают большие глаза – и улетают к себе домой. А на территорию агрессора дружно и весело ползут морские монстры.

А что такого? Им кушать хочется...

В результате война заканчивается естественным путем.

Именно поэтому Санторин пока не завоевал половину континента. И даже сопредельные ему страны постарался привязать не войной, а... м-да. Что я там думала про Османскую империю? Вот и оно...

Соседом Санторина является Ларана. Примерно так лет сто пятьдесят назад в Ларане осталась одна незамужняя принцесса. Папа отравился грибами, и мама-королева отравилась грибами, и два старших брата грибами отравились. А принцесса грибы есть не хотела. Аллергия, наверное.

Зато замуж она вышла удачно. Не за санторинского тора – это их верховный титул, вроде короля, – а за его младшего брата. И потом, за прошедшие сто пятьдесят лет – считай, шесть поколений, – были еще два «родственных брака». Получается, вроде и страна как бы есть, и она почти независима. А на самом деле будет Санторин воевать – Ларана в стороне не останется.

Что с принцессой случилось? У нее была аллергия на грибы. Поэтому, родив супругу шестерых детей, она отравилась кофе.

Лично для себя я выводы сделала. После занятий хотела подойти к разну, попросить список дополнительной литературы, чтобы

почитать про соседей и «заклятых друзей», но того уже атаковали девушки. Закружили, затрещали... если попробую подойти, они меня там точно сожрут. Поэтому пришлось дожидаться, пока парни выйдут из кабинета, и выйти тоже.

Математика?

Пусть будет математика. Вот уж этому предмету я и сама кого хочешь поучить могу. Два раза. Алгебре и геометрии.

* * *

Кто-то мне сейчас скажет: ты ж спортсменка? Какая математика?

Но тут выбора не было. Будь я хоть чемпионкой мира, математику учить бы пришлось. У меня была школа совсем рядом с домом, очень удобно расположена, и классный руководитель – реально классный, другого слова не подберешь, и директор меня легко отпускал на сборы-тренировки. Но!

Математику в школе вела Виктория Львовна. И отчество ей шло, как никому другому. Уж вы мне поверьте!

Упади она в бассейн с крокодилами, несчастных зверушек уже ничего не спасло бы. Ровно через год они бы спокойно могли плыть в МГУ, сдавать вступительные по математике. Брать билет без подготовки и решать задачки с листа. Устно.

Вышка? Тервер?^[4]

Да я потом в институте долго не могла понять, кто надо мной издевается и зачем. Преподаватель? А чего нам такие простые задачки дают? Мы такие классе в десятом уже решали без усилий.

У Виктории Львовны была лишь одна уважительная причина, по которой ты мог не сделать домашнюю работу. Это – смерть. И то... ты сначала все сдай, а потом ползи на кладбище.

Операция?

Восемь переломов?

И что? Ты на операционном столе должен лежать с учебником в зубах. Заодно отвлечешься, пока тебя по кусочкам собирать будут!

Не нравится? А тебя в этой школе никто и не держит. Два в четверти – два в году – и отчисление. Директор, который некогда сам

учился у Виктории Львовны, защищал ее от любых родительских нападков. Да и было их немного...

Лютовала и зверствовала она, конечно, хуже Лернейской гидры, но, как ни странно, мы ее обожали. Списать математику? Никогда! Святотатство! Побить богохульника учебником алгебры! Прихлопнуть «Сканави» и зарыть в канаве^[5].

Я так задумалась, что не заметила даже Матиаса. И едва не снесла бедолагу с ног.

– Ты! – прошипел несчастный.

По ноге я ему прошла нехило так. Обувь у Каэтаны грубая, подошва толстая. Мне-то и ничего, а если по сафьяновому башмачку такой тапочкой пройти, будет больно.

– Я. – С этим можно и не скрываться. Кто ему поверит-то? – Чего надо?

– Сегодня вернешь мне деньги. Поняла?

Я огляделась по сторонам. Нет никого?

Отлично, нет... посмотрела на Матиаса. И ведь симпатичный же парень. Высокий, широкоплечий, волосы светлые, такими картинными кольцами вьются, глаза глубокие, карие... и такой дурак?

Жалко. Генофонд пропадает.

– Перебьешься.

– Не то я всем покажу твоё бельё.

– Показывай, – разрешила я. – Надевай и демонстрируй.

– И записки твои покажу!

– И записки показывай. Можешь сразу выложить в уборной. Там с ними точно все ознакомятся, – согласилась я.

– И... ты что – вообще не боишься?

Дошло? Он что – не безнадежный идиот?

– Кого или чего мне бояться?

Люблю я еврейский народ. Пострадав от других, они отомстили со вкусом. И придумали отвечать вопросом на вопрос.

Матиас растерялся.

– Эм-м-м... ты понимаешь, что я могу с тобой сделать?

– Ничего, – преспокойно ответила я.

Парень сильно дернул меня за руку, чтобы то ли напугать, то ли причинить боль.

– Верни деньги. Или я твою жизнь в кошмар превращу!

Наивный. Это я тебя сейчас в омлет превращу... частью. Отбить, взболтать, но не смешивать.

Я резко крутанула запястьем, разрывая захват. Силы у Каэтаны нет, но тут резкость нужна. Хватка Матиаса, повинуюсь законам физики, расцепилась, а я оскалилась ему в лицо.

– У меня есть предложение получше.

– Да? – Настало время Матиаса удивляться.

– Я решила, что мне не помешает еще тысяч десять золотых солеев. Поэтому... ты можешь попробовать испортить мне настроение. Но деньги приготовь заранее.

– Что здесь происходит?

А, раэн Риос. Ничего удивительного, скоро уже урок. Вот его и отпустили восхищенные студентки. Или он их разогнал.

Эс Матиас замялся, а я даже не подумала смущаться.

– Эс мне неприличное предложение делает, раэн Риос.

– Даже интересно стало – какое? Это не секрет, эсса?

А преподаватель-то у нас садист? И улыбочка такая... ядовитая. Ему Лиез не нравится персонально? Или вообще все эсы?

– Не секрет. Обещает мне вечную любовь – за мои же деньги.

– Вы согласились, эсса?

Матиас цвел ушами и шел пятнами, аки хамелеон-извращенец.

– Боюсь не прокормить. Очень крупный мальчик вымахал, раэн.

Эс Лиез понял, что оправдаться не удастся, переговорить меня – тоже, и пошел по пути наименьшего сопротивления. Удрал, гад. Меня аж воздушной волной на преподавателя отбросило.

– Простите, раэн Риос.

– Ничего страшного, эсса Кордова. Я так и думал, что вы умнее, чем стараетесь казаться.

Я развела руками.

– Надеюсь, этот маленький секрет останется между нами, раэн?

– Безусловно. Если вы скажете мне, зачем вам это понадобилось.

А что тут скажешь? Осталось выбрать самый простой ответ.

– В этом цветнике проще не привлекать внимания. Слишком пристального. Жить хочется, раэн. Мой род не слишком богат, не слишком знатен... серой мышью жить проще, чем роскошной львицей. Да и усилий меньше тратится.

– Вы и правда умны, эсса. Занятие уже началось, давайте я вас провожу?

– Буду благодарна, раэн. И раз уж вы считаете меня умной... посоветуйте какие-нибудь книги по современному землеописанию? Чтобы я разобралась в тонкостях международной политики, а не только собственно расположения стран?

– Хм... интересный вопрос. Я подумаю, что вам посоветовать. А пока попробуйте почитать газеты.

Вопрос, есть ли здесь газеты, пришлось срочно проглотить. Каэ, ну как так можно?! Ты бы еще в пещеру к отшельникам залезла! Неужели твой отец газет не читал?

Память послушно подсунула картинку семейных взаимоотношений Каэтаны и Рауля Кордова. М-да.

Вопросы отпали. В принципе.

Видела своего «обожаемого» папочку Каэ ровно два раза в день. По пять минут, не больше. С утра отец вызывал ее в кабинет и интересовался ее планами. Или ставил в известность о своих.

К примеру, оповещал о своем отъезде. Или о приезде друзей.

Вечером, если Каэтана ничего не натворила и все успела сделать, – короткое: «хорошо». Нет? Будешь наказана. Обычно – лечебным голоданием. То есть оставят без завтрака или вообще на сутки без еды в молитвах. Ну не твою ж налево?

Бедная девчонка!

Кажется, папаше нужно начинать молиться, чтобы я проучилась подольше. Тогда и он подольше поживет. Наверное. Не стоит забывать о каникулах, не так ли?

– Эсса, вы уверены, что эс Лиез промолчит?

Я пожала плечами.

– Раэн, а вы бы ему поверили?

– Нет, эсса. Должен сделать вам комплимент – вы великолепно владеете собой.

Я развела руками.

– Я стараюсь, раэн. Надеюсь, вы поймете меня правильно и впредь.

– Разумеется, эсса.

И передо мной вежливо распахнули дверь кабинета.

– Раэн Ледэсма, я прошу прощения. Я немного задержал вашу ученицу.

«Тьяго Ледесма», – подсказала память.

Сухопарый высокий старик, стоящий у доски, посмотрел на меня, как орел на мышь. Сходство усиливали равно и его орлиный нос, и мое платьишко.

– Ничего страшного. К доске, эсса Кордова.

– Да, раэн.

Изображая воплощенное несчастье, я побрела к доске. Черной, блестящей.

– Записывайте условие задачи. В урне находится 15 белых, 5 красных и 10 черных шаров. Наугад извлекается один шар. Какова вероятность, что это будет красный шар?

– Одна шестая, – машинально ответила я. И тут же выругала себя. Но... Кто меня, дуру, за язык тянул? Это что – еще и считать надо? Число красных шаров делится на число всех шаров – это устно поделить можно. Если б я такое на доске считала, меня бы Виктория Львовна ею же и пришибла.

Что там!

За калькулятор на ее уроке можно было вылететь из класса с визгом! Умножать трехзначные числа в уме? Называйте трехзначные!

Раэн воззрился на меня еще пристальнее.

– Приятно видеть, что вы не зря посещаете мои уроки, эсса. Какова вероятность того, что при бросании двух игральных костей в сумме выпадет пять очков?

– Одна девятая, – вздохнула я, понимая, что палюсь капитально.

«Штирлиц шел по Берлину. И ничего-то в нем разведчика не выдавало. Ни буденовка, ни парашют, ни “Катюша”, которую он распевал во все горло, прихлебывая водку из бутылки».

Но что тут считать-то? Всего у каждой кости шесть граней, итого тридцать шесть комбинаций. Из них четыре вероятности, что выпадет пять. Это в уме считать надо!

– Расписать решение?

А может, и не палюсь. Все равно я ни одного местного математического символа не помню. Каэтана, кстати, тоже. Записывать так, как это принято у нас?..

– А распишет нам все эсса Карсез. Если она на моем занятии занята своими ногтями, значит, и все ответы на вопросы знает. Садитесь, эсса Кордова. И впредь слушайте так же внимательно.

Фу-у-у-у-у! Пронесло.

Нарсия бросила на меня злобный взгляд, но к доске пошла.

Мне действительно повезло. Символы здесь совсем другие, не те, что у нас. Ничего, был бы смысл, а обозначения нарастут... может, им парадокс Монти Холла подкинуть? С драконами и козами?^[6]

Я уныло побрела к первой парте. Не-не, Каэтане она не нравилась. Просто задние парты оккупировала местная элита. Там и ногтями заняться можно, и подремать, и еще что-то поделывать. А на первой парте – ничего. Сиди и смотри на преподавателя. И не спишешь даже.

Вот Каэтана и сидела, смотрела на доску, писала. Правда, ничего не понимала. Как и эта... Карсез. Смотрит как баран на новые ворота. Чего-то калякает, мычит... кажется, она не знает, как я решала.

– Понятно! Эс... Лиез!

Матиас к доске вышел королем. И даже решение записал. Правда, на следующей задачке срезался. Я ее привычно прогнала в уме, пометила на полях, что будет одна шестая, но и только.

Преподаватель дал еще две задачи на самостоятельное решение, подошел ко мне.

– Эсса?

Я быстро написала на полях ответы, посмотрела на него.

– Верно, раэн?

– Верно, эсса. Рад видеть хоть одного ученика, который не просто так посещает мой предмет. Хотите задачку посложнее?

– Хочу, – кивнула я. – Мне нравится.

– Вы решали задачи дома?

– Да, раэн.

– Тогда записывайте.

Предложенная задачка была уже посложнее. Я записала ее, подумала и все же решилась:

– Раэн, могу ли я предложить вашему вниманию забавную задачку?

Благо все остальные так заняты, что на нас и внимания не обращают. Да и нет желающих сидеть так близко к преподавателю, первый и второй ряд традиционно пустые.

Парадоксу – быть!

Остаток занятия мы с разном провели вполне приятно, перебрасываясь задачками. Он – мне, я ему... да, тут еще и класс присутствовал?

Им разн тоже отжалел еще четыре задачи. Классу хватило.

* * *

Обед.

Я не поняла, тут нарочно подают те блюда, которые я ненавижу? Гороховый суп, брр! Если его варить правильно – вкуснейшая штука! С копчеными ребрышками, например!

У меня не с первого раза получилось, но мужу нравилось, и я готовила. Тьфу, вспомнилось же!

А это...

Пюре неопределенного оттенка, цвет болота, в котором зародилась жизнь, не иначе. Горохом пахнет – и это все. Поев такого супчика, рискуешь воспарить под потолок. На ветровой тяге.

Нет, настолько я не оголодала. Но тарелка уже приземлилась мне на поднос. Равно как и второе, и хлеб, и булочка с компотом. Что на второе?

О, отлично! Кукурузная каша с подливкой, в которой даже мясо есть! Приличное количество мяса. Это я ем, даже в таком печальном виде! И компот пью. Особенно если в нем персики попадают, а они там есть. И булочка такая – в две мои ладони! Живем!

Супчик я отставила на край стола и занялась вторым.

– Это что было, ты?..

Эсса Нарсия Карсез стояла у моего столика. За ее спиной переминалась с ноги на ногу верная подпевала – Майя Перальта.

– Это гороховый суп, – показала я пальчиком. – Поделиться?

И сунула в рот еще одну ложку каши. Чую я, к чему идет, а кушать хочется.

– На математике! Ты меня решила дурой выставить, дрянь?

Если бы эсса не надвигалась на меня, может, ничего бы и не случилось. Но...

Я даже поучаствовать не успела.

Каэтана изволила кушать одна. Рядом со столом, куда сгружают грязную посуду. Непрестижное место еще и потому, что здесь большое движение народа. Я-то его отслеживала. А вот Нарсия, которая стояла ко мне лицом, нет. И зря.

Идущий мимо третьекурсник толкнул Майю, та очень удачно налетела на Нарсию; я-то успела вскочить из-за стола, еще и стакан с компотом прихватила, а вот девушки украсились моим обедом. Основная часть супа и каши досталась Нарсии, но и Майе чуточку перепало.

– Ты!!! – развернулась разозленная Нарсия уже к новому врагу.

А зря. Выглядела она так, что лучше бы бежала до дома и переодевалась. Быстро. Гороховый суп на одежде... м-да.

Третьекурсник сдвинул брови.

– Детка, ты кто?

Растаять захотелось даже мне. А уж девчонки...

Парень, который стоял перед ними, выглядел так, что эс Лиез на его фоне смотрелся блекло. Высокий, широкоплечий, блондин, в кожаной куртке... да хоть сейчас его на плакат! Арийскую расу рекламировать!

Нарсия побледнела. Потом покраснела, осознала, в каком она виде, и позеленела, под цвет супчика.

– Я... эсса Карсез...

– Детка, не стой на проходе.

Я залпом выпила компот, доев на лету два персика, сунула в карман булку – и аккуратно сдвинулась так, чтобы Нарсия не начала снова орать. Третьекурсник, кажется, заметил мой маневр, но промолчал. Умный мальчик, хороший.

– Первый курс? Тогда все понятно...

Что ему было понятно, я не дослушала. Удрала из столовой, пока не примчалась повариха, ругаться с Нарсией за перевернутый стул и разбитые тарелки.

* * *

В общежитие идти не хотелось. А куда бы занориться, чтобы и мне никто не мешал, и я никому не мешала? В библиотеку?

Нет, пока времени маловато. Можно сделать нечто другое. Сходить и посмотреть карту местности. Память Каэтаны подсказывала, что она должна быть прикреплена на первом этаже, в учебном корпусе, рядом с главным входом. Каэтана ее запомнила плохо. Дорога «общежитие – учебный корпус – столовая» есть? И хватит для жизни. Все равно выходить куда-то еще девчонка попросту боялась. Там же народ! Его много!

Так что я сунула в рот кусок булки и отправилась к учебному корпусу. А красивое, кстати, здание. Высокое, трехэтажное, чем-то напоминает советский модерн. Форма – словно распахнутые руки, спереди портик с колоннами, парадная лестница, скругленные края. С утра я как-то внимания не обратила... Нет! Мы просто занимаемся в другом здании. А сейчас я смотрю на главное здание спереди.

Интересно, сколько сюда мрамора ушло? Дорого, наверное...

А вот и двери. Резные, тяжелые, сразу видно. Но открываются очень легко. Пальцем ткни. Я вот дернула – и чуть в холл не влетела. Холл тоже здоровущий, сбоку доска с объявлениями. И рядом карта. Эх, сотового нет! Сейчас бы сфотографировать!

Ну хоть так зарисую, условно.

Я достала тетрадь из сумки и вытащила грифель. Да-да, привычных карандашей тут нет, есть грифель в бумажной обертке. Может, изобрести карандаш и запатентовать? Великая вещь пропадает!

Итак, академия. Здоровущий неправильный восьмиугольник. Одной гранью прилегает к горам, одной к морю. Остальные грани, я так понимаю, обусловлены рельефом местности.

На территории академии расположены учебные корпуса – три штуки. По одному на каждый курс. Мы пока занимаемся в здании для первокурсников, потом переползем в соседнее и напоследок – сюда. Еще здесь есть общежития. Две штуки. Большие. Для мальчиков и девочек.

Преподаватели живут в отдельных домиках. Вот они, так и нарисованы. Так и подписано – дома преподавателей. Ясно... мне бы тоже не хотелось жить в общежитии. А у кого-то семьи, дети наверняка.

Я когда Гарри Поттера читала, меня всегда возмущало интернатское житье.

Ладно – дети! Интернаты в Англии в порядке вещей. Хотя тоже свинство, конечно! Вы сами в одиннадцать-то лет поживите без

родителей? Чтобы вас и не обняли, и не поцеловали, и не поругали, если есть за что? Полгода родных не видеть! Да рехнешься! А родителям какво? В жизни бы ребенка в такой гадюшник не отпустила. Край – поселилась бы под стеной школы, и никакой Волдеморт там не прошел бы. Но что – ни у кого из преподавателей семьи нет? А ведь ничего такого сказано не было... Не школа, а цирк уродов. Моральных. Кто не замужем, кто не женат. Зато все заняты – Волдемортов гоняют и мир спасают.

Здесь преподаватели расположились с комфортом, вот парк показан, который отделяет их дома от основного массива академии. Тоже понятно. Уединения хочется, а не студентов из-под окон гонять.

Есть гостиница для вип-персон. Тоже понятно, вдруг начальство приедет, и где его размещать?

Ага.

Собственно драконятник. Или драконарий – как его тут правильно? Да хоть бы и драконюшня!

Полигоны для тренировок занимают примерно половину территории.

Больница. Не пара комнат, а полноценная больница. Целое здание. Говорящий факт. Это не медпункт с вечно сонной медсестрой. Хотя чего удивляться? Даже хомячок человека так покусать может, что месяц швы проносишь. А дракон немножко покрупнее, нет? Отдельно – морг?... Это кого же тут так круто препарировуют?

Отдельно – библиотека.

Отдельно – лаборатория.

Я перерисовывала карту, кое-как карябала расстояния и ориентиры. А и ничего! Потом все выучу!

Успела?

Все успела. И булку дожевать, и карту нарисовать. И до корпуса своего доскакать, того самого, с цифрой один на фронтоне. И на домоводство успела.

* * *

Разша Ирена Понс мне не понравилась с первого взгляда.

Кто должен преподавать домоводство? Кто-то уютный, спокойный, домашний, кругленький. А тут – двухметровая громила, от одного вида которой хочется под стол залезть. И не вылезать неделю! Не поймешь, то ли женщина, то ли мужчина. Половых признаков – только имя, все остальное неопределенно. Волосы длинные?

Тут у всех они длинные. До плеч обязательно, ниже – по желанию. Короткую стрижку я еще ни у кого не видела. А остальное у бабы – какое-то гипертрофированное.

Ей-ей, от такой сбежит даже Кинг-Конг! Быстро. Роняя по дороге кокосовые орехи и надеясь, что не догонят. Суровое лицо, мускулистые руки, длинные ноги, а еще татуировки и шрамы в комплект. Грудь нет, фигура скорее мужская, чем женская. Словно ее тупым топором из дерева вырубали.

Брр!

Понятно, народ молчит и слушает, и лишний раз не дергается. Жить-то хочется! Я тоже сижу над тетрадкой и молчу. Жду. Итак, что же нам расскажут на домоводстве?

Хм, как оказалось – предмет полезный.

Потому что раэша начала не сходя с места посвящать нас в сервировку стола. Ложки, ножи, вилки, крючки, лопаточки, чаши для пунша и для крюшона, чаши для омовения рук и влажные салфетки...

Я писала, не поднимая головы. Еще и зарисовала бегло. Раэша на доске изображала, я перерисовывала в тетради.

И не обращала никакого внимания на взгляды моих соседок. Появились, гидры злобные! Видимо, вахтерша уже отмылась...

И назревали проблемы.

Перед уроком они меня отловить не успели, но после урока наверняка воспользуются представленной возможностью.

И мне придется или как-то подставить их еще раз, или...

Судя по утреннему розыгрышу, я недооцениваю ситуацию. А ведь происходящее – это уже не игрушки. Как тренер и как преподаватель физкультуры – да, есть у меня и такая специальность в дипломе – я сталкивалась с травлей школьников и студентов. И для себя делила все это на три категории вреда. Вред моральный, материальный и физический. Знаю, что у психологов другая градация, но мне бы практическое применение, а не теории по Фрейду.

Проще всего с моральным вредом. Есть шуточки гадкие, но безобидные по сути. То, что обидно, противно, но не несет физического вреда. К примеру, гадкие прозвища. Или бойкот. Это неприятно?

Да это просто песец! Но тем не менее... дразни меня хоть кучей навоза, лишь бы мухи не садились! Это случается, но если жертва травли достаточно сильна, чтобы все преодолеть и выдержать, он или она еще и сильнее станет. Более того, повзрослев, никто и никогда об этом и не вспомнит. Кроме самой жертвы... впрочем, это сейчас не так важно.

Есть вариант травли, который не несет вреда физического, но несет материальный и репутационный. Поиграть в футбол рюкзаком жертвы, спрятать пенал, попортить одежду, грохнуть домашнее задание... думаю, с этим все тоже сталкивались. Страдает кошелек, страдает репутация, ты ведь не объяснишь преподавателю, что это Вовка, к примеру, тетрадкой зад в туалете вытер...

И самый неприятный вариант. Физический.

То, что и происходит с Каэтаной. До меня как-то не сразу дошло, а ведь все к этому. Беззащитность жертвы, видимо, спровоцировала подонков на активацию травли. Или как-то это научно сказать можно – не суть. Суть в том, что тигров не травят, травят обычно зайцев.

Матиас приглашал девчонку во двор – зачем? И ведь не просто во двор, в башню... он ее испугал. Чем это могло кончиться?

Падение с лестницы – было. И в результате в полудохлую тушку переселили меня. А как насчет других вариантов? Того же изнасилования? Могло быть и так, а испуганная и забитая Каэтана попросту побоялась бы слово против вякнуть. Если бы вообще не пролежала в обмороке весь процесс.

Девчонки решили облить Каэ чернилами.

Безобидно? Ха, как бы не так!

Знаете, что входит сейчас в состав чернил? Я вот знаю. Сажа, клей, дубовые орешки, камедь, кислота... короче – фиг ототрешь. Только с верхним слоем кожи, недели за две-три. Я уж молчу про волосы, про раздражение... вахтершу я подставила серьезно. Но кто ж мог знать, что эти дуры такие дуры?

Надо полагать, они и получили сейчас по полной. И вызов к ректору, и трепку, и что-то еще приятное... мне с ними еще одной

ванной пользоваться. И что делать?

Сыграть сейчас беззащитность и заблестеть? Это не для меня. И боюсь, тогда мне придется идти на отработки вместо них или еще что-то неприятное сделать. Придумают – что. На гадости у таких голова отлично работает!

Вариант второй. Показать клыки и когти – и напугать. Но получится ли?

А, не попробуешь – не узнаешь. Терпеть и молчать у меня все равно не получится, характер не тот. Но делать надо так, чтобы меня потом ни в чем не обвинили. Хоть ты убивай, но не попадайся.

Пока не уйдет преподаватель, разборок не будет. Но и при всем классе лучше их не допускать. Тогда что? Тогда их надо просто спровоцировать на разборки в удобном месте и в удобное время.

Надо уйти чуточку пораньше и свернуть... ага. План я помню, есть очень удобный проулочек между нашим учебным корпусом и библиотекой. Пробуем!

И я принялась записывать дальше.

* * *

– А ну, стой! Ты, дрянь!

Олинда Оливера наступала на меня первой, сжав кулачки. И я заметила на них чернильные следы. Каэтана в таких случаях бледнела, мямлила, пятилась. Я наоборот, шагнула вперед.

– Я дрянь? Еще раз ты, подруга, попробуешь меня чернилами облить – я тебе их в глотку залью. Ты поняла?

Получилось у меня очень неплохо. Так низко, с рычащими нотками. Судя по всему, девчонку пробрало. Я продолжала шагать вперед, заставляя уже ее пятиться. И две ее прилипалы тоже двигались задом наперед.

– Я тебя трогала? Я твои вещи портила? Я у тебя парней уводила? Я тебе хоть слово лишнее сказала? Так какого дракона ты ко мне лезешь, а? Проблем надо? Я тебе их устрою!

– Да что ты...

Голос звучал не слишком уверенно. Эсса Оливера не ожидала агрессии и потеряла несколько позиций. Теперь надо ее дожать.

– Сегодня ты напакостила вахтерше. Не мне, поняла? И будешь отрабатывать. В следующий раз получишь еще сильнее.

– Это ты виновата!

– А ты докажи? – невинно предложила я.

Взгляд красотки заметался. И я поставила точку:

– Запомните. Вы, все три! Первая я ни к кому не полезу. Но отвечу так, что костей не соберете.

Развернулась и пошла.

Осознанно. Расчетливо и подло провоцируя Олинду напасть. И конечно, та не выдержала. Вцепиться мне в волосы, прямо в пучок, дернуть назад, свалить, попинать ногами... и чего будут стоять мои угрозы?

Какая разница, что там орет поверженный враг? От «Я тебя убью!!!» до «Свободу попугаям!!!». Это уже никого не волнует. Пусть орет!

Наивная душа! Да кто ж тебе вцепиться-то даст!

Шаг в сторону, вовремя подставленная нога – и легкий, почти незаметный толчок в спину. Для этого и боевых искусств никаких не надо. Ну кто, кто нападает, когда солнце светит в спину и по метнувшейся тени видны все твои движения? Тьфу, дилетанты!

Позорище!

Олинда так загремела костями о дорожку, что мне камни стало жалко. Ей-ей. Даже искры почудились на минуту. Ничего, не покалечится.

Девчонки дружно завизжали.

Я сделала им ручкой.

– До больнички эту идиотку сами дотащите. За добавкой можете обращаться. Салют!

И развернулась.

О-о-о-опс!

В проулочке, заслоняя мне выход, стояла наша преподавательница домоводства.

– И что это было?

После дружбы с баскетболистами меня не напугать ни ростом, ни весом. Так что я мило улыбнулась.

– Расстановка приоритетов.

– Я бы сказала, раскладка. – Преподавательница задумчиво изучила тушку Оливеры. Та не вставала, видимо – сильно навернулась. Но дышала, так что выживет. А если стесала нос... будет девушка породы мопс.

– Не одобряете, раэша? – так же светски поинтересовалась я.

– Не одобряю. Врагов лучше добивать.

Подружки-побрякушки побледнели. И Фатима, и Севилла. Кажется, даже квакнуть что-то попытались. Я так же мило улыбнулась в ответ.

– Если бы это был враг – безусловно. Но это просто спесивая дурочка, так что я дала ей шанс. Следующий несчастный случай произойдет или на берегу моря, или в драконарии...

– Советую помнить, что драконы не съедят зараз больше двадцати килограммов мяса. И могут остаться ткань, украшения.

– Не останутся, – заверила я.

– Замечательно. А вы две – что? Взяли это, – преподавательница небрежным жестом показала на тушку эссы Оливеры, – и потащили на своих плечиках в больничку. Я с вами схожу, проконтролирую.

Девчонки побелели, но к Олинде подошли и перевернули ее. Я поняла, почему она не двигалась. Добротная шишка размером с куриное яйцо на лбу, окровавленный нос, который, кажется, станет курносым, ссадины...

И ведь я ее почти не трогала. Все сама, все законы физики. Инерция там, масса тела, помноженная на скорость, корень квадратный из злости...

И поделом!

– Спасибо, раэша, – поблагодарила я преподавательницу. Я отлично понимала, что за этим стоит.

«Проконтролирую» – чтобы версия девушек не включала злую Каэтану Кордову, которая налетела, запинала, поиздевалась... могли наврать?

Да в любой момент!

Теперь уже не смогут.

Ну и фиг с ними. Мне надо в библиотеку, туда я и отправилась.

За спиной кто-то злобно пыхтел. А вот так вот! Это вам не беззащитную девчонку гонять!

Библиотекарша смотрела на меня с искренним отвращением. Выглядело очень впечатляюще. Да и сама эсса – тоже.

Да, эсса.

Здесь есть забавная градация, по которой носить золото разрешено только эсам и эссам. Вот те и носят. Остальные обходятся медью и серебром. Видишь на человеке или колечко, или цепочку, сережки из золота – эс. Или эсса.

На этой золота хватало. И на пальцах, и в ушах. Больше эссе похвастаться было особо нечем.

Средних лет, среднего телосложения, некогда симпатичная, но сейчас стремительно теряющая даже остатки былой красоты, она явно это понимала. И играла доступными ей средствами.

Белейшая блузка. Белая лента в волосах.

Длинная черная юбка. Черная камейка на блузке. Пенсне (в золотой оправе), через которое меня разглядывали, как пятно плесени на потолке. Увы – после нашего тренера мне и смеяться было лень. Также мне, Лаврентий Берия нашлась! *Пенсню* надела!

Еще усы отрасти! И трубку возьми.

– Эсса Кордова. Что вам угодно?

– Книги, – решила я.

– Вы в библиотеке. – Тон намекал, что сюда за селедкой и не приходят.

– Правда? А каталог у вас где?

Тетка перекосилась еще больше, но каталог мне указала. Да, именно та самая система, с карточками и алфавитом.

– А тематический?

Тематический каталог тоже нашелся. И я закопалась для начала в мироустройство. Выписала два десятка книг, попросила принести их и принялась пролистывать. Потом попросила периодику.

Пропустила ужин.

Едва не забыла про отбой. То есть забыла – библиотекарша намекнула, что ее рабочий день тоже конечен. Взяла на дом шесть книг и поплелась в общежитие груженная, как верблюд. В голове царил хаос, который постепенно складывался в систему.

Академии как таковой там не было. То есть плевать, чему нас тут учить будут. Хоть бы и стихосложению или картофелеводству, главное все равно не это.

Главное – драконы.

Каэтана не знала толком, чем занимался ее отец. А вот я начинала подозревать.

Драконы – громадные ящеры. Как люди смогли одолеть их, подчинить, поставить себе на службу? Знаете, сколько гибнет дрессировщиков в тех же цирках? Знаете, сколько травм в зоопарках?

Это Джеральд Даррелл писал о милых зверюшках. А в реальности... покóрмите вы орешками милую белочку? Кормите, пожалуйста. Но не забывайте, что она вам может проштамповать руку тридцать раз за минуту. Кости, может, и не разгрызет, а вот мясо в лохмотья превратит. Нервы, сухожилия...

Дело в том, что драконы разумны. И способны к ментальному общению.

Нет-нет, так прямо это в книгах не значилось. Но если уметь читать, работать с информацией, обрабатывать ее – понять несложно. Никто не задумывается, но человек двадцать первого века мыслит вдвое-втрое быстрее человека начала двадцатого века. Мы с рождения живем в сплошных потоках информации, и, чтобы не захлебнуться, мы либо учимся извлекать из нее ценные зерна, либо...

Либо мозг захламляется чем попало.

Сколько человек могут перечислить героев сериалов? А сколько – воспроизвести законы Ньютона? То-то и оно, фильтровать надо.

Я фильтровать умела.

Смысл был именно в этом. Ящеры способны к телепатическому общению. Но... не со всеми. И именно из этих самых «не всех» постепенно выковалась аристократия. Эсы и эссы. Но я так поняла, что эту способность обеспечивал рецессивный ген.

А что с ними происходит? Вырождение.

Поэтому эсы старались жениться и выходить замуж исключительно в своих кругах. Вот это и дает академия. Иллюзию выбора.

Здесь парни получают своего дракона, а заодно приглядываются к женам, зная, что только нужный брак обеспечит им полезное потомство с нужными генами.

Возможно.

Наверное.

Проблема в том, что не всегда этот самый рецессивный ген активируется. Да, можно сидеть у клеток с драконами, можно биться головой об стену, но нет гена – нет взаимодействия. И такое случается, потому что часть наследников... ну, тут как в анекдоте. Я делаю графской жене графьев, а он моей – пекарей.

Не все эсы способны взаимодействовать с драконами. И в то же время есть простонародье, которое на это способно. И упускать их глупо.

Для таких выделяются квоты, стипендии, но считаются они – второй сорт. И дальше по поговорке: второй сорт – не брак. Сойдет и так.

Не для брака то есть.

А чтобы не возникало коллизий... ребят из простонародья готовят отдельно. И муштруют намного жестче, и, разумеется, женщин среди них нет. Просто нет. Здесь общество достаточно регламентированное, место женщины – в семье и на кухне, а такие, как наша преподавательница домоводства, – это исключение. Таких единицы.

Конечно, дорожки пересекаются. И конечно, мальчишки друг друга задирают. Но эсы в это не вникают.

В общем-то, логично.

Сословное общество, дело женщины – удачно выйти замуж. Может ли считаться удачным брак с бывшим пекарем? Или вообще нищим? У которого ни поместья, ни денег, ни связей... только умение летать на драконе? Фактически эти ребята – пушечное мясо. Но дорогое, потому как драконов ограниченное число. А морских тварей много, и они голодные.

Вспомнилась Энн Маккефри с ее вейрами.

Да, пожалуй. Сходство есть, но система тут другая. И холдов нет, есть государства. И драконы принадлежат лишь одному из них, и по стране отборы... Ладно, я так поняла, что шансы у ребят из других стран есть. Но не слишком серьезные^[7].

В комнате я почти упала на кровать и уставилась в потолок.

Способны ли эсы из других королевств взаимодействовать с драконами или только местные? Как драконы, которые, вот хоть тресни, выводят детенышей только здесь? Не вызревают их яйца

нигде. Вообще нигде, ни в одном другом месте! Хоть ты их золотом обложи!

Это неудивительно. В инкубаторе знаете сколько условий? Температура, влажность, да много чего разного и неприятного. Нарушишь – цыплята подохнут.

Те же кистеперые рыбы живут только в одном месте планеты. В других – никак. Условия не подходят.

А с местными людьми что?

Может, в результате проживания именно в этой местности у них сформировалось что-то такое? Как зоб или складка на веке? Или неустойчивость к алкоголю? Или полидактилия?

Какая-то особенность, которую можно установить только сравнительным вскрытием?

Я потянулась за картой. Если суммировать то, что я прочитала, логично предположить, что сначала драконы достаются своим, а чужим – по остаточному принципу.

Более того, у местных аристократов есть три года, чтобы наладить нужные связи, получить своего дракона, найти супругу. У местных разнов есть только год. Если за год они не привяжут к себе дракона, они отправятся на улицу. Если привяжут – их начинают натаскивать на боевые вылеты.

Дальше все уже зависит от парней и драконов.

Или их сожрут, или их не сожрут. Могут дослужиться до высоких чинов, могут не дослужиться. Дело военное, дело житейское. Кстати, дворянство они получают. Но личное и безземельное. Эсы, но второго сорта. Могут пристроиться зятьями в богатую семью, а могут погибнуть. Могут жить на пенсию от государства. Минус – их дети уже дворянства не получают. Они тоже второго сорта. Да и не так их много. И драконов немного, и вот таких ребят, и гибнут они чаще, чем благородные. Это как у нас, есть президентские войска, а есть спецназ. Где больше процент потерь?

То-то и оно...

А вот в чем я должна найти равновесие?

Между Равеном и остальными королевствами?

Между Наресом и другими континентами?

Я обдумала этот вопрос, но потом покачала головой. Нет, так добра не будет. Драконы – это ядерн батон. Но это разумный батон.

Воевать друг с другом не будет, но... человек же тварь такая! Что будет, если у наездника отобрать дракона?

Если у дракона отобрать наездника?

Кто и как это воспримет?

Есть ли у драконов пара – или они размножаются, как кошки по весне? Потому что шантаж был, есть и будет отличным методом воздействия. Шантаж жизнями родных и близких, привязанностями, ошибками – да чем угодно!

Надо подробнее узнать о природе связи между человеком и драконом.

Кстати! А всадницы встречались? Или у драконов летают и сражаются только мужчины? И у людей тоже? Допустим, у людей рецессивный ген как-то связан с игрек-хромосомой и передается только парням. А у драконов?

Не знаю. Надо копать и искать. Легко сказать – равновесие! Найти его гораздо сложнее.

И неплохо бы на ночь подумать о жизни. Кстати говоря...

Я вооружилась шваброй и ею же осторожно открыла дверь в санузел. Нет реакции.

Проверила пол, потолок, пространство перед собой, огляделась – все чисто. Не стоит обольщаться, это сегодня, пока Олинда в лазарете, а ее подруги заняты отработками. Потом мне будет намного веселее. Или им будет намного тяжелее.

Или... посмотрим! Если я в спортзале с пожарным инспектором общий язык нашла, неужели я тут трех дурочек не укрошу?

Мне будет очень стыдно.

А пока – в душ и баиньки.

Отключилась я мгновенно, стоило только головой подушки коснуться.

* * *

Истошный вой будильника выдернул меня из дремы, заставил подскочить и вцепиться в подушку судорожно искривленными пальцами.

Твою ж так!

Каждый день я этого не выдержу. Срочно в душ и на зарядку.

Повезло – душ был свободен, так что я рысью пронеслась через две кабинки – и вылетела в свою комнату. Эх, хочу ванную!

Джакузи!

С пеной, с аромамаслами, с удобной подушечкой под голову. И лежать... и еще музыку для релакса. И хотеть я этого буду долго. А еще душ Шарко и массаж.

А правда, есть ли здесь подобные комплексы? Нет, не бордели, а именно как в салонах красоты? Чтобы куча процедур и обязательно такой отдых? Надо узнать.

Если мне жить в этом мире, надо найти возможность в нем и зарабатывать. А заодно почитать законы. Что я могу, чего я не могу...

У Каэтаны в голове была одна программа. Выйти замуж – нарожать детей – помереть.

За кого? Папа укажет! Сколько рожать? Муж скажет. А помереть? С этим тоже найдется кому помочь. Уже нашлось.

У меня были другие планы на жизнь.

Однозначно, сегодня опять библиотека.

* * *

Первые два занятия прошли спокойно. Проблемы начались за обедом. Стоишь ты на раздаче, никого не трогаешь... знаете подлый приемчик? Коленом под колено?

Так и уронить можно, особенно если на опорную ногу надавить. Меня уронить не получилось, но – какова наглость? Я обернулась и чуть не нос к носу оказалась с Яриной Лонго.

– Осторожнее.

– Ты что, Кордова, уже на людей кидаешься? Я стою, тебя не трогаю...

Ага. Это мне тоже знакомо. Я ни при чем, а ты чего на меня? Что она сделала – никто не видел. Что я отвечу – узнают все. Я тут же перестроилась и расплылась в идиотской улыбке.

– Что ты, Лонго! Я думала, ты сейчас упадешь, ты ж на меня почти легла. С матрасом перепутала?

– Я? На тебя? Да до тебя щипцами не дотронешься! Ходишь в обтрепках!

Я мгновенно скорчила обиженную рожицу.

– Лонго... я понимаю, что моя семья беднее... и на роскошные наряды у нас денег нет... с твоей стороны жестоко мне напоминать об этом!

Ярина захлопала глазами. Но сориентировалась быстро.

– Ты бредишь, что ли, Кордова? Какое мне дело до твоей семейки?

– Вот и я думаю, что никакого, – тут же согласилась я.

Инцидент исчерпан, скандала не получилось, а что спиной к девицам лучше не поворачиваться, я и так знаю. И выгляжу я привычно – как больная мышь. И волосы собрала, и очень жалею, что косметики нет. Сейчас бы еще выразительнее получилось! Если бы тени под глазами, тени над глазами – грамотный грим чудеса творит!

Вечером я снова отправилась в библиотеку. Сейчас я уже знала, что искать, и стало сложнее. Не нашлось этой информации в свободном доступе. Вообще.

Странно еще, что остальное было. Или нормально? Такие вещи не скроешь, это нереально. А вот откуда можно узнать механизм связи с драконами?

Надо полагать, данные есть. Но где? Расспрашивать людей? Я бы не рискнула. Это мгновенно привлечет внимание, вызовет встречные вопросы...

Копаться дальше в библиотеке? Безусловно! Но это полумеры.

А если... если попробовать подойти с другой стороны?

Я нагрузилась книжками и решительно направилась к схеме академии.

Вот теперь я лучше понимала остальные обозначения.

И понимала, что вот это явно общежитие для раэнов – отделено от нас парком с домиками преподавателей. Вот это явно их тренировочное поле, а вот отдельной больницы не сделали. Поэтому наша такая большая. Надо полагать, лечат эсов и раэнов в разных крыльях или на разных этажах – чтобы не передрались и не переругались. Может, туда заглянуть?

А кто меня туда пустит? На отработку – это на кухню. Нет, так дело не пойдет. Ничего, у меня три года впереди. Это мало, но я что-

нибудь придумаю. А для начала... у нас послезавтра выходной?

Надо помириться с соседками по комнате. А то в туалет нормально не сходишь.

* * *

Выходной день!

Красота!

Все, у кого есть время и деньги, идут на ярмарку.

Да-да, вот так! Академия стоит на побережье, но города рядом с ней нет. Невыгодно. Именно это побережье усеяно рифами и мелями, почва здесь каменистая и скальная, так что и не причалишь нормально, и ничего не вырастишь. Зато для тренировок – раздолье. Драконы летают, как те «кукурузники», по сорок раз на дню.

И опять же...

Здесь к морю примыкает Драконий хребет. А драконы – они характерные. И во время беременности им нужен покой. Им только города под лапой не хватало!

Обычная-то женщина в это время мечтает разнести все вдребезги и пополам!

А если в женщине несколько тонн? А еще она бронированная и с когтями? Плотноядная и может дышать огнем? Вы все еще мечтаете оказаться с ней рядом?

Так что городка рядом с академией не возникло. До ближайшего поселения – часов восемь пути.

Но!

Есть ученики. И у них есть деньги! И эти деньги хочется потратить! Что делать?

Правильно, ярмарку.

Отвести для этого важного дела площадку неподалеку от академии и устраивать там каждые десять дней мини-базар.

С утра девятого дня купцы выезжают из городов и сел, спокойно за сутки добираются и устраиваются, с рассвета торгуют всем – от пирожных до платьев, а потом, после полудня, отправляются домой. В полдень ярмарка закрывается – и все свободны, всем спасибо.

Это тоже связано с драконами.

Ящеры вполне себе разумны и просто так не атакуют. Но... если над вами проносится тушка метров тридцати-сорока в длину, вы будете думать о ее разумности? Лошади, ослы, мулы – не будут. А драконы, опять же, не могут сутки сидеть на месте. До полудня еще ничего...

Может, изобрести здесь велосипед? Ему драконы параллельны...

Ага, если бы я еще помнила, как эта пакость ездит. Два колеса, педали, цепь с зубчиками, но собрать это? Не-не-не, без меня.

Велосипед отменяется.

В день ярмарки я встала заранее. И дверь в общую душевую открывала осторожно, чтобы не нарваться. Соседки были весьма злы. И отработки, и трепка... только вот будет ли урок впрок? Или они добавки попросят?

Проверять не хотелось. Я сделала все дела и устроилась у окна, ждать будильника. А когда он протрубил, накинула плащ и вышла из комнаты.

Очень удачно, кстати.

Плащ у Каэтаны был простой, из серой шерсти, теплый и уютный. С глубоким капюшоном, из-под которого ничего не было видно. Но на всякий случай я распустила волосы и выпустила пару прядей на волю. Каэтана локоны стягивала в гульку, так что... авось не сопоставят. А с утра еще темновато и прохладно...

Сойдет.

Никто не поймет и не прицепится.

Вот и эс Лиез во дворе, сестру сопровождает. Нет, не узнал. Скользнул взглядом, но в общей толпе я была самым неприметным элементом. Снять капюшон и назвать имя пришлось только на воротах. Сторож сверился со списком наказанных и кивнул головой.

– Кордова? Таких в списке нет, проходите.

Я и прошла.

* * *

Как я поняла из памяти Каэтаны, на ярмарке она не была ни разу. И денег не было, и страшно. Папаша постарался, вырастил рака-

отшельника. Актиний ему за это в... ладно! Не будем ругаться, мне некогда. У меня есть целый список того, что нужно.

И для начала – меняла.

Банковская система здесь есть, только в зародышевом состоянии. И расписки принимаются.

Палатку, над которой развевался флажок с изображением монет, я выцепила взглядом мгновенно. Туда и отправилась. Успела первой.

Меняла, осанистый раэн лет пятидесяти, с короткой черной бородкой и маслянистыми глазками, посмотрел на листок в моей руке.

– Хм... эсса, у меня столько денег нет.

– Нет семи тысяч солеев? Позвольте вам не поверить? – удивилась я.

– Эсса, подумайте сами, мне бы сюда телегу пригонять пришлось, – вздохнул меняла. – Золото, серебро, медь... может, согласитесь погасить расписку частями?

Я прищурилась.

– По курсу?

– Пять процентов мои. Две тысячи солеев я вам выдам, остальное распиской.

– Два процента. И вы мне выдаете пятьсот золотом и еще пятьсот серебром и медью пополам, – подсчитала я.

Меняла скривился.

– Эсса...

– Торговаться не буду. Это и без того для вас выгодно, – предупредила я.

Вообще-то особенности местной конвертации я не знала, но чтобы эти барыги себе в ущерб работали? Ха! Смело дели любое предложение втрое и торгуйся до половины.

– Вы меня грабите, эсса.

– Неужели? – усомнилась я. – А если проверим? Я эту расписку и в академии могу обналичить, но вы останетесь без заработка.

– Три с половиной процента.

– Два с половиной. И по рукам.

Сторговались быстро. И я покосилась на сумку.

Вот считаем. В среднем один золотой весит около восьми граммов. Серебряная монета – четыре грамма. Медная – около двух граммов. Получается около семи килограммов веса.

Холщовая тряпка, которую я нашла у Каэтаны, не выдержит даже медяков. По швам разойдется.

Меняла покачал головой.

– Эсса, вот ваша расписка на пять тысяч восемьсот двадцать солеев.

– И? – насторожилась я сумме.

– А вот это вам. Практически в подарок.

Протянутая мне сумка этих пяти солеев стоила. Определенно.

Квадратная, черная, кожаная, с хорошо прошитыми уголками, она напомнила мне любимый шоппер.

Более того...

– Здесь в дне, смотрите, эсса...

Плотно прошитая сумка держала форму не просто так. Если кто-то ее прорежет... может резать и дальше. Потому что внутри, на дно, была вставлена коробочка из тонкой жести. По объему – до половины сумки. Не слишком удобно, но в нее прекрасно можно сложить мешочки с монетами. И видно не будет, и не повытаскивают так уж просто... кожа толстая, свиная, а дальше-то жестяная стенка.

Вес?

Ну... Вес – отдельный вопрос. Но кто мне мешает отнести бóльшую часть суммы в академию и вернуться опять на ярмарку?

Да никто.

Эх-х-х... кстати! А колесо тут знают! Почему бы и не?..

– Разн, я благодарна вам за сумку. Но хочу заметить, что носить ее тяжело. Скажите, а можете вы заказать сумку персонально для меня?

– Эсса?

– Я оплачу работу мастера.

Я достала из холщового серого безобразия тетрадку, грифель – и в несколько движений изобразила то, что известно всем женщинам России.

Сумку на колесиках.

Нет, не чемодан, а самую обычную сумку на винтах.

Ручка регулируется по длине в два стопора. Рамка. На ней сумка. Колесики на раме. Хочешь – мешок картошки перевози, хочешь – сумку набивай. Вроде и не слишком оригинальная идея, но кажется, здесь такого нет?

Хм... судя по вспыхнувшим глазам торговца – нет.

- Эсса... это интересная идея.
- Разн... как я могу к вам обращаться?
- Разн Лутаро Мора. Эсса?
- Кордова. Каэтана Кордова, к вашим услугам.
- К вашим услугам, эсса.
- Разн, это не единственная моя идея.

Темные глазки вспыхнули еще ярче.

- И как вы намерены распорядиться идеями, эсса?

– Я думаю, ими мог бы пока распоряжаться мой представитель, – вежливо намекнула я. – За пять процентов чистой прибыли. Заключая договора, следя за их исполнением... Как вы понимаете, я – эсса, то есть сильно ограничена в своих действиях. А моей семье мои идеи и подавно не интересны. Но если на них можно сделать деньги... вы меня понимаете?

Патентов тут пока еще не было. Но гильдии были. И мастера. И за соблюдением своих интересов они следили строго.

– Двадцать процентов от чистой прибыли, эсса, и вы не найдете лучшего представителя.

Я подумала.

Двадцать процентов пока было от сотрясения воздуха. Но не поторговаться?

– Разн, предлагаю вам – для начала – пятнадцать процентов. А когда наша прибыль перейдет порог... скажем, десяти тысяч солеев в год, увеличим вашу долю до двадцати процентов. Согласны?

– По рукам, эсса. Составим договор?

Я кивнула.

Перед палаткой вытянулась приличная очередь. Человек двадцать. Но нам было не до того. Мы закладывали фундамент будущего благосостояния.

А что?

Если невесть сколько веков сумочка была обычным мешочком? Который тупо украшали цветами и кружевами? А я могу многое предложить. Те же портфели для бумаг.

Те же рюкзаки, в том числе и военные, и альпинистские, и охотничьи... это все разные виды рюкзаков, если что. Да тут поле непаханое!

Разн это тоже понял. Даже на нарисованной мной раме уже можно сделать состояние! А если еще сумки туда добавить!

Вы сами пробовали ходить на рынок с корзиной? Корявой, неудобной, которая висит у вас на локте? А груз в нее складывать? А таскать за собой?

Рехнешься!

А тут – радость! И главное, делается-то легко! В любой кузнице за полчаса вам такую раму склепают. Устройство стопора вызвало чуть больше удивления, но идею разн ухватил за пару минут. Как говорится – берем!

Заверните три штуки!

И сами сумки можно делать разные! И за собой эту конструкцию тащить, и перед собой толкать... такое в каждый дом понадобится.

– Эсса, я приеду на следующую ярмарку, – пообещал мне разн Мора. – Вы придете?

– Разн, а вы успеете?

Меняла задумался.

Пока до столицы, пока там, пока из столицы...

– Может, через одну или две ярмарки. Вы правы, эсса. Вы будете приходить?

– Если не получу наказание. – Я развела руками. – Я постараюсь. Или вы найдете меня, как сможете приехать.

– Если вы не придете, я буду ждать вас у ворот академии в полдень, эсса. Как только смогу приехать на ярмарку.

– А...

– Если вы наказаны, вас просто не пустят развлекаться. Но поговорить вы можете. Я скажу, что привез для вас письмо и передам его только вам в руки.

Я кивнула и улыбнулась.

– Договорились, разн.

– Договорились, эсса.

Забывшись, меняла плюнул на ладонь и протянул мне руку. Ровно через две секунды спохватился, что не то делает, но было поздно. Я поступила так же – и наши пальцы сплелись.

– По рукам, разн.

Деньги сближают, объединяют и помогают найти общий язык. Я это точно знаю.

Второй раз на ярмарку я вернулась с сотней золотых, сотней серебра и сотней меди. И начала «от яйца».

Платья я менять пока не буду. Мне нужно только одно платье, в котором я буду похожа на человека. На всякий случай. Но это пока потерпит. А вот приличное белье – обязательно. И обувь.

И письменные принадлежности. И...

Обязательно посетить небольшую походную кузницу.

Мне нужно кое-что для самозащиты.

Получив мой заказ, кузнец почесал в затылке, но пообещал сделать нужные вещи к полудню. Да там и не слишком сложно было.

В сумку последовательно укладывались: тапочки типа чуни войлочные, теплые носки – несколько пар, шерстяные гетры, две фуфайки с начесом, легкие туфельки, башмачки и сапожки. Потом я совершила визит в кузницу, где кузнец, не сильно удивившись, поставил мне подковки на каблучки сапог и ботинок, а заодно вложил в носы утяжелители. Недаром же я взяла обувь на пару размеров побольше, чтобы место было. Ножка, кстати, у Каэтаны была вполне аристократическая. Я бы сказала – не больше тридцать седьмого размера.

Потом – лавка готового платья. С бельем разобраться было проще. Шелк и только шелк. Нижние рубашки, ночные рубашки, пеньюары, чулки, панталоны, подвязки – дамский конфекцион тут был на уровне девятнадцатого века. Хорошо еще – без корсетов.

Платье я не покупала. Пока походим серой мышью, хоть и противно. Платье нужно. Хотя бы одно, но в лавке пока ничего подходящего не было. Заказывать – дорого и долго, а покупать абы что и делать из себя еще большее чучело? Увольте!

Вот средства гигиены я прикупила на красный день календаря. Подушечки, набитые мхом, и специальный пояс. И больше ничего.

Книжная лавка.

Запас тетрадей. Грифели разных цветов, чернила, несколько книг. Не удержалась. Сборники законов: законы Равена, Санторина, Алиры. Все, какие были.

Сказки и легенды.

Местные Книги Духа. Книга Сантора. Книга Даннары. Остальные трое богов мне не знакомы. Ничего, познакомимся. И молитвенники тоже заверните.

Две дюжины листов гербовой бумаги для сделок. Специальной, опечатанной.

Минус два десятка золотых в итоге. Не день, а разорение. А еще мне предстоит визит в продуктовую лавку. И за косметикой.

Украшения?

Лучшее мое украшение – молодость. И как же приятно быть снова молодой! Заглядывать в зеркало и не видеть там морщин, не видеть кругов под глазами, не чувствовать усталости даже по утрам.

Ладно-ладно, в мои тридцать пять я могла заткнуть за пояс многих двадцатилетних. Но это давалось мне трудом и умом. А здесь и сейчас есть все. И еще долго будет, если я не запущу себя.

Кстати – средства для ухода за волосами тоже надо.

А вот шпильки для волос с цветами – нет. Только обычные невидимки. И шали не нужны. И... ладно! Парочку дайте. Вот эту, голубую, теплую. И вот ту, газовую, с вышивкой цветами.

Уф-ф-ф-ф!

Тяжкое дело – ходить по магазинам.

И это я еще продуктовые лавки не обошла. Хватит с меня столовской кормежки, даешь заначки!

* * *

В академию я вернулась только к полудню. Сама нагрузилась как верблюду, и трое посыльных, которые тащились за мной, были нагружены не хуже. Денег в сумке осталось на доньшке. Но все ведь нужно! Это все должен был для Каэ купить отец. Он не сделал? Так я восполняю. Это не роскошь, это житейская необходимость. И не говорите мне, что пирожные к ней не относятся! Еще как!

Здесь даже какао-бобы есть! Только местные пока не знают, что с ними делать, и просто жуют для бодрости.

И зерна кофе! И его умеют здесь варить. Правда, в Санторине в основном. В Равене он не слишком популярен. Я взяла себе мешочек. И крохотную турку. И небольшую жаровню. И запас пряностей.

Ладно-ладно, с пряностями я немного переборщила. Но очень хотелось.

А еще запас «на голодный день». Растущий организм Каэтаны требовал еды. Нормальной. А не столовской, которую получал последние несколько месяцев. Дома Каэ могла хоть на кухню заглянуть, и повариха, втайне от папаши и гувернантки, вручала девушке ломоть хлеба, щедро смазанный маслом и посыпанный сахаром. Здесь же...

Что не пропадет в комнатных условиях?

Галеты. Сухофрукты. Сок и варенье. Так что...

На воротах оглядели мои запасы, махнули рукой, да и пропустили. Народ тянулся в академию, и тщательно досматривать меня ни у кого времени не было. На что я и рассчитывала.

И для начала распахнем все покупки и навестим невинно пострадавшую вахтершу.

Интерлюдия

1

Разша Ония сидела в своей комнате и злилась. И причины у нее были.

Но кто ж знал?

Кордова точно не знала, у нее бы ума не хватило! И эти мелкие поганки не знали! Но результат все равно плачевный! Кожа на лице шелушится, волосы пришлось окрасить в черный цвет, а он ей категорически не идет, и настроение отвратительное, и чернила еще видны, и на ярмарку не сходишь...

Стук в дверь женщина восприняла как личное оскорбление.

Вот сейчас она всех тут... Линда встала с кровати с намерением разнести всех вдребезги и пополам. Но стоило открыть дверь – и гневные мысли попадали от удивления. Какое тут ругаться?

На пороге стояла Каэтана Кордова.

И смотрела очень смущенно.

– Разша Ония, я прошу прощения за беспокойство...

Разша едва сама не упала. Вслед за мыслями. Чтобы эсса? Извинялась?! Там небо на землю не упало заодно? Может, стоит проверить?

Но Каэтана выглядела искренне смущенной.

– Разша, я прошу у вас прощения. Я не знала, что задумали эти балбески, мои соседки. Но вы-то и вовсе ни за что пострадали. Пожалуйста, не держите на меня зла?

И в руки разши лег увесистый сверток, от которого так запахло пирожными, что у женщины аж слюна потекла.

– А... э...

– Еще раз прошу у вас прощения, разша. – Каэтана слегка поклонилась, развернулась и ушла. А разша осталась стоять дура дурой.

Чего уж там!

Всякое за последние годы с ней бывало! И подкупить ее пытались, и запугать, и надавить, и подольститься... а вот извиняться никто не приходил. Ни разу. Эссы по умолчанию считали, что они всегда правы. Приходилось разубеждать.

Так что сегодня раэша получила новый опыт.

А заодно корзиночку с удивительно вкусными пирожными. Дорогими и вкусными. И банку крема для лица. Тоже безумно дорогого. Не меньше пары золотых стоит такой.

Настроение у раэши как-то и улучшилось. И под вечер она решила, что не держит на Каэтану зла. Бывает... не она ж те чернила подливала? Вот, сразу ясно, что девочка не виновата, девочка хорошая, уважительная... надо бы за ней приглядеть. Мало ли что?

Обязательно надо приглядеть, мало ли что другие мерзавки придумают! А тут и раэша Ония подоспеет. И плохим будет наказание, а хорошим награда. Все по книге Даннары. Там еще пирожные остались?

2

Фатима Ломбардо не слишком удивилась, когда в дверь постучались. Не в ту, которая со стороны коридора, нет. Ее вызывали в душевую.

Что ж. Это не удивительно, секретничать они с Олиндой предпочитали именно там. И Севилла к ним частенько присоединялась.

Каэтана – нет. Кому может быть интересна эта серая мышь?

Они вот отработают на кухне, а потом с ней как следует разберутся. Пока сил нет... и времени. Ничего, было бы желание!

Нос Фатимы уловил чарующий запах.

Корица, ваниль... пахло пирожными. Да не абы какими! Дорогими; кажется, она даже кондитерскую знала. Раэши Баум... бешеные цены, но так вкусно! Еще и привозит она пирожные не каждый выходной. И раскупают их мгновенно... практически!

Желудок жалобно квакнул, намекая, что такие радости ему не часто предлагают. Может, хозяйка, приглядимся?

Фатима и пригляделась. И даже рот открыла.

На полу душевой были уложены четыре подушки – и небольшой коврик по центру. А на коврике ваза с фруктами, коробка с пирожными и бутылка вина. На одной из подушек сидит... да! Это Каэтана!

Только вот сейчас ее серой мышью не назовешь.

Глаза большие, губы яркие... у нее и грудь есть? Правда, что ли? И туника цвета палой листвы ей жутко идет... да что тут происходит?

Фатима озвучила этот вопрос вслух, но и Олинда, и Севилла были с ней полностью солидарны.

– Присаживайтесь, девочки, – повела рукой Каэтана. – Убить вы меня всегда успеете, а вот пирожные пропадут. И вино вроде неплохое. Взяла сладкое, ваших вкусов я не знаю.

Севилла сделала шаг вперед, пригляделась.

– «Драконья заря»? Кордова, ты кого ограбила?

– Она подставить нас хочет? – мрачно поинтересовалась Олинда.

Каэтана демонстративно подняла бутылку, вытащила пробку и налила себе в бокал. Выпила и облизнулась.

– Не зря за него такие деньги просили. Ну что – зовите вахтершу? Вы все трезвые, я пьяная, сейчас мне и нагорит. Но пирожные нам не вернут.

Этот аргумент оказался решающим для сладкоежки Севиллы. Девушка сделала шаг, опустилась на подушку, подцепила пирожное и отправила в рот. Прожевала...

– Язык откусишь...

– Кондитерская раэши Баум. Мне ее очень рекомендовали.

– Хм... а все-таки? – Фатима тоже опустилась на подушку и принялась разливать вино. – А что тут происходит? Кордова, ты на себя не похожа.

Каэтана развела руками.

– Девочки, я бы не открылась. Но боюсь, если наш конфликт станет развиваться дальше, будут пострадавшие.

– Уже есть, – огрызнулась Олинда.

Разбитый нос ей вылечили. И колени, и локти, и шишку. Но на занятия пока не допустили, и ходила она по академии в маске. И примочки делала.

Так что... ее обиду пирожные точно не покрывали.

Кордова опять развела руками.

– Мне тоже не хотелось чернила отчищать. Со всей меня. И раздражение пошло бы, они ж едкие, кожа слезет, волосы от них ключьями выпадают... Я честно терпела насмешки, но это уже перебор.

Олинда скривилась. Но... что есть – то есть. Едкие. Вахтерша до сих пор болеет.

– Ты сама...

– Я понимаю, я выглядела странно, – вздохнула Каэтана. – И буду выглядеть. Завтра вот этого уже не будет. – Она обвела свое лицо. – Дело в том, девочки, что я не хочу замуж.

Ответом ей были три недоверчивых взгляда.

Каэтана качнула головой.

– Вы меня неправильно поняли. Я не хочу замуж за тех, кто с нами учится. У меня есть любимый мужчина.

Фатима понимающе кивнула.

– Эс?

– Разн.

– Разн? – с непередаваемым высокомерием поинтересовалась Олинда.

Каэ опустила глаза.

– Девочки, вы же знаете, что разны тоже могут получить драконов?

Девочки знали. Могут. Особенно если...

– Да. Мой любимый мужчина – бастард. В этом году отец очень резко направил меня сюда, в академию. Мы просто не успели... он не успел попробовать поступить. Приедет на следующий год. А пока мне надо было, чтобы никто мной не заинтересовался. Переиграла, наверное...

Девушки переглянулись.

Ситуация была точь-в-точь как в их любимых романах. Копия! И влюбленные, и жестокие родители... А поскольку жизнь девушки процентов на восемьдесят и знали по романам, они легко поверили. Не задав кучу вопросов, которые придут в голову людям поумнее.

– А как его зовут? – недоверчиво поинтересовалась Олинда.

Каэтана качнула головой.

– Не скажу. Простите... он самый лучший! Самый-самый! Вот он приедет на следующий год, и мы увидимся! Я вас даже познакомлю!

Но пока помолчу. Мало ли?

И сделала жест от сглаза.

Севила подхватила бутылку.

– Девочки... за знакомство?

Вино было удивительно вкусным. Терпкое, сладкое, взрывающееся на языке насыщенным ягодным вкусом.

– Кордова, ты его как пронесла-то? На воротах всех обыскивают!

– Я и не проносила. Я провезла, – ухмыльнулась чуточку опьяневшая Каэтана. И небрежным жестом выудила из-за спины еще одну бутылку... а, нет!

– Гранатовый сок?

– Конечно. Я целый ящик купила, будете?

От сока тоже никто не отказался. А через три часа, наполненные откровениями о мужчинах, вином, пирожными и конфетами, девушки решили, что соседка в принципе не такая и плохая. А что дуру изображала...

Любовь – такая штука! Некоторым и изображать не требуется!

3

Разн Лутаро Мора любил ярмарки.

Честно говоря, натура у него была такая...

«Бродяга ты старый, – ворчала привычно жена. – Уж внуки пошли, а ты никак не остепенешься!»

Но разн и не собирался остепеняться, сидеть на одном месте и отращивать чугунный зад.

Это скучно.

Скуч-но!

И сколько людей ты увидишь, сидя на месте?

Кто-то может возразить – через лавку менялы в день могут пройти и сто человек. Так, да не так... Все от города зависит. И не всегда у людей есть время поговорить, а ведь это-то и есть самое вкусное.

Не деньги!

Люди!

Разн Лутаро живо и искренне интересовался людьми. Что ими движет, почему они совершают те или иные поступки, чего они хотят,

о чем думают...

Деньги? А деньги хорошо обнажают самую суть человека. Маски срывают.

Но сидя на одном месте, на людей не наглядисься. Вот и приходится то сюда, то туда, то еще куда мотаться, интересно же...

И когда в лавку шагнула юная эсса, разн даже не слишком заинтересовался. Сначала.

Много таких.

Жизнь их пережевывает и сплевывает. И проходит мимо. Эти девчушки еще более беспомощны, чем нищие в придорожной канаве. В чем-то нищим даже проще.

Нищий не сам выбирает свою жизнь. Но идти направо или налево, двигаться или сдохнуть, работать или воровать... у него есть хоть какой-то выбор. А вот у эссы выбора нет.

Ее жизнь предрешена от рождения до смерти. Учеба, замужество, дети, дом, внуки, могила. И все.

Одни бунтуют, другие смиряются, третьи пытаются извлечь для себя какую-то выгоду... рано или поздно они все гаснут. Умирает внутренний огонь, и эсса смотрит на мир пустыми глазами, не понимая, в чем разница между жизнью и смертью. Ее жизнь уже не изменится. Разве что цвет платья, фасон шляпки... иным этого достаточно. Но то вообще пустышки. Их разн Лутаро не считал.

Дурочки. Канарейки.

Впрочем, и такие должны быть, верно же?

Эта эсса была необычной. В чем?

Разн Лутаро даже не смог бы сразу ответить. Не так смотрела? Двигалась? Говорила? Пожалуй, все сразу. И отличие он смог сформулировать достаточно быстро.

Каждую эссу с рождения приучают, что муж – это ее солнце, а разны и разши – пыль под ногами. Так они себя и ведут... за определенными исключениями. Есть эссы, которые ищут приключений, есть эссы, которые боятся даже своей тени, но таких эсс, как Каэтана Кордова, он еще не встречал.

Эсса Каэтана смотрела на него как на равного.

Не низшего, не высшего, вообще не выстраивая иерархию. Просто как на равного. Не презирая, не уважая, не отрицая никакой возможности. На равного.

Но достаточно равнодушно и спокойно.

Не он?

Найдется кто-то другой.

Он? Что ж, посмотрим...

Раэн Лутаро попробовал сделать первый шаг – и не прогадал. Странная эсса не сходя с места предложила интереснейшую идею. И даже сама не поняла перспективы.

Такая сумка понадобится если не в каждой семье, то в каждой второй – точно. Кухарки, домохозяйки, да всех не перечислить. Тачки-то давно знали, ручные тележки, носильщиков нанимали – не то! В такой сумке и не видно, что человек везет, и украсть из нее что-то сложнее, и тащить ее легче – пара полос, пара колес...

И раэн решил посмотреть, что получится дальше. Любопытно же!

* * *

Заявка на изобретение?

Это не так сложно. Изобрел человек что-то полезное и нужное в хозяйстве. Рисует он изобретение на листочке специальной гербовой бумаги (на ней же расписки пишутся и чеки выписываются), рядом пишет описание, область применения – и относит в соответствующую гильдию.

К примеру, чапельник надо нести кузнецам.

А гульфик нового (не на пуговицах) фасона – портным.

Там твое изобретение регистрируют. Но это еще не все.

Мир должен узнать о его существовании, а для этого... да-да, снова деньги, и без денег никуда. Либо твое изобретение ждет мецената и благотворителя (не безвозмездно), либо ты сам делаешь взнос в гильдию, либо ждешь, пока его оплатят из средств гильдии, а это очередь на годы, либо...

Ну, бывает и так, что приносят нечто гениальное. На которое посмотрел человек – и сразу ахнул. И гильдия ахнула.

Хочу!

Дайте, и сразу две штуки!

А что, и такое тоже случается, только очень редко. Раэн Лутаро Мора и не помнил, когда такое было. С этой сумкой... нет, пожалуй,

так не будет.

Но для начала надо подать заявку. Благо до столицы два дня верхом. В карете, конечно, больше. В дилижансе еще дольше, так что Лутаро выбрал промежуточный вариант. Почтовую карету.

Жена даже не ворчала – привыкла.

Четыре дня в почтовой карете дались Лутаро не слишком легко. Еще и соседи в этот раз попались... Ладно еще пожилая дама. Но мамаша с ребенком! Которого постоянно тошнило! Жуть жуткая!

Впрочем, вечера на постоялом дворе разн Лутаро потратил не на отдых. Он описал изобретение эссы и даже нарисовал его как смог. Получилось неплохо.

И даже затяжка... вот за что гильдия кузнецов ухватится! Это уж точно!

Это ж и на штаны, и на пояса, и везде пойдет... дырочки, в них веревка продета, а два конца веревки пропускаются через хитроумную штучку. Не узел завязывать, просто потянуть... очень удобно! Сжал застежку, затянул шнуры, отпустил застежку. Красота!^[8]

В столице разн Мора тоже не стал терять время даром. Вместо этого он поехал (езде блат...) к старому знакомому, который предпочел жить в столице. Сам Мора этого не понимал: шум, гам, конкуренция, аристократия... брр! Перспективы?

Да в болоте с крокодилами их больше будет!

Сожрут же!

Но знакомому нравилось, и разн Мора не собирался его отговаривать или навязывать свое видение мира. Ни к чему.

Так что прямо с почтового двора к нему и направился.

Разн Теодоро Эрнандес, как и ожидалось, был на работе, но гостя приняла его супруга, разша Кристи. Устроила, накормила, разна Лутаро она знала, так что пусть ждет мужа.

Ждать пришлось долго.

Эрнандес прибыл уже затемно, но для друга время нашел. И ожидаемо заинтересовался.

– Изобретение? И чтобы ты решил вложиться? Лутаро, ты с ума сошел!

Разн Мора качнул головой.

– Пока нет. Я вполне в здравом уме, поверь. Можем говорить о привилегиях или о разовой выплате, если сведешь меня с главой

гильдии.

– Хм-м? А показать, что тебе принесли?

Лутаро даже улыбнулся.

– Тео, ты сколько меня знаешь?

– Давненько.

– Тогда и ответ мой знаешь. Я считаю, что направление очень перспективное. Более того, изобретатель сам еще не понял, насколько... но сотрудничество наше будет продолжено. Определенно.

– Намекаешь? – сощурился Эрнандес.

– Истион свидетель, мне кажется, что этому изобретению будет попутный ветер. – Гость сотворил знак Истиона.

Друг задумался.

– Не в первый раз, но в перспективе...

– Думаю, понадобятся вложения, – согласился Мора. – Сначала я вложусь сам. Потом уж, когда люди раскушают новинку...

– Ты сам готов рисковать деньгами?

– Готов, – решительно кивнул Лутаро.

Раэн Эрнандес задумался.

Изобретение...

Поймите правильно, все это ненадежно. Вот если бы речь шла о месторождении алмазов (к примеру) или о государственном подряде, тут дело другое. Тут бы и кусок откусить, и себе перехватить, и друга можно... в таких делах друзей нет. А если речь идет об изобретении... ладно, допустим, у Лутаро и правда чутье. Но сколько придется вкладывать, прежде чем пойдет отдача?

Сколько пройдет времени?

Все это очень и очень сомнительно. Тут можно и не толкаться локтями, и не лезть. Наоборот, если у Лутаро не хватит денег или все окажется пшиком... надо будет посмотреть.

А пока...

– Глава гильдии кузнецов, раэн Бонифацио Киринер, мой хороший знакомый. Я составлю тебе протекцию, Лутаро. Но будешь должен.

– Когда?

– Завтра с утра. Время – тоже деньги.

Лутаро улыбнулся и принялся благодарить. Примерно на такую реакцию он и рассчитывал, честно говоря.

Столица имеет ряд преимуществ. Это верно. А еще... еще она имеет один огромный недостаток.

Она напрочь лишает критического восприятия.

Положа руку на сердце: Теодоро ведь твердо уверен, что настоящие дела делаются только в столице. Там же крутятся и настоящие деньги. А провинция... пф-ф-ф-ф!

Это провинция, вот и все. Там и дома пониже, и земля пожиже, и люди глупее, и небо темнее... В столице жизнь кипит, в провинции тихо плюхает.

И кто такой разн Лутаро, чтобы разочаровывать друга в его убеждениях?

Пусть Теодоро остается при своем. А Лутаро Мора... он будет действовать. Ему предстоит сложная задача.

* * *

Разн Бонифацио Киринер был в хорошем настроении.

Бывает такое – встаешь и понимаешь, что мир-то прекрасен. Сопит под боком любимая жена, верещат в саду дети, наливаются силой нового дня мышцы... особенно некоторые. Конечно, в гильдию разн попал чуточку позднее, чем стоило бы, ну и ладно. Зато утро хорошо прошло.

Разн довольно улыбнулся и подмигнул солнечному зайчику на подоконнике.

А что?

Хороший сегодня день!

В дверь поскреблись.

– Разн Бонифацио?

Вошедший был отлично знаком разну. Гильдия кузнецов и гильдия менял... да, знакомы. Нельзя сказать, что они друг друга любят, но дело такое, житейское. Одним нужны замки, двери, ворота, ограды... Вторым – займы под божеский, а не грабительский процент, иногда денег не хватает, иногда еще чего... Гильдии сотрудничали, и вполне плодотворно, а разн Теодоро был не худшим представителем менял.

Дружба?

Бывает ли дружба между жабой и лягушкой? Вряд ли. Но существовать в одном пруду они вполне способны.

– Раэн Эрнандес! Рад вас видеть. Как супруга, как дети?

– Благодарю, раэн...

Любезности заняли положенные десять минут, потом раэн Киринер был представлен раэну Море, ну и наоборот, конечно. Мужчины честь честью пожали друг другу руки, поулыбались, и Бонифацио смог наконец поинтересоваться, что привело к нему гостей.

Теодоро посмотрел на знакомого с улыбкой.

– Раэн Лутаро привез вам чертежи некоего провинциального гения...

Бонифацио едва глаза не закатил.

О нет! Истион, ЗА ЧТО?! За грех с утра? Так и не грех ведь, если с законной супругой! Совести у тебя нет! Никакой, даже божественной!

Гении! Эти потрясающие гении! Капканы бы на них ставить, да не поможет. Прорвутся вместе с капканом. Снесут двери, пролезут в окно, застрянут в каминной трубе и будут орать оттуда о своей гениальности. Кто бы сомневался – не оцененной окружающими.

То есть окружающие оценили бы и добавили, но стража вечно мешает. Как увидит, что кого-то ногами бьют, так и вмешивается, не дает хорошее дело до конца довести!

К ним бы это стадо приходило... они б их с порога начали копьями пырять. И закапывать. Хотя эти прожектеры даже на удобрения не сгодятся, их зарой, так землю отравят!

Эти мысли так четко отразились на лице раэна Бонифацио, что Теодоро улыбнулся. И сделал ручкой приятелю. Он же обещал не лезть?

Не-не-не, он и уговаривать никого не будет... тоже.

– Раэны, я вас оставлю ненадолго. Схожу поздороваюсь с остальными.

И был таков.

Бонифацио печально посмотрел в окно.

Гад ты, Тео. Нет бы и друга с собой забрать. А то ведь слушать твоего друга придется, потом гнать его отсюда... да не палкой, а вежливо... а день так хорошо начинался!

– Раэн Лутаро, я...

Тот поднял руку.

– Раэн Бонифацио, даю слово. Если вы не увидите перспективы в этой вещи, я уйду отсюда. Ровно через десять минут.

День стал намного приятнее. Ладно, десять минут он потерпит.

– Показывайте, раэн. Что там? Вечный двигатель? Алмазная сталь? Табурет с шестью ножками?

– Нет, раэн. Всего лишь сумка. Но необычная. Она сделана из двух частей. Вот это сумка. Тут я прошу вас обратить внимание на застежку.

– Хм?

– Я не могу изготовить действующую модель, но полагаю, ваши мастера смогут. Вряд ли это сложнее замка.

Бонифацио смотрел с интересом.

А ведь... ну что там такого?

Два шнура, отверстие, пружина... ребенок сделает. Ладно-ладно, ребенок не сможет. Но кузнецы?

Сотнями выделывать можно.

– Интересная штука.

– Позволяет затянуть горловину. Сумка – обычный мешок, хотя его можно шить из ткани, кожи, играть с карманами и прочим... это уже детали. Интересна рама для сумки.

– Рама?

– Да. Всего несколько металлических полос, хоть из отходов, хоть каких, два колесика... видно?

– Хм-м-м-м...

В детстве раэн Бонифацио любил ходить с матерью на рынок. А вот таскать тяжелые корзины – нет. И потому оценил.

Задумался.

– Раэн Мора, вы собираетесь в это вкладываться?

А что?

Сумка легкая, удобная, пойдет и на рынок, и для багажа, да и рама... их тоже можно делать разные... хм-м-м-м-м...

– Да.

Бонифацио задумался – и кивнул.

– Пожалуй, гильдия поддержит изобретателя. На кого будем оформлять документы?

– На меня. С правом передачи третьему лицу.

– Разн?

– Изобретатель пока не достиг совершеннолетия. Но обладает родней, которая медяки с глаз покойника стащит.

Бонифацио кивнул. О да! Такое бывает.

– Это разн?

– Это благородный человек.

– Понятно. Тогда его имя в документы пока не вносим, отдадите ему бланки гильдии и документы – вторую часть. Предъявит, когда решит объявить о себе.

– Да, разн Бонифацио.

– Застежка, рама... с кожевниками я поговорю. Начнем в столице, потом перейдем в провинцию... вы не против, разн?

– Что вы, разн!

– Бонифацио, разн Лутаро. Полагаю, мы будем с вами много общаться?

– Тогда просто Лутаро. Я тоже надеюсь на долгое и плодотворное сотрудничество.

И мужчины обменялись понимающими улыбками.

Недоволен остался только разн Теодоро. Но ему с двух сторон пообещали по услуге, а это тоже неплохо. И на будущее задел есть. Так что...

Поживем, подождем.

Глава 3

Книги, книги...

Неиссякаемый источник информации. Из всего можно извлечь ценные крупинки, из любого хлама. Просто в какой-то книге этого хлама слишком много, а в какой-то мало. Но проанализировать и понять их можно.

Я упорно читала третий день подряд.

И начала со сборника законов.

Выходило, что дело мое плохо. Очень даже плохо...

Феминизм? Не, не слышали. Просто живем без него, и неплохо живем, знаете ли. Который век, который год...

У мужчин в этом мире были все права. Владеть, наследовать, передавать титул и землю, распоряжаться...

У женщины были ровно те права, которые ей готов предоставить ее мужчина. Отец, муж, сын.

В каком-то смысле это издевательство. Оцените сами. Владеть имуществом женщины могут. А распоряжаться – нет. То есть мне может принадлежать доходный дом. Но распоряжаться им может только мой родственник мужского пола. И распределять доходы. И платить налоги.

Допустим, в роду не осталось мужчин.

Тогда в моей судьбе вольны местные власти. То есть осталась я одна. Я могу обратиться к его величеству... я – эсса. В деревне крестьянка может обратиться к старосте. И тот либо замуж ее выдаст, либо еще что-то... ладно! В деревне это имеет смысл! На земле без мужчины не прокормишься, тем более на местной. Сомневающимся рекомендую пойти и поправить забор, наколоть дров, принести воды, вскопать огород... заранее собрать себе букетик на могилку. Ибо надорвешься.

Я как эсса получу то же самое. Либо меня выдадут замуж, либо назначат мне управляющего, либо найдут какого-то родственника мужского пола – есть варианты.

Я как женщина не могу открыть свое дело.

Не могу заключать сделки. Не могу даже самостоятельно выбрать себе супруга. Потому как в храме надо предоставить согласие отца или свидетельство о смерти отца и согласие ближайшего родственника, а без него сочетать браком никто и никого не будет.

Тихий шок.

Собственно, потому торговец так легко и согласился на мои условия. Наша бумага стоит весьма и весьма мало... хотя все же стоит. Если мой отец с него деньги сдерет – может и вместе со шкурой содрать. Запросто.

Сила женщины определяется силой ее рода. Ее супруга. Ее статуса в роду.

Согласно этому, мое место сейчас даже не в районе плинтуса. Где-то на уровне пола подпола. И даже туда я еще не доползла.

Этим и обусловлены все крысиные бега в академии. Кому ж хочется замуж за идиота? За недоумка, который и сам из нищеты не выберется, и тебя туда загонит... так-то все обустроено адекватно. За эти три года девушки могут присмотреться к парням, прикинуть, кто чего сто́ит, отсеять «отстой». Они это делают.

А попутно рвут друг другу глотки, чтобы никто не перехватил выгодную партию.

Каэтане доставалось так, между делом. И сейчас у меня даже не хватало сил осудить малолетних дурочек. Вот с позиций моего опыта, возраста и работы – не могу я на них злиться. Не виноваты они.

Насмотрелись в семьях, вот и крысятся теперь. Жить-то хочется!

Есть ли выход?

О да!

Эмансипация здесь есть. Для того чтобы управлять своими делами, как мужчина, женщина должна быть равна мужчине. К примеру, на вахте в общежитии у нас сидит раэша Лора, с которой я в самый первый день столкнулась – она там просто сидит. С позволения супруга, и зарплату платят не ей, а ему. А супруг у нас же тут истопником работает, я в курсе.

Раэша Ония сюда ушла от любящей семьи. Бóльшую часть денег она отдает сыну, а тот и счастлив. Жена там у него такая кобра, что хоть ты в аптеку на яд сдавай!

А вот наша преподавательница домоводства, раэша Понс, как раз из «свободного статуса». Слова «эмансипация» тут нет, есть мужчины,

женщины и «свободный статус». Как раз она.

Если женщина хочет сама решать свою судьбу, она проходит три испытания. Тело, разум, душа.

Тело – ну, тут понятно. Не сомневаюсь, что раэша Понс просто растоптала несчастного, который вышел против нее на арене.

Разум? До бухгалтерского баланса здесь еще не доросли, а так... большинство женщин вполне способны логически мыслить и грамотно распоряжаться своими заработками. Собеседование, задачи... тут тебя могут завалить, но если ты из крестьян – кому ты нужна? Да освобождайся на здоровье, один фиг взять с тебя нечего!

Правда, можно эмигрировать в Эстормах, но там свои подводные камни. Женщина там и наследовать может, и делами заниматься, но...

Везде нужен стартовый капитал. Или умения, которыми ты будешь зарабатывать. А еще связи и умение себя защитить.

Я открою салон красоты – но кто туда пойдет?

Есть ли в этом мире рэкет? Да он в любом из миров есть! И «крыша», и «теневые короли», и всякие бандформирования. А еще надо получить гражданство... здесь это тоже есть. И даже документы!

Без фотографий, далекие от наших, привычных, но это все равно бумаги, и чиновники, и согласования...

Я могу с этим справиться. Но для начала имеет смысл попробовать обосноваться здесь. Если Даннара направила меня сюда, значит, я нужна именно тут.

И можно подумать о местной религии. Которая тоже играет важную роль в мире и обществе.

Всего здесь пять основных богов.

Сантор – война, Даннара – плодородие, Ортар – океан, Истион – погода и Лелея – жизнь. Даннара отвечает за плодородие, за скотину, злаки, урожай... Хочешь вкусно кушать? Не забывай молиться.

Лелея – жизнь, любовь. Тут и браки, и исцеления, и бесплодие, и благословение союза – большая делянка, иначе не скажешь.

Ортар – океан, вода, тут тоже понятно. Воды тут много, и монстров много.

Истион. Погода? Однозначно нужно. Заодно он, кстати, является покровителем купцов и гильдий. А что? Торговое дело тоже лотерея, как и погода. Заказал товар, а он вышел из моды. Корабль в шторм попал, да и пропал. Власть поменялась... Чего в мире не бывает!

Сантор? Война? Санторин государство большое, да и воюют тут каждый день. С теми же монстрами. Основных всадники уничтожают, но ведь и мелочи хватает! И лезет она за тем же самым. В море ее кушают, а на суше она кушает. Выбор очевиден. Так что основное национальное оружие здесь – вилы и топор. И владеют ими местные вполне прилично.

Если женщина проходит испытание тела и испытание разума, у нее остается испытание души. То есть ночь в храме бога, которого ты выбираешь. Выберешь неправильно – сойдешь с ума. И вспоминая Даннару, я в это верю. Очень убедительная дама.

Но допустим, ты выбрала правильно. Наутро у тебя на ладони появляется печать бога – и ты свободна в своих поступках. Или не появляется. И из храма выводят воющую сумасшедшую.

Очень даже запросто.

Кто тут первый на раздачу плюшек? Нет никого?

То-то и оно... проще смириться, стерпеть, приспособиться. Хотя что касается меня, я и не сомневалась. Разберусь я с любыми испытаниями. Но пока надо мной полная отцовская власть. И это крайне паршиво.

И над всеми девочками тоже.

Как все это... непозитивно.

Ладно-ладно, я потерплю. Пока. А дальше? Дальше будет видно. Но тренировки надо начинать. Прокачивать это тельце, собирать знания, искать... да! Искать, в чем состоит это клятое равновесие!

Потому что ответа у меня до сих пор нет. А время идет...

Может, мне надо стать местной Кларой Цеткин? Не хочется. К свободе тоже надо быть готовым, тут я полностью согласна с богами.

Ввести такие же испытания для мужчин?

Не знаю. Ничего пока не знаю. Остается только учиться.

И ждать.

Каждый день я ждала двух событий.

Вылета драконов на тренировку.

И возвращения драконов с тренировки.

И как же это было красиво!

Невероятно! Вдохновенно!

А я так смогу?

Для меня может найтись дракон? Драконица?

На этот вопрос тоже пока ответа не было. Но какие же они небесные! Слова не передают величия стихии, заключенного в плоть.

Пусть надо мной смеются! Пусть хоть что делают...

Хочу к драконам!

* * *

– Кордова, на два слова.

Мариса?

Интересно, что ей надо? Меня вот уже дней шесть никто серьезно не трогает. После выходного, на котором я помирилась с соседками, я живу более-менее спокойно. Сажу на занятия, копаюсь в библиотеке, пытаюсь найти хотя бы азы сведений о драконах. Не лезть же к ним так, с бухты-барухты?

Пока удалось найти только анатомию драконов. Из важного и интересного.

Оказалось, что местные драконы огнедышащие, но не так, как это предполагают фантасты.

Дракон не дышит огнем – он из мяса, он не огнеупорный. Ладно еще – чешуя. Она действительно и легкая, и прочная, и очень ценится. Шкуры, которые эти зверюги скидывают во время линьки, идут на кольчуги. Жаль, что они не слишком долговечны. Лет через десять чешуя начинает осыпаться, и приходится перешивать доспехи. Хотя и обычную кожаную куртку поди пронеси десять лет? Небось пообтреплется?

Дракон выдыхает смесь горючих газов. В человеке они, кстати, тоже есть. Только выходят с противоположной стороны.

Выдыхает, уходит. А искра... откуда появляется искра – я пока не разобралась. Но вполне возможно, что драконы и до системы «кремень – огниво» додумались. Они ведь разумные...

Или уголек какой... это тоже реально.

Или... есть же газы, которые мгновенно воспламеняются на воздухе? Тот же фтор! В нем даже вода горит! Правда, для людей он ядовит, но дракон – не человек! Это офигенная бронированная ящерица королевских размеров! Может, у него и есть какая железа для производства фтора?

Увы, много информации в свободном доступе просто не было. Это понятно и логично, но... мне-то как быть? Мне она не от любопытства понадобилась!

Но не пойдешь ведь, не попросишь... отца Каэтаны потряхнуть на каникулах? Это еще прорва времени. А я одна, а мне действительно надо.

– Что случилось, Лиез?

Мариса поджала губки.

– Я бы слова не сказала, но... мне кажется, Матиас что-то задумал.

– В отношении меня? – Я напряглась.

Вот еще мне не хватало! Вроде же притих, дурак! Ну чего, чего ему не хватает?

– Я бы не стала связываться, – вздохнула старшая Лиез. – Но... он настроен решительно. А у меня скоро должна заключаться помолвка с эсом Феррером. Ведутся переговоры.

Мне это ни о чем не говорило.

– У них богатая семья. И если случится скандал, родители просто прикажут ему выбрать другую невесту.

Я с удивлением посмотрела на Марису.

– И ты так легко об этом говоришь? Ты ему вообще, что ли, не нужна? Только как свиноматка – поросят рожать?

– Не твое дело! – вспыхнула Мариса.

Я поймала ее за руку.

– Прости, пожалуйста. Действительно не мое. Просто обидно стало. Ты умница, ты красавица, у тебя богатая семья! И какой-то козел тебя не ценит?

Мариса чуть расслабилась.

Мы беседовали в небольшой нише у окна, рядом никого не было, и эсса Лиез позволила себе снять маску. Куда только и девалась отъявленная красотка? Признанный лидер курса, победительница и очаровательница...

Стояла передо мной ужасно усталая, измученная девчонка, которая дистанцию пробежала, приз получила... и отлично понимает, что это только начало пути.

– Деньги к деньгам, Кордова. Слышала?

– Догадываюсь.

– Вот. Его и моя семья устроит, и Агилар. И Пилар согласна.

– Паршиво, – честно сказала я.

– Еще бы. А тут Матиас... если он что-то натворит, ты молчать не станешь, будет скандал, ну и результат тоже будет. А я окажусь крайней и у родителей – не смогла братика удержать. И жених откажется, и вообще... я Матиаса просила подождать год! Но ты его слишком уязвила.

Я фыркнула.

Раньше дурака надо было воспитывать. Крапивой. Но вслух это лучше не озвучивать. Мариса обидится.

– Он один будет?

– С друзьями. Тоже первокурсники какие-то, точнее не знаю. Это должно случиться в ближайшие дня три, до выходных.

– Понятно. Спасибо, что предупредила.

– Ты...

Я подумала пару минут.

– Я или постараюсь избежать ловушки, или сделаю так, чтобы скандал не разгорелся. И не задел тебя.

– Если Матиаса отчислят, я все равно пострадаю.

– Отчисление? И я лишусь его общества? Нет-нет, я на такое не согласна...

Оскалилась я вполне в духе Заечки-Зоечки. Так что Мариса поежилась.

– Не убивай его, ладно?

Я честно пообещала. Не убью.

Но Матиас об этом сильно пожалеет! Мстить он вздумал! За поруганное самолюбие! Погоди ж ты у меня, паразитина!

* * *

Марисе я пообещала. А вот что именно я смогу сделать?

Это я и обдумывала, лежа в своей комнате на кровати.

Тут сильно зависит от того, что собирается сделать Матиас. Если речь идет о воздействии первого-второго порядка – прозвище там изобретет обидное или мои трусы на флагштоке вывесит, как обещал... это мне наплевать! Тут и скандала не будет!

Я его в пыль растопчу.

А вот если воздействие пойдет третьего порядка?

Хм... если Мариса решила меня предупредить, значит... значит, речь идет о воздействии именно третьего порядка. И что я могу сделать?

Защищаться на том же уровне, конечно.

И для начала посетить кухню. Там есть прекрасная вещь – специи. Я тоже купила, но мне не корица нужна, а острый перец.

А еще... интересно, в академии есть химлаборатория? Нет-нет, химию я знаю на слабую двойку с минусом. Виктория Львовна у нас была единственная, уникальная и неповторимая, по остальным предметам нам и трети такого счастья не выпало. Но несколько шикарных рецептов самообороны мне все же известны.

Вопрос в ингредиентах.

А так... так я даже рецепт нитроглицерина знаю. Может, его Матиасу подсказать? И больше не напрягаться?

Пусть учится летать без помощи драконов?

Академию жалко. Взорвут же на фиг.

Эх, знать бы точнее, что дурак задумал... ладно! Разберемся!

Итак, кухня, кладовка, что еще? Сейчас придумаем.

* * *

Самонадеянность – это плохо. Причем с двух сторон плохо.

Матиас поступил плохо, недооценивая меня. А я – я недооценила его. Думала, все же или один придет, или с одним приятелем, не даст на себя компромат кому попало. А он... дурак! Трех дружков привел, скотина! Я пригляделась повнимательней.

Ну да, кто ж еще может меня зажать вечером, когда я иду из библиотеки? Эс Матиас Лиез. И его трое подпевал. Эс Эстебан Гил, эс Джусто Соуза, эс Арчибальдо Бареси.

Все трое не особо богаты, а их семьи не слишком сильны. Это я уже знала. А личные качества... Эстебан Гил – танк. Мощностъ, масса, около ста двадцати килограммов живого веса и постоянно качаемых мышц. Боевка.

Тупая?

К сожалению, не особенно. В житейских делах он действительно туповат, поэтому выбирает себе хозяина и следует за ним. А вот в бою у меня ни единого шанса. Если в прямом.

Джусто Соуза? Шакал Табаки. Подпевала, прилипала, прихлебатель, который готов воспевать гениальность хозяина без перерыва на сон и еду. И внешность, и характер, и повадки – все-все взял несчастный от героя мультфильма. Разве что пока на двух ногах ходит... Надо повисить сходство – переломать ему все четыре ноги! Пусть ползает на брюхе!

Арчибальдо Бареси. Усредненная личность, скорее массовка. Достаточно подлая массовка, но и достаточно умная, чтобы удрать, если дело запахнет керосином.

Если я положу Эстебана – остальные растеряются. А если еще и Матиаса – тем более. Проблема в другом.

Бить придется серьезно... с другой стороны, кодекс я еще не прочитала. Что тут за превышение необходимой самообороны бывает?

И есть ли здесь вообще такой термин?

Ладно. Если что – тела всегда можно спрятать.

– Что надо? – Я не стала тратить время.

Матиас явно растерялся, даже шаг назад сделал. Но потом понял, что прихлебатели не оценят, и расправил плечи.

– Испугалась, дрянь?

Я молча похлопала себя правой ладонью по лбу. Местный аналог «пальцем у виска». Типа, дурак ты и не лечишься, а зря.

Матиас понял и едва не зашипел от злости. Но пока еще пытался что-то решить.

– Ты, сука, сейчас пойдешь с нами вон туда. И сделаешь там все, что мы прикажем. Тогда уйдешь живой и на своих ногах. Может быть.

– А если не пойду?

В принципе чего-то такого я и ждала. Пропустить девчонку по кругу – вполне в духе подобной мрази. Вроде бы и вреда реального нет, и рассказать о таком стыдно, и...

О возможной беременности такие существа не вспоминают. Не им же ребенка растить?

– Тогда потащим, – похабно осклабился Матиас. – Гил, возьми ее.

Эстебан выдвинулся вперед.

– Одну минуту. – Я вежливо подняла руку. – Если я порву книги, с меня в библиотеке шкуру снимут.

Матиас растерялся.

– А... э...

– Поэтому подождите...

Шаг вперед. Стопка книг демонстративно занимает место под кустом. Я не соврала, нет. Действительно, повредить книги мне не хочется. Но еще – я оказываюсь совсем рядом с Эстебаном. Конечно, агрессии от меня не ожидают. А зря.

Что есть силы я бью Эстебана по опорной ноге. Благо стоит он сейчас удачно, вес перенес вперед, на правую ногу, и она как раз ближе всего к моему кусту.

А бью я не слабыми женскими ручками.

Бью я своей сумочкой.

Здесь в ходу сумки-мешки через плечо, типа шопперов. Два ремешка, одно отделение, мягкая подкладка... все помещается. А у меня замечательная сумочка, которую мне подарил меняла. Я ее даже утяжелила чуточку, положила внутрь пару мешочков с камушками. Не монеты же с собой таскать? Вот еще не хватало! Камни успешно «разогнали» вес сумки килограмм до семи, может, даже больше.

Замах вышел хорошим, коленная чашечка тоже вышла из сустава. Напрочь.

Гил повалился, словно дерево. Воющее. Лицом вперед. Я тут же распрямилась – и прыгнула на него. Прямо на спину, как раз там, где поясница. Со всей дури... Эх, жаль, что в Каэтане веса почти и нет. Но в прыжке даже пятьдесят килограммов отлично перемешают внутренности в фарш. И ботиночки у меня тяжелые, с подковкой, с утяжелителем... вот утяжелитель вперед и пошел. Гилу в затылок.

Едва я равновесие удержала.

Но – сработало.

Вой прекратился.

Убила – или вырубил?

А, плевать! Лежачего не бьют? А если он встанет? А он встал бы... нет, нечего тут! Пусть ему лечат сотрясение мозга, а не мне.

Парни только что глаза округлили. Не успели ничего сказать – а самая мощная ударная сила выведена из строя. Я, напротив, ждать не стала. И прыгнула в направлении Матиаса.

– Ух-х-х-х!

Что еще может послужить прекрасным средством самообороны?

Та же сумочка. Только уже снятая с плеча.

Анекдот знаете?

Это где дама отмахнулась от вора сумочкой, а несчастного едва откачали? Ну так в сумочке лежало все самое нужное. Косметика, книги, картошка...

Картошки у меня не было. Но за счет металлической емкости и камушков сумка и так была тяжеленькая. Я ее последние несколько дней носила, уговаривая себя, что это утяжелитель. Тренировка такая.

А еще замах с плеча... эх, раззудись, плечо, размахнись, рука! И да здравствуют физика и инерция!

Сумочка полетела по всем физическим законам, еще и за счет своего веса. Аккурат Матиасу в морду лица.

Кажется, нос я ему сломала, а это больно. И крови сразу много. А ничто не лишает самообладания так, как вид своей собственной кровушки. Из сознания я его не вынесла, а жаль.

Двое оставшихся негодяйчиков застыли, словно я и по ним проехала.

Один растерялся, второй пока еще не сообразил, что надо делать. Поможем?

Матиас кое-как отнял руки от лица.

– Ты...

Кажется, он мне собирается что-то сказать?

Ждать я не стала. Вместо этого выхватила из кармана свое второе оружие.

Смесь «ядрен батон».

Молотый черный и красный перец, крошеный табак, молотая горчица.

Все это есть на кухне... да-да, даже табак был. Хотя за него и пришлось заплатить. Но это – спасибо спонсору. Вот этому самому, который сейчас воет нечеловеческим голосом от высыпанной ему в морду смеси.

Я бы ее в хлопушки забила, но здесь их нормально не сделаешь!

А ничего, и так сошло!

А как орет, а как скулит... наверное, моим составом на свежие раны – больно!

Союза и Бареси переглянулись. Я сделала шаг вперед.

Мальчики разумно сделали шаг назад.

Напугать? И пусть бегут?

А кто этих идиотов таскать будет? Я, что ли? Э, нет... Пришлось вместо оскала поманить мальчиков пальчиком.

– Берете своих приятелей и тащите в больничку. Я понятно говорю?

Говорю понятно. Но делать парням этого явно не хотелось. Я ж стою на тропинке, вся такая грозная... ладно! Пусть живут!

Отступила в сторону, подобрала книги – и пошла себе. Налево.

Почему туда?

А больше никуда дороги не было.

За спиной раздавался вой Матиаса и пыхтение его прихлебателей. Хм... а что? Мальчики рассчитывали на вечер, насыщенный впечатлениями? Кто сказал, что я его не обеспечила?

Надолго запомнят, сволочи!

* * *

Вроде бы и шла налево, а куда пришла?

Хм-м... а я знаю, куда именно. Я вышла к парку, который разделяет общежития, учебные корпуса и домики преподавателей. Как парк? Шесть деревьев, три дорожки. На одном конце чихнешь, на другом слышно будет.

– Ненавижу!!! Ты мне всю жизнь испортил!!!

Мужской голос ответил что-то неясное, но выразительное.

– Сволочь, скотина! Когда ж ты по бабам перестанешь шляться?! Кобель блудливый!!!

«Кобель» отгавкнулся от возмущенного голоса, да и дверью хлопнул. И пошел четко по закону подлости. В моем направлении.

Прыгать в кусты и изображать скамейку мне не хотелось. А что? Все взрослые...

Не прошло и минуты, как мужчина почти налетел на меня.

– Простите.

Я кивнула, да так и разошлись бы, не приглядишь он чуточку внимательнее.

– Эсса?

Мне осталось только вздохнуть.

Ну да. Учусь я тут. И хотя запрета на прогулки в этой местности нет, но и поощрений не бывает.

– Простите... эс?

– Эс Хавьер т-Альего, – представился мужчина.

Я кивнула.

– Эсса Каэтана Кордова. Первый курс. Рада знакомству.

Мужчина посмотрел на меня удивленными глазами. И только потом я сообразила, что приставка «т» к фамилии у местных означает бастарда. Или бывшего раэна.

Для местных – моветон. Потому они корчат рожи и стараются со столь низкими людьми не общаться. Разве что по важному делу. А мне как-то и плевать.

Мне скорее интересен сам мужчина. И я бы его «кобелем» не назвала, представителей этой славной породы я столько за свой век повидала... бродячих собак по городу меньше носится. Честное слово!

Фитнес-тренер, а до того спортсменка... ну почему для некоторых это равноценно проститутке? Тьфу, недоумки! Так что навидалась, напосылалась... Но Альего был не похож на кобеля. Среднего роста, где-то на голову выше меня – при воробьином телосложении Каэтаны именно что средний рост. Ширококостный, мощный такой, сразу чувствуется, что под одеждой мышцы перекачиваются, а не творожная масса. Ноги коротковаты, руки длинноваты – точно или раэн, или полукровка. Папаша там с крестьянкой согрешил или мамаша поддалась на уговоры конюха, кто ж их знает? Но происхождение видно.

И лицо далеко от аристократического овала и бледности. И нос не ястребиный – обычное, нормальное лицо. Нос, кстати, сломан, раза два – точно. Губы тонкие, лоб высокий, лицо круглое, темные волосы стянуты сзади в недлинную косу, густо пронизанную седыми прядями.

Но главное – взгляд.

Усталый такой... темно-карие глаза, и в них – тоска. И усталость, в которой мужчина не собирается признаваться. А она рядом, она обнимает за плечи, она шепчет что-то в ухо – и опускаются руки, и подгибаются ноги. Не собирают баб по кустам с таким выражением глаз, вы уж мне поверьте.

– Что вы здесь делаете, эсса Кордова?

Голос был достаточно строгий. Каэтана бы точно описалась со страха. Я пожала плечами.

– Шла из библиотеки. Свернула, наверное, не туда. Я тут не так давно, не успела все дорожки выучить.

– Понятно. Пойдемте, эсса, я вас провожу.

– Благодарю, эс т-Альего.

– Давайте сюда.

Сумка и книжки перекочевали к мужчине. После чего в карих глазах заплескалось удивление.

– Эсса?

Ну да. Спрашивать, не таскаете ли вы с собой гантели, некорректно. Но интересно же!

Вот кстати...

Когда я отдавала сумку, я заметила... Достала платок и стерла с кожаного бока кровь. Матиас, наверное, обляпал. Вот паршивец.

– Простите, эс. Вы не испачкались?

– Нет, эсса. Это ваша кровь?

– Нет. Это мой однокурсник решил, что продажных девок за стенами академии ему мало. И... проявил настойчивость. Это его кровь.

– Жив остался? – коротко уточнил мужчина.

– От сломанного носа еще никто не умирал, – пожала я плечами.

– Вам повезло, что у вас в сумке... эсса?

Я достала мешочек с камешками и продемонстрировала его мужчине.

– Мне не повезло. Я подготовилась.

Эс Хавьер улыбнулся.

– Вы очень предусмотрительны, эсса. Пойдемте, я вас провожу.

– Благодарю. Эс Хавьер, а вы – один из наших будущих преподавателей?

– Вряд ли, эсса. Я работаю непосредственно с драконами, обучаю эсов полетам, боевым построениям, взаимодействию...

Я задумалась на минуту.

– Тогда понятно, почему я вас не знаю. Вы не будете преподавать у эсс.

– Да, эсса. Вам полеты ни к чему.

Это было обидно, но факт.

– Понятно. Эс т-Альего, скажите, а я могу как-нибудь прийти посмотреть на тренировки?

– Боюсь, эсса, это невозможно.

– Невозможно или не принято?

– И то, и другое. Ректор точно будет против. И репутацию вы себе испортите.

Я задумчиво кивнула.

На принято – не принято мне хвостом махнуть. Нашли кому о приличиях говорить! Я их на шесте вертела! А вот репутация... да плевать мне на нее в том числе! Но папаша!

Пока я полностью завишу от него. Надо бы законы почитать да и лазейку поискать. Но что-то мне кажется, это будет сложно. Лучше пока не нарываться.

Если бы мне не пытались причинить серьезный вред, я бы так из своей мышинной шкурки и не вылезла. Но ведь не дают сидеть спокойно! Гады!

Эс проводил меня до общежития, на пороге отдал мне сумку и книги, поклонился – и удалился. Я перехватила и то, и другое поудобнее – и поплелась к себе на третий этаж. Чтобы у дверей комнаты наткнуться на Марису.

– Кордова! Ты где ходишь?!

– В библиотеку ходила. А что?

– Ты представляешь! Матиаса только что приволокли в медпункт. У них с Гилом была тренировка, и так они неудачно... ик!

Я как раз открывала комнату. Тоже неудачно. Ну да, сумку-то я на бок повесила к себе сначала. И рукав кровью измазала. И не подумала об этом.

Мариса захлопала глазами, впихнула меня в комнату – и дверь закрыла. Потом засов задвинула, рысью метнулась к душевой, проверила ее, задвинула засов и там. И пошла на меня, сверкая глазами. Мне аж в окно выпрыгнуть захотелось.

– Рассказывай! Это ты?!

– Я. Точно. Мы тут вдвоем, больше никого нет.

– Кордова, не ври мне! Пришибу! Это ты их?!

– Ты себе как это представляешь?! Гида?! Этого лося педального... тьфу!

По счастью, на мою оговорку Мариса внимания не обратила.

– Почему у тебя рука в крови?

– Эм-м-м... оцарапалась?

– Неубедительно! Так почему? Кордова, будь человеком!

Я выдохнула.

Ладно, это уже не секрет, можно и показать.

– Смотри сюда. – Я сняла с плеча боевую сумку. – На руке взвесь... если таким по лицу – понравится?

Мариса взвесила. Даже зубами скрипнула.

– Ты ее как таскаешь?

– Улитка на себе целый дом носит – не жалуется.

– Ты не улитка.

– Потому и жива до сих пор.

– Это ты Матиаса ею?

– Лиез, если ты кому проговоришься... – зашипела я. Шипение пропало впустую.

– Я поняла. Молчу. А Эстебана? Кордова, я же спать не буду!

– Зато можешь уроки сделать, – огрызнулась я. – Запомни, Лиез, чем больше шкаф, тем громче он падает! Вот и упал несчастный шкаф. А я еще сверху попрыгала.

На шкафу, да! А что? Мебель не протестовала.

Мариса даже в ладоши захлопала.

– Каэтана, ты... ты чудо! Как меня бесил этот... этот...

– Качок?

– Кто?

– Ну... Гил. Как кабачок, кабан, бочонок – поняла?

– Поняла. Качок... да! Как же я мечтала, чтобы ему кто-то по морде настучал! Но... теперь они тебя точно в покое не оставят!

Я пожала плечами.

– А раньше хотели оставить?

– Нет. Но вдруг?

– Лиез, ты еще не поняла, что беспомощность жертвы провоцирует обидчика? Не маленькая уже...

– Да, не маленькая...

Мариса даже как-то понурилась. Поглядела на меня.

– Кордова... ты не представляешь, как провоцирует. Твоя мать наверняка синяки регулярно не замазывает.

– У меня она вообще померла, – буркнула я. – Синяки замазывать не хотела.

Мариса вздохнула.

– Прости.

Я посмотрела на нее пристально. Да и рукой махнула.

Чего уж там, фитнес-тренер, – это еще и психолог. Даже если здесь я не на работе... Это другие видят королеву курса, гордую и самоуверенную. А я вот сейчас вижу девчонку. Уставшую и измотанную. И понимающую, что ей никто помочь не станет.

А вот что видит девчонка?

И я могу ответить на этот вопрос.

Она видит... бунт? Или выход? Или...

Они привыкли подчиняться. И если бы нечто подобное попытались сделать с Марисой, она бы подчинилась. Она бы упала на колени, она бы сделала все, что от нее потребуют... она бы потом покончила с собой или родители бы ее убили, чтобы скрыть позор, – вариантов много.

Но сопротивляться она не стала бы.

Не смогла.

А я смогла.

Сейчас она видит не просто Каэтану Кордову, она видит искру свободы. Той самой, которой лишена с рождения. И в мозгу у нее крутится только одно: «А что, так можно было?» Можно, Мариса, можно. Только работать нужно.

– Кофе будешь?

– Чего?

– Кофе. Напиток такой.

– М-м-м-м...

– Понятно Я сейчас сварю, а ты попробуй. И залезь на полочку. Там в синей коробке лежат сладости. Будешь?

Могла бы и не спрашивать.

– Буду. Спасибо.

– Устраивайся поудобнее. И возьми шаль, закутайся. Тебя всю трясет.

– Спасибо, Кордова.

– Пока – не за что.

* * *

Кофе получился на славу. В меру крепкий, с корицей и кардамоном. Запах пошел такой, что Мариса чуть не залпом выпила первую чашку и попросила вторую.

Я достала галеты, намазала их клубничным вареньем и впихнула в бедолагу три штуки.

Потом в дверь душевой заскреблись, и к нам на огонек явилась Олинда. И тоже получила кофе и галету. И Фатима, и Севилла... кажется, со стороны коридора тоже кто-то ходил, но постучаться не решился. И правильно. Я не кофеварка для всех и каждого.

А так... сидели мы на кровати, на подушках, на стуле, пили кофе, жевали галеты с вареньем и молча друг другу сочувствовали. Просто так.

Потому что жизнь такая... печальная. Музыки откровенно не хватало, но пока и без нее сойдет. Разошлись мы за полчаса до отбоя. Точнее, девушки ушли, а Марисе я еще и варенье с собой впихнула. Там меньше половины банки осталось, пусть доедает. Жалко девчонок.

Будешь тут сволочью в такой ситуации...

* * *

За Матиаса мне не нагорело. Последние новости принесла Мариса, которая стала ко мне чуть лучше относиться, что ли? Нет-нет, подругами мы не стали. И на людях она общаться со мной не рвалась, вот еще не хватало. Но вечером она поскреблась в мою дверь. И так поглядела на турку, что я махнула рукой да и принялась молоть зерна.

– Матиас сказал, что подрался с Гилом. Им выговор сделали.

– А тебе он правду рассказал?

Спрашивала я не просто так. Надо же знать, чего от него ждать?

– Рассказал. По секрету.

– Понятно... мстить будет?

Мариса замялась.

– Не знаю. Каэ... он спрашивал, ты помолвлена – или нет?

– ЧТО?! – взревела я не хуже атакующего носорога.

– Да. Он просил узнать у тебя... как бы мимоходом.

Я выдохнула, вернула турку на огонь и принялась контролировать процесс. Идиотов много, кофе мало! Упустишь – не поднимешь! И оттирать кому? Мне же и мучиться!

Перебьются!

– Помолвлена. Так и передай.

– А... с кем?

Я скрипнула зубами. Действительно...

– Тогда скажи, что влюблена... только в кого бы?

Мариса задумалась. Побарабанила пальцами по столу и получила чашку кофе, чтобы дятлом тут не работала.

– Эс Эдгардо Молина?

– Это еще кто такой?

– Ты его не знаешь? Кордова, ты на каком свете живешь?

– Будешь задавать глупые вопросы – не получишь варенья, – отругнулась я.

Мариса тут же подняла руки вверх, демонстрируя, что она хорошая и пушистая. Местами. Временами.

– Он такой...

Описание я прослушала не без интереса. И кажется, даже представляла себе этого типа.

Это не тот, который нас с Карсез разнять пытался? Кажется, он. Во всяком случае, похоже. И волосы светлые, и глаза голубые... я что – столько всего заметила? Вот нашла на кого смотреть! Тьфу!

Варенье она получила. Абрикосовое. И полезла в банку ложкой. Я хотела сказать девчонке, чтобы переложила в розетку, а потом... да пусть ее! Небось и так беднягу задрали этикетом! Не чавкает – уже хорошо. Для меня это ерунда, я и рукой залезу. А для нее-то подвиг!

– Допустим, ты скажешь про мою влюбленность. А что потом?

– Потом... – Мариса задумалась. – Каэтана, а чего ты выглядишь как драконий глист? Я вот смотрю на тебя – у тебя и фигура есть, и личико вполне себе ничего, и волосы, когда ты их не стягиваешь. И терпела ты моего братца зачем-то, хотя могла им настучать? Почему?

– Потому что другого люблю, – мрачно озвучила я. – А он обычный раэн, бастард. Если поступит в следующем году в академию, мы сможем быть вместе.

– Думаешь?

– Лиез, это вы богатые. А у моего отца в кармане – вша на аркане.

Мариса обдумала идею, фыркнула.

– А если не поступит?

– Значит, он меня не любит. И вместе нам не быть, – с приличествующим трагизмом отозвалась я. – А пока я слово дала, сама понимаешь.

Мариса задумалась.

– Ладно. Я Матиасу скажу, что ты влюблена, но в третьекурсника. И намекну, что за девушками ухаживать надо. До конца года ты время получишь. Я постараюсь убедить братца, что надо не давить, и с родителями поработаю. Расскажу им, какая ты страшная и бедная.

В благотворительность я давненько не верила. С института.

– Что взамен?

Мариса опустила глаза.

– Каэтана... Научи меня драться?

Я глаза, наоборот, выпучила. Не хуже рака.

– Че-го?

– Я... я хочу уметь защитить себя. Вот как ты! Ты же Эстебана... я его видела! У него нога в лубках, у него позвоночник поврежден, он сейчас лежит, и лежать ему долго.

Хм? Хорошая здесь медицина, у нас бы вообще не откачали. Я постаралась.

– Кстати, он на меня злится?

– Он тобой восхищается. Говорит, что ты – первая такая на его памяти.

– Тьфу ты, зараза!

Мариса уже откровенно издевалась.

– Поклонники множатся, Кордова?

– И на тебя тьфу. Два раза, – отгавкнулась я. Вот чего этим идиотам на месте не сиделось? – Ты думаешь, если мужу морду набьешь, больше любить будет?

Мариса поставила чашку с кофе. И посмотрела на меня так, что аж уши покраснели. Столько всего было в ее глазах.

– Нет. Просто... так страшно быть полностью беззащитной. Каэтана, помоги мне. Пожалуйста.

Я дура?

Вот в этом я даже и не сомневалась. Что я могла на это ответить?

Чертову прорву всего. А я... я сказала:

– Ладно.

Точно дура.

Мариса так рассиялась, что мне даже страшно стало. А в дверь душевой постучали изнутри.

– Можно?

* * *

Олинда!

Ее тут точно не хватало!

– А тебе чего? – нелюбезно буркнула я.

– Кофе, разумеется. Мне понравилось. И уроки потом под него хорошо учились, – сообщила нахалка. – О, вареньице? Абрикосовое? Ложка есть?

– А совесть есть? – поинтересовалась я, чтобы не треснуть ложкой нахалку. – Подслушивала?

– Осведомлялась. Двери тонкие, а вообще... запах кофе привел. Вот я и услышала. Не специально.

Я только вздохнула. И поставила перед Олиндой еще одну чашечку.

– Пей. И постарайся не разболтать, что здесь услышала. Сама понимаешь, Марисе такое ни к чему. У нее помолвка скоро, потом выпуск...

– Вот. А у меня не так чтобы скоро. И про Матиаса я знаю.

– Откуда? – взвыла я.

– Так это ж секрет. – Олинда оказалась девушкой с юмором. – Не сомневайся, через неделю будут знать даже драконы.

– Ы-ы-ы-ы-ы-ы! – искренне сказала я. – И что со мной тогда сделают?

– Ничего. А что с тобой можно сделать? Матиас всю вину взял на себя, ты ни при чем. Ну, сплетни пойдут, но и только...

– Допустим, – вздохнула я. – Все равно лучше помолчи. Ладно?

– Хорошо. А меня ты обороняться научишь? Тогда я тебе даже ссадины прощу.

Я схватилась за голову. Потом покосилась на дверь – и вздохнула еще громче.

– Заходите. Сейчас кофе сварю.

Второй раз приглашать не пришлось. И Фатима, и Севилла явились как из-под земли. Даже немного смущенные.

– Каэ, мы правда не подслушивали... так получилось.

– Что само случилось... – Я вздохнула, понимая, что от этого мне никуда уже не деться.

– Ну да, – подтвердила Севилла. Сейчас она выглядела вполне заинтересованной. – Да, мы слышали про Матиаса... а нас ты научишь?

Я закатила глаза.

– Девочки, вот что у вас за манера – научишь? Дело же не в ударах, поймите! Тут другое... Допустим, я вас научу, что врага надо бить в глаза. Двумя пальцами. – Я изобразила нужный жест, классическую «козу». – Вы отработаете удар, а потом к вам подойдет кто-то...

– И мы ударим? – пискнула Фатима.

– Ага, ударите. Вот представь себе, пальцы натыкаются на глазные яблоки, те упруго проминаются, потом поддаются, ты прорываешь оболочку, и пальцы погружаются внутрь...

Севилла сбледнула – и бросилась в уборную. Хорошо, что я ей кофе еще не налила.

– К-каэ! Хватит говорить гадости! – возмутилась Мариса. У нее нервы были покрепче, но это и понятно. Поживи в местном гадюшнике! Нароботаешь невозмутимость!

– А что такого? Понимаешь, знать, куда и как ударить, – это даже не половина дела. Еще нужна решимость покалечить или убить человека. Не дурь, а именно решимость. А потом вам еще жить с этим.

– Ты ведь живешь?

– И дальше буду. Те четверо меня не плюшками шли угощать. Они бы меня искалечили, изуродовали и откупились деньгами. А мне это не нравится, – отрезала я. – Так что нет. Я не сожалею. Но это я. И переходя дальше к теории. Надо знать, куда и когда ударить. Надо рассчитать, кого ударить. Если бы я покалечила кого-то из двух других... как их?

– Джусто Соуза и Арчибальдо Бареси, – подсказала Мариса. – Нет, Матиас просто заставил бы тебя за это заплатить.

– Вот. Знать – как. Знать – кого. Не испытывать сомнений, нападая первой. Не испытывать угрызений совести после драки. И это еще далеко не весь список. Вы к этому готовы?

Девушки переглядывались. И правильно, скажи хоть одна из них, что готова, вылетела бы из комнаты вперед своего визга.

Не готовы они к этому. Как и я не была готова много лет тому назад. Я тренировалась, я бывала в опасности, я знаю, что такое угроза жизни. Потому я и готова бить первой. А девочкам еще долго с собой бороться. И может быть, такое умение придет, только когда будут угрожать их жизни или их близким. Или когда им серьезно достанется в драке... да, и такое бывает.

Но то психологическая готовность. Ее я могу дать разве что в основах. А вот знание болевых точек и поставленные удары – это проще. Это физическое воздействие, это можно наработать.

– А еще надо уметь терпеть боль. И осознавать, что, когда вы лезете в драку, вас так же могут убить, покалечить... это понятно?

Это озвучено. Понимание – это немного другое. Потому речь я решила подытожить.

– Даю вам три дня. Подумайте сами, готовы вы на такое пойти или нет. Это долго, трудно, болезненно, и не факт, что вам пригодится. К тому же даром я учить не буду. Вот с Марисой у нас договор. Она мне, я ей. Так еще куда ни шло. А что вы мне можете предложить? Денег не надо.

Девушки задумчиво переглянулись еще раз.

– Вот. Поэтому пейте кофе – и пойдём делать уроки. Завтра математика, а у меня еще дракон не валялся.

– Ты можешь математику и вовсе не делать, – завистливо вздохнула Фатима. – Раэн Ледесма в тебе души не чает.

Я только головой покачала.

– Именно потому и надо ее делать.

С раэном Ледесмой мы действительно нашли друг друга.

Он подкидывал задачки мне, я ему. Математику здесь знали, но не всю. К примеру, о том, что такое квадрат, знали, но таблицу квадратов не составили.

Формулы сокращенного умножения здесь были, но далеко не все. Тервер развивали, а вот с логарифмами – швах. А еще я думала о шахматах.

Сделать их несложно, написать правила и подарить разну Ледесме. Вот уж где раздолье будет! Ну или с шашек начать. Здесь их тоже не знают.

Останавливает только одна мысль. За мои личные идеи это никак не выдашь, а рассекречиваться неохота. Ладно еще математика. Хотя и тут осторожность соблюдать приходится. Но что-то большее?

Не стоит.

Девушки разошлись.

Я подошла к окну, посмотрела на небо.

С моря летели драконы. Клином.

Какие же они красивые! Я вот еще немного почитаю про драконов, а там и знакомиться пойду. Интересно же! И плевать на все приличия. Это – ДРАКОНЫ!

Интерлюдия

– И кто это вас так отделал, молодой человек? Может, все же расскажете правду? Без этих глупостей о драке.

Эс Хавьер т-Альего смотрел крайне ехидно. Матиас сощурился.

– Мы с другом подрались. Да, Гил?

– Да, – прогудел здоровяк с соседней кровати. – Это... бывает!

– Бывает, – милейшим тоном согласился эс Хавьер. – И лечить будем. В этом году о драконах можете забыть. Решительно.

– Это не вам решать! – вспыхнул Матиас.

– Мне в том числе. А я уже поставил в известность ректора. Мне такие идиоты не нужны. И сами покалечитесь, и драконов угробите. Мы – крыло. И действовать придется в единой связке. А вы что устроили? Так что драконы только на следующий год.

Парни мрачно переглянулись.

Эс Хавьер еще немного поулыбался и ушел.

– Полукровка. Ублюдок, – прошипел Матиас, когда за ним закрылась дверь.

Эстебан только фыркнул.

– Да ну его...

И принялся разминать мышцы, как показали. Лежать ему предстояло достаточно долго, и если бездействовать, и руки, и ноги поухнут. А не хотелось. Красивого рельефа добиться сложно!

Эстебан столько вложил в формирование своего тела! В двадцать первом веке его бы назвали бодибилдером, но тут не было такого слова. Фейервальд в этом отношении вообще крайне отсталый мир, как не преминула бы съязвить Зоя. Ни феминизма, ни бодибилдерства, ни секс-меньшинств, и ведь живут же люди!

Эстебан об этом, так или иначе, не подозревал. И занимался собой.

В дверь постучали. Парень накинул простыню, дверь приоткрылась, и внутрь вошла Мариса.

– Мальчики, я вам гостинчик с кухни принесла. Попросила поварих испечь.

Булочки с орехами парни оценили по достоинству. И крыжовенное варенье тоже. Не мясо, конечно, но чего от бабы ждать? И так неплохо – через пять минут в корзине только запах остался.

– Спасибо, эсса, – поблагодарил Эстебан.

Матиас внимательно смотрел на сестру. Мариса кивнула головой.

– Да, я поговорила с Каэтаной. Матти, ты прости, но пока у тебя ничего не выйдет.

– Это еще почему?

– Каэтана влюблена по уши.

– В кого?! – возмутился Матиас. Что за бабы такие пошли? Отвернуться не успеешь... кто... да когда ее накрыть успело?

– Эс Эдгардо Молина. Слышал о таком?

Матиаса перекосило.

Слышал? Видел! Сам восхищался... Каэтану даже за плохой вкус не осудишь. Звезда академии, красавец, умница, прирожденный драконарий, его даже эс Хавьер хвалит, а уж к этому в милость попасть и вовсе нереально. Знает он, что ли, что-то про Каэтану? Да нет, откуда бы? Тогда б им точно нагорело, могли бы и отчислить. А так... пока без драконов? Ладно, это Матиас переживет.

– Сдался ей этот...

– Этот? Сдался, – согласилась Мариса. – Вроде бы она пока не помолвлена, но ты же понимаешь, что родители не одобрят?

Матиас пока над этим не задумывался.

– Ну...

– Кордова бедны. Связей у них мало, разве что древность рода, но и то... сколько там? Поколений двадцать? Тридцать? Не знаю, не знаю. Отца таким образом не убедишь. Портреты предков есть не будешь, так, братик?

Мариса талантливо изобразила отца, и Матиас аж передернулся.

– И что ты предлагаешь?

– Поухаживай за девушкой. А то окажется, что ты за, а все остальные против. Каэтана против – ты ей не нравишься.

Матиас сморщился, но спорить с этим было сложно. Вот уж правда, насмешки, издевательства, попытка изнасилования... просто идеальная основа для любви! Если ваша девушка слабоумная – можете не стесняться. И даже цветочков не надо, разве что голой попой в розы.

Романтика!

– Родители будут против... ну, ты понял. Отец Каэтаны? Он... ходят слухи, что он странный. Ты слышал сам, наверное.

– Ученый, да, – согласился Матиас. А насчет странности... так свою дочь изуродовать? Тут не просто странным нужно быть, а полным идиотом.

– Вот и думай сам. Согласится такой или нет? Договорятся они с отцом?

Матиас в этом искренне сомневался.

– Ладно, ладно. Я понял. Спасибо, Мари.

– Кто о тебе еще позаботится, кроме сестры? – вздохнула Мариса. – Сильно болит?

– Ну... есть еще.

Матиас лечился, но Каэтана хорошо его сумкой приложила. И голова еще кружилась, и даже читать ничего было нельзя. Так что визит сестры хоть чуточку развеял скуку.

Матиас и не подумал про друга. А Эстебан Гил слушал очень внимательно. Девушкой, которая смогла его уронить, стоило заняться. Нет-нет, не в том смысле!

Только в хорошем!

Эстебан ценил силу, ловкость, боевые искусства. И то, что он оказался в пару минут повержен девчонкой? Да еще такой хрупкой?

Таких мало. И род у него не так чтобы древний, и родители не чванливые... может, удастся договориться? Не откажут им Кордова?

Надо поговорить.

И с эсом Хавьером тоже. Может, их все же в этом году допустят к драконам? А?

Но вслух Эстебан ничего не сказал. Не до того ему было. Мышцы разминать надо.

Глава 4

Чем вся эта ситуация могла закончиться? Да только одним. Ровно через три дня в моей комнате снова собрался тот же списочный состав.

Севила, Фатима, Олинда, Мариса.

Что я попробовала сделать?

Повторить все отговорки! Естественно!

– Девочки, я понимаю, что вам не понравится происходящее. Это тяжело, сложно, это... я честно скажу, вам это может и не понадобится. Подумайте еще раз, – честно предупредила я. – Если вы решите учиться, вам придется начать с себя. С зарядки, тренировок, растяжки, подготовки... это не сразу удар-удар, это много потраченного времени. Вашего времени.

– Мы готовы тратить время. – Олинда говорила решительно. – Меня ты тогда... тоже так?

– Тебя я калечить не хотела.

– Но могла?

Я улыбнулась уголками губ.

– Олинда, ты же не думаешь, что я повернусь спиной к противнику?

Девушки переглянулись. Кажется, Олинда ощутила себя душой.

– Но это так выглядело...

– Правильно. Играть тоже надо уметь.

Эта мысль девочкам в голову не приходила.

Я всхлипнула, упала на колени, из глаз покатились слезы.

– Умоляю, пожалейте меня! Ноги целовать буду, рабыней вашей буду, что хотите сделаю...

Девушки смотрели в тихом ошалении, а я тем временем подползла к лодыжкам Марисы. И обозначила жесткий хват.

– Рывок – и ты, подруга, полетишь головой вперед. Возможно, сломаешь при этом шею. А если нет – я добыю. Лежачего и оглушенного. И с мужчиной так же пройдет. Поняли?

Севила покачала головой.

– Никогда бы не подумала.

– Ты слабее многих, так пользуйся своей слабостью. Будем считать это внеплановым уроком, – махнула я рукой.

Четыре пары глаз смотрели серьезно.

– Каэтана, а что ты хочешь? За свои умения, чтобы нас научить?

Я потерла лоб.

Ладно, обдумала я этот вопрос. И знала, что попросить.

– Я хочу несколько вещей. Первое – сохранение тайны. Я учу – вы молчите. Согласны?

– Согласны, – за всех отозвалась Мариса.

– Второе – слушаться меня в том, что касается учебы. Безоговорочно. Скажу отжиматься – будете. Скажу бежать – побежите.

Ответом мне были согласные кивки.

– Третье. Если мне понадобится помощь – покопаться в библиотеке или что-то найти, навести справки... вы постараетесь мне помочь. В той мере, в которой это не будет вредить вашим семьям и вам.

На это девочки тоже были согласны.

– Тогда буду вас учить. И бить, и играть... сами напросились.

Зловещая ухмылка у меня получилась. Но девочек не напугала.

– Каэ, – Севилла заговорила первой, – а ты справишься без этого всего.

– Я умею бить. И знаю, куда и как. Вы пока не умеете.

– А научить ты нас сможешь?

– Смогу. Но еще я знаю возможности своего тела. Если Мариса расспросит брата, она узнает, что я никого из них не била голыми руками. Вот, посмотрите.

Я показала сумку. Та пошла по рукам, девушки осматривали ее, думали...

– Я очень слабая. Но с помощью этой сумки я уравнила наши шансы. Но я знала, как и кого ударить. Я не сомневалась. А вы так сможете?

Девушки переглядывались.

– Не сможете. Значит, вам надо будет быстро убегать. Кто на это способен?

Способных не было.

Утренняя зарядка воспринималась как неизбежное – и столь же необязательное – зло. Мне оставалось только развести руками.

– Девочки, печальный факт. Мужчина – любой, даже самый паршивенький, всегда будет сильнее. Просто потому, что у него мышц больше. Поэтому нам надо делать ставку на ловкость, гибкость – и да! Скорость. Обязательно скорость. Увернулась от первого удара, врезала сама – и ноги, ноги, ноги, унесите мою попу.

Девушки дружно заулыбались.

– Вот вам смешно, но это чистая правда. Поэтому... вот смотрите. Олинда, ты не могла бы подойти ко мне?

Олинда пожалала плечами, но ко мне подошла.

– И что?

– Ударь меня.

– К-как?

– Как хочешь. Рукой, ногой, да чем угодно. И не бойся.

Олинда засомневалась. Как-то это было неправильно. Непонятно. И зачем? Все мысли у девушки на лице написаны были. Это же Каэтана. Вот она стоит... и ее просто так бить? Эм-м-м...

Я насмешливо фыркнула.

– Вот и второй экзамен провален. Первый был с Марисой, только что. Олинда, мне Матиас тоже знаком. Но если бы я колебалась... они бы меня в кустиках...

Девушки покраснели так, что стало ясно – теорию они знают. Ботанику в разрезе, ага.

Олинда шагнула вперед и замахнулась. Мимо.

Я отступила в сторону.

И снова замах. И снова отшаг.

Я лавировала в маленькой комнате, уворачивалась то так, то этак, а Олинда уже едва не бежала за мной. Наконец я перехватила руку на замахе – и придержала девушку.

– Все, хватит. Поняли?

– Лин тебя даже коснуться не могла, – задумалась Фатима. – А она старалась.

– Она медленно движется. Я видела движение вначале, я легко от него уклонялась. Фатима, иди теперь ты?

Девушка послушно вышла на середину комнаты. Олинда, сопя, как не подобает благородной эссе, почти упала на кровать.

– Несправедливо.

– Девочки, а где справедливость, если на одну меня четыре лося вылезло? – поинтересовалась я.

Мариса насупилась.

– Матиас жалеет...

– Вот, видите, как оплеухи-то действуют? Почти ничего не сломала, а человек уже раскаялся!

Девушки засмеялись. Фатима стояла и смотрела на меня.
Упражнение второе.

– Фатима, я пробую до тебя дотронуться. Бить не буду, просто касание. А ты сделай, как я. Увернись. Поняла?

Фатима кивнула.

Сосредоточилась.

И ровно через пять минут подняла руки кверху.

– Сдаюсь. Каэ, у тебя шестнадцать рук?

– И восемь ног. И вообще я осьминог, – согласилась я.

Запыхалась, конечно, но в целом утренние старания давали результат, двигалась я неплохо. Это у Фатимы было ощущение, что я везде. Спереди, сзади, сбоку... я перемещалась, дотрагивалась, тут же уходила в сторону, и достать меня возможности не появлялось... да что ж это за издевательство такое?! Это прямо-таки было крупными буквами написано на симпатичном личике.

– Поняли? Вот для этого и нужно тренироваться. Я последнее время с зарядки уползаю. А вы?

На это девушки тоже внимания не обращали. Но действительно, я могла, а они – нет. И если им говорят, что так надо...

Будем тренироваться?

Будем.

Я оценивала девушек и не видела сомнений. Все решительные и спокойные. Все что-то для себя обдумали, все понимают, что их не одобряют, все готовы работать...

Самое опасное дамское настроение, кстати говоря.

В таком настроении Берта Бенц, наверное, и уехала от мужа к маме. С детьми. За сто километров. На самом первом автомобиле марки «Бенц», тогда еще не «Мерседесе», о нет!

Скорее, бамц, тынц, бенц...

Но ведь уехала – и доехала. И плевать, что пришлось закупаться бензином в аптеке, прочищать топливопровод шпилькой и изолировать

провод подвязкой от чулка^[9].

В таком состоянии и головы иным мужчинам отрубали, и все остальное тоже. Отрубали или отрезали. Или просто бросали все и уходили, хоть бы и в никуда. Решительное такое состояние.

И что мне оставалось делать?

Только одно.

– Девочки, если вы решились, нам нужно подходящее место для занятий. Там, где нас не будет лишний раз видно и слышно. Потому как не одобряют.

Девочки переглянулись и закивали. Будем искать.

– И одежда. Штаны и рубашка. Грудь подвязать, чтобы потом не болталась, как у собаки уши, волосы собирать. А потом от нас после занятий вонять будет... м-да. В комнате мы точно не поместимся. И в душевой тоже.

Севи́лла кашлянула.

– Тогда я знаю, что нам нужно.

– Да?

– Бухта поцелуев. И место есть, и пот смоем хоть как... ну, вонять не будет. И не увидит никто.

– Что это за бухта? – поинтересовалась я.

Севи́лла опустила глаза.

– Ну... мне рассказали. На побережье есть несколько укромных уголков. И старшекурсники их приспособили для этого самого.

– А мы им не помешаем? – задумалась я. – А то людям удовольствие обломаем...

– Нет, не помешаем. Тут вся соль в том, что если уголок свободен – на дороге ставится белый камешек, занят – черный.

– Ага, – сообразила я. – Ставим черный камешек, а чем мы там занимаемся – никто проверять не полезет.

Девушки заулыбались. Я посмотрела на них и только головой покачала.

– Слов у меня на вас нет, аферистки.

Улыбки стали еще шире.

Уточню-ка я по этим самым бухточкам, а то неизвестно, что это такое и с чем его едят. Я до сих пор и не слышала...

Оказалось – место полезное.

В академии и парни учатся, и девушки, и встречаются, да...

Иногда и что-то большее бывает.

А где?

Общага, сэр!

Место, по умолчанию не предназначенное для романтики. То соседи ломаются, то комендант, то уходить пора, то лучше не приходиться... А встречаться где?

Местное начальство сделало проще.

Хотите романтики?

Сидите на берегу моря. Там как раз несколько удобных заливчиков, к каждому ведет тропинка, в начале тропинки – камешек. Повернут светлой стороной – свободно. Темной – занято.

Должна согласиться – идея отличная.

Пляжи здесь галечные, так что для романтики – в самый раз. А вот разнузданного секса там не получится. Если кто пробовал – знает. Разве что на надувном матрасе... мы с Димкой однажды попробовали. Мне в интересный момент такой острый камешек под попу подкатился, что я на полметра подпрыгнула. А еще ж и озвучка процесса...

А заниматься...

Ну, статику будет не совсем удобно работать, но всегда можно что-то придумать. Хотя бы гетры и перчатки. Бегать? Можно и без бега, главное – правильная нагрузка. А там можно и упражнения на воде добавить. Я умею, я работала...

Ладно, тут главное – начать. Знаете, группа девушек, которые в сентябре приходят на тренировку, чем-то похожа на серпентарий. Кругом недовольные взгляды, шипение, фырчание... упражнения всем даются по-разному, и характеры разные, и темпераменты, а программа одна.

Зато к концу года девочки срабатываются. Появляются кружки по интересам, подруги, кто-то так и остается на связи, даже когда прекращают заниматься. Сложно, конечно. Но я могу сделать из серпентария товарищество. И здесь сделаю.

А вот что из этого получится?

Во сне я опять видела драконов.

Красивые...

Стремительные, яркие, гибкие, с мощными лапами и крыльями...
почему не драконицы?

Ответ на свой вопрос я получила в библиотеке.

* * *

Эсса Магали т-Альего, библиотекарьша, как обычно, смотрела волком. Но работать над заданиями никто не запрещал. Поэтому я, тоже как обычно, нагребла периодики.

Понимаю, бóльшую часть того, что местные впитывают с молоком матери, я просто не потяну. Все эти взаимоотношения, кто с кем, кто за кого, кто против кого... это слишком сложно. Но все же из газет можно почерпнуть многое.

К примеру, что Сурат опять поцапался с Эстормахом. Поэтому поставки зерна урезаны, а мы опять дружим с Санторином. У них с пшеничкой плохо, но хорошо растет какое-то местное просо и кукуруза. И они нам это добро поставляют. Не просто так, а в обмен на политические уступки.

Опять будут своих кадров пробовать на наших драконов усадить. Нам это невыгодно, но и впрямую не откажешь, то есть зимой в академии появятся санторинцы... это проблема?

Не знаю.

С одной стороны, территория большая, гостевой корпус есть, гуляй – не хочу.

С другой...

Это Санторин.

Если что, рядом с ними у нас тут офигенный феминизм. Женщина может даже разговаривать с мужчиной! Смотреть на него! Не покрывать головы в присутствии мужчины!

Показать лодыжки и запястья!!!

Как по мне, так полный трэш не в их обычаях – это половина проблемы. Настоящая беда – их отношение к женщинам в других государствах. То есть их женщины все забиты-завернуты, а наши – нет.

Значит, их женщины добродетельные, а у нас тут сплошь продажные девки гуляют. И отношение соответствующее.

А самое печальное, что не без оснований.

У нас-то тоже девчонки достаточно забиты. И резко отказать кастрюлей по морде просто не могут. А дальше все по протоколу.

Она сама хотела. Точно? Ну, не убила ж... значит – хотела. И орала в процессе – точно, от удовольствия^[10].

Ладно. Своих девочек я к тому времени натаскаю, хотя бы в осях, а остальные...

Кому смогу – помогу. Остальным не повезло.

* * *

Эс Науэль Перез мне не нравился. Слишком высокомерный, слишком надменный.

Понятно, будешь тут шипеть и кусаться, если кругом одни эсы. И никто тебя ровней не воспринимает. Хотя ты эс, но ты преподаватель, так что отдельные ученики смотрят на тебя свысока. Неудачник-с...

Тут еще не так озверешь.

И все равно – мне он не нравился.

Высокий, рыжеволосый, костистый и веснушчатый, с невнятными серыми глазами и мерзкой рыжей щетиной, которая придавала ему какой-то неопрятный вид. Хотя за собой преподаватель очень следит, чего одни его духи стоят. Я раз села на первую парту, потом зареклась. Только подальше, только открытое окно, только свежий воздух!

Ладно!

Я несправедлива.

Если бы он мне нравился, внешность не имела бы значения. Но уж очень противная личность!

Океанолог!

Нет, не в том понимании, которое принято в моем мире. В моем мире океанологи изучают флору и фауну, рельеф и течения, шельф и ледники, следят за состоянием океана, к примеру, когда можно рыбачить, а когда это навредит биосфере...

В теории.

Здесь же океанолог рассказывал нам о тех тварях, которые водятся в океане. И нет, не с научной точки зрения. К примеру: кит, животное, хордовое, млекопитающее, китопарнокопытное^[11], представители, распространение, строение, питание, проживание...

Не-не-не.

Науэль преподавал океанологию со своей точки зрения.

Океан – владения Ортара. Все, что там происходит, в воле Его. И тут извольте не лезть.

Меняются течения – его воля. Дохнут устрицы – его воля. Уходит рыба, появляются акулы, начинается шторм – та же самая уважительная причина.

Вам что-то не нравится? Вопросы к Ортару.

Ах, не отвечает? Тогда утопитесь и повторите свои вопросы. Главное, от преподавателя отстаньте.

Причины?

Тебе ж сказано – воля Ортара! Чего тебя, неразумного, еще не устраивает?

Зато о ком преподаватель говорил много и долго, так это о морских чудовищах. Вот их он изучил во всех подробностях. Домогался каждого отряда, просил записывать, зарисовывать, можно еще и образцы приносить... с образцами получалось хуже всего. Драконы их не доносили в принципе, съедали по дороге.

Я тихо подозревала, что две третьих страшных чудовищ для эса Переза придумали сами драконарики. Во всяком случае... ну нефункционально же! Зачем одной твари и плавники, и щупальца, да еще и ласты? Где логика?

Чисто теоретически такое животное просто не сможет нормально передвигаться. Все это добро будет мешать друг другу. Рыбы, кальмары и змеи, если что, плавают по-разному. Зачем это объединять в одном существе?

Ладно бы еще ноги, чтобы оно по суше передвигалось! Или как у анабасов, у илистых прыгунов, – они могут выползть на сушу. И передвигаться там.

Но зачем все в одном звере?

Чует мое сердце, что половина тут бреда! Но преподаватель рассказывал вполне серьезно, заставлял нас все это заучивать, даже пробовал составить какую-то классификацию.

Я не слушала.

Я читала книги по истории, за что и поплатилась.

– Эсса Кордова!

Я послушно встала под неодобрительным взглядом преподавателя.

– Эсса, вам неинтересно?

Я едва не ляпнула, что да! Неинтересно, и не будет. Вместо этого пришлось ограничиться вежливым:

– Простите, эс.

– Вы не понимаете значения моего предмета?

Я развела руками.

– Эс, простите, но мы не летаем на драконах. Поэтому монстров, о которых вы рассказываете, я никогда и не увижу. Более того, вы так подробно и натурально о них рассказываете, что меня мутит. Вы их словно сами видели... брр!

Я поднесла руку к горлу и сделала судорожное глотательное движение.

Эс несколько минут смотрел на меня гневным взглядом, потом до него дошло все сказанное, и он успокоился.

Оскорбить его никто не хотел, еще и польстили. Он-то храбрый и умный, а бабы, как известно, дуры. И им страшно.

Годзиллу бы тебе показать. Или какого-нибудь тентаклевого монстра! Неделю спать не сможешь...

– Ладно, эсса. Садитесь. Теперь все понимают, почему женщинам недоступен Выбор? Единственное, что они могут, это родить других драконариев.

Мы дружно закивали.

Да-да, недоступен. И всем будет страшно-страшно. Главное, чтобы нас не продолжали мучить этой чушью. Уши ж вянут!

Ладно бы он рассказывал, как бороться с монстрами, где у них уязвимые места... нет!

Вот этот монстр, у него есть то-то и то-то, по моей классификации его можно отнести туда-то и сюда-то. Этому отрубить голову, тому оторвать ноги... Не дожدهшься!

Методика борьбы?

Не забивайте мне голову, с этим драконы разберутся. Налетят, поджарят и сожрут!

А с другой стороны... было кое-что интересовавшее меня. А потому уже на следующем занятии Олинда подняла руку.

– Эс Перез, можно вопрос?

– Да, эсса Оливера.

С Олиндой преподаватель предпочитал не связываться. Вот что значит показать себя главной и хищной.

– Эс Перез, случается ли такое, что монстры добираются до суши? Или их детеныши? Что они делают, как с ними справляются... можно подробнее? Интересно же!

Эс Перез скривился, но класс тоже зашумел, и выхода у мужчины не осталось. Проще рассказать, чем терпеть шепотки и вопросы.

Хотя что там было рассказывать?

Слушала я внимательно, но особых расхождений с прочитанными книгами пока не уловила.

Океан – владения Ортара. И иногда там открываются порталы.

Куда?

Да кто ж его знает! Куда-то! Вопросы к Ортару!

Закрывать их тоже не получается. Как-то предвидеть или предсказать? Ученые пытаются, и пытаются, и опять пытаются, и неплохо финансируются, между прочим. И ничего не получается.

Пробовали идти от противного, то есть лишать финансирования и вешать – все равно ничего не получилось. Как знаний нет, так и не прибавилось. Жрецы пытаются что-то сделать, но результата пока не наблюдается. Морской твари все равно, веришь ты в нее, не веришь, молишься, не молишься... лучше даже, если молишься. Неподвижную дичь скушать проще.

На морском дне продолжают открываться порталы, и ползет из них всякая пакость. Рисунки прилагались, но теперь мы уже не дали эсу Перезу свернуть с нужной темы.

Да-да.

Они ползут, они жрут. Самых крупных выбивают драконы еще в море. Иногда при этом страдают корабли, но тут так... не успел удрать – сам виноват.

Мелочь может добираться до суши. Крупных-то хорошо заметно. А вот мелочь...

У той же акулы есть плавник, ее можно заметить по плавнику. Мелочь так не отследишь. Они идут под водой, они выползают на

сушу, и тут уж – как повезет. Успевают драконы – отлично. Приятного аппетита.

Не успевают?

И деревни рыбацкие, бывало, стирались с лица материка, и просто люди гибли, и корабли топили. Почему-то тварям совершенно не интересно кушать морских обитателей.

Им подавай людей.

Хм, одна версия у меня появилась. Но Олинда этот вопрос не задаст, надо самой.

Я подняла руку.

– Эс Перез, простите. А домашние животные от тварей страдают? Или успевают разбежаться, пока твари охотятся на людей?

Подставилась...

В глазах эса мелькнуло изумление.

– Эсса Кордова, у меня нет такой информации. Но... я посмотрю. Действительно, это важный и интересный вопрос.

Да. Одно дело, если монстры охотятся на все подряд. Но тогда чем им океан не угодил? Там-то пропитания всяко больше... вон, кита поймай! Мяса в нем много, а огнем он не дышит!

Другое дело, если приоритетно на людей...

Мне бы еще много чего хотелось увидеть и услышать: и что случается с людьми после нападения монстров, и какие там будут останки, и... патологоанатом нужен! Грамотный!

И побывать на месте нападения, и самой посмотреть – потрогать – пощупать!

Не претендую я на какие-то тайные знания, но из фильмов и книг родного мира понимаю – обычной твари плевать, что сожрать. Лишь бы сожрать.

А если эти охотятся только на людей...

Чем человек отличается от животного?

Душой.

Пусть мне кто-то говорит и о разумности животного, и о наличии души у кошек, собак, лошадей...

Верю я! И душа у них есть, и разум, и чувства! Не хуже, чем у людей. Лично знакома с животными, которые на порядок умнее своих хозяев. Но вот одного у них точно нет.

Ты можешь рассказывать собаке о христианстве, крокодилу о мусульманстве и коту о дзен-буддизме. Не поможет. Веровать в Бога свойственно только людям. Животные обычно верят своим хозяевам, им религия чужда.

Хотя коты те еще буддисты. Особенно домашние кошки. Лежат, ловят дзен. Или дзынь? Не сильна я в религии...

Итак, мелочь доползает-доплывает до суши, там жрет, пока ее не поволоют. А еще может возвращаться обратно в океан.

С добычей?

Без?

На это тоже нет ответа.

Поэтому драконы находятся на территории всех материков.

Поэтому они регулярно совершают облеты и участвуют в патрулировании территории. А драконов мало. А территория большая. Так что жители по мере сил помогают драконарям.

В каждой прибрежной деревне есть запасы топлива для костров.

В каждой прибрежной деревне есть оружие. Такое... не на людей, а на монстров. Вилы, багры, копыя – то, чем можно удержать тварь на расстоянии от себя, зафиксировать, потом добить и сжечь. Клинками они берутся плохо. Кожа толстая, чешуя плотная, пока ты доберешься до уязвимых органов, тебя уже три раза съедят.

Только фиксация и огонь.

– А бывало так, что тварей брали живыми? – это уже Матиас. Молодец...

– Нет. Стоит им попасть в плен, как они расплываются в слизь.

Вот как?

– Все? Или часть?

– Таких данных у меня нет.

– Их убивают обычным оружием? Или освященным в храме, сделанным из бронзы, к примеру? Или из золота, как в сказке?

– Случалось по-разному. Точных данных у меня нет, – отозвался эс Перез.

Я вздохнула и потерла лицо руками.

Даннара, ну что это такое? «Найди равновесие!» А какое? Где?

Равновесие...

– Скажите, а есть динамика появлений монстров?

– Динамика? – воззрился на меня эс Перез.

– Статистика и учет, – пояснила я. – Алира. Рядом с берегами зимой появилось четыре монстра, летом шесть... Нарес, зимой пять монстров, летом восемь... разбивка по годам, по количеству, по размерам? Да мало ли еще параметров можно придумать? Эс?

Я заткнулась, потому что эс Перез смотрел на меня глазами ошалелой совы. И ресницами хлопал так, что ветер поднимался.

– Конечно же...

Они что – не думали здесь о статистике? А ведь наверняка не думали и не гадали...

Ну разумеется! Они просто не умеют ставить задачу именно в таких параметрах! Да что там! Пусть основы статистики и закладывались в 1800-х годах, это в нашем мире, но как отдельная наука, с параметрами, цифрами и графиками, со статистическими управлениями, соцопросами и справками появилась только во второй половине двадцатого века.

Для местных то, что я сказала, – уже откровение! Ой, епт-компот!

– Эсса Кордова, – очнулся эс Перез. – Сразу видно, что вы дочь своего отца. Итак, сейчас все садятся и придумывают параметры, по которым можно производить учет и контроль монстров. А потом будем искать данные.

* * *

Параметры, параметры...

Честно говоря, думать не хотелось. Как их учитывать?

По числу щупалец?

Клыки с когтями считать? Хвосты и глаза?

Что-то сомнительно. А вот если...

Статистика тоже основана на формулах. Нравится мне это, не нравится, задачи мы решали, и формулы я знала. Базовые.

Вот их и написала.

А именно – средние. Арифметическая, квадратическая, гармоническая, простая и взвешенная^[12].

Сильно я углубляться не стала, себе дороже получится. Обойдемся основами.

Получив от меня листок и разъяснения, эс Перез долго смотрел на меня, на листок, потом опять на меня с видом «баран и новые ворота». А потом додумался до гениальной идеи.

– Эсса Кордова, вот вы мне и будете все это рассчитывать.

– Я?

– А больше никто не справится. И вообще... вы не хотите принести пользу государству?

– Государству? – прищурилась я. Вот не вижу я здесь ничего государственного!

– Моя... наша научная работа будет очень важна для всего Нареса. А то и для других континентов. Вы не имеете права отказаться.

– А...

– Можете кого-нибудь научить, но пока будете работать сами.

Я едва не застонала.

Что там сказано про интимные отношения инициативы и инициатора?

Я попала-а-а-а-а-а...

* * *

Как-то так получилось, что за все это время я не собралась пойти до храма. А надо бы. А полезно.

Вот и шла себе потихоньку, думая о чем-то хорошем. Храма самого по себе в академии не было. Драконарии оказались достаточно безбожным народом, поэтому был храмовый комплекс.

Одно здание на пятерых богов. Пять алтарей.

А что? Богослужения проводятся в разные дни недели, так что друг другу мешать не будут. А кому надо помолиться, тот и так помолится.

Я вошла внутрь.

Пять секторов. Пять основных цветов.

Даннара – зеленый, Ортар – синий, Сантор – кроваво-алый, Лелея – золотой, Истион – белый. Но сгруппировано гармонично, нет ощущения взрыва цветов и красок.

Подумав, я подошла к зеленому алтарю. Все же Даннара поработала над моим перемещением, с ней и разговаривать надо.

Обычно на алтарь Даннары кладут нечто такое... выращенные человеком плоды, испеченный им хлеб. Я не стала заморачиваться. Да и не сделаешь тут ничего такого. Кто меня на кухню пустит?

Я огляделась, проверяя, что одна в храме, вытянула руку – и аккуратно надавила перочинным ножом на середину ладони.

Больно!

Царапать себя вообще и больно, и неприятно. Хорошо хоть, ножик наточен на совесть, кожа разошлась быстро, и на алтарь капнуло несколько капель крови.

Тьфу ты... что я – крови не видела? Да прорву, и своей, и чужой, а вот замутило, бросило на колени, я оперлась обеими руками о зеленый камень... малахит? Змеевик?

Неважно... голова кружилась все сильнее, я упиралась руками, лишь бы нос не расшибить... полыхнуло зелению.

– Спасибо, Даннара.

Алтарь сиял, как прожектор. Пульсировал под моими пальцами, и я начала улавливать какой-то сложный ритм в его пульсации, сознание уплывало...

– Я не могу тебе помочь, девочка. Боги не должны вмешиваться, тем более когда мир и так накренился и опасно раскачивается...

– Ну хоть бы советом!

– Цена моего совета слишком высока.

Почему-то мне представился Фейервальд – в виде арбуза в авоське. И эту авоську сейчас весьма небрежно раскачивали над пропастью.

Пара слов – и ниточки лопаются, и арбуз скоро улетит...

Или – раскачка прекращается, все замедляется, равновесие восстанавливается...

Не подскажут. Можно и не надеяться.

– Ладно. Тогда просто спасибо. За драконов.

И словно улыбка в ответ. Мол, не благодари, не за что. Просто сделай то, что должна. Ты справишься...

Эх, как же я завидую героям Толкина. Все так просто, линейно, понятно... Даже у Гарри Поттера – все четко. Есть враг, есть цель, есть направление движения. А у меня?

А у меня вот так. На ниточке, над пропастью. И кто знает, что будет дальше?

Я точно не в курсе.

Кое-как я оторвала ладони от алтаря. Выдохнула.

Голова переставала кружиться, алтарь больше не сиял. Вот и хорошо. Я поднялась на ноги, пригладила растрепанные волосы и бросила пару монет в чашу для пожертвований.

Ладно, Даннара, я поняла. Попробую справиться сама, а если что не так, надеюсь, ты меня и остановишь. Ты меня запустила в этот мир, ты из него и выкинешь.

И словно теплая волна пришла. Накатила, схлынула...

Даже не сомневаюсь, навредить мне не дадут. И это самое главное. Не знаю, что у меня там получится с пользой, главное – вреда не принести. А то благими намерениями дорога не в депо вымощена. Так-то.

Интерлюдия

– Ты мне всю жизнь испортил!!! Ненавижу тебя!!!

Эс Хавьер т-Альего промолчал.

А что тут скажешь? Ругаться с женщиной? Или поднимать на нее руку?

В его семье такое было. И на всю жизнь мужчина запомнил и мамины крики, и ответный визг (иначе и не скажешь) отца, и его покрасневшее лицо.

Мужчина себя так вести не должен.

Поэтому мужчина молча развернулся и вышел вон.

– Не смей!!! Вернись немедленно!!! Опять к своим бабам пошел?!

Эс Хавьер только глаза закатил. Но не остановился.

Вроде бы дом. А возвращаться сюда и не хочется. И туда не хочется. И вообще... тоскливо.

Вот и так бывает.

Хавьер не мог похвастаться легкой и приятной жизнью. На свет он появился благодаря обыденной ситуации. Молодой эс, молодая разша, стог сена, лето, жара... с кем не бывает?

Бывает. И дети от этого рождаются, знаете ли. Когда разша Мария поняла, что беременна, она бросилась к юному эсу Гальего за помощью, и тот оказался мужчиной. Пошел и пожаловался родителям.

А что?

Соблазнили – обидели – изнасиловали маленького мальчика. И плевать, что насильница на два года младше и сама до того девочкой была. Все равно – она виновата!

Эс и эсса Гальего, родители несчастного обиженного, переглянулись – и решили проблему. То есть выдали девушку замуж. Еще и приданое ей дали. А через шесть месяцев родился маленький Хавьер. Тогда он носил фамилию Гомес.

Кто бы сомневался, что брак не станет счастливым?

Паоло Гомес пил, орал, ругался с Марией, тем более что после рождения маленького Хавьера она себя плохо чувствовала. Деньги, которые дал эс Гальего, быстро закончились, новых не предвиделось,

работать Паоло не умел и не любил, а языком болтать – пшеничка не взойдет.

Мария быстро поняла, что с таким мужем добра не наживешь, и принялась по-женски исправлять это. Сначала лаской. Потом, когда осознала, что ласка не подействует, принялась орать.

Потом началась выпивка, пошли в ход скалки и кулаки...

Хавьеру было девять лет, когда в очередной драке отец неудачно размахнулся... мать отлетела, ударилась об угол стола – и все.

Понятно, убийцу повесили, а мальчика отвели к эсу Гальего. Впрочем, ненадолго. Эс Гальего покачал головой, но... Хавьер был все-таки его внуком. И пока – единственным. Признавать его мужчина не стал, но определил к мельнику. На мельнице подмастерья всегда нужны. Вот и пусть мальчишка работает за кров и еду.

Хавьер и работал.

Чудом выжил, зуботычины – штука не слишком питательная. В четырнадцать лет сбежал с мельницы, прибил к бродячим артистам, выступал с ними в роли «подай – принеси – пошел на...». Опять кормили впроголодь, опять зуботычины, но хотя бы мир посмотреть!

Да и сдачи можно было дать. Хавьер к пятнадцати в рост пошел, так что дураков его задирать поуменилось. Просто так, от дурного настроения, ему не доставалось. А по делу?

Бывает...

Старый фокусник от нечего делать научил мальчика читать, писать и плутовать в карты. Пальцы у Хавьера были не слишком приспособленные для тонкого труда. Крестьянская кровь сказалась.

Силач научил своему ремеслу.

А потом Хавьер увидел драконов.

И это была любовь с первого взгляда.

Драконы?! О да!

Академия? Можно попробовать?

Хавьер и сомневаться не стал. Обязательно попробует.

Стоит ли говорить, что у него все получилось с первого раза? Тут-то кровь отца себя и проявила. Правда, сознаваться Хавьер не спешил. Это уже потом, когда отец погиб при очередном вылете, а Хавьер узнал, что у него не осталось детей.

И сыновей в роду Гальего не осталось тоже.

Хавьер подумал – и явился к деду.

Доказать свою личность было несложно. Но усыновлять Хавьера Батиста Гальего не спешил. Признал бастардом, ввел в род и поставил условие. Сам Хавьер унаследовать поместье не сможет, этого король не одобрит. Но если Хавьер женится на правильной эссе, то его сын...

Хавьер согласился – сдуру. Каким же наивным он тогда был! Даже вспомнить страшно!

Эсса Магали была достаточно красива и родовита, но увы – не слишком богата, так что предложение от семьи Гальего восприняла как дар небес. В академии что-то никто не рвался жениться на бесприданнице, поэтому эс Хавьер через месяц получил молодую супругу, а эсса сменила фамилию на т-Альего.

Начали жить.

И тут-то выяснилась печальная вещь. На продолжение рода т-Альего, а далее и Гальего, рассчитывать не приходилось. Эсса с трудом родила одну девочку, а потом – приговор врача был суров. Больше беременеть ей нельзя. Иначе – смерть.

Не будь в браке детей вообще, можно было бы говорить о разводе. Но ребенок был. Хотя и дочка – Эмилия т-Альего.

Батиста Гальего взвыл от ярости и разочарования. Судьба решила посмеяться над несчастным аристократом, лишив его возможности передать титул и состояние по мужской линии. Разочарование его было так велико, что беднягу хватил удар. В дело вступил неумолимый королевский закон.

Если в течение тридцати лет со дня смерти последнего представителя рода Гальего (мужчины, конечно, женщины тут не упоминаются в принципе) в роду т-Альего появится мальчик – малыш сможет стать регентом рода. Если мальчик сможет стать драконарием, он наследует род.

Нет?

Простите, все отходит под опеку Короны. Авось найдется кому род унаследовать. И земли пожаловать, и титул, и фамилию. Есть роды, которые связаны с Гальего узами, вот хотя бы род Геррера.

Мира и покоя в семействе т-Альего это не добавило. Эсса Магали принялась пилить мужа три раза в день, а по праздникам и все пять. Не будь Хавьер так занят своей работой, драконами, обучением ребят, боевыми вылетами и прочим, он бы...

А что он, собственно, мог сделать? Если не бить супругу?

Увы, практически ничего.

Развестись нельзя, уйти и бросить ее тоже – придется же и от драконов отказаться... куда он от своего Сварта? И что остается?

Да ничего. Безнадега, которую скрашивают выпивки с разном Ледесмой, ну и визиты к некоторым сговорчивым дамам. А что такого?

Если его обвиняют, так пусть хоть за дело!

Но сейчас к дамам не хотелось, а вот выпить... За спиной в очередной раз взвился визг. Хавьер дошел до домика друга и постучал бронзовым молотком по медному диску. Тот отозвался приятным звоном.

– Иду. – Разн Ледесма себя ждать не заставил. – Хавьер? Рад видеть... проходи.

Выглядел Тьяго не слишком счастливым, что заставило Хавьера замешкаться.

– Я не ко времени?

– Прходи, проходи. В буфете бутылочка хорошего вина, на ярмарке прикупил, откроешь? И закуска в буфете, располагайся.

– А ты?

– А я сейчас дорешаю один пример и присоединюсь к тебе. Буду жаловаться на жизнь, друг мой!

Хавьер поднял брови, но промолчал. Обычно-то он на жизнь жаловался, а Тьяго его еще и утешал. Разн Ледесма был убежденным холостяком и до встречи с эссой т-Альего, а потом убедился еще больше. Такое бы счастье врагу подарить, а то и в океан скинуть – пусть морские твари перетравятся.

Теперь и Тьяго? Что у него такого случилось?

Хавьер пожал плечами и принялся разливать вино по бокалам. Закончит – сам расскажет.

Долго ждать приятеля не пришлось, минут пятнадцать. Потом Тьяго закончил подсчеты и хлопнул рукой по стопке бумаги.

– Посмотрим, как ты это решишь!

– Хм? – поинтересовался Хавьер.

– Да... несправедливость, друг мой! Ужасная несправедливость!

– И в чем она заключается?

– В том, что самый блестящий математический ум, который я когда-либо наблюдал, самый великолепный, самый... боги, да будь она

мужчиной, я бы в ногах валялся у ректора! Я бы до короля дошел! Но Каэтана Кордова – женщина.

Хавьер едва бокал не упустил.

Каэтана Кордова? Девочку он помнил. И покалеченных ею парней... математический ум, говорите? Она их не учебником по головам лупила, это точно.

Интересно...

– Говоришь, математический ум?

– Друг мой Хавьер...

Из сказанного Хавьер понимал от силы каждое третье слово. Многочлены? Последовательности? Прогрессии?

Из всего изложенного Хавьер мог вспомнить... нет, все равно не мог. Скажем честно, образование у него было неидеальное. Так, нахватался. Но судя по словам Тьяго, девушка легко решала задачи, до которых сам раэн Ледесма до сих пор не дорос. Более того, ставила новые, выбирала какие-то темы...

И снова непонятные слова.

Дракон знает что такое!

С другой стороны, девушка достаточно страшенькая, неудивительно, что умная. О чем Хавьер и сказал, чтобы хоть как-то поучаствовать в беседе.

– Страшенькая? – возрился на него раэн Ледесма. – Не заметил... друг мой, это такая трагедия!

– Да, будь она мужчиной...

– Даже будь я эсом! Я смог бы сделать ей предложение – и работать вместе! А так... отец ее выдаст замуж за драконоголового недоумка... прости, друг мой, но ты же понимаешь...

Хавьер махнул рукой.

– Все в порядке, Тьяго. Нам не до науки, нам поводья в руки.

И разлил еще по одной.

– Вот! И такой талант угаснет!

Хавьер подумал, что действительно обидно. У девушки явно талант, если она смогла справиться с четырьмя взрослыми мужчинами. Ладно-ладно, с ним бы этот номер не прошел, но для эссы – не просто великолепно! Для эссы это восторг!

Но выбора в этом мире ни у кого нет. Когда тебе семнадцать, ты думаешь, что можешь изменить мир.

Когда тебе в два раза больше, ты понимаешь, что не можешь изменить даже свою жизнь. И это грустно.

– Выпьем, Тьяго. Пусть девочке повезет и муж хотя бы не помешает ей с тобой переписываться.

– Ах, друг мой... Замужество – гибель для творческой женщины. Там пойдут дети, заботы, вечеринки... и пропадет такой ум! Какое горе!

– Какое горе, – поддержал Хавьер.

И закусил колбасой. Ужина ему сегодня точно не перепадет. Хоть здесь перекусит.

Глава 5

На ярмарку я шла вот уже четвертый раз. Первый раз мы договорились с раэном Лутаро, второй и третий его не было. Сегодня же...

Палатка была на месте.

И раэн, видимо, тоже. Но сколько ж мне ждать придется? Час или два?

У палатки раэна Моры стояла здоровущая очередь. Поэтому я решила для начала наведаться к кузнецу. Мне позарез нужны были полезные вещи для тренировок.

– Обруч? Эсса, но зачем? – Кузнец поднял брови.

Я кивнула, подтверждая свои слова. Еще и несколько серебряных монет выложила на прилавок.

– Обязательно, раэн. Пять штук... лучше – семь. С запасом. Мало ли, подарить потребуется.

– Допустим, полая металлическая трубка, заварить... или просто металлический прут. Но он же тяжелый, эсса? Кому такое нужно?

– Женщинам, раэн. Женщинам.

– Хорошо, эсса, – не стал спорить кузнец. А что ему? Клиент всегда прав, пока платит.

– А еще вот такие штучки. Гантели.

– Ган-тели, эсса?

Я кивнула. На зарядке я подсмотрела, с чем занимались парни. Это было близко к греческим гальтерес, а мне хотелось тюдоровский вариант. С ручкой. Хорошо бы еще со сменными дисками, но все сразу не получишь. А зачем?

И обруч, и гантели мне нужны были для девочек. Скакалки они уже освоили, мяч есть, теперь надо прокачивать разные группы мышц. А круг... круг – это полезно в принципе. Дома я его каждый день по полчаса крутила... Ладно! Хотя бы раз в два дня!

– А еще браслеты. Потяжелее.

– Браслеты, эсса?

Тут я могла разъяснить ситуацию. Не сказать впрямую, что это утяжелители на руки и на ноги, чтобы мышцы прокачивались, но...

– У эсс бывают настойчивые поклонники. Которым только браслетом по зубам и разьяснишь.

Видимо, ситуация была достаточно обыденной.

– Эсса, могу предложить чуточку усложненный вариант, санторинский. Даже позолоченный.

Вариант мне понравился. Браслеты по типу тех, что используются для восточных танцев, тяжелые обручи, пара колец на пальцах, кольца соединены с браслетом цепочками. И кастет получается шикарный, если кулак сжать. Это же все не из алюминия склепано, а из бронзы! Носить тяжело, но результат будет.

– Согласна, раэн. Делаем!

Кузнец принял заказ и отправился выполнять. А я решила навестить раэна Мору.

Меняла оказался на своем месте и расплылся в улыбке.

– Эсса Кордова, рад вас видеть.

– И я тоже рада, раэн. Что с нашими делами?

– Договора я заключил. Извольте просмотреть?

– Изволю. Показывайте.

Увиденное меня порадовало.

Раэн Мора совершил почти чудо. Пусть на это ушел месяц, но в руках у меня были официальные свидетельства на изобретение. От гильдии кузнецов и от гильдии кожевников.

В них было указано, что раэн Мора предоставил гильдии право на использование сумки на колесиках... кузнецам – основу, кожевникам сумку, за что и будет получать отчисления в размере десяти процентов от каждой проданной вещи. Так будет в течение пятидесяти лет. Потом отчисления прекратятся, но за пятьдесят лет... успеют снять сливочки.

С учетом того, что сумок предполагались многие тысячи, суммы тоже будут достойные.

Тут же прилагались документы на счет, на который будут поступать отчисления. Не такие уж тут средние века... хотя итальянские банкиры Возрождения и в двадцать первом веке не растерялись бы. Те еще акулы были.

– Это от гильдии кузнецов. А от кожевников?

Второй документ лег поверх первого.

Я прочитала. Подумала.

– Разн Мора. Я понимаю, что все оформлено на вас. Но надеюсь на долгое сотрудничество.

Лутаро пожал плечами.

– Я не дурак, эсса. Эта задумка миллионы принесет. Еще одну такую предложите – и еще мои внуки безбедно жить будут. А я... глядишь, и управляющим в вашем поместье пристроюсь?

Я подняла брови.

– Разн Лутаро. У меня слов нет, вы считаете меня – кем? Мне еще замуж выйти придется?

– Думаю, эсса, что через пару лет вы просто купите себе любой документ. И любого мужа. С такими деньгами.

– Почему вы не хотите меня обмануть и податься в бега? – прямо заинтересовалась я. С учетом местных законов я бы и права качать не смогла. Никто и слушать не стал бы.

– Потому что мне интересно, – честно ответил Лутаро. – Деньги... в них есть что-то магическое, вы не находите, эсса?

– Магическое? Да, пожалуй. Чем их больше, тем больше хочется. И тратятся они как-то странно, вроде бы только что было много – и уже нет ничего?

– А еще деньги очень хорошо проявляют внутреннюю сущность человека. И видно, кто добрый – кто злой. Кто готов для них на все, а кого и золотые реки свернуть с пути не заставят. Вам, эсса, деньги нужны. Но для вас они не цель, а средство.

– Да, согласна.

– Вот мне и интересно с вами поработать. Вы редкость.

И с этим не поспоришь. Думаю, тут попаданки стадами и рядами не бегают.

– А вы можете дать мне гарантии, что вы меня не обманете?

– Не могу. Так документы не оформишь. Но думаю, эсса, вы с этим справитесь. Мне даже интересно будет посмотреть, как именно.

Я покачала головой.

– Прямо сейчас я ничего сделать не смогу. Если вы захотите меня предать... нет, не смогу.

– А потом?

Я пожала плечами. И ощутила, как губы расплываются в недоброй улыбке.

Потом-потом...

Спорт – не клумба для маргариток, в нем выживают только росянки. Всех кусючих сортов и мастей. Такой гербарий – без газонокосилки и не подходит.

И мне стекло в кроссовки подбрасывали, и всякой дрянью белье намазать пытались, и в косметику химию подмешивали, и я в долгу не оставалась.

Не подобает? Надо быть благородной?

Так вот!

Благородной надо быть с тем, кто может оценить твое благородство. А если человек, которого ты пожалеешь, ударит тебя завтра в спину... на фиг!

Добить такое сразу! И не страдать!

– Потом? Жизнь длинная, дорога скользкая.

– Именно, эсса. Итак, с чем вы пришли ко мне на этот раз?

Я молча выложила на прилавок два рисунка.

Сумочка-клатч на цепочке. Сколько ж на эту дрянь денег тратится? Она же должна быть своя к каждому платью, черная, белая, со стразами...

И – магнитная застежка.

А что?

Пряжки здесь знают, защелки изобрели, а вот до магнитной застежки не додумались. Пришлось объяснить принцип действия, но разн Лутаро схватил все мгновенно.

– Обычный магнит, эсса?

– Два магнита притягиваются. Два отталкиваются. Просто подберите подходящие, вот и все.

У меня в детстве таких магнитов штук десять было, не помню, куда они подевались. Но играть с ними было забавно.

– Эсса, это действительно золотое дно.

– Ну так работайте, разн. Золото нам понадобится, – мурлыкнула я. И распрощалась.

Мне еще надо кучу всего полезного купить.

* * *

Я решительно вошла в палатку. Дозрела я до покупки пары приличных платьев. На всякий случай. Можно бы пошить, но где я тут найду хорошую портниху? И сколько это будет стоить?

Даешь лавку готового платья! Уж что-что, а подшить, прихватить или модернизировать платье я смогу и сама. Дайте только основу.

– Добрый день, раэша.

Пожилая женщина лет пятидесяти поклонилась мне.

– Добрый день, эсса.

– Раэша, скажите, какие платья у вас есть на меня?

– На вас, эсса?

– Раэша, мой гардероб безнадежно устарел. Это надо исправить.

Раэша посмотрела почти с испугом.

– Эсса, моя лавка торгует готовым платьем. Вряд ли вы найдете что-то достаточно изысканное...

Я только рукой махнула.

– Раэша, показывайте, что у вас есть моего размера. Там поговорим.

Женщина вздохнула и засновала по лавке.

На прилавок легли четыре платья. Одно – бежевое, которое мигом съело с меня все краски. Но ткань хорошая, фасон, опять же: под горло, закрытое, даже на вид теплое и уютное. Дома я бы его...

– У вас шали, шарфы есть?

– Есть, эсса.

– Давайте...

Я выхватила два шарфа из общей кучи. Один – алый, второй блекло-розовый, прокрашенный как-то пятнами, от перламутрового до фиолетового, и принялась перевивать их между собой.

– Иголка, нитка?

Получившийся пышный жгут лег на платье как раз по вырезу, свесился галстуком... я снова примерила и поглядела в зеркало.

– Отлично.

И краски на мордочке появились, и улыбка, и глаза заиграли – и шарф кажется не тряпкой старьевщика, а находкой художника. Смягчает алый и плавно переходит к бежевому... отлично!

Главное, шарфы легкие, газовые, их в карман можно спрятать. И выбирать – серая ямышь или не очень серая.

– Отлично, эсса! – высказалась раэша.

Я отложила вещи в сторону.

– Вот. И наверное... да, это...

Болотно-зеленое платье меня не скушало. Но и не сильно подчеркнуло прелесть организма. А чем бы его декорировать?

Нет, шаль – это не сюда. А вот болеро бы... нет такого? А и не надо. Если есть нитки и крючок, я и сама отлично его свяжу за пару дней. Еще бы бусин, перламутровых... есть? И толстая шелковая нить?

Вообще прекрасно.

Я прикупила и то, и другое. Свяжу болеро, и платье заиграет. И хватит с меня.

Я уж и уходить собралась... цвет просто ударил в глаза, бросился... такой небесно-голубой. Яркий, красочный, праздничный...

– Что это?

– Ох, эсса... неприличие сплошное!

– Да?

Я вытянула из груды одежды самое обычное платье-рубашку. Я такие носила с огромным удовольствием. Длина до колена, пуговицы по всей длине, натуральный шелк...

– Что в нем плохого?

– Эсса, неприлично ж...

– Сколько?

Уйти без этой прелести? Не смогу, не уговаривайте...

Неприличие обошлось в два серебряных доро. Ничего, деньги есть. Пока...

А впереди еще и украшения. Нужны сережки – не мыслю себя с непроколотыми ушами. Это Каэ, бедолага, щеголяла с одним колечком, как нищенка, а так-то надо. Серьги, цепочку на шею – одну. И на руку браслет. Нет, это не сорочий инстинкт, это – статус. Увы...

И еще белье.

Почему тут до сих пор нет лифчиков, только корсеты? Но идеи я подавать не стану. С меня хватает и того, что Каэтане – ее телу – никакой корсет не нужен. Так что мир пока поживет без открытий. До патентного права.

А в платье я буду ходить у себя в комнате. Имею право.

И в шортах.

Кому какое дело, что до обрезания они были панталонами?

Подрубить их я и сама могу, не разломлюсь. Ох уж мне эта средневековая мода! Может, стринги изобрести?

Ладно. С этим тоже подождем.

* * *

– Эсса?

Пожилой ювелир смотрел на меня с легким сомнением.

Оно и понятно. Пришла сама, не в карете приехала, из золота на мне только тоненькая цепочка на шее, и на ней ничего не висит. Платье паршивое.

Эсса из бедных.

И чего тогда к ювелирам ходить?

Я мило улыбнулась.

– Разн?..

– Андрео Наварро, к вашим услугам, эсса.

– Эсса Кордова. Будем знакомы, разн Наварро. Мне нужны серьги – удобные. Нужен браслет и пара колец. И на первый раз хватит.

Разн поклонился с некоторым сомнением в глазах и принялся выкладывать на прилавок просимое.

Я тихо промолчала.

Сначала.

Потом все же запротестовала.

– Разн, это не для девушки! Помилуйте! И вообще бриллианты днем – дурной вкус.

– Эсса?

– Они играют только при вечернем освещении, вы же знаете. Днем они некрасивы.

Разн это явно знал.

– И поменьше, пожалуйста. У меня уши не проколоты даже... у вас их проколоть можно?

– Да, эсса.

– Отлично. Тогда покажите мне серьги размером не больше ногтя мизинца.

Разн покосился уже вполне заинтересованно.

– Хорошо, эсса.

Мне приглянулись небольшие золотые серьги с раухтопазами. Застежка была вполне советская. То есть французская. До английских и итальянских, до пуссет и винтов, здесь пока еще не дозрели. А жаль.

– Хороший выбор, эсса.

Я тоже так думала. Серьги визуально сделали мои глаза глубже и ярче.

К ним нашлось и колечко с раухтопазом. А вот подходящего браслета не было. Пришлось плюнуть, купить цепочку и попросить поделить ее пополам.

А потом застегнуть получившийся браслет на своем запястье.

В глазах раэна блеснул интерес.

Я улыбнулась в ответ.

– Эту идею дарю. За следующую попрошу скидку.

– Хм... следующую?

Конечно, ничего сильно нового я не изобрела. Просто показала, что браслет можно и на лодыжку надеть. И кольца можно придумать для пальцев ног.

Не хотелось мне изобретать ничего нового в ювелирке, перебьются. Так что большую скидку мне и не дали. Пять процентов.

Но и так неплохо.

Осталось проколоть уши...

Выглядело это достаточно неприятно.

Кусок дерева, толстое шило, кладешь голову... да, мочки ушей можно натереть кусочком льда, чтобы чувствительность потеряли... брр!

Гадость!

– Раэн, у вас жаровня есть? И крепкое вино?

– Эсса? Да, конечно...

– Несите. Можете в счет включить.

Я лично прокалила шило, протерла и доску, и шило, и уши крепким вином, зажмурилась...

Все равно больно и противно.

Но быстро.

Один укол, рука у ювелира твердая – и тут же вставляется сережка.

– Продергивайте ее, эсса, чтобы не присохло.

– Хорошо. Спасибо, раэн.

– Не стоит благодарности. С вас двести семьдесят солеев.

Оставалось только развести руками и заплатить. Золото здесь дорогое. Но это вопрос статуса...

Постепенно я решила выползть из образа серой мышки. Так, чтобы это не было сильно заметно.

То золото.

То осанка.

Потом, к концу года, можно и платье получше качеством надеть... или как вернусь с каникул. Надо думать. И про папашу забывать не стоит.

Ничего, постепенно я со всем справлюсь.

* * *

– Каэ! Подожди!

Возглас застал меня врасплох.

– Матиас?

Вот уж действительно о ком не горевали! Чего не ожидали! Вылечился? Еще добавить?

Эса Лиеза я оглядела почти с гастрономическим интересом.

– Что вам угодно, эс?

– Так официально... эсса, вам не кажется, что наша близость допускает более вольное общение?

– Близость? – подняла я брови. – Вот не припомню?

Матиас гадко улыбнулся.

– Как же? Ты так страстно спешила ко мне на свидание...

– Вы меня с кем-то перепутали, эс.

Матиас подошел еще на шаг ближе. Вот ведь... я понимала, что происходит. Этот паразит просто заявляет на меня права. Метит территорию, как последний паршивый кот. Простите, котики.

Тем не менее...

Когда эс и эсса собираются пожениться, заключить помолвку или просто приглядываются друг к другу... да вот это и происходит. Беседы, совместные прогулки (в рамках приличия), обеды и ужины за одним столиком...

Судя по всему, Мариса не помогла.

– Каэ...

Еще немного, и наглая лапа коснулась бы моего лица. Я едва сдержалась.

Но приличные эссы не перехватывают мерзкие конечности на излом, не ломают никому пальцы, не бьют в глаза или горло... даже если очень хочется. Даже если очень-очень.

А вот отстраниться я могу. Так, что наглая лапа зависла в воздухе.

И еще раз.

И еще.

Матиас понял не сразу, но потом до него дошло, что я проделываю, и парень остановился. В больших карих глазах вспыхнула злоба.

– Ты...

– Я. Тебе мало? Я добавлю. И я тебе не Каэ.

Матиас ухмыльнулся еще пакостнее.

– Ты уверена?

– Эс Лиез... – Я возвела глаза к небу. – Окажись вы последним мужчиной на земле... я бы посвятила себя богам! И дала обет безбрачия!

Сказано это было так искренне, что Матиас даже притормозил. Я и не врала. Ну кому, кому может понравиться вот ЭТО?

Даже в семнадцать лет... в мои семнадцать лет я больше ценила в мужчине ум, целеустремленность, характер, чувство юмора, а не вот... такое ЧСВ. Именно, что оно самое!

Может, у психологов это как-то иначе называется, когда человек считает себя центропупом всея планеты. А по-простому именно так. Чувство собственной важности. Очень распространено у спонсоров.

У некоторых я его и сбивала целебным массажем самолюбия.

– Но почему?

Видимо, это было настолько неожиданно, что Матиас растерялся.

– Потому что вы омерзительны.

– Я не урод, не калека, я пользуюсь успехом у женщин, – окончательно сбился с программы бедолага. – Я будущий драконарий, я богат...

Ну и как тут было устоять? Классика – она ж в любом мире бессмертна!

– Всем-то ты хорош, добрый молодец, да только я тебе не пара.

– П-почему? – предсказуемо повелся Матиас.

– Хвастаться не умею^[13].

Ответом на мою тираду были выпученные глаза Матиаса и дружный хохот со стороны. И откуда только берутся непрошенные свидетели? Но Матиас был занят, охотясь на меня, а я – уворачиваясь от него. Вот и не смотрели по сторонам, а зря.

Беглый взгляд сообщил, что мы стали главной новостью дня. Матиас побагровел.

– Т-ты...

Я мило улыбнулась. Я, конечно. Еще полезешь – еще получишь. Даже и не сомневайся.

Парень заскрипел зубами, сжал кулаки, но понял, что дальше будет только хуже. Развернулся, сплюнул под ноги и покинул поле боя.

Я развела руками.

– Простите, эсы и эссы. Концерт закончен, все свободны.

И тоже ушла со сцены. Бесплатно я народ не развлекаю.

* * *

– Матиас перешел в наступление.

– Я поговорила с ним. Но родителям он написал о тебе, пока предварительно. И решил приударить за тобой. Ты-то рядом.

– Вот зараза! Что б ему на другое отвлечься?

– Дракона он в этом году не получит, даже права на Выбор – и то не будет. Поэтому... может, санторинцы приедут – отвлечется? А пока терпи, Каэ.

Я про Санторин уже и думать забыла, сдался мне он сорок лет!

– Санторинцы? А этим что тут надо?

Мариса только глаза закатила.

– Каэ, ты как с дерева упала! Они к нам столько времени пытались попасть, а в этом году вот – король пошел им навстречу. К Выбору приедут!

– Из кого выбирают?

Как-то я к вечеру плохо соображала. И спать хотелось...

– Каэ! Ко Дню Выбора!

– А-а-а-а... – До меня дошло.

Ну да, праздник выбора дракона, праздник, когда происходит импринтинг. И драконы могут выбрать себе друга-человека.

Парней туда и приводят, чтобы те подружились с ящерами. Сначала эсов, потом разнов, потом – что останется, кто останется...

Можно и санторинцев допустить.

– В этот раз Выбор делают больше тридцати молодых драконов! Такое не каждый год случается!

Даже не каждые два. У драконов есть свой график, почкуются они не каждый год, или нерестятся, как там это правильно называется. В среднем самка дракона может отложить яйцо где-то раз в десять-двадцать лет. Если чаще, то драконы будут некондиционные. Недоразвитые. Чего-то они не доберут из материнского организма. Ну и... вылупятся и передохнут через какое-то время. Ни крыльев у них не будет, ни разума.

Такое уже случалось.

Драконов я продолжала изучать, чаще по энциклопедиям. Подобраться поближе в драконюшню у меня не получалось, охрана там стояла в три слоя. Так что наблюдала я издалека.

Ничего, кто ищет, тот найдет пути. Даннара сказала – равновесие? А мне почему-то кажется, что оно невозможно без драконов.

Интуиция? Идиотизм?

Я сама не знаю. Только точно понимаю, что хочу увидеть их вблизи...

Драконы!

– Тридцать драконов. М-да, такого давно не было.

– Больше двадцати лет!

Я кивнула.

Собственно, потому в академии и учатся три года, чтобы дать эсам побольше шансов. И драконам тоже.

Нет-нет, тут не идет речь о выборе вот того самого и единственного, это не сопливое романтическое писево о том, как двое встретились – и все. Песец пришел и скушал всех.

Просто есть люди, которые более и менее чувствительны, есть такие же драконы, поэтому подбор пары может занять годы. Это случается.

Но всю жизнь выбирать тоже нельзя.

Такая вот несправедливость, драконы могут выбирать партнеров несколько раз, они-то живут дольше людей. Намного... если их не убьют.

Люди рядом с ними вообще короткоживущие. Сколько там человеку отмерено? Лет семьдесят?

Драконариям – побольше, лет сто, но и они тоже смертны. Дракон переживает своего друга-человека и через какое-то время, лет через тридцать-сорок, чувствует, что может выбрать нового.

И снова проходит Выбор.

Человек может выбирать дракона максимум до двадцати лет.

Потом уже ничего не получится, как ты не извращайся. Ночуй в драконьих пещерах, пробуй драконью кровь или мочу, молись всем богам... нет таланта?

И контакта не будет!

Поэтому и приходят в академию в семнадцать лет. И уходят в двадцать. Все логично. Непонятно, правда, на что рассчитывают санторинцы. Если верить источникам – шансов у них нет. Хоть они тут год просидят, хоть три. Но вдруг Мариса знает больше?

– А за это время санторинцы хоть раз становились драконариями?

– Я не помню.

– И я о таком не читала. И чего они сюда таскаются?

Мариса хихикнула.

– Каэ, ты что? Здесь же МЫ!

– Мы?

– Ну да. Эссы могут выйти замуж в Санторин. И кстати, для санторинцев они выгодная добыча. Кровь же...

– Они не теряют надежды получить своих драконариев?

– Да. Если дракон сделает Выбор – это навсегда. А еще... еще во главе посольства будет принц Баязет.

Я честно попробовала припомнить, что это за зверушка. Выходило сложно. Вообще не выходило.

– Если я правильно помню, у тора в Санторине штук семьдесят жен. И детей – на курс академии хватит?

– Да. Но среди них тоже есть свои лидеры. Баязет... о, я его как-то раз видела, он приезжал в столицу! Он тако-о-о-о-ой!..

Судя по томному голосу Марисы – местный кекс-символ. Ладно, не станем опешлять. И язвить не будем.

– Мариса, нас в лучшем случае издалека посмотреть пустят.
– А вот и нет! Будет прием по случаю их приезда. Будет бал ко Дню Выбора! И потом тоже наверняка что-то будет.

Я кивнула.

Будет?

Ну и фиг с ними. Переживем. Тут главное что? Как в окопе. Не высовываться. Вот.

* * *

Академия...

Это больше слово, чем реальность. На первый взгляд кажется, что все просто.

Уроки, перемены, зарядка, распорядок...

На второй...

Магии в этом мире нет. Дракон, если что, – животное. Большое, симпатичное, но не магическое. В этом я убедилась, найдя книгу об их анатомии. Печенки, селезенки, разрез – обрез...

Драконы вполне пропорциональны. Как они летают?

Тут поле непаханое для биолога. И структуру костей смотреть – вот на что хотите спорю, кости у них типа птичьих, и мышцы...

Как летают летучие мыши?

Хорошо они летают. И чихать им на все. Но это снова биология, которую, кстати, мы тут не проходим. Для женщин здесь целый комплекс, который готовит к светской жизни, для мужчин – полеты, а по большому счету тут ничему не учат. Это скорее клуб.

Здесь заводятся связи и знакомства, ищутся выгодные партии, опять же драконы...

Как я поняла, для поступивших в академию парней есть три шанса.

Первый – при поступлении.

Есть драконы, которые потеряли своих людей, есть те, кто пока не смог подобрать пару, есть совсем молодняк... вот это первый круг.

Нашел ты себе дракона – или дракон тебя нашел?

Отлично! Вперед, на слеты.

Если дракоша слишком молод и не может тебя носить, такое тоже бывает, ты все равно учишься. И обращаться с ним в том числе, и вашу связь крепишь. Еще полетите, место в отряде уже за вами. И ты начинаешь налаживать отношения.

Не нашел в первый год?

У тебя еще два шанса.

Драконы вылупляются именно зимой, и День Выбора Дракона – да, именно так, с большой буквы и уважительно – проводят перед Зимним балом. А до той поры – учеба.

Лоботрясничанье?

И снова – нет.

Это как в МГУ, к примеру. Свои своих всегда поддержат, студенческое братство, спаянное проказами, пакостями, а иногда и настоящими поступками... вот это здесь и куется.

И не только.

Я уже поняла, как мне повезло. Глядя на некоторых преподавателей... есть у них такие характерные искорки в глазах. Как у товарищей из органов...

Или у хороших психиатров, кстати. Откуда знаю? Так со мной они тоже работали в свое время. Мне повезло, у нас тренер понимал, что настрой на победу – половина успеха. Ну и...

Такие характерные глаза, умные, добрые, внимательные... не хуже рентгена просветят, брр... Каэтана явно попадала в поле зрения. Посмотрели да и плюнули. Написали что-то вроде «забитая ногами мышь» – и успокоились, обратили внимание на более перспективных товарищей.

И снова – правильно.

Эсы рано или поздно станут служить государству, окажутся при дворе, надо знать, кто на что способен.

Эссы тоже играют свою роль. И как жены, и при дворе они бывают, и детей им воспитывать... тоже хорошо бы знать, что и от кого ждать. И это проявляется в студенчестве.

Вот Мариса, Олинда – лидеры, стервочки, кого угодно сожрут. А если покопаться поглубже? Я даже сердиться на девочек не могла с высоты прожитых лет. Загнали их в угол – и те кусаются. И за этим тоже наблюдают.

Теоретически для меня сейчас логично или пристроиться к кому-то, или стать объектом травли... посмотрим. Я сильно выбиваюсь из местных стереотипов, поэтому не думаю, что меня сразу просчитают. Но все же...

Еще у меня есть родной папаша, который... тот еще скот, судя по воспоминаниям. А я от него завишу.

Эх, вот ведь беда. Мне нужна свобода и независимость. А это сложно. Это реально сложно. Деньги – полбеда, но эмансипация? Это же не просто так делается, я смотрела в книгах. Сборник законов в помощь...

Это подается прошение, это уведомляются все заинтересованные лица, назначается день испытания, собирается комиссия... Только вот беда! До той поры тебя начинают давить катком. Комиссия-то собирается не меньше месяца, а то и двух. Пока письма разошлют, пока все согласятся или откажутся, пока соберутся...

А за этот месяц тебя и подставят, и раздавят, и что хотят сделают.

Сейчас мне надо думать, что будет лучше. Попробовать прорваться сразу – или подождать, пока папаша не начнет давить?

Я больше склоняюсь ко второму варианту. Но... должны быть готовы документы. И должен быть канал связи. И пути отхода тоже. Не могу сказать, что мне нравится Эстормах, там нет драконов, но за неимением лучшего – пусть его.

Много чего надо сделать. Это все сложно.

А еще... стоит мне запустить этот механизм – самой, – и я стану изгоем. Это нужна очень веская причина, и замужество – не аргумент. Мало ли кого и за какого козла выдают?

Простите, козлики.

Но и терпеть?

Мало того, Даннара тоже... ну хоть бы знак подала? С другой стороны... я тоже хороша. Может, в храм еще раз сходить? Вроде пока я иду куда нужно, но с подтверждением спокойнее.

Или подождать?

Не привыкла я по каждому поводу боженьку за ноженьку... так и надоест можно. Или какой молнии себе на голову дождаться.

Ждем.

А еще идем в библиотеку. И хорошо бы пролезть к драконам. Правда, почему у мужчин драконы могут быть, а у женщин – нет?

А вот об этом и спросить можно. Только не мне.

* * *

Драконология – предмет полезный и обязательный.

Раэн Ричи Сория вел его увлеченно, рассказывал про полеты, про устройство драконьих крыльев... и не сильно удивился, когда увидел поднятую руку.

Да и вопрос...

Обязательный.

В каждом потоке хоть одна эсса, но его задаст. Олинда Оливера?

Ничего удивительного, очень активная девушка...

– Раэн Сория, скажите, а почему выбирают только драконы? Не драконицы? Они же тоже могут... разве нет?

И волна смеха в классе. Эсам такая мысль удивительна, ясно же...

– Вы задали хороший вопрос, эсса Олинда. Дело в том, что драконицы сами приняли это решение. Они не хотят общаться с людьми – с какого-то момента.

– С какого? – допытывалась девушка. – У всего есть причина, так почему?

– Хм...

– Раэн Сория! Ну вы же все-все знаете...

– Знаю. Если хотите – расскажу.

Конечно, хотели.

– Это было лет сто тому назад. Последнюю эссу, которая попала под Выбор, звали Ирендира Бьянчи. И у нее был жених. Как легко догадаться, эсса его не любила. Она была влюблена в другого, в человека, которого ее семья считала недостойным, в раэна...

– Так... – протянул кто-то.

– Вы правы, эсы и эссы. Такие истории хорошо не заканчиваются. Незадолго до помолвки эсса Бьянчи решила бежать с возлюбленным. И ее драконица помогла ей.

– Жених кинулся за ними? – спросил кто-то.

– Да. Настиг их... он был драконарием, погоня обернулась схваткой драконов. Погибли и Ирендира, и ее жених.

– Раэн остался жив? – спросил кто-то.

– Иначе откуда бы узнали эту историю? Десять лет после этого драконицы не подпускали к себе людей. А потом... и потом эссы не смогли найти с ними общего языка. Видимо, это была кара богов за проступки эссы Бьянчи. Так глупость, тщеславие и наглость одной эссы привели к краху для всех женщин.

– Благодарю вас, раэн Сория. Вы так интересно и понятно все рассказали, – прощбетала Олинда.

– А как звали жениха несчастной? – спросил кто-то.

Любопытно было. И история какая-то натянутая за уши, в духе – прогневался господь и ка-ак грохнул молнией по городу! Два раза!

Странно, что никто этого не видит и не спрашивает.

– Эс Родриго де ла Круз.

– Благодарю вас, раэн.

– Это старая история, эсса.

– Но любопытная, не так ли? – не удержалась я.

– Разве, эсса?

Раэн Сория тоже не видел в ней ничего интересного. Он привык к ней, он в нее верил и не сомневался. А я сомневалась.

* * *

– Каэ, ты уверена, что это интересно? – Олинда не хмурила лобик, это недопустимо для эссы, морщины будут. Но локон на палец она навивала. И это свидетельствовало о ее смятении.

Все заговорщицы собрались в дальнем коридоре, так чтобы их не видели. Марисы не хватало, но с ней поделимся вечером.

– Девочки, а разве нет? – удивилась я. – Подумайте сами! Это же абсолютное вранье. И самое забавное в нем то, что оно вранье от первого до последнего слова^[14].

– Разве? – засомневалась Фати.

– Уверена. Где эсса могла познакомиться с разном?

– Ну... дома.

– Допустим. Познакомилась, влюбилась, уехала в академию... он последовал за ней? Или просто писали друг другу?

– Могло быть и так, – заметила Севилла. – Трудности подогревают страсть.

– Жених эссы, ее отец, мать, родные, преподаватели, подруги... никто и ничего не заметил? Вообще? И не вмешались? За три года?

Девушки переглянулись. Тут хватило бы и одного слабого звена. Кто-то бы заметил, проговорился... и – это станет началом кошмара. Эсса и раэн?

Небеса на землю падают. Ладно еще наоборот, хотя тоже неприятно. Но эсса? Нет-нет, никогда и ни за что...

– Идем дальше. Как бежали влюбленные?

– С драконом.

– Он летел над ними? Полз за ними на брюхе? Я точно знаю, что дракон может нести только одного человека. Своего всадника.

Да, это тоже было вопросом. Драконы могли нести только одного человека, не больше. Иначе нарушалась развесовка, равновесие, да и уставал дракон намного быстрее. Груз?

Тоже не слишком большой, килограммов пятьдесят. И недолго. Может, с километр, потом дракон попросту выдыхался.

– Он мог ее ждать, а она прилетела.

– Допустим. А куда тогда потом? И как? С драконом? А эта история про бой... самим не смешно? Драконы не сражаются. Никогда.

– Может, сто лет назад они еще сражались?

Я помотала головой, отвечая Фати.

– Я библиотеку прокопала кротом. Даже двести лет назад были бы книги, заметки, предания, ну хоть песни... но ведь никто! Никогда! Не слышал, чтобы драконы сражались. Этого не было, потому что просто не было никогда.

– Бои могли запретить.

– И это помогло? Никогда и никого запреты не спасали. Иначе бы тюрем не было.

Никогда не помогало. Хоть ты обзапрещайся.

Девушки переглядывались, размышляли... действительно. История казалась правдоподобной, пока не начнешь задавать вопросы. А потом – нет. Потом уже начинаешь задумываться.

Явно кто-то наврал. Но зачем?

– А что же там в действительности было?

– У нас есть два имени. – Я привычно убрала в пучок выбившуюся прядку. – Эс Родриго де ла Круз. Эсса Ирендира Бьянчи.

Можем начать с картотек и библиотек.

Надо оно им или нет?

А вот над этим девушки не задумывались. Честно говоря...

С некоторых пор жить им стало намного интереснее. Что в их жизни было раньше? Сплетни, бесконечный перебор чужих и своих недостатков, склоки, травля то одного, то другого, прически и платья...

Приятно?

Надоедает!!!

А тут что-то новое, интересное, любопытное...

Библиотека и старинные легенды. Причем такие... чем-то эта легенда похожа на старинные сплетни.

И как тут не соблазниться?

* * *

Эсса Магали смотрела на нас как на тараканов. Разве что тапком не замахивалась. Но мы привыкли и внимания почти не обращали. Лишь бы нас к книгам пропустили.

Пыли там было много, но столбом она не стояла, и мышей не было. Видимо, предыдущий библиотекарь не романчики почитывал на рабочем месте, а делом занимался.

– Может, на нее наябедничать? – задумалась Мариса. – Что она за книгами не смотрит и нам хамит?

– Мариса, а что бы это нам дало? Ну, уволят дуру? А мы останемся при своем интересе?

– Да, наверное...

– Ни к чему. Еще и кто другой придет, заинтересуется нашими изысканиями. А так... мы спокойно покопаемся во всем этом бумажном добре в свое удовольствие, и стоять над душой никто не будет, и следить, и в карточках записи не появятся. Разве плохо?

– Хорошо. Давай копать. Что искать?

– Упоминание об этой трагедии с Ирендирой. Я посмотрела даты, это есть даже в обычных учебниках. Ровно девяносто восемь лет назад.

– С ума сойдешь, пока найдешь!

– Ничего страшного! Мариса, мы начнем, а потом девочки нам помогут. Надо просто наметить основные контуры поиска.

Я знала, о чем говорю.

Но!

Знать мало, надо уметь. В интернете есть все. Там достаточно вбить слово – и будет тебе счастье. В библиотеке надо уметь работать. С каталогами, картотеками, массивами информации. Я это умела. Девушки – нет.

Но читать они умеют, и преотлично.

Когда я узнаю, о чем читать, я им и раздам книги. А вот накопать нужное могу я, и только я. Не потому, что я такая вся из себя гениальная. Просто я ничего не принимаю на веру и задаю вопросы. А они – нет.

А вопросов-то много...

И мы принялись перекапывать папки с газетами.

Разложено все было по годам, потом по месяцам, по подписанным папкам из какой-то плотной бумаги. И сохранилось ведь! Газеты порыжели, побурели, читались намного хуже, но ведь читались же!

Первой повезло Марисе. Только не совсем в той рубрике.

– Смотри, заметка. Я помолвки проглядывала...

Тоже не лишено смысла. Кем бы эта Ирендира ни была, в светской хронике должна мелькать и она, и ее семья.

Только вот альманах родов никакой семьи Бьянчи не показывал. Вообще.

Таких не было.

Может, выродившийся род?

Или их из гербовников вычеркнули? Такое тоже бывает... особенно за такие проступки! Очень даже легко и весело!

– И что там такого?

– Объявление о помолвке эса де ла Круз. Родриго.

– Так... и с кем?

– Не указано.

– Оп-па?

Я полезла смотреть, но Мариса была полностью права. Помолвка состоялась. На церемонии не было приглашенных, но отныне самый завидный жених столицы не свободен. Имя невесты не указано.

– А почему тогда нет вопроса? Журналисты же? Обязаны были добавить, мол, кто это такая, кто похитил сердце красавца? Ну, или что-то такое?

Мариса сдвинула брови.

– Так вообще бывает. Но когда семья невесты или очень знатна и богата, или может быть скомпрометирована, или невеста так решительно не согласна, что лучше помолчать. Мало ли что?

– И такое бывает?

Я искренне считала местных женщин не способными на сопротивление. Нет, ну правда!

– Бывали случаи. Вплоть до самоубийства.

А, тогда понятно. См. Островского с его «Грозой». Две бабы – одна топится, вторая бежит. Может, ей и придется паршиво, но она хоть бороться пытается. Может, она закончит на панели. А может, и нет, зависит от ее характера. А вторая даже и не думает ни о каком сопротивлении. Да возьми ты ухват – и огрей ты им свекровь! Нет ухвата? Скалку, сковороду... боишься получить в ответ?

Крысомор в помощь! На кого другого я бы такой рецепт не выдала, но Кабаниха – та еще пакость. И если уж все равно на тот свет, так можно бы и ее с собой забрать. Нет?

А зря. Глядишь, другие бы хвосты прижали.

– Так, а когда это было?

Выяснилось, что за два года до случившегося.

– Ага. Значит, эсса поступила в академию, получила себе дракона на День Выбора, вот как раз все это зимой написано, вот дата. И ее жених решил сразу заключить помолвку.

– Угу. Ищем упоминания о семье де ла Круз дальше?

Искать пришлось недолго.

Де ла Крузами запестрели страницы газет.

Удачно вышла замуж сестра Родриго (я и не знала, но это богатый и древний род), постоянно кружились в вихре удовольствий его мать и младший брат, про отца не писали, но я краем глаза зацепила, что он стал министром...

– А что у нас с властью? Мариса, у нас список монархов есть?

– Есть. Тогда правил Рамиро Шестой... кажется.

– А его наследник? Кто сел на трон следующим?

Мариса задумалась.

– Не помню. Мне кажется, ему наследовал сын его брата... Давай посмотрим? Это было лет девяносто пять назад... Ищем?

И мы принялись копать и копать. Читать и читать. Но... день закончился. И эсса Магали пришла выставлять нас из хранилища.

Поморщилась, но ничего не сказала.

И правильно. Потому что на следующий день нас было уже пятеро. И у Олинды характер не лучше, чем у Марисы.

Поиски продолжались.

* * *

– Де ла Круз отставлен с поста казначея.

– Это когда?

– Через полгода после коронации Виктора Третьего.

– Так... а остальные де ла Крузы?

– Вообще в газетах не появляются. Словно и нет их.

– Есть заметка. Эс Нуньез расторг помолвку с эссой де ла Круз.

– Так... Если у Рамиро де ла Крузы были в милости, то у его наследничка – точно нет.

Из мозаики постепенно складывалась картинка. Скорее даже ее окантовка. Но...

Меня уже напрягало услышанное. Слишком уж оно было опасным. Только вот на этом уровне девушки тоже прекрасно умели рассуждать. Это-то как раз их епархия. Кто, с кем, зачем, все вот эти интриги и светские пакости...

Они это знали лучше меня. И признаться, если бы я была одна, я бы в жизни до этого не докопалась. А вот они знали и как искать, и как правильно читать...

– Бьянчи... почему этого рода нет в гербовниках?

– Может, это т-Бьянчи?

– Бастарды?

– Вполне, вполне... Что там может быть? Как можно образовать эту фамилию?

Севила вооружилась пером и бумагой и принялась коверкать фамилию и так, и этак. А потом аж передернулась.

– Девочки, мы дуры...

– За себя говори, – огрызнулась Олинда.
– Сейчас и ты за себя скажешь. Как фамилия правящей династии?

Ну!

– Эль Бьянко.

Заткнулись все. Хором.

Все верно. Получалось, что Ирендира Бьянчи была... связана с правящей династией?

– Королевский бастард? – озвучила мои страхи Фатима. – Правящего монарха, который Рамиро. Признанная – или нет?

– Посмотри по годам. Если Виктор объявлен наследником ДО ее смерти – одно, если после – другое.

– Девочки, а нас за это не прикончат? – поинтересовалась я.

Картинка-то вырисовывалась некрасивая.

У правящего монарха Рамиро, видимо, не было официальных детей. А Ирендира была. Чьей она была дочерью? Можно попробовать накопать, но стоит ли?

Училась она в академии, могла стать драконарием, но неудачно влюбилась, улетела от жениха, тот погнался за ней, произошла эпическая битва, ну и результат.

Власть перешла от старшей ветви к младшей.

А драконицы перестали выбирать себе пары среди человеческих женщин. Или – это просто запретили?

Изыскания показали, что при Викторе в академию просто перестали принимать эсс. Вот и все. То есть при Рамиро были и мужчины, и девушки, а при Викторе – только мужчины. Сильно ж его Ирендира зацепила...

Сколько он правил? Двадцать шесть лет!

Вот! А когда через двадцать шесть лет эссы вернулись в академию, это было совсем другое поколение. С другими жизненными ценностями и приоритетами. Их уже не драконы интересовали, а супруги.

Нельзя так переформатировать мозги людям за двадцать лет?

Можно!

Я в родной стране видела, что можно сделать с людьми. Если постараться, конечно. А здесь-то интернета нет, здесь это еще легче проходит. Если Виктор продвигал все это последовательно и решительно, если давил и плюшил... мог?

Запросто.

Кстати, при полной поддержке таких же эсов, которым наверняка девушки-драконарии оттоптали хвосты. Посмотрите только на Матиаса Лиеза.

Козел?

Да всяко! И если получится, он мне так напакостит... хотя куда уж больше свадьбы? Спусти такого с поводка, так потом наплачешься... Так вполне могло быть.

Появилась у меня и еще одна догадка, но ее я постаралась придержать при себе. Пока...

А что с нами сделают за то, что мы это узнали? Сто лет – не так уж много... историю я знала неплохо.

Если брать родную страну... что бы сделал Николай Второй с человеком, который заявил ему, мол, ты, Романов, потомок сволочи и детоубийцы? Был ведь сын Лжедмитрия, и было проклятие, произнесенное Мариной Мнишек.

И триста лет оно отсчитало, и род их прервался... почти на том же месте, где пролилась кровь невинного ребенка^[15].

И то! Там прошло три сотни лет, а здесь всего лишь сто...

Примерно четыре поколения, память не успела изгладиться.

Девушки переглядывались. До них тоже доходило, что бывают тайны, от которых лучше держаться подальше. А потом и еще подальше, так, для верности.

Первой тряхнула головой Мариса.

– Каэ, мы уже зашли слишком далеко, чтобы останавливаться. Ты сама как предполагаешь?

– Скорее всего, девчонку просто выманили из академии, сейчас уже не узнать. Как и ее жениха. – Я махнула рукой. – Это несложно, навскидку любую из нас можно вызвать, если знать, чем поманить.

Девушки задумались.

– Равным образом выманили и ее жениха. А дальше... засада? На драконариев? Я бы предположила яд.

– Драконы могут унести своих хозяев. – Олинда задумалась.

– Но если и для них нашлось что-то? Я не знаю... Приманка? Драконы не слишком подвержены ядам, но что-то же и на них действует? Разве нет?

Действует.

Мы просто не слишком знаем, что и как, но наверняка есть методики. Не может быть, чтобы за такое время ничего не нашли!

И... нам сложно представить себе пути, по которым идут мысли опытных интриганов.

– Могли и драконов убить, – спокойно кивнула Мариса. – Что вы удивляетесь, если они гибнут при нападениях морских тварей, значит, и так могут погибнуть. Яды, катапульти... да мало ли гадостей в мире?

Мы переглянулись.

Ладно, допустим, так. Ребят выманили и убили, драконов убили...

– Зачем убивали де ла Круза?

– Полагаю, – потербила нижнюю губу Олинда, – Ирендира могла быть дочерью его величества. Но править все равно предстояло не ей. Разве что как соправительнице.

Я поняла.

Все же здесь общество, которое жестко ориентировано на мужчин. Может, сто лет назад и было лучше. А может, и не было.

Правил бы де ла Круз, Ирендира сидела бы рядом с ним на троне. Допустим, ее убрали. Но где гарантия, что его величество не выкинул бы еще какой-то финт ушами? Не усыновил парня, но объявил о его свадьбе со своей дочерью, как будто она уже тайно состоялась, не... да мало ли что можно придумать? Зачем это заговорщикам?

Убрать обоих, а там и король от горя помрет. Очень даже запросто.

И власть перешла от одной ветки к другой.

За такое могут убить?

Жизнь подпортить точно могут, и всему семейству, и тебе лично. Кто не верит – читайте про Тюдоров. И про то, как они расправлялись с последними... даже не потомками Плантагенетов. С теми, кто им вообще был – троюродный плетень. Рядом постоял, в окрестностях полежал... Помнили про свою подлость.

И историю подправляли. Сомневаетесь? А пиар-технологии были еще в те времена. Знаете, когда Шекспир написал своего Ричарда Третьего? 1590 год, так-то. На троне Елизавета Тюдор. Внучка убийцы того самого Ричарда. И сидит она прочно, и никто против нее хвост не поднимает. Наоборот, все в восторге, все дружно делают «ку» три раза.

Вопрос.

Сколько в Ричарде правды, а сколько рекламной заказухи? Польсти нынешнему правителю, обгадь предыдущую династию.

Грубо? Зато честно. Знали они все, отлично знали. И боялись. До крика и истерики. Знали Тюдоры, чье мясо съели. Может, в Фейервальде и не так, но рисковать и полагаться на королевское благородство?

Я лучше с башни прыгну. Мучиться меньше в этот раз буду.

Кажется, девушки думали примерно так же. Но оставался еще один вопрос.

– А зачем вот это все устраивать? Ну понятно, Ирендира того-с... померши. Но остальное-то зачем? Вот так, с женщинами?

Ответ был только один.

– Потому что у Ирендиры могла быть сестра. Или даже две сестры.

В логике Фатиме отказать было нельзя. Я только вздохнула.

– И что мы с этим будем делать?

– Молчать. Ну, разве что можем проследить линию... на всякий случай. Такое лучше знать.

– Линию Бьянчи?

– Почему нет? – пожала плечами Фатима. – Если задаться такой целью, можно поискать... Ирендире должно быть лет семнадцать-восемнадцать, посмотреть в архивах академии, потом, узнав дату рождения, посмотреть, кто из детей родился в тот день... найти родителей, проверить, что с ними стало...

Я задумчиво кивнула.

Да, это было вполне реально.

Долго, муторно, но реально. Потому что мартирологи и прочие списки публиковались в газетах каждую неделю. Вышла газета?

Будут списки.

Может быть, с запозданием, но будут. И можно много чего найти.

– Будем искать? – поинтересовалась я.

– Безусловно. Хотя бы, чтобы убедиться в своей безопасности, – решила Мариса. – А то так породнишься...

И в этом с ней все были согласны.

Ну его! Просто – от греха подальше...

Разыскания мы проводили примерно три недели.

Разыскали – и убедились, что все верно.

Имени разна, который послужил родине, поработав возлюбленным, история не сохранила. Да и был ли разн? А ведь мог, более того – обязан был засветиться! В такой-то ситуации? Обязательно!

А его нет нигде. Словно и не существовал бедолага на свете. Точно подстава.

Ирендира была старшей из дочерей его величества Рамиро. Младшей была Анна Арсе.

Да-да, Ирендира тоже носила славную фамилию Арсе, по отцу.

Дело абсолютно житейское, молодая жена, старый муж, пылкий венценосный любовник – это в любых историях случалось и во всех странах. Родились две девочки, Ирендира и Анна. Но если старшая, я так поняла, была активной и хищной, то младшая была классической современной эссой, лежала, где положат, и с места не двигалась.

Потом вышла замуж в род Эскобар.

С ними ни у кого из девочек родства не было, так что мы махнули рукой, да и выкинули это из головы. И подальше, подальше.

О таком проговоришься – без головы и останешься. Так что ничего мы не знаем...

А Зимний бал приближался. И посольство тоже приближалось.

Интерлюдия

1

Эсса Магали на девушек смотрела с явным отвращением.

Вот зачем женщине читать?

Она библиотекарь, да, но она не совсем то читает. Газеты – безусловно. Периодика, романы, душещипательные истории, над которыми так хорошо вздыхать...

Своя-то жизнь не удалась.

Муж изменяет и в лей не ставит, дочь далеко, внуки... когда еще будут те внуки? И кто с ними возиться будет? Дочка драконов боится как огня, она сюда не приедет. А муж никогда не расстанется со своим черным чудовищем. И эсса Магали его не оставит! Вот еще не хватало! Она к дочке, а он всем бабам под юбки ползет? Она на такое не согласна!

Это ее муж – и точка!

Остается только склочничать, сплетничать, следить за супругом... Работа?

Это была чистая благотворительность со стороны ректора. Эс Чавез просто пожалел несчастного эса Хавьера, которого затиранила жена, и когда по старости лет освободил место прежний библиотекарь, предложил эсу т-Альего решение.

Хавьер вздохнул с облегчением.

Эсса Магали, хотя и кричала, что это недостойно, не подобает и эссам просто позорно, но... сидеть дома ей не хотелось, друзей и подруг у нее не было – разши ее не устраивали по статусу, а эссам запрещали с ней общаться мужья. Эс Хавьер, конечно, герой и все такое, но нечего тут! Еще наберутся от дуры вредных привычек да как начнут за мужьями со сковородками гоняться...

Это дело не пойдет.

Еще и небольшие деньги на булавки свою роль сыграли. Эс Хавьер на них не претендовал, содержал семью, как и раньше, а ведь это приятно. Пройтись по ярмарке, купить себе что-то такое... глупое.

Эсса Магали принялась собирать фигурки собачек. Красиво же!

Сейчас коллекция занимала стеллаж в спальне, собирала пыль и раздражала эса Хавьера. Но чем бы жена ни тешилась, лишь бы не орала.

Все равно орала, конечно. Но хоть не каждый день, уже радость.

Когда в библиотеку приходили эсы, эсса Магали была сама любезность. Когда же туда приходили эссы...

Вот зачем этим дряням молоденьким еще и образование? Какие книги?

История?

Совершенно неприличное чтение для эссы. Отвратительно! Одна из нахалок хотя бы так не раздражала, поскольку выглядела полной и бесцветной мышью. Но остальные! Яркие, броские, шикарно одетые... а главное – у них-то еще все впереди! У нее уже ничего хорошего в жизни не будет, а у них будет все!

Убила бы!

– Мне нужны книги по истории. Возможно, дневники драконариёв. Может быть, есть романы того периода? Летописи? Периодика?

Говорила именно бесцветная. Остальные пока молчали. Эсса Магали фыркнула.

– Периодика! Вы считаете, что это старье хранится сто лет? И я уж молчу про дневники!

– У вас все это есть?

– Нет, конечно.

– А в каталоге указано, – прищурилась бесцветная.

– Указано... – Эсса Магали, по правде говоря, этот каталог так и не просмотрела за все время своей работы. Да и зачем? Вот еще не хватало! – Где указано?

Карточку Каэтана нашла достаточно быстро.

Эсса Магали скорчила гримаску.

– Фу! Это же дальний архив, там теперь пыли – не продохнуть! Если еще мышами все не поедено!

– Вот вы как библиотекарь и скажите, кем там и что поедено, – прищурилась грудастая красotka, вызвав у эссы Магали желание упереть руки в бока и заорать.

Отказывать себе в такой мелочи эсса не стала.

– Я тут должна за всем следить? Да я тут одна, а платят медяки паршивые! Другой бы тут вообще уволился. А я терплю хамство от всяких...

Красотка подалась вперед, собираясь ответить, но потом вдруг передумала и ухмыльнулась.

– Эсса т-Альего, я вот сейчас пойду к ректору. И пусть он разбирается, что там является вашей работой – учитывать единицы хранения или орать на учащихся академии? Полагаю, мы с ним этот вопрос решим. К нашему удовольствию.

– Да такие уж решат! – прошипела эсса.

– И за намеки вы мне тоже ответите. – Олинда спускать хамство не собиралась.

И быть бы большому скандалу, но вмешалась бесцветная.

– Эссы, полагаю, мы можем найти вариант, который всех устроит. Эсса т-Альего, вам не хочется лезть в архив и там пачкаться?

Не хочется, это было на эссе написано.

Крупными буквами.

– Тогда мы можем сходить сами. Вы нас просто оставьте здесь ненадолго, мы почитаем, что надо, и уйдем.

– Хм-м... это против правил.

– Освещение там безопасное, – парировала девушка. – А красть... что красть-то? Старые газеты? Которые, может быть, мыши поели? Смешно даже!

С этим эсса Магали была согласна. Да и скандала не хотелось, эссе Оливеру она видела и считала ее стервой первостатейной. Кстати – была недалеко от истины. Да и остальные тоже могли ей попортить нервы. Ладно еще одна Каэтана! Ну, может, Каэтана и Мариса. Можно было отбиться, эсса оценивала себя здраво.

Но пять девушек ее бы просто затоптали.

Проще было пустить их в хранилище, и пусть копаются. Надоест – уйдут. Все равно там нет ничего интересного.

Так что договорились быстро. И девушки отправились в дальнейшее хранилище.

Раэн Лутаро Мора возвращался в столицу с чувством выполненного долга. А что?

Документы он эссе Кордове отдал, новые вещи от нее получил. Самое время пройтись по лавкам, а там и в гильдию завернуть можно. Только вот в какую?

Сумочки – вроде как портные их сами делают. Но то, что нарисовала эсса... это лучше к кожевникам.

А застежки – к кузнецам?

Какие-то эти вещи многоплановые. Но если у эссы так голова работает, оно и неплохо?

Раэн Лутаро снова появился в дом к своим друзьям. Раэша Эрнандес, явно получившая инструкции от мужа, встретила его такой очаровательной улыбкой, какие раэн Мора и от супруги в лучшие годы не получал. Видимо, дела идут хорошо?

Самого Теодоро дома не было, так что Лутаро подумал, да и пошел погулять на рынок. Благо с утра приехал, сейчас около десяти... рынок начнет закрываться к полудню, и то не весь. Есть время посмотреть...

В лавки он заходить не будет – понятно, лавочники ему ничего не скажут. Дело их такое – спрос создавать. Где соврут, где прибавят... Он по рынку походит да посмотрит, сколько людей сумками пользуется.

Увидел все раэн еще на подходе к рынку.

Один, два, три...

Сбился и плюнул он на двадцатой раме с сумкой. И это сейчас, когда рынок уже, считай, к закрытию готовится! И народу поменьше... сколько ж рам было с утра?

Но Лутаро правильно оценил потенциал изобретения.

Делается дешево, продается тоже дешево, первыми новинку раскушали в домах среднего достатка, а потом уж она пошла и вверх – и вниз. Понятно, нищим такое не по карману, и то – раму купить могут. Были и подделки из дерева, но тут уж Лутаро махнул рукой. Явно самоделки, не гильдия, а если у человека нет денег, так и потом не будет на покупку. С него и не получишь ничего.

И – не удержался.

Подслушал беседу двух кумушек у рыбного прилавка. Одна как раз была с такой сумкой и весьма снисходительно поглядывала на

заклятую подругу, которая тащила за собой хоть и небольшую, но тачку. И хвасталась что есть сил.

Сумку в подарок ей купил зять.

И такой-то он хороший, и такой замечательный... раньше она с тачкой ходила, но та и тяжеловата уж, и неудобна, даже самая маленькая, и каждая сволочь норовит из нее что-то стянуть... или нанимать кого приходится.

Нет, это неудобно.

А вот с сумкой этой ну так уж хорошо! Так она в руку ложится, и толкать перед собой ее можно, и за собой тянуть, и саму сумку застегнула – никто ничего не вытащит! И видеть не видит, что у тебя... это, конечно, недостаток. Но незначительный.

Сама-то разша тоже не без греха, мало ли что и какое она купит.

Замечательная сумка!

И стоит не так чтобы дорого, и кожаную сумку можно поменять, а рама останется, и из сарая она мешок свеклы... раньше-то все на себе, а тут можно на раме. И по двору тоже...

Ох, дай Даннара здоровья тому, кто это придумал! Полезное дело сделал, позаботился о людях.

Подруга слушала, скрипела зубами и зеленела, аки подзаборный лопух. Явно в лавке скоро будет еще одна покупательница. Если оно в народ пошло, да если такое отношение...

Это в одной столице!

А в других городах?

В других странах?

Десять тысяч золотом в год? Ха, наивная девочка! Разн Лутаро не сомневался, они в месяц эту планку перепрыгнут! Но, к его чести, не помышлял об обмане.

Лучше одна монета, и без риска, и с долгосрочной перспективой, чем пять – с проблемами. А перспективы открываются блестящие...

Дайте время! А уж он вывернется из шкуры!

* * *

Гильдия была следующим пунктом назначения.

Но в этот раз разн Киринер не корчил рожи при виде Лутаро. Наоборот!

Расплылся в такой улыбке, что, ей-ей, сейчас масло с лица закапает! Счастья-то сколько! Аж смотреть страшно!

– Разн Киринер?

– Разн Мора! Рад вас видеть, очень, ОЧЕНЬ рад!

– Судя по вашему виду, дела наши идут неплохо?

– Неплохо? – аж поразился такому святотатству разн Бонифацио. – Да дела наши идут великолепно! Делать рамы не успеваем! В гильдии кожевников люди счастливы – все запасы извели, кожи думают где закупать. Ткачи было мешки предложили... но это мы еще подумаем! Показать вам документы по продажам и прибылям?

– Я недавно с дороги, – не стал врать Лутаро. – Если с собой возьму и дома посмотрю.

– Вы опять у Эрнандеса остановились, разн?

– Друзья. – Лутаро развел руками.

– Если что – приглашаю вас к себе, разн. Буду счастлив принять вас в своем доме.

«Это сколько ж мы заработали?» – задумался Лутаро. Но вместо выяснений выложил на стол бумаги.

– Разн, я тут решил сразу показать вам еще одно изобретение. Правда, не знаю, что там у меня с деньгами, хватит ли на его финансирование...

Удочка была заброшена, и рыбка клюнула почти мгновенно. Разн Бонифацио заулыбался еще теплее, аж температура в комнате подскочила.

– Если оно такое же, как предыдущее, это неважно! Я и сам с удовольствием войду в долю...

Лутаро кивнул.

Этот вопрос они с Каэтаной обсудили. И решили предложить главе гильдии те же десять процентов. Пять ему – пять на счет гильдии. За продвижение, вложение денег, личную заинтересованность...

Лутаро опасался реакции девушки, но услышал только одну фразу: «Чтобы что-то получить, надо что-то вложить». И выдохнул с облегчением.

Сколько эсов никогда не будут вести дела с разнами? Просто из-за глупой спеси?

Много. Очень много.

Сколько людей потеряли все, потому что хотели получить много и сразу? Не понимая, что так не бывает. И лучше сто раз по рие, чем один золотой – и все.

У Каэтаны Кордовы таких замашек попросту нет. Она отлично понимает, что любая вещь сначала нуждается в продвижении, в раскрутке, во вложении денег. И люди, которые будут помогать, хотят получить свой процент. Пусть небольшой, но постоянный.

И она не возражает.

На магнитную застежку разн Бонифацио смотрел с сомнением. Но потом подумал и пообещал сделать. На пробу.

Это недорого в принципе...

Применение?

Одежда, сумки, мебель, ювелирка... Разн Бонифацио сообразил не сразу, но потом понял, что и тут будет самое главное – массовость. Дешевле производство, большая востребованность...

– Говорите, есть возможность вложиться деньгами?

– Да, разн Бонифацио.

Если в Гильдию Лутаро пришел лучшим другом разна Бонифацио, то уходил, считай, почти что братом.

Доля во втором изобретении досталась разну Теодоро, который повертел в руках рисунок сумочки, подумал, но... как мудрый человек, показал ее своей супруге.

Супруга сказала одно слово: «хочу».

Разн вздохнул – и вложился деньгами. А то себе дороже получится... вставать между женщиной и обновкой? Нельзя такое делать, если хочешь жить долго и счастливо, никак нельзя.

И еще две идеи пошли в народ.

Разн Лутаро подумал, но решил пока не торопиться. Хотя бы до следующего года, потом можно будет и о чем-то новом подумать. Это процесс не слишком быстрый, и не все нововведения общество готово принять...

Спешить тут не стоит. Это не ловля блох.

Каэтана полностью с ним согласилась и пообещала ждать. Время пока еще есть, а там и деньги будут... постепенно, потихоньку,

полегоньку...

Она справится.

Обязательно справится.

И если захочет начать новую жизнь, то не уйдет в нее с голым задом.

3

Олинда застыла в упражнении.

Тело опирается на локти и на носки ступней, вытянуто в струночку, спина ровная, попу не выпячивать, голову не опускать, а так хочется! Опустить, и опуститься, и расслабиться – нельзя.

– Пятнадцать... двадцать шесть... сорок два...

Каэтана считала нарочито медленно.

Вредина.

Но обвинять ее серьезно Олинда не могла. Каэтана и сама работала не меньше, и еще находила время присмотреть за ними... можно подумать, у нее глаза вокруг головы!

– Фати, попу вниз! Лин, не сачковать!

Олинда скрипнула зубами, но коленки от земли оторвала. Каэ, зараза!

Но даже ругаться всерьез не выходило. После первых занятий девушка скулила, рыдала и мечтала убить Каэтану. А потом втянулась, и ей... понравилось?

Да, именно так.

Зарядка стала даваться намного легче, исчезла противная одышка, появилась легкость в походке. О чем-то серьезном пока говорить было рано, но Олинда поняла, что двигается быстрее, чем раньше. И этого пока было достаточно.

Олинда знала, что надо работать, если хочешь что-то получить. Хочешь быть стройной? Носи корсет. Хочешь петь и играть? Бери уроки музыки.

Хочешь хорошего мужа? Охоться...

Хочешь не быть беззащитной? Тоже надо учиться. И Олинда видела – Каэтана тоже выкладывается. Вместе с ними, а иногда и больше, чем они. Так что обиды не было. Все справедливо.

Занятие закончилось, и Каэ, как обычно, полезла в море. Олинда поежилась.

Ну да, тут тепло, но... купаться?

Вот так?

Не в ванной?

Не умела она плавать, не умела. А вот поди ж ты, глядя, как Каэтана ныряет рыбкой, вдруг испытала – зависть? Она тут вся потная, и вообще это несправедливо! Почему Каэ может, а она...

Олинда попробовала кончиками пальцев воду.

– Не бойся. – Каэ заметила ее попытки. – Водичка теплая. И дно тут хорошее. Можно хотя бы ополоснуться.

Олинда задумалась.

– А если захочешь, я вас потом и плавать научу. Это полезно. Спина болеть не будет.

Олинда вспомнила эссу Мираль, которая жутко мучилась от боли в спине. Да и... Многие страдали, она знала.

– Корсет не всегда полезен, – объяснила Каэтана. – Давай, я буду рядом. Не утонешь.

Севила шагнула к морю.

– Давай я? Мне всегда хотелось научиться плавать.

Каэтана протянула руку.

– В море легче. Вода соленая, сама тебя держать будет. Давайте я вас научу лежать на воде? Сейчас волны, считай, нет, вода спокойная, должно получиться.

Пришлось мыть волосы.

И воду из ушей вытряхивать.

И наглотались девушки тоже. Но вот это ощущение, когда ты просто лежишь на воде, на спине, и над тобой небо... Олинда его запомнила. И оно было восхитительным.

Море обволакивало, качало, ласкало и нежило.

Море шептало и убаюкивало.

А главное... оно перестало быть источником опасности («Отойди немедленно!!! Утонешь!!! Нельзя!!! Не положено!!!») и стало своим. Родным. Уютным.

И это тоже было здорово.

Глава 6

Марису я видела всякой.

Красивой и элегантной, стервозной и насмешливой. Даже потной и растрепанной после тренировки.

Но чтобы так?

Эсса Лиез явно едва сдерживала слезы.

– Каэ...

Я огляделась, подхватила ее под локоть и утащила в конец коридора.

– Мариса, что случилось?

– Каэ... я так ждала, я...

И слезы потоком хлынули. Водопадом.

Единственное, на что меняхватило, это достать из кармана носовой платок, сунуть его подруге и погладить по волосам, ожидая, когда прекратится истерика.

Мариса безнадежно рыдала. Потом пошли сухие всхлипывания, и я принялась приводить ее в порядок.

Затащила в туалет, все равно на домоводство мы уже решительно опоздали (я опоздала), умыла, достала из сумки пакетик с какао-бобами, которые купила и сама обжарила. Гадость, конечно, но шоколад же! То есть его основа! Пятнадцать штук в день – и у вас будет хорошее настроение, как говорится в рекламе.

Врут, конечно.

Но Мариса послушно жевала бобы и даже не морщилась. Наконец я решила, что с ней можно и поговорить.

– Расскажешь, что произошло?

– Можешь меня поздравить, – горько усмехнулась Мариса. – Я помолвлена.

– Ну... вроде бы ты и собиралась? Этот... Хули... Хулиан Феррер? Так его зовут?

– Если бы! – взвыла утонченная эсса Лиез. Я сунула ей в рот очередной боб, чтобы не орала. – Если бы! Феррер, твари! Решили и с нами, и с Агиларами... и отец согласился-а-а-а-а...

– На кого он согласился? – начала подозревать неладное я.

– На Жоао Феррера! Понимаешь, Жоао!

– Не понимаю. Объясни, – попросила я.

Куда там! Опять соплеразлив начался. Пришлось снова отмывать подругу.

То ли бобы сработали, то ли резервы организма подошли к концу... как оказалось, Жоао – младший брат этого самого Хулиана. Только вот...

Судя по описанию Марисы, у него какие-то отклонения. То ли даун, то ли шизофреник, то ли еще что... честно говоря – я не врач-психиатр, чтобы тут диагнозы ставить. Просто – ненормальный. Очень точная градация.

И вот за такого замуж!

Жить с таким, детей рожать, в одну кровать ложиться... Как-то этот Жоао скомпенсирован. Его даже в свет выводят. Но все отлично знают, что время от времени он становится буен, может сильно ударить, может схватиться за нож, может...

Да, это больше всего походило на шизофрению. Или МДП? Маниакальная стадия, депрессивная стадия...

Ладно, я ни разу не психиатр, просто у знакомой такой опыт был. У ее мужа двоюродный брат вот как раз такой. Правда, повезло. Безобидный. Или – не повезло, такое в генофонде. Я откуда знаю: она с мужем в Москве жила всю беременность. И скрининг делала, и наблюдалась, и какие-то сложные анализы проходила... окажись плод с такой патологией, она бы на аборт помчалась.

Но размножать такое?

И выдавать за такого замуж Марису?

– А почему не Агилар?

– Потому что Агилар уперся. А моему отцу плевать, ему лишь бы с Феррерами породниться.

– Козел. Прости...

Мариса засопела. Кажется, она про отца и похуже думала.

– И что теперь?

– Мне благородно дают доучиться в академии! А потом... потом мне надо отправляться к Жоао! Осенью свадьба-а-а-а-а...

Я скрипнула зубами.

– Так. Вдохни и выдохни. И успокаивайся. От рыданий тебе легче не будет, это уж точно.

– А ты что предлагаешь? – сверкнула глазами Мариса.

– Пока – ничего. Хотя нет. Пока я предлагаю тебе улыбаться, соглашаться с братом...

– Су-у-у-у-ука!

– Скорее кобель?

Как оказалось, Матиаса я еще мало гоняла. Каз-зел номер два!

Братик лично и сообщил сестричке о прекрасных перспективах, еще и приукрасил. Порадовал...

– Зря ты ему тогда помогала...

– Я не ему, себе. Меня бы тоже отец из академии забрал.

– Понятно. Значит, так. Предлагаю тебе написать отцу письмо с благодарностями. Мол, ты сначала поистерила, потому как дура, потом подумала и поняла, что он о тебе заботится.

– Да?!

– А то как же. Но раз тебя выдают замуж за такую... пакость, нельзя ли условия повыгоднее? Там, домик в столице, деньги на счет... поняла?

Мариса медленно кивнула.

– Кажется, я понимаю. Усыпляешь бдительность?

– Ты усыпляешь. А вот что мы будем делать потом... я попрошу знакомых навести справки в столице.

– И что?

– Когда одного моего знакомого спросили – он ответил: или ишак умрет, или падишах, а там уж видно будет.

– Ишак? Падишах?

История про Ходжу Насреддина Марису чуточку развлекла. Но не сильно, Ходже-то за ишака замуж не надо было. А ее и заставить могут...

– Пошли писать письмо. И улыбайся, подруга. Главное – улыбайся.

Мариса вздохнула.

– А занятия?

– И куда тебе на занятия с таким лицом? Ты в зеркало поглядись!

Действительно. Лицо признанной красавицы сейчас больше всего напоминало очень измученную подушку. Такое еще три дня в порядок приводить, один распухший нос чего стоит!

– Может, в больницу сходить? – даже задумалась Мариса.

– А там помогут?

– Примочки дадут...

Я вспомнила, что в больнице помогли даже Гилу...

– Интересно, чем там таким лечат?

– Ты не знала? Слюна дракона, кровь дракона, ну, еще кое-что...

– Серьезно?!

– У драконов невероятная регенерация. И на людей это тоже действует.

Я вспомнила Олинду, подумала, что Гилу точно позвоночник... если и не переломала, так трещины наверняка были, в нашем мире он бы из инвалидного кресла не вылез никогда. И кивнула.

– Понимаю. Сходим?

– Сходим.

* * *

Где наша не пропадала... по дороге из туалета мы умудрились наткнуться на раэна Риоса.

– Прогуливаете, эссы?

Прежде чем Мариса открыла рот, я выступила вперед.

– Раэн Риос, мы не прогуливаем. Мы идем в больницу. Эссе Лиез плохо, а я ее провожу, чтобы она нормально дошла.

Раэн оглядел Марису, которая даже вот так, зареванная и опухшая, оставалась красивой, и кивнул.

– Идите, эссы. Если кто-то спросит – скажите, я вас отпустил.

– Спасибо, раэн, – поблагодарила я.

И потянула за собой подругу.

Марисы хватило ненадолго. Шагов так на двадцать.

– Каэ, он тебе нравится?

Я чуть носом не полетела от неожиданности. Повезло, а то было бы в больнице два пациента.

– К-кто?!

– Раэн Риос.

– С какого перепуга? Ну... человек он, наверное, неплохой, и предмет свой знает. А что?

– Он многим нравится.

– Мне разн Ледесма нравится намного больше, – честно созналась я.

Тьяго Ледесма получил от меня чертеж шахмат и отдал его мастеру. А пока мы развлекались математическими головоломками. Фибоначчи, Тарталья, Кэррол, Гарднер – и это еще не полный список.

А еще и танграм^[16] есть. Который тоже способен занять человека на неопределенное время.

– Ледесма? Он же старый!

– Погоди... ты о чем?

Мы с Марисой уставились друг на друга, потом до меня дошло, и я замотала головой.

– Тьфу на тебя! Как мужчина мне тут никто не нравится, а как человек – я уже сказала.

Мариса покачала головой.

– Ну... ладно.

Ох уж эта молодежь! Одна любовь в голове!

Ладно-ладно, сама не умнее была в том возрасте. Дойдем сейчас до больницы, пусть Марису хоть в порядок приведут!

* * *

Марису я отвела в больницу, и она осталась там до вечера. А я направилась на обед. И – вот уж не было покоя! И снова... такое!

– Каэтана, ты не возражаешь?

– Возражаю, – вежливо ответила я Матиасу. Как же! Плюхнулся на соседний стул, словно его сюда приглашали, тарелки расставил...

– Привыкай. Я теперь долго буду рядом.

Я поглядела на него с тоской. Вот ведь... вилка идиотская. Нет, не столовый прибор. А просто – так всегда бывает. Ты нравишься тем парням, от которых у тебя оскомина. И начинаешь от них удирать. А у них же инстинкты... раз не нужен, значит, надо догнать! Схватить! ЖениТЬ!

На том половина романов основана. Вторая половина на том, что удирает мужчина. Но это реже, настоящий мужчина ведь удирать не может! Только героически (истерически-нервически) вперед, на баррикады.

Хорошо еще те же романы и рецепты предоставляют. Мало ли у кого ситуация какая... вдруг всерьез надо от дурака избавиться?

– Да? Допустим. Тогда привыкай и ты.

Я с удовольствием набила полный рот хлеба и принялась жевать так, что у самой все инстинкты завопили. Но... стиль «атакующая хрюшка» рулит.

Вот так мы устроены, мужчины и женщины. Мы любим ушами, а мужчины – глазами. А я чавкаю, еще и запиваю это все соком, и еще разговариваю в стиле незабвенной «Гапуси» – треща, как пропеллер, и заплывая собеседника. А он-то мне пока и сделать ничего не может.

Я надеюсь, и не сможет.

Но вообще за такого замуж выходить – это уж от полной безнадеги. И то алкоголизм лучше будет.

Матиаса хватило ровно на пять минут. Потом бедолага взлетел из-за стола. Но заплевать я его преотлично успела.

– Хватит издеваться!!!

– Да-а?

– Каэтана, тебе это не поможет!

– А мне помощь и не нужна. Еще посидим, поедим? – Я демонстративно поставила локти на стол и облизнулась.

– Ты...

Я взяла салфетку и протрубила в нее слоном. Потом подумала – и положила ее на тарелку соседа.

Икебана! Понимать надо!

Матиас передернулся, развернулся и пошел к друзьям.

Олинда из-за соседнего столика потихоньку показала мне поднятый палец. Я подмигнула подруге.

А то романы, романы... Да примитивно все!

Хочешь никогда не видеть мужчину? Сделай так, чтобы ему было противно на тебя смотреть. Сам сбежит.

И я с чувством выполненного долга принялась за салат. Понятно, Матиас может мне потом напакостить. Но сейчас я в выигрыше. И надо подкрепиться.

«Каэтана!

Ты пропустила вот уже пять еженедельных отчетов, и разша Луна волнуется за тебя.

Изволь вести себя подобающе и не позорить мой род!

Разша ждет от тебя отчетов, и не смей их задерживать. Ищи себе мужа, и побыстрее.

Эс Рауль Кордова».

Я прочитала письмо один раз. Потом второй, для ясности.

Ясности прибавилось, да. Идеально ясно, что папаша у моей реципиентки – форменный козел. Да какой! Горный, гордый и потомственный.

Скотина!

Ни «как дела», ни «как учеба»... никаких вопросов. Никаких рассказов о доме! Да что там! Каэтане даже мангуста не разрешили, а уж эти здесь сейчас в моде... хотя я бы тоже не разрешила. Такие сволочи...

Не-не-не, не надо мне про Рикки-Тикки-Тави. Вы эту зверушку в доме заведите – а потом прислугу для нее наймите, что ли? Они умные, очень активные, сильные, всепролазные, а еще хищники и вредины. Кстати – куньи. И пахнут не розами, хоть вы их «Шанелью» мойте. Везде пролезут, все выкопают, а кто и кого воспитает... Это еще вопрос. Но я бы поставила на мангуста.

Просто мода такая... но хоть бы хомячка! Пони! Лошадку! Нет?

Везде – нет. Даже рыбок, и то не завели.

Друзья-подруги? Опять нет...

Одна гувернантка. И отчетность, и дрессировка... ну, папа... Ну, погоди!

Отчеты?

Ладно, потрачу я сейчас минут десять... ой! Не потрачу. Хотя бы потому, что писать, как Каэтана, не смогу. Ее-то дрессировали на каллиграфию так, что японцы бы заплакали от счастья. А как было бы соблазнительно отправить подробный отчет.

Встала. Пописала. Покушала. Опять пописала... я бы в красках расписала и сколько раз, и куда, и даже запах, и цвет... да хоть бы и вкус!

Нельзя. Почерк не тот. Поэтому...

«Эс Кордова!»

Перебьется без «отца» и «папеньки».

«У нас был урок верховой езды. Я сильно потянула себе руку и не смогу писать вам еще месяц.

Обещаю прославить ваш род и искать достойного мужа.

Эсса Каэтана Кордова».

И точка.

Нет, ну какой козел! Архар, епт-компот! Породистый. Бедная Каэ; надеюсь, Даннара ей хорошее перерождение даст. У нормальных родителей, а не в этом гестапо. Досталось девочке...

Не переживай, Каэ. Тетя Зоя за тебя отомстит, у тети на все яда хватит. Она – Зоя Особо Ядовитая.

Говоришь, папенька, прославить род и найти себе достойного мужа? Пришлось танком давить желание пойти нажраться, станцевать стриптиз посреди академии и выйти замуж за бомжа. Только где ж я тут такого найду?

Но злости все равно было много.

Она кипела, выплескивалась, она требовала выхода. Дома я бы пошла в спортзал и там, да с размаху, да по груше...

А здесь?

Гусары, утопим коня в шампанском? Денег нет? Ну, хоть кота пивом обольем...

Вот я как те гусары. Ни возможностей нет, ни размаха... тут куда ни влезь – неудобно. А делать-то что?

Да хоть пойти поматериться на природе. И то дело...

* * *

Для полезных противострессовых матюгов был выбран берег. Тихо, спокойно, никто не помешает, все на ужине, а мне все равно есть не хочется. Более того, меня и к людям выпускать не стоит. В таком

состоянии я просто сожру любого, кто на меня косо взглянет, а Каэтана Кордова не должна так поступать. Она тихая и домашняя.

До берега я, впрочем, не дошла.

– НЕНАВИЖУ!!! И ТЕБЯ, И ТВОИХ Б...!!!

Орала баба вдохновенно. Ответом ей послужил хлопок двери. Оппонент явно не собирался вступать в спор. Вслед ему полетели визги, но – бесполезно.

Я ненадолго притаилась, пока тетка визжала... а ведь знакомый голос. Но рощица тут уж больно чахлая, увидят еще... не люблю семейные скандалы. Сразу ясно, кто крайним будет. Тот, кто рядом окажется.

Да еще ревнивая дура...

Я сама не ревновала, и зря, наверное. Вот если бы следила, ругалась, телефон проверяла... а, один фиг, так же закончилось бы. Кто хочет гулять, тот и будет. Это судьба такая, не отучишь.

Это как с бутылкой – решение каждый принимает сам. Или ты принимаешь человека вот такого – с развязанными штанами, или не мучай себя и его. Но голос разума – это не то, что слушают люди. Да и не слишком я права.

Это в моем мире можно уйти, найти другого мужа, что-то сделать, да хоть бы и жить одной. В этом так не получится. Здесь брак – на всю жизнь, ничего другого они себе не представляют, а о самостоятельной жизни и не грезят. Не знают, как это может быть...

А мне-то что делать?

Как быть?

А никак. Прооралась баба? Ушла?

Пошла я к морю...

* * *

Если бы условный камешек был повернут белой стороной, я бы пошла в соседнюю бухту. Но камешек был серым, и я принялась спускаться. А так как была в расстроенных чувствах... и чего тут удивительного?

Оступилась, проехала ладонью по камням – и с размаха уселась на попу.

И слезы брызнули.

Я сидела посреди тропинки, рыдала в голос и материлась последними словами. Безадресно, но эмоционально. Бывает такое... хоть бы пожалел кто!

По головке погладил, сказал, что все образуется... Я справлюсь сама, и помогать мне не надо, но это и не помощь. Это простое человеческое участие. Хоть сопли вытереть...

На меня упала чья-то тень.

– Эсса?

Я злобно хлюпнула носом.

– Чего?

Там еще пара слов была, если честно. Не сдержалась.

Собеседника это не смутило.

– Руку покажи. Ух ты, как распахала... Пойдемте к морю, эсса. Промыть надо.

– Не хочу, – проскулила я. – Щипать будет.

И только потом подняла глаза. Слезы, сумерки – все размывалось. Но... знакомый же человек!

Где-то я этого мужчину видела... еще бы вспомнить – где. Чуть выше среднего роста, на вид лет сорока, мощный такой, ширококостный. Не накачанный, а именно широкая кость крестьянина и сильные мышцы. Крепкие ноги, длинные руки, лицо...

Не красавец.

Лицо тоже на любителя.

Слишком широкие скулы, короткий прямой нос, яркие темные глаза, кажется, карие, широкие брови...

Это лицо не эса, но раэна. А вот украшения ясно говорят об ином. Золото здесь можно носить только знати. Цепочка, пара перстней...

– Эс?..

– Эс Хавьер т-Альего, к вашим услугам, эсса.

– Каэтана Кордова.

Меня довели до моря и принялись промывать рану. Ладонь щипало, хорошо хоть, левую ссадила. Не до мяса, но больно.

– Ох... простите, эс! – Я вспомнила. Он меня как раз после драки с теми идиотами встретил! Но с тех пор столько произошло, а мы больше не виделись... вот и подзабыла. – Простите! Я настолько не в себе, что даже не сразу вас вспомнила.

– Ничего страшного, эсса.

Тон у мужчины такой, что становится ясно – видеть меня здесь он не рад. Выбора просто нет. Не топить же меня в море? И точно! Виделись мы примерно в тех же обстоятельствах, что и первый раз. На него жена орала... У нее другие развлечения вообще есть?

Я вытерла со щек слезы, набрала воды в правую руку и умылась. Высморкалась.

– Простите, эс. Бухта была не занята.

Эс Хавьер смутился.

– Я... да, забыл.

Зато я не забыла. И камешек повернула. Не полезут.

Но...

– Эс, вам тоже паршиво?

Ответом мне стала кривая улыбка.

– Да, эсса.

– Вот и мне... тоже.

– Что случилось?

– Отец написал. Знаю, ему на меня плевать, я ему не нужна, но больно же! И противно, и тошно, и тоскливо... это еще если он меня ни за кого не сговорит. Запросто...

Эс Хавьер похлопал меня по плечу.

– Паршиво это, эсса.

– Каэтана. Можно – Каэ.

Я давала разрешение называть себя просто по имени. Да и какие уж тут церемонии, когда тебе сопливый нос только что вытирали?

– Хавьер.

Я кивнула:

– Будем знакомы поближе. Обещаю на людях это не афишировать. – И принялась. – Вино?

Эс чуточку смутился.

– Есть немного. Простите, эсса.

– Каэ. Прощу, если угостите. Я ж говорю – паршиво...

Эс Хавьер поднял брови, но промолчал. Стянул куртку, бросил рядом с камнем, на котором стояла бутылка вина, кивнул – мол, садись.

Я послушалась.

Уселась поудобнее, облокотилась спиной о камушек и уставилась на море. Там над волнами метались чайки.

Рыбу ловят.

Эс Хавьер устроился рядом, на гальке. Я требовательно потянула его за локоть.

– Нечего зад на камнях морозить.

– Хм? – Но на куртку втянулся. И правильно.

– Вино передайте.

Я сделала глоток.

Чтобы таким напиться, надо литр выпить. Некрепкое, сладкое, но неплохое, с отчетливым пряным послевкусием... все равно много не буду. Так, пару глотков для настроения...

Кажется, это у него на дому лесопилка? Не повезло.

Но спрашивать и лезть в душу я не буду. Ни к чему.

Иногда надо очень мало. Чутьочку человеческого тепла рядом. Участья. Осознания, что ты не один. И становится легче.

Мы сидели плечом к плечу. Передавали друг другу бутылку, отпивали чисто символические глотки, смотрели на море.

– Беспросветно все как-то, – тихо сознался эс Хавьер. – Не люблю, не понимаю, но и уйти не могу. Некуда. И Сварта не брошу. И дочь... я ее люблю. А жить нормально не получается. Почему так?

– Люди не всегда подходят друг другу, – вздохнула я. – А любовь... она эгоистична. И может перерасти в ревность, в чувство собственности, во что угодно...

– Собственность. Да, так... как это паршиво.

– Да.

Он говорил о супруге, я об отце Каэ, но какая разница? Все равно ж проблема.

Помочь друг другу мы никак не могли. Но хоть так... посидеть, выпить, кое-как успокоиться...

Не то чтобы нам стало легче. Но хоть не так больно. И можно жить дальше и улыбаться. А что там у тебя на душе?

Кого это волнует?

Разошлись мы только через два часа, уже более-менее спокойные. Мы не разговаривали – ни к чему. Но эс Хавьер проводил меня до развилки и на прощание поцеловал руку.

– Спасибо, Каэ.

– И вам, Хавьер...

Не друзья. Даже не приятели. Просто люди, которые однажды поделились друг с другом своим теплом. И обоим стало чуточку легче.

* * *

– Каэтана, ты к балу готовишься?

– А... да, немного.

Мы впятером сидели у меня в комнате. Как-то получилось постепенно, что мы стали по вечерам собираться именно здесь. Приходила Мариса, к которой девочки сначала отнесли с опаской, а потом – что уж! Приняли в свой круг!

Посочувствовали по-человечески.

Сколько ей там учиться осталось? Чуть больше полугода?

Помолвку с Жоао Феррером ее отец заключил, причем Марису для этого даже не вызвали из академии. А зачем?

Ее согласие кого-то волнует?

Вот уж точно не в семье Лиез.

Так что... было, было чему посочувствовать. И вообще, совместные занятия спортом сближают. Кто не верит – сами попробуйте. Если найдете хорошего тренера, к концу года ваша группа для вас родной станет. Самым дорогим отвечаю! Гантелями...

– Что значит – немного? А платье? Прическа? Книжечка танцев?!

Севила выглядела такой возмущенной, что мне захотелось похулиганить.

– Девочки, вы просто не понимаете, – вздохнула я. – Я эти танцы не умею.

Теперь на меня возмущенно воззрились четыре пары глаз.

Не умеет?

Нет таких слов! И точка!

– Но ты так двигаешься! Каэ, ты должна!

Этого слова я не любила. Кому должна – тому прощаю. Хулиганство разыгралось и атаковало с новой силой.

– Девочки, я танцевать умею, но... не те танцы.

– А какие? – загорелись глаза у Фатимы.

Я замялась секунды на две. А правда, что им показать? В том-то и дело, что они не оценят и половины того, что я умею.

Брейк-данс? Да с ним тут в психушку сдадут.

Хип-хоп? Техно? Диско? Рок?

Не смешно. Тут вальс, менуэт, гавот и им подобные, а с ними у меня затык. Или... показать девочкам Восток? Стрип-пластику?

– А давайте покажу, – усмехнулась я. – Сядьте все на кровать, а я тут минут пять подвигаюсь.

Стул здесь был хороший. Для стрип-пластики шест лучше, но чего нет, того и нет. Я подумала минуту, пощелкала пальцами, восстанавливая в памяти ритм, – и резко прогнулась, провела пальцами по шее, по груди...

Стриптиз бывает двух видов.

Первый – низшая ступень, вульгарное раздевание до трусов, обнаженка без изюминки и особой красоты. Это скучно.

И второй вид.

Когда ты остаешься одетой, а клиент все равно готов. Вот не нужно в стриптизе открываться по полной, там дразнить нужно, намекать... это как и в жизни.

Если женщина предложит пойти и переспать – да, с ней пойдут. Но это будет скучно. И одноразово, что ли.

А можно играть, соблазнять, завлекать и ускользать... понятно, что дело кончится постелью. Но что интереснее? То-то и оно...

Прогон получился короткий, всего пять минут, но девочкам и этого хватило. Олинда хлопала глазами, как разбуженная сова, Севилла открыла рот так, что хоть ты гланды смотри, Фати остолбенела. Зато Мариса...

– Каэ, это же...

– Да. Это для соблазнения мужчин.

– Научи меня?

Настало время мне хлопать глазами.

– Научить?

– Конечно... я ведь помолвлена. О моем женихе ты знаешь, ну и о его брате...

– И чем тебе это поможет?

– Пусть Хулиан видит, что потерял! Кого потерял! А может, и...

Смысл я поняла.

Мариса осознала, что если придется выйти замуж, то рано или поздно она заведет любовника. И в качестве мести – можно того же Хулиана Феррера. Некрасиво?

А ей-то что?

У нее все равно ни нормальной семьи не будет, ни нормальных детей, от психа-то! Потому пакостить она будет всем. Разъяренная женщина на тропе войны – это страшно. А стриптиз – тоже оружие.

– Я бы тоже поучилась, – кивнула Олинда. – Мои родители ведут переговоры о помолвке... Девочки, пусть все останется между нами, хорошо?

Мариса кивнула, нашла руку Олинды и пожала.

Всем паршиво, подруга. Что ж родители таких уродов-то подбирают?

– По сговору? Ради капиталов, да?

– Да... – вздохнула Олинда. – Я ему даже не нравлюсь, у него любовница есть, давно... и он ее не бросит, и не собирается.

Я покачала головой.

– Может, он ее любит?

– Но женится-то он на мне! Вот как мне это терпеть?

Зная характер Олинды?

Никак она это терпеть не будет! Будет у них дом под знаком перелетной сковородки и блуждающей скалки. Из скандалов не вылезут. Или муженек ее убьет, или любовницу бросит, но Олинда – собственница. И делиться своим не согласится.

А в стрип-пластике она усмотрела шанс привязать к себе будущего мужа. И это логично.

– Хорошо. Допустим, я тебя научу. И что тебе это даст?

– Что возвращаться он будет ко мне! Или не будет? Каэ?

Теперь настала моя очередь стонать. Ага, лекций по сексологии я еще не читала. Но... я-то все это знаю. И замужем была, и вообще... девочка я только технически. Я еще местных могу кое-чему поучить. Мы с мужем ханжами не были, и фильмы смотрели, и сами кое-что пробовали...

А эти?

Их в брачную ночь же откачивать придется! И хорошо, если мужчина будет нормальный. А если идиот? Эгоист? Если он будет заботиться только о себе?

Каждая женщина может припомнить такое «сокровище», которое в постели ведет себя как спринтер, думает только о себе, а иногда и носки не снимает. Запросто. Не у себя, так у подруги.

И что мне делать? По анекдоту? Просвещать девочек?

Собрались девушки, поболтали о парнях, а с утра из шкафа выпал померший со стыда поручик Ржевский? А ведь так и будет!

Но какая у них еще защита? Только знания...

Я провела руками по лицу.

– Девочки, вы правильно поняли, это танцы для соблазнения. Но мало соблазнить. Вот распалите вы мужчину, накинется он на вас, а вы с визгом от него. И что дальше? Плюнет он – и к проститутке.

– Каэ!

– Извини, Фати. Но ты поняла. Стараетесь вы, а достанется ей.

Девушки переглянулись. Выросли они в тепличных условиях, но ведь не дурами же! И логику освоили.

– А что тогда делать?

– Ну... осваивать все. И начать с мужской анатомии, – честно созналась я. – Потому что мало распалить мужчину, надо этого хотя бы не бояться. А потом и использовать в своих интересах. Хотя бы не бояться, а то и самим получать удовольствие.

– А так бывает? – удивилась Севилла.

– Бывает, – вздохнула я. – Ну подумайте сами, если кто-то может, то почему вы – нет?

– Но это неприлично!

– А тебе нужно мужа рядом – или свод приличий? Как говорила одна моя знакомая, есть только одно гарантированное средство от мужских измен.

– Какое? – заинтересовалась Фати.

– Сделать так, чтобы у него не осталось сил на других женщин. Но для этого придется постараться. Если мужчина получает дома все, что ему нужно, и даже немного больше, он не пойдет к другим... ладно! Кобели есть! Но и их будет проще взять на сворку.

Девушки переглядывались.

Я пожала плечами.

– Я не претендую. То, что я могу, я показала, а надо вам это или нет... женщины тоже разные. Есть и такие, которым это просто не надо. Вообще.

– А дети?

– На детей это не влияет. Просто кто-то более темпераментный, кто-то менее... кто-то способен получать удовольствие в постели, кто-то нет, это не только от мужчины зависит, но и от самой женщины.

– А как можно это проверить? – заинтересовалась Мариса.

– Только сами. Если вам нравятся вкусы, запахи, тактильные ощущения... ну там, приятно, когда гладят, когда шелком по коже, например, или перышком, когда нравится нежиться в постели или в ванной, нравятся дорогие ткани на теле... это так, навскидку. Проверяйте себя, изучайте, думайте. Потому что это явления одного порядка.

Девушки сосредоточенно размышляли, а я потеряла лицо. Вляпалась. Выпендрилась, на свою голову!

– Думайте сами. А мне потом скажете о результате.

Хотя я и так могла его предсказать.

Ровно через три дня мы начали уроки стрип-пластики, а заодно пошли в библиотеку за книгами по анатомии. А как еще-то?

Здесь наглядные пособия по клубам не наловишь. Здесь репутация и девушка до свадьбы. А вот потом...

Ладно.

Авось хоть кому помогу. Даннара, я понимаю, ты меня не за тем послала, но пока еще найду то самое... которое равновесие! Это может и пять лет пройти!

А девчонкам уже сейчас плохо. И помощь им нужна, особенно Марисе. Это я со своих тридцати пяти ничему не удивлюсь. А они?

Дура я, наверное, и жизнь меня ничему не учит.

* * *

Раэша Понс расхаживала по классу, как здоровущая кошка.

– Сегодня у нас с вами проверочная работа. Сервировка стола, рассадка гостей, аранжировка цветами. Вопросы я написала на доске. Первый вариант, второй вариант, третий вариант... достаем листы бумаги и пишем. И не забываем подписать свое имя и фамилию.

Я только зубами заскрипела.

Вот... не до всякой ахинеи мне было!

Память Каэтаны тоже отказывалась работать, утверждая, что разша Луна ей почти ничего такого не рассказывала.

Интересно, интересно...

А как тогда девчонка должна была организовать приемы? Это же аксиома – муж – свой дом – гости? А она ни в ухо рылом?

Ладно, разшу Луну мы потом разьясним, а пока что? Я же ничего толком не запоминала, зачем? На то конспект есть, а учить его надо за два дня до экзамена, и вообще, не мое это: ложки – вилки – тарелки. Лучше всего есть шашлыки с шампура. И прямо зубками их, зубками...

Но сейчас-то мне что делать?

Хм-м-м-м...

Решение пришло неожиданно. Стол разши был прямо передо мной, Каэтану же, как серую мышь, неудачницу и вообще главное чучело всея группы, выпихнули на первую парту. А на столе – книги и учебники. Зачем их столько?

Я подозреваю, разша сама половину не помнит, она нам то из одной книги диктовала, то из другой. Разша вальяжно прогуливалась по классу.

Я, недолго думая, достала конспект, раскрыла его на нужной страничке и подсунула на стол преподавательнице. И выпрямилась с самым невинным видом.

Гудение в классе смолкло.

Все драконарии глядели на меня большими круглыми глазами... все, кто сидел на передних партах. Мне просто повезло – моя вообще центральная, вплотную к столу.

Разша остановилась, огляделась... все спокойно.

И снова пошла по классу.

Я сверилась с конспектом – и застрочила, записывая и зарисовывая ответы на вопросы.

По классу полетело гудение^[17].

Разша снова огляделась. Я сосредоточенно писала, глядя прямо перед собой.

Эсы и эссы переглядывались... краем глаза я подметила, как Гил показал кому-то кулак. Кажется, кто-то хотел меня заложить? Ай, какие люди плохие пошли.

– Кордова, прекратите списывать!

– Раэша? – Я встала из-за стола, покрутилась, показывая, что шпаргалок нет.

Ирэна Понс одарила меня подозрительным взглядом.

– Поймаю – пожалеешь.

Я кивнула. Да, конечно, пожалею, никто и не сомневается. Что у нас там с тарелками для желе?

– Кордова!

– Да, раэша Понс.

– Ты все-таки списываешь!

– Раэша?

Изображать невинность мне никогда не удавалось. Да, я списываю, да, мы обе это знаем, да...

Раэша пристально оглядела парту, покачала головой, попросила меня вывернуть карманы.

– Могу даже юбку поднять и белье показать, – не обиделась я. – Попросите только эсов отвернуться.

– Но я же вижу, что ты пишешь слово в слово!

– А в мою феноменальную память вы не верите, раэша?

– Кордова! – рыкнула раэша.

Я развела руками.

– Вы мне зачет – я вам ответ?

Раэша и не подумала колебаться.

– По рукам.

Я выразительно посмотрела на журнал, раэша честно вывела там отметку, и я взяла с ее стола свою тетрадь. Протянула.

– Пожалуйста, раэша.

Ровно две секунды раэша Понс молчала. А потом рухнула на стул и разразилась хохотом.

– Ох, Кордова! А тебе палец в рот не клади!

– А вдруг вы руки не моете? – тихо огрызнулась я.

Ответом мне был веселый хохот.

– Ладно! Обещала – поставлю, но учить все-таки надо.

Я вздохнула.

– Обещаю, раэша. Я правда... так получилось, что не успела.

Ага. Копалась в периодике, раскрывала тайны столетней давности, и на тренировки время надо, и раэн Лутаро пишет, что у нас

все восхитительно, он до Дня Выбора останется в столице, проследит, что там и как, потом приедет. Заодно и деньги мне привезет...

Как-то много всего навалилось.

– Хорошо, Кордова. Тогда сиди и учи. А остальные – пишем. Чего ждем, кого ждем? Время не бесконечное!

Перья заскрипели по бумаге. Я послушно начала читать и запоминать.

А правда, почему Летиция Луна не рассказывала маленькой Каэтане о таких важных вещах?

Чует мое сердце, когда я попаду домой, вместо луны будет месяц. Ущербный. Я из нее столько ключев надеру – подушку набить хватит!

* * *

– Кордова, ты себя самой умной считаешь?!

Ярина Лонго успокоиться не могла. Как так! Она работает, а кому-то даром досталось? Несправедливость! Вот если бы наоборот...

Эти мысли так четко просвечивались на симпатичном личике, что я даже вздохнула.

Как все предсказуемо! Миры разные, а глупость одна.

– Лонго, ты чего ко мне привязалась? Заняться нечем?

– Ты нарываешься, чучелко!

Ну нарываюсь. Немного. Но Ярина сама виновата. Отловила меня на перемене, одну, да еще права качать пытается. Так и тянет ее спровадить в ближайший куст можжевельника.

– Лонго, или пропусти – или...

– Ну! Что – или?!

Ярина четко нарывалась. А еще она выше меня на голову и в полтора раза объемнее. Этакая черноволосая валькирия. Красивая, но склочная.

– Или в ваш конфликт вмешаюсь я, эссы.

Раэн Бонифацио Риос подкрался так тихо, что я едва не подпрыгнула. Ярина тоже.

Покраснела, смутилась.

– Раэн...

– Эсса Лонго, как печально видеть такое поведение. Столь очаровательная девушка – и такие методы.

Я едва не зааплодировала мужчине.

Просто восхитительно! Пара слов – и такой результат! Залюбоваться можно!

– Давайте я провожу вас в общежитие, эсса Лонго. Вы ведь туда шли?

– Да, разн...

Растаяла как масло на сковородке! Прелесть просто!

Разн Риос наградил меня выразительным взглядом.

– Эсса Кордова, вы мне еще не вернули часть книг по землеописанию.

Я их и не брала еще. Замоталась с периодикой, и как-то все навалилось...

– Я исправлюсь, разн Риос.

– Вот и отлично.

И разн переключил свое внимание на Ярину. Та выглядела полной дурой. Я фыркнула, развернулась и направилась на занятия. Ну-ну...

Оглянулась на ходу. Разн Риос, словно почуяв, тоже оглянулся и подмигнул мне. Я улыбнулась в ответ. Выручил же! За что ему большое спасибо, не хотелось мне сейчас скандалить с Яриной. Ленъ.

Вот ведь балбеска!

Хотя все они такие, и я такая была, и преподаватель действительно симпатичный, и мне он сейчас помог. Надо при случае хоть поблагодарить.

* * *

Есть закон подлости, а есть закон парных случаев. Вот у меня он и сработал. Или все проще? У дураков мысли сходятся?

Если вспомнить, что Гил и Лиез друзья, так второе вернее, два дебила – дикая сила!

– Эсса Кордова?

– Эс Гил? – подняла я брови. – Доброе утро.

К Эстебану Гилу я не то чтобы хорошо относилась, но пусть его. Бывают же такие ребята – что телята! Если хорошего вожака найдут, то

и поступки будут хорошие. А с таким, как Матиас...

Дрянь он.

Мелкая.

Он может за мной ухаживать, может не ухаживать, это его личные проблемы. Меня от этой пакости все равно с души воротит.

Дрянь человечешка, вот и весь разговор. А Эстебан?

Недоумок, конечно. Даже не так... недодали ему чего-то при рождении, вот и все. Чего-то важного. Понимания? Заботы?

Осознания, что другому тоже больно?

Он-то толстокожий, как трамвай, его хоть дразни, хоть лупи, ему просто не понять. Он и не осознает, что над ним смеются, для этого надо стоять напротив, тыкать в него пальцем, корчить рожу и хохотать как кукабарра. И то...

Нет.

Не дойдет.

– Эсса Кордова, я хотел пригласить вас.

– Куда? – искренне удивилась я.

– К нам прибывают санторинцы. Будет прием, и я там буду. Мой род не из последних... я бы хотел... просить вас...

Здоровяк налился краской так, что стал похож на большой томат. Я его мучить не стала. Идти... нет, мне не слишком хотелось, но...

Равновесие!

Где оно и что оно?

Может, между Сантором и Равелем? Не знаю, ничего не знаю! Даннара!

Ну хоть подсказала бы!

Придется идти и своими глазами смотреть. Почувствуешь – узнаешь – разберешься...

Меня подопечные за такие заявочки зарыли бы! Симптомы, пожалуйста! Гр-р-р-р!

– Я буду рада сопровождать вас, эс Гил. Это честь для меня.

Здоровяк расслабился. Медленно разжались пальцы толщиной с хорошую сосиску. Переживал.

Надеюсь, он мной не увлекся? Это бы не ко времени. С другой стороны – и пусть его. Мне он не нужен, но если Матиасу морду набьют, хуже не будет? Правильно?

Правильно...

– Эсса Кордова. Можно я буду... я с уважением... только по имени...

Я кивнула.

Пусть называет по имени. Время сэкономим.

– Каэтана.

– И если можно... Эстебан. Пожалуйста.

Я кивнула еще раз.

– Хорошо, Эстебан. Скажите мне, что вы наденете на прием?

– Н-надену?

Я только глаза закатила. Пан баран.

– Эстебан, наши наряды будут рядом. Они должны сочетаться. Цветом.

– А... красное. Темно-красное.

Красный клочок любит всяк дурачок. Понятно. Голубое платье надевать нельзя. Хорошо, что есть бежевое. И очень удачно даже. Каэтану оно превратит в моль, лишённую всяких красок. То есть меня превратит. А мне того и надо.

Мальчики, девочки, они хорошие. Но это именно что мальчики и девочки. Я-то старше. И мне с ними бывает откровенно скучно.

Ладно, девчонки хорошие. А парни... мальчишки, и все тут. Молодняк. Зелень салатная. Несъедобно.

– Хорошо. Эс Гил, проводите меня в общежитие?

– Д-да, эсса Каэтана.

Руку мне предложили честь по чести.

– Спасибо, Эстебан.

Мне все равно, а человеку приятно.

* * *

Кому не все равно, так это девушкам. Не успела я в душ зайти...

– Каэ, ты с Гилом?

– Я?

Я уж и думать про дурачка забыла. Триста лет он мне не нужен.

– Ты, конечно! – удивилась Олинда. – Он тебя специально ждал?

– Ты ему нравишься, – со знанием дела заметила Фати. Севилла кивнула головой, добавляя сказанному весомости.

Я фыркнула.

– Я уж и думать про него забыла. Стоял, ждал, на прием пригласить.

– А-а-а-а-а...

– Я согласилась. – Я нырнула под душ и принялась шелкать рукавками. Горячо – холодно. И так пять раз подряд. Правда, закончила на горячем режиме. Не люблю я холода.

– Серьезно? – удивилась Сив. – Каэ, он же дурак!

– Беспримесный, – кивнула Олинда.

– Знаю. – Я принялась растираться полотенцем, которое не иначе как из наждачки выкроили. Ничего, для кожи полезно. – Зато с ним разговаривать не надо. И думать о нем не надо. И вообще... дурак же!

– Понятно. – Фати не насмешничала. – Ты права, у него все на лбу написано. А тебе... он ведь тебе не нужен.

– Нет. Зачем?

– Из него хороший муж получится. Мешать не будет.

Я пожала плечами.

– Мне не надо. Хотите – забирайте, чем смогу помогу.

– Я подумаю, – согласилась Сив. – Фати права. Им легко управлять.

Я промолчала. У всех разные запросы в семейной жизни. Мне такое не надо, а кто-то счастлив будет. Ну и на здоровьишко!

– А что ты наденешь?

– Бежевое платье.

– Оно же... никакое!

– Вот и отлично.

Я усмехнулась.

Что верно, то верно. Платье и правда никакое. Но с палантином, который я нашла, оно оживет. Только вот... стоит ли?

Не знаю.

Пока – не знаю.

Интерлюдия

Раэн Бонифацио Риос посмотрелся в зеркало. Нахмурился, выдернул из брови волосок, который нарушал гармонию, пригляделся.

Да, вот так. Левая бровь симметрична с правой. И ее можно поднять в ироничном жесте.

Эссы млеют.

Вот как сегодняшняя... как там ее? Лонго?

А, пустышка. По-настоящему интересна вторая.

Эсса Кордова. Да, Казтана Кордова... вроде бы серая и скучная, незаметная и скромная, но... в таких ситуациях она и проявляется. И это будоражит.

Раэн Риос еще раз погляделся в зеркало, перевязал шейный платок поаккуратнее. Потом поправил складки так, чтобы они подчеркивали форму твердого мужественного подбородка.

Красавец!

Плохо, что раэн. Но это поправимо.

Эта идея созрела у раэна Риоса достаточно давно. Собственно, почти с момента рождения. Так-то он т-Риос. А его отец Фернандо Эриос. Просто мужчина не собирался признавать незаконного сына.

А хотелось...

Это совсем другой уровень, это высший свет, это придворная жизнь... разве Бонифацио этого не достоин?

А кто тогда, если не он?

В этой убогой академии он самый очаровательный мужчина. Вне сомнения. И сидит он здесь не просто так.

Для его целей раэну Бонифацио требовалась эсса. Но – не абы какая.

Эсса должна быть неглупой, она должна быть единственной наследницей в семье, она должна быть не слишком богатой и родовитой. Ну и... не слишком страшной, что ли? Ради титула раэн Бонифацио мог пойти на многое, но вот его органы...

Они решительно протестовали.

Нравились раэну красивые девушки, и с этим ничего не поделаешь. Понятно, если он станет эсом, у него любовниц будет

сколько угодно. Но ведь и жене придется внимание уделять! Наследник-то нужен! А как быть, если по приказу... ну не мог разн по необходимости! Вообще!

И люто завидовал тем, кому было все равно с кем. Хоть и с бегемотом, лишь бы денег дали!

У него так никогда не получалось.

Каэтана Кордова сначала его не заинтересовала. Но потом...

Неглупа. Это он уже понял. Из небогатой семьи, нет ни сестер, ни братьев, он посмотрел в личном деле. Отец... так себе. Ученый, семья из не слишком старых... сойдет. Главное – эсы.

Внешность?

А вот внешность, если к ней присмотреться поближе, вполне приличная. Большие серые глаза, приятное личико, волосы... они определенно есть, но эсса их так стягивает, что толком не разберешься. И вообще всячески себя уродует.

Хорошо еще он как опытный мужчина может рассмотреть и стройную фигурку за убогими платьями, и чистую кожу. Пожалуй, ему будет не слишком обременительно оказываться с ней в одной постели.

Сама Каэтана?

А что такого?

Все ученицы влюбляются в своих учителей, это закон природы. И Каэтана тоже в него наверняка немножко влюблена. Разн Риос был в этом уверен. Недаром же она ему сегодня улыбалась.

Благодарность?

Какая благодарность? Женщины, как и животные, просто не умеют быть благодарными, они живут инстинктами. И тянутся к самому красивому и сильному самцу.

А это – он.

Что ж.

План у него есть, цель намечена... ему надо будет попробовать с Каэтаной Кордовой. Ухаживания, комплименты, потом свадьба... потом, когда у них уже все будет, можно и с ее отцом поговорить. О прощении его величеству.

Да-да, о прощении признать супруга дочери эсом, благо он и так эс, наполовину, и о передаче титула по наследству.

Так делают. И король обычно идет навстречу, «дабы не пресекался славный и древний род...». Да и у Бонифацио есть кое-какие связи.

Признают, никуда не денутся. И будет он жить спокойно и счастливо, с молодой супругой и на своей асиенде. Или здесь, в академии... какое-то время. А там видно будет.

Да, пожалуй, надо начинать ухаживания. Вот приедут санторинцы, уедут – и вперед.

Эс Кордова.

Бонифацио Кордова.

А что, неплохо звучит! И Каэтана... Вот женится – сам займется ее гардеробом. Нечего его жене ходить, как какой-то пищевой моли.

Хотя... рядом с ним любая красотка покажется блеклой. Он всех затмевает своим обаянием.

Раэн Риос покосился в зеркало и еще раз поправил шейный платок, добиваясь элегантно-небрежности.

Вот так...

Не мужчина, а чудо! Устоять невозможно!

Эс Кордова...

Глава 7

Стремительно приближалась зима, а с ней и посольство из Санторина.

До приезда санторинцев оставались считанные дни, а в академии уже нельзя было жить. Всех словно безумие охватило.

Девушки по сорок раз примеряли и перемеряли наряды, парни ходили надутые и недовольные, меня вообще снова атаковал Матиас.

– Это тебе!

Матиас явно был горд собой, протягивая мне три розочки. Вид у цветочков был крайне печальный. Я тоже смотрела с сомнением.

– Спасибо...

Вежливость проклятущая... Матиас засиял аки ясно солнышко.

– Понравилось? Отлично. Пойдем погуляем?

Я от такой душевной простоты только рот открыла. Вот ведь... чудушко обыкновенное. «Вы привлекательны, я чертовски привлекателен, чего терять время?»

А я еще думала, что этот фильм – сатира!

Это Матиас – плохая пародия на мироновского героя![\[18\]](#)

– Зачем?

– Ну... поговорим?

Руками Матиас изобразил в воздухе нечто замысловатое. Судя по всему, разговором он называл петтинг. А по-русски – лапанье меня за все места.

Э, нет. Так дело не пойдет.

– А о чем мы будем разговаривать?

Вид у меня, наверное, как у идиотки, и вопросы я задаю громко. Матиас аж растерялся.

А правда – о чем можно разговаривать с женщиной?

– Э-э-э-э-э... о погоде?

– Она отличная!

– О природе...

– И цветочки прелесть!

– О нас...

– У меня все хорошо, у тебя прекрасно! – радуюсь я на пол-общаги. – Вот видишь, как хорошо поговорили. А цветочки сходи подари коменданту.

И с удовольствием опускаю букет в руки Матиаса.

– З-зачем?

Ошалел от моего напора? Добиваем, не ленимся...

– У него коза есть!

И ноги, ноги...

К моменту, когда до Лиеза дошло, за мной уже и дверь хлопнула. А ломиться в комнаты к эссе? Сожрут!

Но – козел.

Он что, реально считает, что меня это тронет? Хотя... тронуло же? Аж до бешенства, хоть на прививку иди. Точно – козел.

* * *

Если честно, до приезда санторинцев мне хотелось кое-что сделать. Важное и нужное. И для этого стоило поговорить с Марисой.

Мы-то на первом курсе, а тут нужны знакомые третьекурсники. У меня их нет, а вот у Марисы – есть. И она лучше знает, кто из них согласится сводить меня к драконам.

Мое предложение вызвало у подруги культурный шок.

– Драконы? Каэ, ты что! Они страшные!

– Ты серьезно? – Я смотрела на Марису с удивлением. Разве драконы могут кого-то напугать?

Они не страшные! Они – самое прекрасное, что есть в этом мире!

– Да... а ты нет? Я как себе их представлю... брр!

Я покачала головой.

– Мариса, а мне хочется на них посмотреть. Вблизи. Как ты думаешь, это можно сделать?

Мариса принялась покусывать зажатое в руке перо.

– Не знаю. Если кто-то из старшекурсников тебя проведет, может, тогда? Вроде у парней есть свои лазейки...

– Лазейки? С этого места подробнее?

– Да не знаю я. – Мариса топнула ножкой. – Не знаю! Ребята что-то говорили про лазейки, это же не просто так...

– А как?

Я постепенно вытягивала из Марисы детали. Получалось интересно.

Драконюшни – это не строение типа конюшни, это большой подземный комплекс. Там есть буквально все. Во-первых, каждому дракону нужна пещера, в которую этот дракон заползает и устраивается на лежку. Длина зверушки метров сорок в среднем, а то и крупнее, до пятидесяти, так что пещера соответствует. Минимум сто квадратов на зверюшку.

Кто убирает?

Каждый за своим драконом. Не нравится? Тогда без дракона. Так что благородные эсы молча вытаскивают грязь.

Нет, не навоз.

Да, драконы делают это в полете, как голуби. Говорите, коровы не летают?

Разница та, что голуби терпеть не могут, а драконы могут. До полей или лесов, так что ценное удобрение долетает по назначению самостоятельно.

Драконов около полутора – двух тысяч, размер комплекса представляете? Неделю бродить можно, никто не найдет. Плюс площадка для кормежки.

Плюс место, в котором вызревают яйца. Так называемый «Хрустальный грот», а по-простому «Яичник».

Чего мне в этот момент стоило не заржать? Ладно-ладно, хоть яичник, хоть маточник...

Площадка для молодняка.

Так-то драконицы очень заботливые мамы. Видимо, это у них, как у крокодилов. До десяти лет рядом с мамой. Иногда и побольше.

Площадка для подростков, бассейн с какой-то хрустальной водой, я так понимаю, там есть специфические источники. Горячие или с солями...

Еще песчаные пещеры, еще выходы на поверхность – не один и даже не два. Пять только главных, а сколько второстепенных? За столько времени гора стала похожа на губку. Пористая и в дырочку.

Вопрос не как попасть внутрь – пролезть можно. А как пройти куда нужно и не попасться на глаза кому-то лишнему? Потом еще и выйти?

Теперь настало время и мне задуматься. А правда – как?
– Мариса, ты говорила... как там того парня зовут? Который мне якобы нравится? Эдгардо Молина?
– Да. А что?
– С ним договориться можно? Что ему можно предложить за экскурсию?
Мариса задумалась.
– Каэ, я не знаю. У него все есть. Наверное...
– Где его можно застать одного?
– Н-не знаю.
– Ты говорила, у него семья не из богатых?
– Так... средненько.
– А сбруя и прочее денег стоят, ага...
– Каэ?
– Записку ему можешь передать?
– Могу.
Думала я недолго.

«Если ты придешь сегодня после занятий в библиотеку, можем поговорить о взаимовыгодном деле. Буду ждать полчаса. Приходи один.

Эсса Солей».

Достала золотой солей и им запечатала записку.
Есть волшебное слово, которое толкает людей на подвиги. Это не «пожалуйста». Это «деньги».
Мариса смотрела на это большими глазами.
– Каэтана, но что ты можешь ему предложить?
– А вот и посмотрим, и поторгуемся. Хочешь со мной?
Мариса задумалась, а потом вдруг отчаянно-весело махнула рукой.
– А давай! Интересно же!
– Тогда пойдем вместе. Сразу после занятий.
Мариса серьезно кивнула.
– Пойдем, Каэ. Мне даже интересно, что ты ему предложишь?
Я пожала плечами. А мне-то как интересно! Но тут... как говорил Наполеон – сначала вяжемся в драку, а там по обстоятельствам. Или

по морде. Как повезет, так и вывезет, это уж точно.

* * *

В библиотеке было тихо и спокойно. Эсса Магали одарила нас злобным взглядом и принялась перебирать карточки. Мы тоже отошли в угол. Эс Молина не спешил, но это было логично. Полчаса у него есть, да и от друзей надо оторваться.

– И чего она каждый раз смотрит, как будто у нее займы взяли и не отдают? – Я задумалась.

– Она вообще девушек не любит. – Мариса пожалала плечами.

– Есть повод – или просто дура? – Я лениво перебирала карточки.

– Ты не знаешь?

– Откуда бы?

– А, да... она из бедного рода. Вроде...

– Моего?

– Извини, Каэ. – У подружки хватило совести смутиться.

Я фыркнула.

– Все нормально. Не я промотала все деньги, это мои предки были раззявами.

– Вот и ее тоже. И старый Гальего сделал ее отцу предложение. Если эсса выйдет замуж за его бастарда, он добьется введения внука в род.

– Спорим, что-то пошло не так?

– Даже спорить не буду, – тихо фыркнула Мариса. – Откуда ты знаешь?

– Закон такой. Если что-то может пойти не туда – оно побежит. С радостным визгом.

– Понятно. Эсса родила одну девчонку и дальше оказалась бесплодна.

– Упс. Облом.

– Эм-м-м... да, наверное.

– И что теперь?

– Лет десять-пятнадцать у т-Альего есть. Или он сына родит, или дочка внука – тогда есть шанс получить наследство.

– Т-Альего? А, поняла. Эс Хавьер? Это его жена?

– Ну да. – Мариса хихикнула. – Ходят слухи, что эс не из верных мужей, вот она и бесится, и ревнует к каждому столбу.

– Он по студенткам? То есть по ученицам?

Мариса качнула головой. Подумала, качнула еще увереннее.

– Нет. Вот с ученицами его никто не связывал. Если что и было, то втихаря. На вылетах, наверное...

В командировке, значит.

– Там такие скандалы бывают, крик на всю рощу идет.

– Она кричит или он?

– Она. Он просто уходит.

Я задумчиво кивнула, поглядела на эссу Магали. Двойственное впечатление она производила. Внешность симпатичная; если ее дедок Гальего выбирал, вкус у него есть. Этакая блондинка с большими сиськами.

Сейчас волосы поседели и поредели, сиськи обвисли, а вокруг рта пролегли злобные складочки. Сключные такие...

Сколько ей? Около сорока? В нашем мире жизнь только начинается. А тут – старуха. Она и сама себя так воспринимает.

А мужа ее мне почему-то жаль. Хотя тут все понятно. Он мне больше нравится, вот и все. Будь эсса Магали милой дамой, я бы посочувствовала именно ей. А она как гюрза в компоте. И кусает всех подряд.

Нет, мне она не нравится. И сочувствовать я ей не буду.

Да, мне чихать на высшую справедливость. Это к богам, а в семейных разборках всегда виноваты оба. У меня бывший оказался придурком, но я не размазываю сопли. Я сражаюсь за себя. И за ту меня тоже.

А сочувствовать нет смысла. Либо помогай, либо просто не лезь. И без тебя разберутся.

А вот и Молина.

Ягода-малина...

Парень осмотрел библиотеку, заметил в углу нас с Марисой, огляделся еще раз. Я помахала ему ручкой.

– Эс, прошу вас.

Библиотекарша посмотрела еще противнее, но рот открывать не рискнула. Она хоть и эсса, но т-Альего, второй сорт, считай. Молина ее разгонит, и ему ничего не будет, разве что из уважения к ее супругу

сдержится. И то не факт. Какое уважение, если о твоих скандалах весь драконарий знает? Смешно даже.

– Эсса Солей? – Эс Молина насмешливо оглядел мое платье.

– Возможно. – Я даже и не подумала смутиться. Было б по какому поводу! Это ты девчонок смущай, а на меня шестерых таких мало будет. – Если возьмете деньгами за услугу.

– Какую услугу? – заинтересовался Молина.

– Хочу в драконарий. Поглядеть на драконов вблизи.

– Нет.

– Хорошо, – согласилась я. – Мариса, кто у нас следующий по списку?

– Эс Вега, – даже не засомневалась Мариса.

Эса Молину перекосило так, что аж нос на сторону съехал. Куда и очарование делось?

– Этот... кретин?

– Вы умный и не согласились, – парировала я. – Он согласится.

– Да он... да вы с ним попадетесь!

Я пожала плечами.

– Нас отругают. Не выгонят же. Может, картошку почистим. Зато я посмотрю на драконов, а эс Вега еще и свой авторитет повысит. Красота же!

Молину перекосило еще сильнее.

– Да вы... да он... я не допущу!

– Настучите? – вежливо спросила я. – Некрасиво...

В шахматах это называется «вилка». Но эс Молина в них не играл. Так что... пять минут торга – и мы договорились. Эс Молина получал с меня сто солеев – прилично, но этой суммой я могла пожертвовать спокойно. И пообещал проводить нас с Марисой ночью посмотреть на драконов. Через два дня.

Как раз бóльшая их часть будет на вылете, а остальные... может, они не будут голодными. И вас не сожрут, эссы. У вас есть два дня передумать, но если что – жду с деньгами. Третья заводь, на закате.

И откланялся.

Балбес наивный.

Драконы людей не едят, если что. Не по религиозным убеждениям. А по собачьим. Морские твари у драконов перевариваются нормально, но они не особо костистые. А еще рыбки

кости лучше усваиваются, там кальция больше, и после обработки их можно легко кушать.

А вот корова, коза, человек... наши кости у драконов могут вызвать или засорение желудка, или запор... вот драконы и не едят гадость. Могут.

Но не станут.

Ах да. Еще одна причина. Они разумные.

Хотя... а они точно разумные? То, что они связались с людьми, говорит не в их пользу, это уж точно.

* * *

– Мариса, ты можешь со мной не идти.

Мариса решительно замотала головой.

– Я хочу!

– Ты их боишься.

– Ну да. Но... Каэ, я тут третий год, понимаешь?

– Понимаю.

– И не видела вблизи дракона! Ни разу!

– Раньше тебя это не смущало?

– Это было раньше, сама понимаешь. До... до тебя.

Я пожалала плечами. Хорошо, что я поработала катализатором. Плохо другое. Как Мариса жить-то с этим будет? Сейчас она начала расправлять плечи, а потом... гавкнет отец – и хвост под брюхо? Жалко девчонку.

Но я-то никуда не денусь. Помогу, если что?

Помогу. Феминизм не организую, но Мариса сможет ко мне обратиться и получить поддержку и помощь. Втайне, конечно. Уже получает. Надо только придумать, как это должно выглядеть.

Может, приюты какие организовать? Надо подумать, не знаю. Это дело такое, сплеча не нарубишь, а то тебя же и придавит.

– Надеюсь, ты об этом не пожалеешь.

– Я тоже, – тихо произнесла Мариса. – Каэ, я тоже.

Больше у нас времени на разговоры не было. Эс Молина быстро спускался по тропинке.

Хорошо. Пунктуальный.

Вечерело, солнце полоскало в море круглые красные щечки, и от воды тянуло холодом. Сыростью. Это море...

Зимы здесь теплые, но это все равно зимы. И ветер.

– Здравствуйте, эссы. Не передумали?

– Добрый вечер, эс Молина. Ваши деньги.

Кошелек эс принял с удовольствием, а вот на нас поглядел уже без оного.

– Ладно, эссы. Я предупредил.

Развернулся и направился по тропинке, всем видом показывая, что две дуры издеваются над маленьким мальчиком. Но сильно не торопился.

А то ж! Уплочено? Отрабатывай!

* * *

Я тщательно запоминала народную тропу. Эх, записать бы...

Нечем.

Не на чем.

А еще природа днем и природа ночью – это две разные природы. Один и тот же куст ночью увидишь – днем не узнаешь. Так что...

Пока просто сходим. Потом будем осваиваться всерьез, если сейчас все пройдет нормально.

Вот и скалы начались, вот и пещера...

Эс Молина остановился перед ней и извлек из-под плаща три небольших потайных фонарика. Зажег, один взял себе, два протянул нам.

– Возьмите, эссы.

Я послушно приняла теплую колбу.

Трут, фитиль, три стенки выкрашены черной краской, одна стенка закрывается темной тоненькой планкой. Ее сдвигают, и получается небольшое световое пятно впереди. Носом не упадешь, но и много не увидишь.

– Сейчас я обвяжу себя и вас веревкой. Идете за мной, молчите, не орете. Иначе всем нагорит.

Я кивнула.

– Хорошо. Что еще? Куда мы идем?

– Я вас свожу к своему дракону.

– И только?

– Могу еще отвести к молодняку. Незапечатленному.

– Давайте.

– Не бойтесь? Мой дракон вас есть не станет. А за молодняк я не в ответе.

Ну, все. Мое терпение лопнуло.

– Эс Молина, – медовым голоском пропела я. – А с чего начинают жрать драконы? Они откусывают головы? Или сначала отрывают конечности, а потом начинают жрать? Какие внутренности они предпочитают? Печень? Кишечник? Такой свежий, окровавленный, пахнущий требухой и навозом...

– Каэ!

Мариса рывкнула очень вовремя. Еще немного, и нашего провожатого пришлось бы откачивать. Салага.

– Эсса...

– Эс Молина, – рыкнула я уже в своем стиле Зочки. – Хватит лирики! Пора идти!

Эс покосился дикими глазами, но промолчал. Видимо, понял, что кто тут поиздевается и над кем – вопрос. А ответ ему не понравится.

И мы наконец-то пошли к драконам.

Меня даже слегка потряхивало.

Драконы!

Вблизи!

Наконец-то!!!

Идти пришлось около получаса. Повороты я и не запоминала. Наконец эс Молина остановился перед входом в пещерку.

– Здесь мой Эстарг. Не орать, поняли?

И вошел внутрь.

Веревка потянула и нас туда же.

– Какой красивый! – выдохнула я. – Ой ты лапа...

Есть у меня такое. Неадекватная реакция называется. Случилось один раз – в центре на первом этаже была выставка собак. Вот.

И у одного балбеса-хозяина кане-корсо с поводка сорвался.

Пес-то умный, воспитанный, хороший, но от такого количества людей и хомяк бы озверел. Так что бедолага цапнул кого попало

(повезло, попался судья) и рванул на волю. И в дверях наткнулся на меня.

Когда к нам добежал хозяин, я уже всю тискала собаку за брыли, а он пытался спрятаться от окружающего мира под моей юбкой. Мини.

Получалось не очень, но вид открывался симпатичный. А я тогда и не думала, что пес может укусить. Я им восхищалась. Он ведь шикарный! Там такие лапы! И зубы... Вот и при виде дракона у меня то же самое случилось.

– Какой красавец!!!

– Ты правда так думаешь?

Кажется, этим заявлением я беднягу Эдгардо просто убила. Но ведь хорош же!

– Да!

– Большой... – Мариса поеживалась.

– Сварт больше, – ляпнула я.

Некрупный синий дракон сощурился на меня, но промолчал.

– Ты Сварта видела?

– Я каждое утро на драконов смотрю. Можно?

Здоровущая чесалка стояла в углу, так что следующие минут двадцать мы с драконом обоюдно балдели. Да, чесалка. Не руками ж его по чешуе, она хоть и мягкая, но на драконий манер. А руку вмиг до мяса сотрешь. Кажется, Эдгардо даже ревновать начал. Дракон вел себя как здоровущий кот: извивался на спине, поджимал лапы, подставлял пузо, потом и спину у крыльев...

Еще и глаза закатывал. Морда у него при этом была настолько блаженная, что даже Мариса решилась подойти и приглядеться. А там и вовсе бояться перестанет.

– Я не думала, что они такие...

– Они лучше, – решила я. – Эс, мы к молодняку ходим?

Вот провалиться мне на этом месте, но на здоровущей драконьей морде было написано разочарование! Бросили деточку чешуйчатую. Недочесанную, недолюбленную!

Гады. Точно.

Пещера.

Потом еще одна.

Сталактиты? Сталагмиты? Да главное, не спотыкаюсь и на голову ничего не рушится, остальное мелочи жизни. Кажется, мы поднимались, а потом опять опускались. Я себя чувствовала первоклассницей в школе. Когда оказываешься в каком-то незнакомом, но очень большом месте и ничего там не знаешь. Первое время ходишь как дура, потом начинаешь как-то узнавать место, составлять его карту, ну а через месяц там можно и хорошо ориентироваться. Здесь я в первый раз, да еще ночью... ничего не найду. Если оторвусь от эса Молины, точно заблужусь. Буду тут ходить и злобно орать. Долго.

Пока не найдут и не выведут.

– Молодняк сейчас спит, – порадовал нас эс Молина.

Спит...

Может, так и лучше?

Не знаю.

Еще несколько поворотов, и перед нами открылась большая пещера. Действительно здоровущая. Пожалуй, в нее можно бы и Большой театр запихать, и еще немножко места останется.

Пещера была освещена слабым светом из отверстий на потолке. Луна светила ярко, предметы отбрасывали четкие тени. И я даже не сразу поняла, что кругом – драконы.

Цвета было почти не различить – только светлый или темный, но очертания их были видны. Глаз выхватывал то гребень, то лапу, то изгиб здоровущей морды...

Красиво.

Вот один из драконов шевельнулся, переложил хвост. Луна блеснула серебром на чешуйках. Красиво.

Я стояла и молча смотрела. И чувствовала себя дура душой.

Зачем я сюда пришла?

Чего я хочу добиться?

Что ищу?

Шорох позади заставил меня подпрыгнуть на полметра, развернуться на месте – и я чуть не приземлилась на здоровущий драконий нос. На меня, с расстояния сантиметров тридцать, смотрела симпатичная светленькая драконица.

– А... э...

Пасть у нее была такая... внушающая почтение. Не как у мегалодона, но пополам она меня спокойно перекусит. И облизнется.

А потом здоровущая морда подалась вперед, и из пасти вылетел длинный язык. Этим языком меня обхватили за талию, подтянули ближе – и на моей руке сомкнулись острые зубы.

Сзади заполошно пискнула Мариса.

Эдгардо сделал шаг вперед, но было поздно. Меня решительно тащили вперед по тоннелю. Оставалось только перебирать ногами, чтобы на пузе не проехаться. Столько решимости было у драконицы, такая уверенность, что оставалось только слушаться. Она явно знала, что делает. А вот я – нет. Но вес слишком неравен, остается только слушаться. Утешает одно. Хотела бы сожрать – могла бы сразу. А если не ест, то и потом не будет. Наверное.

Шаг, второй, третий, поворот и поворот, я только старалась не вписаться в стену – и пещера, в которую меня втянула драконица. Я невольно ахнула, закрыла глаза. Светло было, как днем. Факелы горели по всем углам и стенам, и в ярком свете драконица показалась еще симпатичнее. Большая, белая, голубоглазая. Не меньше Сварта, наверное, а то и побольше. Или просто так кажется с близкого расстояния?

Она впихнула меня внутрь и уставилась глаза в глаза.

Серьезно, требовательно, задумчиво. А чего она от меня-то хочет?

Не понимаю...

– Руку. Дай ей руку.

Эдгардо?

– Зачем? – откликнулась я. Посмотрела на драконицу. От той просто тянуло ожиданием, надеждой, чем-то таким... она понимала его слова?

Хм, ну ладно Молина! Но я-то что?

– Ты меня понимаешь? Вообще людей? Моргни, если да.

Ответом мне был жест, от которого я чуть не задохнулась. Драконица медленно опустила веки. И так же медленно подняла их снова.

Понимаю я все, понимаю... это ты меня не понимаешь!

Хм-м-м...

Судя по строению дракона, говорить по-человечески она действительно не может. А рука...

– Не откусишь?

Взгляд у ящерицы был на редкость выразительный. На идиотов так смотрят.

Я вздохнула – и протянула руку.

– На клык. Ей нужна кровь! – Эдгардо выглядел так, словно и говорить ему не хотелось, и отказаться было нельзя. Неволя пуще проблемы.

Пасть распахнулась.

Клыков там было много. И все как у акулы. Острые, белые, блестящие, яркие...

А страшно как!

А рука родная, новой не выдадут.

Даннара, я дура? Да? Я и не сомневалась...

Я сделала шаг вперед и сильно, чтобы не передумать, надавила открытой ладонью левой руки на особенно острый клык. И зашипела от боли.

Кровь хлынула на язык драконице.

– Теперь ты.

Я посмотрела на Эдгардо, который оказался рядом. Парень протягивал мне кинжал.

– Я? Что?

– Ты должна надрезать ей шкуру. Вот тут, под челюстью, тут чешуйки тонкие, прорезать можно. И выпить ее крови.

– Ты офигел?

– Что?! – не понял сленга бедолага.

– С ума сошли!!! – пискнула Мариса, но я не обратила на подругу внимания. Какие там подруги!

Драконица!

– Да она чихнет – меня от стенки не отскребут!

– Не чихнет.

– Она тебе пообещала? Лично?!

Меня трясло, в крови, наверное, литр адреналина плавал, ящерица-переросток смотрела на меня почти умоляющими глазами, а потом еще и голову повернула. И зубы демонстративно сцепила, еще и хвостом пасть прикрыла. Самым кончиком, но очень выразительно вышло.

Я выдохнула, зашипела и взяла у Эдгардо кинжал.

Примерялась я с полминуты. Мариса стояла рядом, дрожала, словно заячий хвост, но молчала. И правильно.

Что я тут смогу ответить? Да ничего! Сама знаю, что дура!

Лезвие самым кончиком царапнуло белую чешую. Из разреза появилась капелька темной, почти черной крови.

– Давай, – подбодрил меня Молина.

Я скрипнула зубами, собрала кровь пальцем и сунула его в рот.

Горько.

И солено.

Противнее морской воды. Гадость жуткая. Но проглотить пришлось. И...

Ой, епт-компот...

Это отрава?

В голове словно потемнело. Перед глазами поплыли белые круги, и я почувствовала, что падаю прямо на морду драконице. Всей тушкой, вот как есть.

А у рептилий бывают фингалы под глазами? Если что?

* * *

– Ты!!! Если она не очнется, я тебя... и...!!!

Однако! Какие слова Мариса знает. От меня научилась, что ли?

– Все с ней в порядке! Это драконий Выбор!

– Чего?! Она же не мужчина!

– Ну да. Потому и лежит в лежку. Вы же ни на что не способны... уй-й-й-й! Одурела, да?

Мариса воинственно сжала кулачки. Пощечины? Да вот еще! Пинок по голени, в косточку, куда как приятнее. Тебе, не противнику. Ему-то как раз намного больше будет.

– Добавить?

– Кошка бешеная...

– ...и...!!!

Кажется, Эдгардо что-то ответил, но я уже ничего не слышала. Потому что меня аккуратно потрогали длинным языком.

– Прости. Ты в порядке?

Голос раздавался откуда-то изнутри. Я даже головой помотала.

– Следующим пунктом – руки в стенах? Или еще какие глюки?

– Я не глюк. Я Виола.

– Виола?

Голубые глаза смотрели с тревогой.

– Прости. Я не хотела вот так. Но эта тяга сильнее меня...

Я потерла виски. Мариса и Эдгардо продолжали спорить.

Пришлось кашлянуть.

– Ребята, вы еще не женаты.

– Да вот еще!

– Никогда!

– Поэтому умерьте пыл, – попросила я. – Ни к чему ругаться.

Эдгардо, что это было?

– Запечатление. Выбор Дракона.

– Виола – драконица.

– Она тебе сказала свое имя?!

Я потерла виски.

Голова не просто болела, по ней трамвай с кирпичами проехался.

Явно. Два трамвая.

Они заехали мне в уши и катались в черепушке. Гады...

– Да. И что эта тяга сильнее нее.

– Она с тобой говорит? Словами?

– А как должна?

Эдгардо взъерошил волосы. Огляделся по сторонам и решительно посмотрел на драконицу.

– Слушай, у нас проблема. Я понимаю, вам бы лучше пока не разлучаться, но ее же найдут! – обращался он явно не ко мне, и Виола его понимала.

Драконица тихо зашипела.

Потом перевела взгляд на меня. Ощущение опять было, словно мне мозги высверливают, но я кое-как его заткнула. И попробовала воспринимать слова.

Чувствовала я себя при этом, как испорченный радиоприемник.

Слова пополам с шипением и помехами. Но слова же!

– Она говорит, что никого не пустит в пещеру.

– А еда? Вода? И... это?.. – Эдгардо так покраснел, что слова «естественные надобности» и произносить не пришлось.

Виола зашипела еще раз.

Я едва не взвыла, но... пришлось переводить.

– Она просит тебя принести воды. И что-то кушать. А завтра ночью прийти или за мной, или за моей тушкой.

– Каэ! – возмутилась Мариса.

Я развела руками.

– Мариса, тебе придется сказать всем, что у меня мигрень... это недалеко от истины.

Мигренями, кстати, страдали все эссы академии. Благородная болезнь, понимаете ли. Положено так. Преподаватели к ним относились как к воспалению лени, но сильно не препятствовали. Толку-то с тех эсс!

Мужа и в кровати ловить можно, так даже и надежнее. Тест-драйв называется. А для чего они еще-то нужны, те бабы? Все равно никакой от них отдачи, только платя на занятиях протирают.

Вот...

– Ладно, я поговорю с девочками. И с преподавателями. Но... что ты будешь делать дальше?

– Об этом я подумаю потом, – решила я. – А сейчас помоги мне, пожалуйста.

Просьба сработала. Мариса посмотрела на несчастного Эдгардо. Парень аж поежился, очень плотоядный взгляд получился.

– Ладно. Я приду завтра. И ради спокойной жизни этой... ящерицы, надеюсь, с тобой все будет в порядке.

Виола посмотрела на Марису и зашипела.

Я улыбнулась.

– Она говорит, что знает твоего дракона. Догадывается, кому ты подойдешь.

– ЧТО?!

– Идите сейчас. Придете, как сказали. Не раньше, ладно?

– Да.

Мариса послушно вышла из пещеры вслед за Эдгардо. Я постаралась кое-как вытянуться на полу. Как ни странно, камень был теплым и уютным. Даже приятным. Я вопросительно поглядела на драконицу.

– У вас тут источники? Горячие?

Вряд ли сюда протянута система отопления.

– Да. Не старайся пока напрягаться. Тебе тяжело.

– Да нет... не очень.

Действительно, так нещадно голова уже не болела. Так, искры простреливали от затылка к голове.

– Тебе надо пока поспать. А я буду рядом.

– Меня тут не увидят?

– Не должны. Я никого не пущу.

– Спасибо. – Я зевнула. Возбуждение сменялось торможением, глаза слипались.

Я вытянулась во весь рост на приятно теплом, словно нагретом летним солнцем песке и прикрыла глаза.

Спать.

И снова спать.

Интерлюдия

Эдгардо чувствовал себя...

Как может чувствовать себя человек, которого по башке поленом огрели? Хотя... это простонародно. Эсов поленом не бьют. Их можно вазой. Из санторинского фарфора. Там массивные вещи любят, один удар – и душа к Сантору.

Но...

Эдгардо и на это бы согласился.

Дураком эс Молина не был и отчетливо понимал, что вляпывается... совершенно не туда, куда надо. Вот знал бы...

И что толку?

Не взял бы деньги?

Не связался бы с девушками?

В том-то и дело! Все знают, что парни иногда показывают своих драконов эссам, те пищат, пугаются и падают в обмороки. Все нормально.

Эдгардо и в этот раз собирался поступить примерно так же. А что такого? Придут девушки, поглядят на драконов... странно, конечно, что Мариса Лиез, самая красивая девушка потока, слушает эту серую мышь, но настоящий мужчина в бабские дела не лезет. Особенно если хочет жить долго и счастливо.

За такое даже не сильно ругают, если попадешься.

Но в этот раз все пошло не так.

Мариса честно боялась, но...

Эдгардо неплохо разбирался в людях. Когда род у тебя знатный, но безденежный, поневоле научишься. Так вот, Мариса боялась, но как-то не так. Она словно бы пряталась за свою спутницу, как ребенок за плюшевое одеяло: «Я в домике! Ничего со мной не случится!»

Спутница была еще интереснее.

Серая и скучная на вид мышка. Никакая. Пустое место. Стянутые в пучок волосы, скучные глаза, равнодушное лицо. Или... нет?

Когда Эдгардо увидел, как обрадовался ей дракон...

Чесать?! Да сам Эдгардо получил такую привилегию только через полгода! Дракон ему достался уже взрослым, и характер у него тоже

был достаточно жестким. Хотя Эдгардо не мог пожаловаться. Те минуты, когда они летели вместе, и вот этот дикий восторг, и сражение, и постепенно найденное взаимопонимание, и разговоры с...

Да, с единственным существом, от которого можно не опасаться удара в спину.

Дракон тебя не обманет, не предаст, не подставит, вы связаны... он переживет тебя, но это понятно. А пока вы вместе – вы как две половинки одного целого.

Сейчас драконы, которые остаются без наездников, стараются принять участие в боях. Но гибнут они чаще.

И вот его гордый и независимый герой принимает как родную какую-то девушку!

Да что тут происходит?

Этот вопрос Эдгардо и пытался задать дракону, но добился ленивого: «Не мешай!»

Второй раз то же слово дракон повторил, когда они собрались уходить.

– Что бы она ни делала – не мешай ей!

– А...

– Не спрашивай. Помоги.

И Эдгардо смирился.

Драконы вообще существа сложные, и свои секреты у них есть. Чем-то они делятся, но о чем-то и молчат.

Но, увидев драконицу, Эдгардо ненадолго онемел.

Драконицы!

По количеству их примерно столько же, сколько и драконов, может, и чуточку больше. Драконицы рождаются реже, драконы гибнут чаще. Но если драконы готовы разговаривать, то драконицы...

Они – терпят.

А слишком обнаглевшие люди мигом нарываються на предупредительный удар хвостом.

Сначала – по камню рядом с человеком. Так доходчиво получается, когда хвост, у основания толщиной со здоровущую мачтовую сосну, врежется рядом с тобой в камень, летит во все стороны крошка, и до тебя доходит, что ты-то не прочнее стенки... там и крошка не полетит.

И – ой.

Драконницы с людьми предпочитали не разговаривать. И увидев перед собой одну из самых... скандальных? Нет, пожалуй, характерных обитательниц питомника, Эдгардо даже растерялся. А делать-то что?

Бежать, орать и звать на помощь?

Ага, поможет оно тебе, как осьминогу варенье. Прежде чем ты вякнешь, на тебя наступят. И все.

Эдгардо просто не смог сразу принять решения, а потом стало уже поздно. Осталось только следовать за драконницей.

Но... та не причиняла вреда.

Хотела бы – от людей бы в три минуты три лепешки остались. А она просто шла в свою пещеру. С такой скоростью, что люди могли последовать за ней.

Могли.

Последовали.

И...

Выбор Дракона.

Тот, кто принял этот Выбор, тот его всегда узнает. И Эдгардо исключением не был. Но так ведь не бывает?

Или?..

Он бы вмешался, но... всплыли в памяти слова дракона – «не мешай». Помоги. Зачтется. И вместо того чтобы отговаривать или дергаться, Эдгардо просто положился на судьбу.

Желает Каэтана такой судьбы?

Пусть делает!

Ах, она толком не представляет, что это такое? Ну... разберется. Все одно, спорить с драконницей – дело дохлое. Мариса пыталась что-то лепетать, но кто ее слушал? Все прошло очень быстро.

Кровь с одной стороны, кровь с другой стороны – и Каэтана оседает навзничь. Это Эдгардо понимал.

Когда они с драконом нашли друг друга, он часов шесть лежал без сознания. Чужой разум в твоей голове – это сложно. Чужие мысли, чужие слова...

Сначала было страшно. А уж как было на тренировках! Пока дракон и человек слетаются, пока поймут друг друга, пока... год! У них ушел год.

А женщины – они же глупее... На этой мысли Эдгардо пришлось остановиться и перехватить Марису Лиез, которая рванулась то ли чешую дракону общипать, то ли хвост оторвать – за Каэтану. И выглядела она при этом так, что явно – могла.

Оторвала бы, общипала, еще и покусала вдобавок. Эдгардо едва успел ее поймать.

– Да погоди ты! Все нормально!

Мариса ругалась, как он и от конюхов не слышал. Мужчина даже испугался, что сейчас вместо дракона ему достанется. Он-то не бронированный... Но поколотить его девушка не успела. Очнулась Каэтана.

И вот ведь бабы!

Даже смогла членораздельно говорить. Эдгардо дня три ходил шальной, а эта уже сейчас думает, рассуждает... понятно, у баб мозгов меньше, там болеть нечему. Но вслух это лучше не высказывать. Жить охота.

Последующее тоже было логично. После Выбора человек и дракон должны оставаться вместе. Хотя бы пару дней... ладно – сутки. Так что Эдгардо не удивился. И за Каэтану не беспокоился. Для драконицы – Виолы – она теперь ценнее яйца! Та и охранять подругу будет, и защищать, и никого не подпустит. Это нормально.

Но получается, ему еще завтра приходиться?

Ладно, он придет. Все равно ему к Эстаргу надо... хочется!

Эдгардо принес воду, поставил ведра и заторопился к выходу. Мариса в это время шепталась с Каэтаной.

И молчала. Пока они шли по драконарию, пока не вышли наружу – молчала. Заговорила уже потом, на подходе к общежитиям.

– Завтра я иду с вами.

– Эм-м-м...

– Каэ – моя подруга. Ей может понадобится моя помощь. Я не пойду в пещеры, я подожду вас снаружи.

Эдгардо кивнул. Хотя какая дружба у баб? Всем известно – до первого мужика!

– Хорошо, эсса Лиез. Я буду ждать вас там же.

Мариса кивнула.

– Спасибо.

И потеряла виски. Эдгардо все же не удержался.

– Эсса, как вашей подруге это удалось?

Мариса вздохнула. Тяжело так...

– Вы не о том думаете, эс Молина. Каэ уже сказала мне, что это не страшно и почти не больно. И такое бывало раньше. Вопрос в другом. Какие у ее поступка будут последствия?

Об этом Эдгардо не задумывался.

Последствия, последствия... а правда – какие?

Раньше девушки тоже были драконариями, но это было давно и неправда, а вот сейчас с этим как?

Эдгардо даже споткнулся, и если бы Мариса не придержала его, точно б полетел носом. А правда...

Что сейчас можно сделать с девушкой-драконорием?

Включить ее в одно из звеньев?

Эм-м-м... верилось плохо. И драконицы не летают... то есть не участвуют в сражениях.

А как дальше?

Каэтана проучится три года, потом вернется домой, выйдет замуж... наверное. А если не захочет?

Драконица – это аргумент, знаете ли. Серьезный такой, клыкастый и когтистый. И способный решительно поменять чужое мнение.

Сверху сядет – мокрое место останется.

А она может...

Эдгардо только руками развел.

– Не знаю, эсса. Может быть, единственный выход для Каэтаны – выйти замуж за драконария.

Только вот ее отец с этим может не согласиться.

– Подозреваю, что выхода уже нет, – тихо сказала Мариса.

И замолчала.

И молчала всю дорогу до общежития.

Эдгардо не имел претензий. Ему сейчас тишина была милее всего на свете. Сводил девушку полюбоваться на драконов...

Хоть бы из академии не вылететь, если что.

* * *

Каких усилий Марисе стоило смолчать? Сдержаться? Не показать вида?

Но она молчала практически всю дорогу до академии. Пошла к Каэтане, предупредила ее соседок, что та сегодня не придет, подругу надо прикрыть, если что.

И направилась к себе.

И только в комнате позволила себе упасть на колени, застонать, вцепиться в одеяло руками и зубами, лишь бы никто ее не слышал, никто ничего не понял.

Каэтана!

Дурочка маленькая, что же ты наделала?!

Драконы!

Мариса сейчас уже боялась не собственно драконов. Она безумно боялась за подругу.

Мало кто об этом говорит! Но знают-то все!

О последствиях связи с драконом! Было и есть... случается так, что разум человека просто не выдерживает. И остается даже не труп, это было бы легче, остается безумец, пускающий слюну. И это сильные мужчины, умные, которые готовились к поступлению, которые тренировались.

А тут – девушка!

Каэтана не осознавала опасности, но Мариса могла ее остановить!

И – не могла.

Драконница выглядела так, что... лапу бы подняла, и от Марисы мокрое место осталось. И это чувствовалось.

Она ВЫБРАЛА Каэтану, она не собиралась ее никому отдавать. И Каэтана была не против...

Эдгардо? Да какой с него спрос? Он ни за что не отвечает, он их привел, а потом... драконарии не могут пойти против драконов. Его дракон... Эстарг? Да, кажется, Эстарг, он был бы против. И Эдгардо промолчал.

Каэтана ему никто, не подруга, не девушка... Эдгардо ждет только выговор, и то не слишком строгий. Отродясь парни водят девушек в пещеры поглядеть на драконов, те пицат и ужасаются, падают в обморок, и их потом очень приятно носить на руках... ну и последствия.

Эдгардо погрозят пальцем.

Да он действительно и не мог ничего предугадать.

А она, Мариса, трусливая подлая дрянь!

Ничтожество!

Она ничего в этой жизни не знает и не умеет! И голова у нее только для того, чтобы локоны завивать!

Каэтана совершенно права. Они – эссы – просто не выживут сами по себе, они бесполезны. Она, Мариса, мало того что глупа и бесцельна... вот что ждет ее в жизни?

Да ничего!

Ничего не хотеть, никуда не двигаться, ни о чем не думать, вообще не думать, потому что если начинаешь думать и осознавать – тебе становится больно. Смертельно больно! Одобренное отцом замужество, склоки внутри ее мирка, состоящего из десятка-другого человек, сплетни, дети... судьбу которых будут решать другие.

Потом дети вылетят из гнезда, а она будет стареть, будет вести бессмысленную и бесцельную жизнь – зачем?

За что?

В чем разница между такой жизнью и смертью?

Мариса не знала. Но ей было очень, очень больно.

* * *

С утра Мариса, впрочем, выглядела великолепно.

Бессонная ночь?

Слезы?

Косметика – вот что сделает человека из любого ужастика. Мариса потратила полтора часа, чтобы наложить макияж, но выглядела она великолепно. Разве что была чуточку бледновата.

И принялась спускаться.

На этаже Каэтаны был шум и гам.

– Подумаешь, мигрень! Я только цветы отдам и спрошу, как она себя чувствует!

Матиас?

Голос брата Мариса узнала бы в любом хоре. И... Каэтана?

Ой...

Вот уж кому не надо знать, что Каэтана не ночевала у себя, так это Матиасу! Он сейчас начнет скандалить, ругаться, поднимет шум... все вскрыется!

Нельзя этого допустить!

Мариса прибавила шаг, но оказалось, что ее помощь и не особо нужна.

Олинда Оливера, которая стояла перед дверями комнаты Каэтаны, выпятила бюст так, что Матиас даже цветами загородился. С букетом пришел. Розы принес.

– Каэтана сейчас не хочет никого видеть! Что непонятного?

– Эсса, я только отдам букет.

– Она даже на занятия сегодня не идет! Хватит мучить больного человека!

– Я сейчас вернусь с врачом, – пригрозил Матиас.

Зря.

Это он не видел, как за его спиной переглянулись Севилла и Фатима, тоже вышедшие на шум. А Мариса видела. И тоже оглянулась.

Никого?

Нет, никого.

– Хоть с тремя врачами! – рыкнула Олинда. – Хоть с пятью! Что непонятного в слове МИГРЕНЬ?!

Мариса меланхолично подумала, что Матиасу в ближайшее время все будет понятно. Он это слово навек запомнит! Потому что Севилла Коцци, надменная и равнодушная, абсолютно спокойно взяла с подоконника вазу – и треснула Матиаса по голове.

Лиез только хрюкнуть и успел, оседая на пол. И что самое печальное – никакого сочувствия Мариса к брату не испытывала. Уж как он ухмылялся, рассказывая ей про Жоао Феррера... это у нее вазы под рукой не было. А жаль!

– Отлично, – одобрила Фатима, которая, кажется, готова была добавить Матиасу еще. Просто не потребовалось, он и так отлично потерял сознание.

– Ой-ой-ой, – ахнула Мариса. – Ужас! Кто-то разлил воду из вазы, Матиас повернулся, поскользнулся – и упал?

– И так неловко ударился головой, – согласилась Олинда. – Ты все видела?

– Да-да, надо срочно сказать коменданту! И привести беднягу в чувство, и в больницу его, – согласилась Мариса.

Как оказалось, выиграли они для Каэтаны не сутки, а даже чуточку побольше.

Севила немного не рассчитала силу, или ваза попалась твердая, или Матиас как-то неудачно подставился. Но врач сказал, что парню придется полежать дня три.

Сотрясение мозга – с этим не шутят.

Разум – вещь очень загадочная, мало ли как дело повернется? Не-не, полежите, молодой человек. Дня три. А если будете себя плохо чувствовать, то и пять.

Девушки?

А зачем вы девушке без мозгов? Что с вами делать, с таким?

Матиас скрипнул зубами, но согласился. Хотя в свое падение, кажется, не поверил. Но девушкам на это было глубоко начхать. Главное, Каэтане время выиграли, а остальное их не волновало.

Глава 8

Я плыла в потоке чувств и мыслей.

Не только своих, нет. Чужих тоже.

Ее звали Виола.

Совсем юная драконица, которая даже не успела сделать ни одной кладки, ей всего-то двадцать шесть лет... считай – младенец.

Ладно, драконы растут быстро и взрослеют быстро, Виола не станет исключением.

Размножаться драконы могут с тридцати лет, тогда же считаются и взрослыми. Но у них с этим намного сложнее.

Драконы откладывают яйца, но развитие драконят начинается еще в утробе матери. То есть яйцо откладывается, как у крокодилов, уже с зародышем.

Одно.

За один раз.

И чтобы сформировался здоровый зародыш, чтобы яйцо потом спокойно выросло... столько всего нужно!

Во-первых, драконица должна быть полностью сформировавшейся. То есть тридцать лет – это когда можно спариваться. Вылетать, сплестать шеи, по выражению самой Виолы.

Но потомство лучше не заводить.

Оно практически наверняка будет неполноценным.

Вот лет в пятьдесят-шестьдесят – дело другое. И зародыш сформируется правильно, и самой драконице вреда не нанесет... Размножать тридцатилетнюю драконицу – это как десятилетнюю девочку.

Да, были в истории планеты Земля и такие времена, кстати. Когда в пятнадцать лет девочки уже мамами становились, а в двадцать пять – могли и бабушками. А то и раньше. Бывало всякое, и созревают все по-разному, но кто сказал, что это хорошо для матери и потомства?

И мать погибает, и дети хилые получаются.

Так что каждый год яйца драконицы не откладывают. Раз в десять-двадцать лет, так правильнее будет. И то регулярно проводится отсев.

Нет, яйца не разбивают.

Просто яйцо, в котором зародыш не сформировался или он нежизнеспособный, не будет расти и развиваться. Такие яйца уничтожают сами драконы. Огнем.

Во-вторых, нужны специфические условия.

Они у драконов есть именно здесь. Эти пещеры, эти минеральные воды, освещение, влажность, соленость... всех параметров не перебрать. Но и воссоздать их где-то в другом месте пока не получилось. Это, конечно, опасно.

Мало ли что?

Одно хорошее землетрясение – и капут драконам?

Но Виола была спокойна на этот счет. То ли не задумывалась в силу щенячьего возраста, то ли у драконов был какой-то выход, просто здесь их все устраивало...

– Второе, – пришел ответ от Виолы.

А, ну раз второе – можно не беспокоиться. Драконы не дурнее людей.

– Мы умные. – Виола просто лучилась самодовольством.

Я и не сомневалась, что умные.

И мне сейчас было удивительно хорошо. Но...

– Виола, а как мы будем дальше?

– Будешь приходить ко мне. Как сможешь, так и будешь. Я понимаю, важно все сохранить в тайне.

Я выдохнула.

Если бы драконица потребовала постоянно находиться рядом с ней или обнародовать нашу связь... ой как я бы встряла! Песец!

– Тебе это не будет слишком сложно?

– Нет, все в порядке.

– Но я знаю, что другим людям надо-надо-надо...

Виола шевельнула гребнем. И даже тихонько фыркнула.

– Им надо. Тебе не надо.

– Не понимаю?

– У людей разная восприимчивость. Кто-то вообще не способен нас слышать, только эмоции ощущает, кто-то слышит хорошо. Ты меня слышишь сразу, поэтому нам будет легко. Тебе не обязательно оставаться рядом-рядом, у нас уже все хорошо.

– А первые сутки?

– Они самые сложные для пары. Чтобы все установилось правильно, мы стараемся находиться рядом. А потом связь развивается, крепнет... с тобой все хорошо. Со временем мы сможем чувствовать друг друга на большом расстоянии.

Я выдохнула и погладила драконицу по лапе.

– Спасибо. Я уверена, что смогу решить эту проблему, но не сразу. Ты знаешь, драконицы никого не выбирали более ста лет. Люди отвыкли.

– Знаю. Мне говорили.

Я тряхнула головой.

Ну конечно же, для драконов-то мы живем намного меньше, драконы могут и десяток таких как я за свою жизнь поменять!

Виола как-то хитро улыбнулась. И я в очередной раз поняла, что она читает мои мысли.

– Это только пока. Потом ты научишься разграничивать то, что для меня, и то, что для тебя.

– А нужно?

– Если захочешь.

Я только отмахнулась.

Не захочу, да и незачем, и вообще... что у меня может быть такого, о чем нельзя сказать своему дракону? Отношения с мужчинами? Так их у меня вообще пока нет!

А если мой дракон кого-то не одобрит...

– *То что?*

Почему-то вообразился Матиас Лиез, которого Виола цапнула за зад. В моем воображении он убегал, придерживая рукой отваливающееся полупопие, а Виола прищуривалась, и штаны, которые застряли у нее в зубах, развевались, как знамя.

– Тогда приятного аппетита, – сформулировала я.

Но Виола уже не слышала. Она повалилась на бок и дергала от хохота лапами.

– Если я его цапну, там половины Матиаса не будет.

– Все равно – приятного аппетита. Лишь бы ты не отравилась.

– Никогда не думала, что люди такие забавные. Мы поладим.

– А почему драконицы все-таки прекратили выбирать людей?

– Потому что нужен определенный порог... совместимость, – попыталась объяснить Виола. – Страх не давал женщинам подойти, а

когда они подходили, мы не могли сдерживать своих инстинктов. Страх же! Охота! Дичь! Не подруга – добыча!

– Замкнутый круг, – согласилась я.

Как с собакой. Не боишься – не цапнет. Ну, если специально не натаскана, конечно. Но как правило – не укусит. А если боишься, собака еще больше ярится, а ты еще больше боишься... замкнутый круг. Только одно дело собака, а другое – здоровущий ящер.

– Ты понимаешь. Это хорошо. И подруга у тебя хорошая.

– Да?

– Сначала она боялась меня. А потом – за тебя. Это чувствуется.

– То есть она тоже может подойти дракону? Драконице?

– Может. Я даже знаю, кому именно.

Я задумчиво кивнула.

Это хорошо. Только вот нужно ли оно Марисе? Ко всем ее проблемам с Феррерами, с родителями... еще и дракон? Увесистая гирька на весы получится, как бы вся конструкция не рухнула.

Я поговорю с подругой, и пусть она подумает.

Когда за мной пришел Эдгардо, мы с Виолой уже болтали всласть, как старые подруги. И даже больше, как две сестры.

Драконица наслаждалась общением, я тоже, а как наладить дальнейшие встречи... придумаем! Пока я просто буду приходить по ночам. Или Виола будет выбираться на воздух и прилетать ко мне в бухту. Драконицам-то никто не запрещает гулять где им понравится. Условие – не ходить по территории академии, так она и не будет. Плавать в море можно, летать над морем можно, а нам больше и не нужно.

А за два с половиной года мы точно что-то придумаем. Лучше даже за полгода.

Летом мне придется съездить к отцу, а я не представляю, как можно расстаться с Виолой даже на один день.

Ничего, выход найдется. Или Виола со мной слетает, или я никуда не поеду, и пусть папаша приезжает сам. Будет видно ближе к лету. А пока – на выход.

И я послушно затопала по пещерам вслед за Эдгардо.

Драконы явно были уже в курсе происходящего. Пока мы шли к выходу, нам их штук сорок попало, от мелких до вовсе уж крупных.

Раньше драконов я вблизи не видела. Сварт, Виола, Эстарг – остальные пока держались от меня подальше. А любопытно же! Какие у них общие признаки, чем они различаются... генотип и фенотип. Сейчас я могла смотреть и сравнивать.

Пожалуй, ближе всего по внешности драконы к варанам.

Некрупная голова, длинное тело, мощный хвост, пропорциональные лапы. Гребень у взрослых драконов похож на частокол, а у драконят пока зачаточный. Видно, что он идет по всей длине спины, где-то острее, где-то мягче. Чуть пониже крыльев он вообще пропадает, а потом выступает опять.

Интересно было бы посмотреть на скелет дракона. Но – драконы против препарирования.

Крылья у драконят пока сложены вдоль тела, но все равно видно, что они похожи на летуче-мышинные. Там даже рудиментарные лапочки есть.

Интересно, они ими работают – или нет?

И строение похоже на летуче-мышинное. То есть крыло идет вдоль всего тела. Не прикрепляется в одном месте, как рисуют в книгах, так оно бы просто не выдержало вес дракона. Плотная перепонка, жесткая даже на вид, в цвет туловища.

А дракончики красивые.

Красные, синие, зеленые, черные, белые... одноцветные. Пятнистых или полосатых среди них нет. Цветовой градации, кстати, тоже нет. Допустим, самки белые, самцы черные. Такого не встречается. Есть черные и белые и самки, и самцы.

Морды тоже интересные.

Если вараны тупоносые, то у драконов морды похожи на те, что рисовал Валеджио. Здоровущая пасть, рудиментарные рога, гребень... что-то похожее он изобразил сидящим на утесе.

Такой головой, наверное, можно стены таранить.

Пасть – отдельный разговор. Даже у молодняка – туда вполне поместится голова взрослого человека. Кажется, драконы это понимают, потому что идут мимо и позевывают. Или улыбаются?

Я бы на второе поставила.

И зубки там...

Клычки такие – один укус, и руки нет. Акулы плачут и рыдают.

Глаза...

А вот глаза у драконов неожиданно крупные. Такие, почти стрекозиные. Отсюда, сверху, видно плоховато. Мне кажется, что они обеспечивают обзор на все триста шестьдесят градусов. Хотя бы на триста...

Интересные они. Красивые, яркие...
Личности.

* * *

Молчания и терпения эсу Молине хватило ненадолго. Ровно до выхода, а там и Мариса на шее повисла.

– Каэ! Я волновалась!

– Все в порядке. – Я погладила подругу по волосам, успокаивая. – Ты же понимаешь, мной любой дракон отравится.

– А дракон об этом знает?

– Они же разумные, кто мне мешает ему об этом сообщить?

– Н-никто...

– А кто мне мешает сообщить о случившемся преподавателям и лично ректору? – поинтересовался Эдгардо.

Я посмотрела на него с удивлением. Наивный ребенок вздумал шантажировать – меня?!

– Здравый смысл?

– Не понял? – смутился третьекурсник.

– Что тут непонятного? – пожала я плечами. – Как вы собираетесь доказывать связь между мной и Виолой?

Эдгардо посмотрел на меня со священным ужасом.

– А... а... она же есть!

– И что? Если вы не в курсе, эс Молина, драконицы могут запретить драконам открывать пасть. То есть вы будете кричать, орать и биться головой об стену, а ваши слова никто не подтвердит. Включая и вашего собственного дракона.

– Эстарг меня никогда так не предаст!

– Спросите у него, эс.

Эдгардо посмотрел на меня злыми глазами. Шантаж явно срывался.

– Вы... Ты...

– Я, – согласилась я. – И Мариса. И драконицы. У них другая структура общества, потому что именно драконицы откладывают яйца и приглядывают за их развитием. Драконы на это просто не способны. Поэтому драконицы важнее.

– И эссы... ох, ужас!

– Ничего ужасного во мне нет. – Я похлопала Эдгардо по руке. – Эс Молина, давайте просто решим, что всего этого не было. Вы водили девушек поглядеть на драконов, вот и все. И живите как ни в чем не бывало.

Эдгардо вздохнул. Кажется, он принимал для себя какое-то неудобное решение. Неприятное, гадкое...

– Эсса Каэтана, я не смогу так поступить. Но если я выдам вас, Эстарг от меня откажется.

– Он вам так сказал?

– Да.

Я промолчала. Вот уж чего я не собиралась делать, так это отказываться от своих слов.

Шантаж? И что дальше? Я не ангел! Что я должна сделать – прийти и сознаться во всем ректору? После чего меня попросту отравят, чтобы не создавать неприятных прецедентов? Запросто!

Не стоит забывать, завещание Виктора Третьего наверняка все еще действует. А лезть в авантюры, ничего не зная о своем новом статусе, о своих новых возможностях – самоубийство.

Виола...

Да, Виола меня выбрала. Но она не щит и не меч, она тоже нуждается в моей защите и помощи. И еще...

Драконы привязаны к этим скалам. Не будет термальных источников – не будет детей. А Виола пока еще и одного яйца не отложила. У драконов это не так легко и просто, это вам не страусы и не курицы.

Даже не крокодилы, хотя сходство есть.

Пока мне необходимо время. Время, чтобы во всем разобраться, время, чтобы встать на ноги, время...

И не стоит забывать о своем долге перед Даннарой. Ей я тоже обещала. Так что прости, Эдик. Понадобится – и я кого угодно шантажировать буду. Не во имя высшей цели или прочих глупостей, а просто потому, что мне есть о ком заботиться. И мои девочки тоже в

этом списке. Я взялась их учить, я несу за них ответственность. А угрызения совести?

Как писали в интернете, выбей совести зубы, пусть не грызет, а целует.

– Поэтому, – Эдгардо не дождался от меня реакции и решил пойти дальше, – я промолчу. Но вы мне тоже должны дать обещание: никому и никогда не говорить о моем участии в этом деле.

– Хорошо, – легко согласилась я. – Даю слово.

Эдгардо недоверчиво покосился, но я была вполне серьезна. Если все откроется, я буду молчать до конца. Так хотя бы его не убьют. А Эстарга мне тоже жалко.

– Минутку. – Мариса оправилась от своих эмоций. – Эдгардо Молина, слово вы получили. Но взамен научите Каэ проходить к ее драконице незамеченной.

– Что?!

Я промолчала. Не подумала я об этом, а зря.

– То самое. Наверняка за столько лет драконарии накопили какие-то знания, сведения, карты... что там может быть еще? Каэ, я правильно понимаю, ты так и будешь ходить к своей драконице?

– Буду.

– Значит, тебе нужно делать это безопасно. Максимально безопасно.

И с этим было сложно спорить.

– Да, но...

– Эс Молина?

Выдоху Эдгардо мог бы позавидовать синий кит.

– Я... хорошо.

– Эс Молина... – Я для разнообразия похлопала его пониже спины, отчего несчастный подскочил на полметра и едва не полетел носом вперед. Пришлось ловить и останавливать. – Я буду молчать. Слово даю. Вот просто – молчать и молчать, обо всем.

Не поверил.

* * *

– Каэтана, рассказывай!

Девочки атаковали, как стая шершней. Я даже в сторону отпрыгнула.

– Всем тихо! Сейчас все расскажу, только поесть дайте! Хотя что!

Олинда кивнула в направлении столика.

– Мы тебе в столовой взяли покушать. Тушеное мясо, каша и там пара плюшек.

В мясо я вгрызлась так, словно не ела неделю. Хотя сутки я и не ела. А сил ритуал, видимо, забрал много. Я жутко мерзла, меня трясло – первые симптомы пошли. Потом можно еще и заболеть...

– Ам, чавк...

– Каэ, вот кофе.

Горячий кофе сварила Фати. С пряностями, как я люблю. Я осушила чашку – и выдохнула.

– Что я хотела посмотреть на драконов, все знают?

– Да. Мариса рассказала.

– Посмотрела. На свою голову. Теперь у меня есть драконица, ее зовут Виола. Или я у нее есть. Она беленькая, крупная, очень симпатичная. И она меня сама выбрала.

Я честно рассказала, как попробовала кровь дракона, как мы разговаривали с Виолой, рассказала о ее словах.

– Получается, любая из нас способна? То есть любая может пройти Выбор? – Севилла выглядела задумчивой.

– Более того, Виола сказала, что знает драконицу, которой могла бы подойти Мариса.

– С ума сойти!

Олинда выразилась резче, но смысл был примерно такой. И поглядела на Марису вопросительно. Та не стала изображать невинность.

– Я не знаю, нужно ли мне это.

– Это же ДРАКОН! – удивилась Фати.

– А потом что? Вот выберет меня драконица. А папаша изволил выдать меня замуж за Феррера. И как дальше? – печально откликнулась Мариса.

Девочки замолчали.

В их картине мира была не предусмотрена самостоятельная жизнь. Просто по законам, принятым при Викторе Третьем, за них

отвечали, их полностью содержали... сами они не то что на колбасу себе заработать – они где ее купить не знают. И как с этим быть?

Дракон?

А что потом?

Как жить, когда такое откроется? А точно откроется, это не хомячок в клетке, это зверюшка размером до пятидесяти метров, она летает, плюется огнем и обладает своеобразным характером.

Людей драконы не едят. Но во-первых, могут сделать исключение. А во-вторых... даже если и не съест, а понадкусывает, человеку легче уже не будет. Никогда.

Олинда побарабанила пальцами по крышке стола.

– И все же... получается, мы страхом закрывали себе дорогу.

Я развела руками.

– Как-то так.

– Вот что, Каэтана. Я пока не знаю, хочу я дракона или нет. Но ты одна из нас, как мне кажется, можешь жить самостоятельно.

Я пожала плечами.

– Тебя это ведь не пугает?

– Абсолютно.

Намного больше меня нервировала предстоящая встреча с отцом и воспитательницей. Как бы убежать не пришлось...

Убивать?

Этот вариант мной тоже рассматривался. Но тогда кто получит опеку над Каэтаной? Память подсказывала, что близких родственников у меня нет, но есть ведь и дальние? Какие-то водно-киселевые, которых ты можешь сто лет не увидеть, а они есть.

Или Корона.

Уж последнее мне и даром не надо, и рядом не надо.

Но как выйти из ситуации?

И как помочь подругам... подруге, если ты сама подвешена на ниточках, словно марионетка?

Не знаю. Но обязательно придумаю.

– Каэтана, скажи, а ты можешь нас потренировать и в этом?

– В чем? – Я даже глазами захопала.

– В самостоятельной жизни. Нам бы поучиться жить без чужой помощи.

– Кофе вы варить уже научились, – ехидно заметила я. – А в остальном... девочки, самостоятельно жить может каждая из нас. Можно найти мужчину, который будет нести за вас формальную ответственность, к примеру, какого-то алкаша, и платить ему малую денежку каждый месяц; можно найти себе жилье, можно поменять имя и даже представляться всем эссой с другого континента. Можно и переехать хоть куда. Проблема только одна.

– Да? – На взгляд Севиллы их было явно намного больше.

– Деньги. И метод их заработка.

Ответом мне были изумленные глаза эсс. Деньги? Деньги есть, они всегда были, а метод заработка – один. И здесь, и там, и в любой реальности: «Мась, а, мась (папа, мама, муж, любовник), дай денежек, на платишко не хватает!»

Мне осталось только развести руками.

– Девочки, думайте сами. Без денег жить на свете не получится, а как их заработать? Между прочим, тем же драконариям платит государство. И драконов содержит, и жилье предоставляют, и определенная сумма им в месяц идет. Отдельно – за вылеты.

Не задумывались. По лицам видно.

– А правда... – Олинда задумалась. – Что я умею? Каэ, а чем вообще женщины могут заработать себе денег?

– Вариант «содержанка» не предлагать?

– Не предлагать, – отмахнулась Олинда. – Подозреваю, что содержать дракона не согласится ни один мужчина.

– Скажи ему, что раскормила хомячка, – пошутила я.

Посмеялись, но легче от этого никому не стало. Пришлось возвращаться обратно, к серьезным темам.

– Вот, посмотри, чем зарабатывают раэши в академии. Уборка, стирка, на вахте у нас раэши сидят, там же не охрана, а учет и контроль нужны. В лавках торгуют, но это тоже навык требуется, модистики есть, даже преподавательницы... та же раэша Понс...

– А эссы ничего этого не умеют, – пробормотала Олинда. – Я знаю нескольких эсс, которые получают пособие от Короны, но дракона на него не прокормишь. Даже мангуста не прокормишь.

Я развела руками.

– Вот и ответ. Девочки, мы с вами полностью бесполезны в реальной жизни. Если завтра нас закинет на другой континент – наш

путь будет четко или в бордель, или в могилу.

Никого это не порадовало.

Я развела руками и зевнула. Надо было хоть этой ночью поспать. Попробовать.

– Вот вам и домашнее задание. Всем. Подумайте, что вы умеете такого, что может пригодиться другим людям. А мне завтра расскажете. Идет?

Девушки поняли намек и вежливо удалились.

Я сунула грязную посуду в корзинку и как была, в одежде, упала на кровать. Сил не осталось. Вообще.

Ну и не надо. Надо спать, спать, спа-а-а-а-ать...

* * *

Первым уроком была математика.

Раэн Ледесма щедро раздал всем задания и поманил меня к столу. А потом достал из-под столешницы...

Карты!

Да-да, они, родные! Симпатичная такая колода из пятидесяти четырех карт, заточенная под преферанс и покер.

Я карты полностью одинаковыми сделать не могла, поэтому Тьяго Ледесма кому-то их заказал. Получилось схематично, но очень неплохо.

Я взяла даму пик, покрутила в пальцах.

– Итак, эсса? – В глазах Тьяго Ледесмы горели почти безумные огоньки.

Я вздохнула и тихо принялась объяснять правила. Раэн слушал, записывал...

Полчаса ушло на тренировку и разъяснения. Потом мы сыграли первую партию. Естественно, я выиграла.

Потом вторую, третью...

Если бы не звонок, раэн Ледесма так и не оторвался бы от карт. Но и потом...

– Все свободны. Эсса Кордова, задержитесь, пожалуйста.

Я не стала спорить, присаживаясь рядом.

– Эсса Кордова. – Раэн принципиально обращался ко мне только так, и я не спорила. Если так человеку привычнее... – Я хочу сообщить, что взял на службе отпуск.

– Да, раэн Ледесма.

А я тут при чем?

– Я еду в столицу для устройства своих личных дел. наших дел.

Эм-м-м? наших? Личных?

Не поняла?

К счастью, раэн Ледесма быстро разъяснил ситуацию.

– Эсса Кордова, за эти несколько месяцев мы с вами очень серьезно поработали. Я свел наши результаты в книгу и собираюсь презентовать ее в Королевском математическом обществе.

У нас и такое есть? Хотя где ученые, там и общества, и газеты, и прочее. И результатами им как-то обмениваться надо...

– Я не могу назвать вашу фамилию, не могу сделать вас соавтором... надеюсь, что только пока.

Я кивнула. Да уж, был бы папочке сюрприз.

Не расхлебали бы.

– Поэтому я ставлю две буквы. К. К. И сейчас отдам вам документ, подтверждающий ваше авторство.

Я усилием воли задавила желание попросить добавить третью букву. Какую?

Конечно же, К.

ККК.

Кто на Фейервальде знает про ку-клукс-клан? А я знаю, это как весточку из дома получить. Хотя в этом мире нет чернокожих... [\[19\]](#)

– Кроме того, я собираюсь в Гильдию игр и развлечений. На эту вашу игру надо брать патент, но здесь та же проблема. Потому я возьму патент на неизвестное лицо и отдам вам документы. Вас не затруднит зайти ко мне вечером? Нет-нет, не подумайте ничего дурного, эсса...

Я подняла руку, показывая, что не думаю.

– Раэн Ледесма, вы истинно благородный человек. Если не доверять вам, то кому?

Математик чуточку расслабился.

– Я не хотел бы составлять документы здесь, в стенах учебного заведения. У меня дома – другое дело. Мы спокойно опишем правила

игры, и я отдам их в гильдию.

– Игр, – задумчиво кивнула я.

– Это... не одна игра?

– Покер, бридж, блэкджек, вист, баккара, преферанс... это навскидку. Но это еще не весь список, он может быть дополнен и расширен.

– Эсса!..

Я развела руками.

– Я буду ждать вас вечером, – решительно сказал раэн Ледесма. –
Прошу вас, эсса...

Я кивнула.

Даешь работу!

Интересно, а нельзя получить «свободный статус» по совокупности патентов?

* * *

Девочек уже не было. Зато меня ждал Эстебан Гил. И даже с цветочками в здоровущей лапище.

– Каэтана. Это вам...

Я приняла несчастные розочки, покачала головой. Бедолага их сплющил почти в один цветок. Волновался?

– Эстебан, спасибо. Мне очень приятно.

Ох уж мне эта вежливость...

С другой стороны, пусть рядом бегают? Кому-то из девочек он может и пригодиться?

– Каэтана... я это...

Я подняла брови.

– Я хотел бы пригласить вас. У нас... это...

Это у него или то, выяснять не хотелось. Красноречив, бедняга, как самые худшие из моих однокурсников. Вопреки анекдотам, спортсмены далеко не дураки.

А вот Эстебан – не знаю.

Как оказалось, он меня приглашал на соревнования.

Армрестлинг был изобретен и в этом мире. Давно и успешно. И практиковался в академии.

Проводились четвертьфиналы, полуфиналы, сейчас меня вообще на финал приглашали. А что?

Эссам должно понравиться, правда?

Я спорить не стала.

– Когда?

– Сегодня. Вечером. Я участвую...

Я вздохнула. Вечером? Сегодня?

И к математику надо, и сюда... с другой стороны, а кто мне мешает? Отмазка идеальная. Пришла на соревнование, потом аккуратно удрала – и занимайся спокойно своими делами. Сколько тебе понравится и с кем захочется.

– Спасибо, Эстебан. Куда и во сколько приходить?

– Сразу после ужина. Главный учебный корпус.

– Буду.

Эстебан расцвел – и удалился, буркнув что-то непонятное про тренировки. Я только плечами пожала.

Ладно, пусть его. Матиас мне надоедает намного больше, а как гласит старая женская мудрость, если вам надоел ваш парень – заведите еще одного. Или двух. Или трех. Рано или поздно они узнают друг о друге, разочаруются в вас и гордо удалятся, вопя о коварных женщинах, а вы переведете дух и найдете кого-то попримечнее.

Я собиралась так и сделать.

* * *

Соревнования по армрестлингу тут ничем не отличались от соревнований там. Те же парни, те же столы, те же зрители. Разве что маска, которую мне презентовал Эстебан. Хотя толку-то с нее? Меня по платью прекрасно опознать можно.

Пришлось задержаться еще на пару минут и взять в комнате большую цветастую шаль. Она закрывала половину платья, а вторая... юбка – она и юбка. Серое может носить кто угодно.

И волосы распустить.

С тех пор как я начала ухаживать за волосами, обнаружилось, что у Каэтаны они вообще-то красивого цвета. Каштановые, с золотистым

отливом. Просто девочка их нещадно стягивала. А так они еще и волнистые.

Провести пару раз по тяжелым прядям – и подколоть их сбоку гребнем. Вот так.

Теперь меня никто и не узнает.

Эстебан смотрел слегка ошалело.

– А я вот... и не знал, что это...

Я кивнула и применила самый главный прием. Если хочешь, чтобы мужчина считал тебя самой-самой лучшей в мире, дай ему возможность говорить о себе. И побольше, побольше. А сама слушай и кивай.

Еще допускаются фразы типа: «Восторг!», «Вы такой умный!», «Потрясающе!». Или еще какие-то восхваления. Очень полезно.

– Эстебан, вам нравятся соревнования?

– Да... эта...

К главному корпусу мы шли окольными тропинками, и я разговорила бедолагу. Оказалось, что Эстебан очень увлечен красотой своего тела, очень гордится своими мышцами и уважает силу.

А еще старается поддерживать себя в форме.

Эта тема была мне близка, так что через пять минут мы уже спорили, какие упражнения нужны, чтобы правильно прокачать двуглавую, а какие – на трехглавую мышцу бедра. С гантелями или без, сколько и когда, а еще ведь есть правильное питание...

О, это как раз моя тема!

Пока мы шли к зданию, успели поспорить, поссориться, помириться, потом Эстебан пообещал попробовать мои рекомендации, а я попросила рассказать о результатах...

Кажется, бедняга уверился, что мы с ним на одной волне. А я просто не хотела спорить.

– Матиас тоже там? – поинтересовалась я у Эстебана.

– Он участвует.

Я кивнула.

– Тогда я не буду стоять на виду. Не хочу его лишний раз видеть.

– Он неплохой. Товарищ...

Я качнула головой.

– Эстебан, он может быть вашим товарищем, но идея напасть вчетвером на одну беззащитную девушку...

Эстебан потер спину, а я усмехнулась.

– Да. Любой другой девушке вы сломали бы жизнь. Это подло.

– Я не... я не подумал.

– Я понимаю, Эстебан. И считаю, что между нами нет вражды.

Все решено, так?

– Так.

– Вы попробовали сделать плохо мне, я сделала плохо вам. Мы в расчете. Можем дружить. – Вот зараза, язык поневоле подстраивается под его манеру разговора!

– Можем, – улыбнулся Эстебан.

А можем и не дружить. То, что я простила, не значит, что я забуду или подпущу тебя близко к себе. Это же просто.

Сначала на тебя повлиял Матиас, и ты вел себя как сволочь. Потом повлияю я. А потом я заболею или мне будет плохо, и ты попадешься – кому? Нельзя доверять флюгеру и строить дом на болоте. Пропадешь.

Так что Эстебан мне не нравился.

А не успели мы войти в спортивный зал, в котором и проводилось мероприятие, как к нам поспешил Арчибальдо Бареси.

– Гил!

– Арчи!

– Будешь участвовать? Я на тебя пару солеев поставлю!

– Так мало?

– На тебя сколько ни ставь, много не выиграешь. Ты ж фаворит, – отмахнулся Бареси. И перевел взгляд на меня. – А кто эта милая эсса?

Я мило улыбнулась и приложила пальцы к губам, подправленным краской.

– Тсс...

– Не лезь к моей девушке, – спохватился Эстебан. Конечно, я даже огрызнуться не могла. Голос-то мой Бареси точно узнает!

– Твоей девушке? Однако... Гил, давай я составлю эссе компанию? Чтобы никто ей не надоедал?

Эстебан посмотрел на меня. Я покачала головой, и здоровяк отодвинул друга.

– В другой раз. Иди, ставь.

И потянул меня за собой.

Арчибальдо что-то вякнул нам вслед, но Эстебан не остановился.

– Здесь будет хорошо.

Место, выбранное Гилом, действительно оказалось удобным. Спортивный зал был сделан высоким, в два этажа. И ректор не собирался терять полезную площадь. На высоте примерно двух с половиной метров по периметру зала устроили помост. Не особенно широкий, примерно метр, но надежный и устойчивый, с перилами. С него отлично все видно.

Туда меня Эстебан и отвел.

Устроил в месте потемнее, показал кому-то, стоящему неподалеку, кулак и начал спускаться. Я облокотилась на перила, прикинула время.

Да, еще полчаса я как раз могу себе позволить. Даже час, наверное. Потом надо бежать к разну Ледесме.

Забавно.

Куча патентов, а обнародовать я их не могу. Хорошо еще, что догадалась заказать профессору карты – и научить преферансу. Ему понравится, не сомневаюсь. Распасы, блеф, мизер и прочие... главное – игра очень математическая. Пока очки подсчитаешь, пока взятки – поневоле математике научишься. Правила я помнила, мы с мужем немного поигрывали. Димка любил ходить с друзьями в сауну, и там за вечер проигрывались «грандиозные» суммы. Как-то до десяти рублей дошло. По копейке ставили, по пять копеек... даже целая коробка мелочи была для этих целей.

Где-то все это сейчас?

Неважно! И вспоминать не надо!

Эстебан тем временем занял свое место за одним из столов, прозвучал гонг...

Армрестлинг – это не так легко и просто. Это куча приемов, ухваток, надо правильно поставить руку, вовремя ее повернуть, опять же законы рычага, расположение пальцев...

Скажи я Гилу хотя бы половину – он бы завис. Он как сороконожка, бегают, но не считает, какой ногой шагает. Задумается – упадет.

Первый раунд, второй...

Гил уверенно побеждал.

– Я так и думал, что найду вас здесь, эсса.

Арчибальдо Бареси.

Да чтоб тебя понос пробрал! И сказать ничего нельзя, по голосу он меня мигом опознает. А это лишнее. Я мило улыбнулась, надеясь, что не получился вовсе уж кровожадный оскал.

Арчибальдо не смутился.

– Эсса, что такая милая девушка, как вы, нашла в этом тупом увальне? Эстебан же дурак! Чистый! Беспримесный!

Положим, я согласна, но вслух-то этого и не скажешь. Пришлось покачать головой.

– У него кроме мышц ничего и нет!

А у тебя и мышц нет. Эстебан хотя бы извинился, а ты? Вот же приятелей-слизняков Матиас подобрал! Каков сам, таков и храм.

– Эсса, вы не хотите со мной прогуляться?

С тобой? Если только в травмпункт проводить. Ты на носилках, я вытираю слезы платочком – романтика. Но вслух ничего не скажешь.

Я качнула головой и ощутила, как пальцы мужчины сомкнулись на моей руке.

– Так и будете молчать, эсса? А это даже интересно...

В глазах на секунду полыхнуло белое. Арчибальдо попал мне пальцем в нервный узел. Не нарочно, но точно. И пока я не могла толком сопротивляться, потянул за собой.

Эстебан, конечно, не заметил. Ему было не до того, он как раз боролся с очередным соперником.

Я послушно шла за Арчибальдо.

Так... где тут подходящее место? Тихое, безлюдное и чтобы нас не слышали? В этом мы с Арчибальдо совпадали. Поворот, еще один... какой-то закоулок под лестницей, и вот каморка с метлами и швабрами – универсальный элемент любых миров.

Туда меня Арчибальдо и втокнул.

– А теперь, куколка, посмотрим, кто скрывается под маской...

Руку он отпустил зря. Что у меня под рукой было, тем я и действовала. В лицо бедолаге полетела первая попавшаяся тряпка. Бареси от нее отмахнулся, но следом в ход пошла швабра. Черенком под дых – больно. И той же палкой по загривку.

Бареси скорчился и опустился на пол. Даже заскулил, но жалости у меня не вызвал. Можно подумать, он меня сюда тащил для бесед о возвышенном!

Мало еще получил! Я пнула парня под ребра и отправилась искать выход. Кажется, мы два раза поворачивали направо и один налево. Теперь надо наоборот.

А состязание?

Что я, армрестлинга не видела? Это для местных эсс нечто такое, что ох и ах! А я и борцов сумо повидала! И бои без правил...

Нет уж. Здесь и сейчас лучше карты.

* * *

Правила. Примеры. Нападения и защиты. Я, честно говоря, помнила только самые вершки, но Тьяго Ледесме и этого хватило.

– Эсса... я не спрашиваю, откуда вы это знаете. Но это...

– Патента на эти игры ни у кого быть не должно.

– Я никогда не слышал о таких играх. И их очень много, и карты...

Ну да, здесь играют во что-то, близкое к нашему «очку». Или «дурак», как вариант. Но карт там меньше. А это игры для элиты, их можно так и позиционировать.

Честно говоря, сначала я думала про шахматы, но потом...

Шахматы, шашки – это для интеллектуалов. Пока они завоюют мир, пройдет не одно поколение. А вот карты... Казино приносят громадную прибыль. Карточные столы там стоят. А шахматные?

То-то и оно.

Разн Ледесма ждал ответа.

Я развела руками.

– Разн Ледесма, вы знаете, что мой отец – ученый. Чего удивляться, что я тоже на что-то способна? Просто отца это никогда не интересовало. А я любила копаться в старых рукописях и сейчас люблю. Мне нравится читать, придумывать, усовершенствовать что-то самой... возможности сделать нечто руками у меня просто не было. Эссе не подходит, а рукоделие для меня скучно. И то... у меня были мысли.

– Мысли, эсса? – напрягся математик.

Про Чебышева я думала достаточно давно. А потому взяла грифельную доску.

– Предположим, что человеческое тело – это шар... [20]

Тьяго смотрел большими круглыми глазами. Кажется, я ему еще материала для размышлений подкинула.

Прервались мы только один раз, когда принялась орать какая-то дура. Я повернулась в ту сторону, но разн Ледесма покачал головой.

– Не стоит вашего внимания, эсса.

– Там точно ничего не случилось?

– Совершенно. Эс Хавьер не готов всю жизнь сидеть на земле рядом с каблучком своей супруги, а эсса Магали считает его виноватым в крушении своей жизни. Поверьте, в этом нет ничего нового.

– До смертоубийства не дойдет?

– Эс Хавьер никогда с женой не ругается, просто уходит.

Я подумала, что таким макаром скандалы никогда не закончатся, но какое мое дело?

Да никакого!

Меня это не касается. Пусть ругаются, дерутся, пусть хоть утопят друг друга в море – у меня своих проблем хватает.

Море, да...

* * *

Выйдя от Тьяго Ледесмы, я подумала – и направилась к морю. Время ближе к полуночи, погода теплая, самое милое дело искупаться. А потом можно и к Виоле пойти, почему нет? Переночую в пещерах! Но это чуточку позднее, сейчас я хочу расслабиться.

Поплаваю немного... да, без одежды. И что?

Что в этом такого криминального?

Кто бы знал, как мне все это надоело! Строить из себя невесть кого, стягивать волосы, опускать глаза, показывать, что все мужчины по умолчанию высшие создания...

Вот и свободная бухта. Отлично!

Вещи полетели на гальку, я придавила их камешком покрупнее – и нырнула. Проплыла под водой, вынырнула, опять занырнула. Осторожно, все же течения я здесь знаю плохо, но...

Море!

Купаться ночью, обнаженной – это потрясающие ощущения. Свобода, спокойствие, вода мягко ласкает твоё тело, луна смотрит нахальным глазом...

Власть поныряв, я улеглась на воде и позволила волнам нести меня вперед. И...

Взвизгнула, едва не ушла под воду, забила руками и ногами – и было от чего! Вот ничто не предвещало волну, которая накатила, окатила и, если честно, заставила нахлебаться воды. Я мигом ощутила себя идиоткой. Раньше-то я только в бухточке плавала, на расстоянии пяти метров от берега, а сейчас отплыла...

А если морские твари?

Они в этом мире водятся.

И море станет мне могилой? Ни фигя! Это я стану твари обедом! Так что без могилы...

Я даже описать от страха не успела.

– Что тут происходит?! Чего ты меня звал?

Человеческий голос мигом разогнал все страхи. Если бы это было доисторическое чудовище, какой смысл на него ругаться? А если ругаются, вместо того чтобы убивать, значит, оно ручное.

Или это вообще не чудовище?

Одной среди моря есть чего бояться. А в компании уже не так страшно.

Но пока я думала, кто и что, рядом со мной из воды вынырнул человек.

– Эсса Каэтана?

– Эс Хавьер? – опознала я мужчину.

– Вы... эм-м-м... простите, – искренне засмутился бедолага. – Мы вас напугали, наверное.

Не успели. Но вообще хорошо, что я в воде. Если конфуз и был, то все следы благополучно смылись.

Настала моя очередь поднимать кверху руки, а потом отплевываться от очередной волны.

– Это вы меня простите, эс. Мне захотелось поплавать.

– Без... гхм. – Бедолага почти побурел.

– Да, без одежды, – спокойно подтвердила я. Судя по тому, что я видела – луна светила ярко, – эс Хавьер тоже полностью раздет. И что в этом такого?

Для него – возможно, от его ушей скоро море закипит, такие они красные. А я спокойна. Чем он там меня смутит? Голой попой? Ну-ну.

В спорте отношение к обнаженке свое. Достаточно равнодушное. И рядом с парнями переодеваться приходится, и одним туалетом пользоваться, и чего только не бывает. Сначала смущаешься, потом приходит равнодушие.

Чего я там не видела?

Все видела. Еще и рассказать могу.

Кстати, эс Хавьер мне нравился. Может, именно из-за спорта.

Когда день за днем, год за годом видишь идеальных спортсменов, которые прорабатывают свои идеальные тела, ухаживают за ними так, что местные красотки от зависти сдохнут, возятся и носятся с рельефом, когда лишняя жиринка – трагедия, а волосинка или, упаси боже, прыщ приравниваются к Небесной Каре, так приятно смотреть на нормальных мужчин! Вот как эс Хавьер.

Плечи у него развитые, и грудь широкая и волосатая. И видно, что он не специально это все накачивал, просто удержаться на драконе стоит усилий, вот и плечи, и руки.

И ноги я оценить успела. Не то чтобы длинные, но вполне себе ровные и мощные. И попу. И даже небольшой животик.

Кому что, а мне не нравится, когда у мужчин и потискать нечего.

Мужчина должен быть таким, чтобы рядом с ним не развивался комплекс неполноценности. А все эти идеальные красавцы, как тот же Гил...

Это в сторону постеров и жвачек с актерами.

Любить можно. Но жить с этим? Не-не-не, здоровье дороже.

Эс Хавьер едва не ушел под воду.

– Вы умеете плавать, эсса?

– Мне даже нравится, – обиделась я. – А что?

– Нет-нет, простите еще раз.

Я кивнула головой. И...

Повезло, что эс Хавьер был рядом. В следующий миг я уже вцепилась в него клещами, еще и прижалась так, что иголку не просунешь. Заорала бы, да горло перехватило, потому что из воды снова поднималась голова черного дракона.

Это я через минуту сообразила, что дракон. А так...

Купаешься ты спокойно, симпатичному мужчине глазки строишь, и тут из воды начинает подниматься что-то такое... вроде подлодки, черное, здоровущее... тут и ужастики все чохом всплывут, и про Годзиллу вспомнишь, и про лох-несское чудовище, и вообще...

Жить охота!

А у нормальной женщины прошито в минуту опасности прятаться за сильную и широкую мужскую спину.

Эс Хавьер и пискнуть не успел.

Хорошо еще, я не утопила бедолагу. Но... прижалась так, что едва не вросла.

– Эсса... все в порядке, это Сварт. Это Сварт, Каэтана, это мой дракон...

Дошло с третьего раза, и я затрясла головой.

– Д-д-дракон?

– Да. – Эс Хавьер выглядел искренне смущенным. – Сварту нравится купаться.

Здоровущая морда черного дракона смущенной не выглядела. Наоборот, с поправкой на размеры, я бы подумала, что ящер... улыбается?

Определенно.

А вот его хозяин... упс.

Какая реакция может быть у молодого, здорового и нормального мужчины на обнаженную женщину, которая с ним едва не слилась? Ближе там уж и некуда, вода не протечет...

Вот та самая.

И я эту реакцию почувствовала. И... ему только двинуть бедрами вперед, и мы...

И я...

Я не буду против.

Со мной тоже что-то такое происходило.

И эс Хавьер, смущенный, но вполне боеготовный, и я... у меня было ощущение, что кровь от головы резко отлила туда, вниз, и там стало так горячо, что вода чудом не вскипела.

Еще бы минута...

Помешал дракон. Не ко времени головой шевельнул, и вода плеснула мне прямо в лицо. Ох-х-х-х!

Тьфу, соленая пакость!

Я медленно разжала пальцы и попробовала отстраниться.

– П-простите, эс.

Теперь уши горели и у меня.

Дракон чуть склонил голову набок, вызвав новую волну. И как хотите – я была уверена, что ящер удивляется! Вот если б мы занялись в воде сексом – он бы понял. А это смущение?

У дракона на морде было написано: «Чего ждем, чего хотим?»

Так что... сам виноват, чешуйчатый!

– Ты отворачиваться не пробовал? Людей смущаешь своей мордой! И зубы чистить хотя бы раз в месяц!

Ответом мне стала вода, которую дракон выфыркнул сквозь зубы, обдавая фонтаном и меня, и своего хозяина.

– Козел ты, а не дракон!

И снова фонтан воды.

Я развернулась к дракону попой и демонстративно поплыла к берегу.

Все вы, мужики, гр-р-р-р-р!

На берегу я оделась, отжала волосы и мрачно потопала в общежитие. Идти к Виоле уже не хотелось, она спрашивать начнет. А что я отвечу? Сама дура? Взгляды я чувствовала спиной, но и только.

За мной никто не поплыл. И на берег не пошел.

И правильно. Я себя сейчас так чувствовала, что и дракону чешую бы общипала, и его хозяину хвост оторвала.

Все они... мужики!!!

ГР-Р-Р-Р-Р-Р-Р!!!

Интерлюдия

1

Эс Хавьер проводил взглядом тонкую девичью фигурку. Каэтана одевалась быстро, натягивала платье резкими движениями, без капли кокетства, но...

Плавать ему и плавать. Еще хоть с полчаса, а то и из воды не выйдешь.

М-да.

Давно его так не накрывало. С юности, а то и до того не накрывало...

Слов нет.

Вроде и не красавица. Или...

Эс Хавьер вспомнил прижавшуюся к нему фигурку. А округлости там вполне себе... и сверху, и снизу, и талия тоненькая, и волосы густые, и вообще очень приятная на ощупь девушка...

– Почему ты ее отпустил?

Эс покосился на Сварта.

– У людей так не делается. Ты знаешь.

– Это твоя самка.

– Не моя. Моя дома.

– С ней тебе плохо. С этой было хорошо. И меня она понимает.

Хавьер подумал, что дракон прав. Когда он так с Магали вспыхивал? Да никогда! Может, только в юности, но тогда у него в принципе на всех огнем горело. Хоть ты веревочкой привязывай, чтобы не оттопыривалось.

А сейчас...

Не мальчик уже. Сорок лет, считай, вдвое старше эссы. Она ему в дочери годится.

И плевать! Если тянет к ней до звезд в полуослепших глазах, до взрыва, до крика...

И только потом через медовые мысли пробилось...

– Понимает?!

– Она со мной разговаривала. И я ей отвечал.
Хавьер вспомнил Каэтану. Как та фыркала на дракона. И...
– Определенно. И не боялась.
– Ты ей тоже по вкусу. Ты ее крыло, она твое.
Хавьер едва не застонал в ответ.
– Не травми душу!
Его, не его...
У него Магали, у эссы Каэтаны тоже кто-то будет... кто?
Неизвестно...
Больно, как же больно, как плохо, как тошно...
Хавьер плюнул на все и нырнул поглубже. Ортар, помоги забыть,
а? Ну или хотя бы не так остро помнить.
А волосы у нее пахнут цветами, и ручки маленькие и ласковые, и
глаза теплые...
О-о-о-о-о-ох-х-х!

2

Эстебан Гил посмотрел вверх.
Каэтаны не было.
Победа была, он в себе и не сомневался, а вот Каэтана там не
стояла. Не смотрела.
Обидно?
Очень!
Он-то хотел потом и о более серьезных вещах поговорить. К
примеру, чтобы он и Каэтана встречаться начали. Ну да, девушки
любят победителей. Любят, чтобы их мужчина был первым, самым
сильным, самым лучшим. Гил точно знает, ему отец говорил.
И отец тоже сильный.
А Каэтана ушла, ждать не стала.
Интересно, когда именно она ушла? Гил туда ведь не смотрел, на
помост, он занят был, он или боролся, или к выступлению готовился. А
там что-то такое происходило?
А что именно происходило? И... сама ли ушла Каэтана? С учетом
встречи?
Эстебан прищурился.

Все верно, неподалеку от места, на котором он оставил свою девушку, стоял Джусто Соуза. Нет, Эстебан не был тугодумом. Просто все его мысли заточены на достижение физического совершенства. Возможно, он не готов принимать мгновенные решения, ему сложно жить своим умом и самому определять, что такое хорошо и что такое плохо.

Но дураком он не был.

И легко связал три факта в один.

Их встречу с Арчибальдо, исчезновение Каэтаны, появление Джусто. Матиаса сегодня ждать не приходилось, а вот Арчи и Джусто старались держаться вместе. А сейчас порознь?

Почему?

Эстебан принял поздравления и кубок, позволил накинуть на себя плащ и кивнул Джусто. Увидел, что друг его понял, и уже спокойно отправился в раздевалку. Куда пришел и Соуза. Минут через пять.

– Гил, ты был великолепен! Не зря я на тебя поставил.

– Не зря, – согласился Эстебан. – Где Арчи?

Джусто дернулся, словно его иголкой в зад ткнули. Забежали глаза, язык быстро облизнул вмиг пересохшие губы.

– Эм-м-м... пошел...

– Соуза, ноги вырву.

Угроза была серьезной. Эстебан прихлебателей не слишком-то любил и уважал. Остановить его смог бы Матиас, но тот отсутствовал по уважительной причине. Здесь и сейчас. А там и потом Джусто уже может и никто не поможет.

Так что играть в героя он не стал.

– Арчи хотел поговорить с твоей девушкой.

Гил невольно сжал кулак. Хороший такой, размером со среднюю тыквочку.

– И?

– Она его избивала.

Эстебан улыбнулся. Широко и весело.

Каэтана в своем стиле. Действительно, если она Эстебана свалила, что ей Арчи? Пройдет и не заметит!

Какая девушка!

Нет-нет, Эстебан понимал, что такие встречаются. Вот разша Понс, к примеру! Тоже ведь может кого угодно свалить. Но она и

выглядит как сам Эстебан. А Каэтана такая... воздушная. Ее ветром унести может, а она дерется! И как!

И она эсса, что тоже немаловажно.

– Избила?

– Да. Арчи ушел, сказал, будет отлеживаться.

– А эсса?

– Это эсса? Вот кошка дикая... не хуже Кордовы!

– Лучше.

Джусто покивал с умным видом.

– Это так... видел я твою девушку, хотя и мельком, когда Арчи ее за собой вел. Кордова страшенькая и полулысая. А эта так... и с фигуркой, и волосы у нее красивые.

Эстебан фыркнул. Но не говорить же о своих чувствах – Соузе?! Вот еще не хватало!

– Куда она ушла?

– Арчи сказал, что она его свалила, попинала и ушла. А куда – я не знаю.

Эстебан кивнул.

Что ж. Все не так плохо, как ему представлялось. Каэтана ушла не сама. Сама она бы досмотрела его выступление. Она ушла из-за Арчи.

Она цела и невредима, это тоже хорошо.

А вот что плохо...

Где там сейчас Бареси?

У него в организме явно избыток целых костей. Надо исправить.

Глава 9

*«Эсса Каэтана Кордова!
Я крайне недоволен твоим поведением!
Летом мы это обсудим.
Эс Рауль Кордова».*

Наверное, на Каэтану это письмо произвело бы впечатление. Я прицелилась в мусорную корзинку самолетиком, который как-то сам собой сложился, но потом передумала.

Подождет письмо. Потом полетает.

В дверь постучали.

– Войдите, если не боитесь, – отозвалась я.

– Как ты, Каэ?

Мариса?

– Я в порядке, что случилось?

– Ко мне с утра прибежал посыльный из больницы.

– Так...

– Его послал Матиас. Оказалось, сегодня ночью Эстебан Гил сильно избил Арчибальдо Бареси. Не говорит, за что именно, но я же знаю, что ты с Гилом ходила... я заволновалась.

– Так... а зачем Матиас тебе это сказал?

– Как – зачем? Бареси ему сказал о причине... то есть что пытался потискать девчонку Гила...

– Тогда я не понимаю.

– Каэ, начинай соображать с утра! Или кофе выпей, что ли! Гил избил Бареси. Матиасу он ничего не сказал, но сам Бареси рассказал о случившемся. Матиас просто забеспокоился, вдруг это ты?

– Он понял, что Гил мной заинтересовался?

– Каэ, Матиас не дурак.

– К сожалению...

Дурак. Но не круглый. Просто подлый, мелкий и злобный.

– Скажи Матиасу, что я ни при чем. Ладно?

Мариса кивнула. Взяла со стола самолетик.

– Можно?

– Можешь даже почитать, – разрешила я. Чего уж там...

После той тайны, которая невольно открылась Марисе... про меня и Виолу – чего скрывать?

Мариса проглядела аж целых четыре строчки – великолепное подтверждение родственных чувств, покачала головой.

– Каэ, я тебе сочувствую.

– Ничего страшного, – отмахнулась я. – Мариса, у меня есть предложение сходить в библиотеку. И взять сборники законов.

– Какие?

– Первый – времен Рамиро Шестого. Второй – конца правления Виктора Третьего. Третий – современный.

– И что в них надо найти?

– Сейчас у вас... у нас есть три варианта. Мужчины, женщины и свободный статус. Я хочу знать, какие права и обязанности были у девушек-драконариев. И какие остались.

Мариса потерла лоб.

– погоди. Ты думаешь...

– Подозреваю, что за отсутствием драконариев женского пола об их правах не говорят. Но они наверняка были! И я хочу это знать!

– Когда пойдем?

– После занятий. Ты не против?

– А девочки?

– Они заняты по уши. Платья, украшения, прически, маски, краски... Скоро приедут эти... санторинцы.

Мариса вздохнула. И столько тоски было у нее на лице, столько боли. Настала моя очередь утешать подругу.

– Подожди. Разберемся и с Жоао Феррером. Он же не бессмертный!

– Ох, Каэ...

– Просто надо немножко потерпеть. Совсем чуть-чуть.

Мариса кивнула. Но я видела, что она мне не верит. Помогает потому, что хочет для меня лучшего. А для себя...

Для себя она уже ни на что не рассчитывает.

Определенно, я займусь и ее отцом, и своим. Нарываются оба! Только вот что с ними сделать? А, ладно! Я еще придумаю...

Океанология повергла меня в шок и ужас.

Раэн Науэль Перез вывалил передо мной кучу... бумаги?

Какие-то свитки, списки, таблицы...

– Эсса Кордова, вот!

Я посмотрела непонимающими глазами.

– Вот?

– Данные по монстрам. Это только наш континент, но зато здесь выписки за последние десять лет. Кто, сколько, когда – и прочие данные, которые могут понадобиться.

– Так... – Я уже поняла, о чем пойдет речь.

– Статистика? Сделайте для меня эту обработку и считайте, что зачет по моему предмету у вас в кармане.

Я едва фейспалм не изобразила.

Вот за что?! Просто – за что мне все это?!

– Эс Перез, это очень серьезная задача.

– Эсса Кордова, не надо набивать себе цену. Вы получите годовой зачет по моему предмету – разве этого мало?

– Я не набиваю себе цену. – Я потеряла лицо руками. – Я к тому, что эти данные нуждаются в обработке, а я в помощи. Одна я их перекапывать месяц буду.

Эс Перез понял и кивнул.

– Хорошо. Кто вам поможет?

– Девочки? – Я посмотрела на подруг.

Все три мои соседки кивнули. Помогут.

– А еще? Есть желающие? Только придется меня слушаться, без склок и скандалов, – честно предупредила я.

– Есть, – отозвались два голоса.

Я посмотрела в их сторону.

Эс Виргилио Джордано и эс Рубен Дуарте. Оба молодые, симпатичные, достаточно богатые, оба должны принимать участие в Выборе в этом году...

Соглашаться?

А что я теряю? Да ничего!

– Хорошо, эсы. Только давайте вы будете делать что я скажу. Я знаю, как надо правильно, а вы нет. Не хочу тратить время на споры.

– Мы не будем спорить. А зачет будет?

Эс Перез подумал... да и махнул рукой.

– Посмотрим на ваши данные... или зачет, или снисхождение – обещаю.

Эс Джусто Соуза послал мне кривую ухмылку, но даже с места подниматься не стал. Понял, что я его не возьму. И правильно, без шакалов обойдемся.

– Тогда мы сейчас и начнем? – поинтересовалась я.

– Начинайте.

Эс Перез вернулся к рассказам о монстрах. Я тихо порадовалась, что Эстебан Гил сейчас на отработках за Арчибальдо, Матиас тоже в больнице... красота!

– Эсы, эссы, действуем так...

Занятие ушло у нас только на то, чтобы правильно разложить пергаменты. По годам, а внутри них по порядку. Потом я принялась составлять таблицу, а эс Дуарте копировать ее для себя. Для скорости. Я буду заполнять одни данные, он другие, потом обменяемся – и получится экономия времени. Мы так задачки решали. Я первую, подруга вторую, потом обменяемся – и уже полегче.

Когда прозвенел колокол, мы и на треть таблицу данными не заполнили.

Эс Перез подошел, посмотрел и кивнул. То, что он видел, ему нравилось.

– Эсы, эссы – когда?

– На следующем уроке? – предположила я.

– Хорошо, – согласился эс Перез. – Хотелось бы скорее, но ладно.

Главное – результат.

Умный мужчина.

Я кивнула.

– Эс Перез, если можно найти закономерности, мы их найдем. А вы можете запросить те же бумаги с других континентов?

– Уже запросил. Но пока они еще придут...

Я только вздохнула.

Да уж. Это вам не двадцать первый век. Документ под сканер, потом три кнопки нажал – и копия в Австралию улетела. За десять секунд!

Тут и недели могут пройти, и месяцы. Ничего, у нас впереди еще почти три года. Рано или поздно я разберусь, почему нарушено равновесие на Фейервальде и что мне нужно исправлять.

Но что-то подсказывает, что данные тоже пригодятся.

Говорят – в обычной жизни не нужна математика?

Зря вам так говорят. В нашей жизни не угадаешь, что и когда пригодится, так что знать надо все. И побольше, побольше, пожалуйста.

* * *

– Каэ, а что ты там надеешься найти?

– Много чего, – честно ответила я Олинде. – Может быть, какую-то цикличность?

– Допустим, ты узнаешь, что эти твари активнее осенью?

– Просто осенью – или в зависимости от температуры, фаз Луны, миграции рыбных косяков, чего-то еще?

– Это все можно вычислить? – удивился эс Виргилио.

– Не все. Но можно предполагать с большей уверенностью. А знание повадок обеспечивает успешность охоты. Сейчас ведь драконы гибнут. И драконарии тоже.

Парни переглянулись – и кивнули.

Ну да.

Естественная убыль, о таком не говорят, но она есть. В среднем за год погибает два-пять драконов. Молодняк, но иногда и старики тоже. Потому популяция драконов и не прирастает...

Размножаются-то они тоже плоховато.

– Ладно, – махнул рукой Рубен. – Пусть даже это ни к чему не приведет, зачеты на дороге не валяются.

Я кивнула.

Да-да, думайте именно так. Ничего страшного, вы только не мешайте. А если еще и поможете...

Палюсь?

Да, конечно. Но только в академии. А за ее пределами... да кому и какое до меня есть дело? Патенты мужчины пока оформляют на свои имена. И разн Ледесма, и разн Мора. Я там не значусь.

А в академии?

Я честно старалась не привлекать к себе внимания и до сих пор хожу чучелом. Но мозги скрыть не получается.

И девочки – моя команда. И Виола. И...

Падает, падает маска. Ладно, будем надеяться на инерцию мышления. Это страшная сила.

* * *

Вечером я отправилась к Виоле.

Драконница не стала ждать меня в пещерах, она вылезла наружу и устроилась на скале, глядя на закат.

Нахохлилась...

Я знала, где она находится. Меня туда просто тянуло как на веревке.

Виола грустила. Но почему?

При виде меня драконница шевельнулась – и сползла ко мне со скалы, как ящерица, извиваясь длинным гибким телом. В свете закатного солнышка ее чешуя казалась розовой, как фруктовый лед.

– Каэ...

– Виола, что случилось? Тебе грустно?

– Да.

– Почему?

– Потому что я принесла проблемы в твою жизнь.

Я где стояла, там и села. Это что еще за глупости?!

– Мы очень долго ждали человека, который может принять нас... я ждала, мои подруги ждут. И вот ты приходишь. И все хорошо. Но я тебе не нужна. Я не вписываюсь в твою жизнь.

– Виола, ты бредишь!

– Разве? Я создаю проблемы, тебя могут убить из-за моего выбора...

Могут. Но меня и так прекрасно могли убить. Каэтану уже убили.

Я погладила чешуйки у драконницы на носу.

– Тише, подруга. Не переживай об этом.

– Ты переживаешь...

Я и спорить не стала.

– Переживаю, Виола. Быть одной из первых – всегда сложно. А быть первой, быть единственной... пока – единственной, это вообще

кошмар. Мне очень страшно. Страшно, что я не справлюсь, что подведу тех, кто мне доверился, тебя, девочек... понимаешь?

– Да.

– Но это не тот страх, который лишает сил. Не тот, из-за которого хочется отказаться от родных и любимых. Это... вот пострадать немного, а потом бороться. И все-все сделать, что нужно.

– Правда?

– Честное слово.

Виола смотрела, не видела в моих словах лжи и успокаивалась.

– Вы, люди, так сложно устроены...

– А еще мы, женщины, примерно раз в месяц бываем сущими заразами. Я точно, – призналась я.

– Это почему?

– Потому что яйцеклетка созревает...

– Вы тоже яйца откладываете? Мне говорили, что люди живородящие.

Я едва не застонала. Но... у людей-то есть лекции по драконьей анатомии. А драконам кто-то читал лекции о человеческой?

Нет?

Все эмпирическим методом, вприкуску?

Пришлось сесть и рассказать бедной драконице, что именно бывает с женщинами. Причем регулярно. И про гормональные стрессы, и про роды, и про климакс.

А то вот так... у меня критические дни, а драконица будет переживать из-за моего состояния?

А в ней... интересно, сколько в ней тонн? Это вам не мамонт, это дракон! Я не готова отвечать за чужую недоработку! Я жить хочу!

Виола внимательно слушала, потом расправила крылья, потянулась и подвела итог:

– Драконы сложные. Люди тоже сложные. Жизнь – сложная штука.

– И не говори, – поддержала я.

Мы сидели рядом с драконицей, смотрели, как солнце лениво опускается в воду, словно в пуховое одеяло, и было нам хорошо. Мы вместе.

– Каэ, это... слов у меня нет!

Мы с Марисой сидели над книгами и потрясенно смотрели друг на друга.

Потом я взяла тетрадь и быстро застрочила в ней, переписывая основное.

Мариса посмотрела на меня, отчеркнула пальцем строчку.

– Пиши. А я отсюда.

– Хорошо. Спасибо.

Мариса только рукой махнула.

Я сосредоточенно писала. И знала, что сегодня мы обязательно обо всем расскажем девочкам. Им сейчас не до того, они заняты. Прически, платья, украшения. И все равно помогают. Вчера в библиотеку со мной ходила Олинда, позавчера Севилла. Завтра был черед Фати, но, подозреваю, завтра мы все сюда придем. Девочки захотят сами убедиться.

Я бы на их месте тоже захотела.

Судя по лицу Марисы...

– Каэ, неужели так бывает?

Я только вздохнула. И с высоты своего тоскливого опыта честно ответила:

– Еще и не так бывает, Мариса. А нам расхлебывать.

Подруга молча кивнула и застрочила грифелем дальше. Приличных слов у нее не было, а матюги эссам непозволительны.

* * *

– В чем нас обманывали?

Пару дней назад Олинда выпросила у коменданта еще пару кресел, и мы располагались с комфортом. А если мне хотелось подвигаться, я выставляла кресла в душевую.

– Давайте я расскажу. – Я вздохнула. – И хочу заметить, что все поддается проверке. Вот вообще все.

– Да?

– Да, Севилла. Сейчас у нас есть свод законов, в котором прописаны наши права и обязанности. На Наресе это права мужчин, права женщин и свободный статус. В Равене, если быть точными, да и

в других королевствах. На других континентах иначе, но их мы касаться не будем. Так вот. При Рамиро Шестом драконарии были выделены в отдельную категорию. Драконарий имел право наследовать имущество, управлять им, выбирать себе пару по вкусу... все привилегии эсов. А вот мужчина это или женщина – неважно. Более того, указывалось, что драконарию, при прочих равных, отдается преимущество перед другими наследниками, потому что драконарием может быть только полностью здоровый человек. Ну и Выбор Дракона играл немаленькую роль, абы кого эти хищники не выбирают.

Девушки молча смотрели на меня.

– То есть около ста лет назад, если бы мы прошли Выбор Дракона... у нас были все права? Как у эсов? – уточнила еще раз Фати через пару минут.

– Все правильно. Потом к власти приходит Виктор Третий. И свод законов меняется. Права эсов, эсс и для свободного статуса прописываются в своде законов, а права драконариев, без изменений, выносятся в отдельную книжечку. Маленькую такую.

– Почему Виктор не отменил их вообще?

– Полагаю, вмешались драконы. – Я развела руками, но других вариантов просто не видела. – Драконицы, чтоб вы знали, у наших чешуйчатых друзей пользуются уважением. Возможно, был какой-то разговор, об этом надо спрашивать самих драконов. Но факт тот, что законы по драконариям были вынесены в отдельный том. И – не отменены.

– К-как... – Севилла едва не упала со стула. – Не отменены вообще?

– Ты все правильно понимаешь. Мы с Марисой, зная, что и где искать, проглядели сегодня сборники законов. Конечно, бегло, но... основные правила не менялись со времен Виктора Третьего. Изменения вносились, но не во все статьи. А маленькая книжечка, которая касается драконариев, превратилась в «дополнения и изменения за номером пятнадцать». И пользуются ею только сами драконарии. А им, как вы понимаете, ни к чему это делать.

– Конечно, они и так эсы. У них и так все права.

– Более того, становясь драконарием, даже простолюдин автоматически становится эсом. А девушка – эссой. Даже если до того

она побиралась или работала в борделе.

– Каэ!

– В законах нет никаких оговорок на этот счет. Просто – любой драконарий причисляется к благородному сословию.

– И это не изменено, не отменено...

– Таким образом, получив дракона, я получаю полную свободу от законов, которые прописаны для эсс. Я могу работать наравне с мужчинами, могу распоряжаться своим имуществом, могу получать наследство, покупать и продавать, собственно – могу все то же, что и эсы.

– С ума сойти!

– Есть и минусы, – тут же подлила я дегтя в супчик.

– Какие? – удивилась Олинда.

– Законы времен Рамиро Шестого. Читай. – Я ткнула пальцем.

– Ну да... – Олинда разве что плечами не пожала. – Законы для драконариев.

– Правильно.

– Драконарий полностью распоряжается своей жизнью, драконарий обязан служить и защищать... и что?

– Если ты драконарий – ты обязана участвовать в боевом вылете. Понимаешь? Наравне с мужчинами тебя могут послать против морских чудовищ, и ты не имеешь права отказываться.

– Брр!

– Более того, отказавшись, ты можешь получить тюремное заключение или штраф... Приказ командира ты обязана выполнять беспрекословно.

– Я знала, что будет подвох! – Фати топнула ножкой. – Просто была уверена.

Мне осталось только развести руками.

– Да. Подвох. Но посмотри на это с другой стороны? Если ты получаешь все права, то у тебя должны быть и обязанности. Иначе не бывает.

Олинда задумчиво кивнула.

– Согласна. А как это было при Рамиро?

– А вот тут самое интересное. Драконы и драконицы никогда не воевали вместе.

– Почему?

– Потому что у драконов силен инстинкт защиты. Они мчались на помощь драконицам и в результате могли подставить товарищей под удар. То есть у девушек были свои отряды. Свое начальство, свои задачи...

– И как их выбирали?

– Как и среди драконариев-мужчин. Драконы выбирают, люди соглашаются. Самый сильный и умный идет на острие клина.

– Хм-м-м... сейчас самый сильный и умный – Сварт? – задумалась Мариса.

Я кивнула.

Да, Сварт. И его хозяин.

– А почему не выбирают человека?

– Потому что выбирают именно человека. Но драконы, – разъяснила я.

– Че-го?!

– Подумай сама, кто лучше знает своих наездников? Кто может определить, на что они способны? Виола, к примеру, начала меня изучать с первой секунды Выбора. Даже ДО Выбора. А теперь вопрос. Если выбирать будут люди – кого они предпочтут? Эса Хавьера т-Альего – или эса Матиаса Лиеза?

Девушки печально переглянулись. Ответ для них был очевиден. Конечно, победил бы Лиез, потому что у него связи, деньги, происхождение наконец...

А воевать кто будет?

От Матиаса на поле боя толку, как отдохлой крысы на веревочке. Можно и помахать, и во врага кинуть, ну и что дальше? Воевать-то как? С таким полководцем проще сразу в плен сдаться, чтобы не мучиться. Так что драконы совещаются между собой и выбирают лучшего из людей. По их меркам.

А люди уже этот Выбор принимают. Или отвергают.

Впрочем, драконы не настаивают. Они просто не слушаются никого другого. Абсолютная демократия. Или делаешь, как я хочу, или идешь на фиг. Дорога свободна.

– Это драконы. А драконицы? Вообще как это сейчас организовано? – заинтересовалась Мариса.

На этот вопрос мне ответить было несложно. Я спрашивала у Виолы. Интересно же!

– Сейчас драконицы вылетают на свободную охоту. Связываются с драконами, уточняют, куда лететь, и добывают себе пропитание. Понятно, что их кормят, но драконы все же хищники. И охота им нужна, и сражения, и кровь врага.

– Свободный вылет? – заинтересовались девушки.

– Абсолютно, – кивнула я. – Более того, драконы стараются не пересекаться с драконицами. Если только кому-то не нужна срочная помощь, бывает и такое. Если кого-то ранят, если морских тварей слишком много, если их надо преследовать на суше и требуются переговоры с людьми... Варианты возможны, но так драконицы летают сами по себе. Исключение делается для тех, кто собирается отложить яйцо. Это несколько лет. Сначала готовится тело матери, потом формируется зародыш, потом развивается и растет – в это время драконицам, как и женщинам, не рекомендуются физические нагрузки.

Мы переглянулись и хихикнули.

Ну да, забавно звучит, но ведь чистая правда! Нельзя перегружаться, нельзя поднимать тяжести. И лучше не сражаться, потому как нервы, нервы...

Драконы размножаются достаточно медленно, и драконицу, которая решила стать мамой, очень ценят и уважают. И берегут.

Это нормально.

Кстати, раньше, когда Выбор мог упасть и на мужчину, и на женщину, драконы размножались активнее. Я так поняла, что это связано еще и с людьми.

Драконы же перенимают эмоции своих хозяев, а люди спариваются достаточно часто. Наоборот – тоже, и люди, когда вылетают драконы, становятся сексуально несдержанны. Да, как ни забавно, но если от эсс требовалась добродетель, то драконарии, обладая всеми правами свободных людей (по моим меркам свободных), могли не хранить девственность до свадьбы. Да и не сохранили бы никак.

Драконы... они стимулируют. И наоборот – тоже.

Именно поэтому здесь практиковалось совместное обучение, именно поэтому два общежития стоят недалеко друг от друга, с тех же старых пор и бухточка Поцелуев сохранились...

И кстати, старшекурсники могут выбрать комнаты на два человека. Или на одного. Конечно, при условии отличной

успеваемости – и только мужчины. Сейчас.

А раньше и для женщин были такие привилегии.

Ну а где своя комната, там и все остальное.

Вслух я это озвучивать не стала. Рано. В глазах девочек это будет жуткий разврат. Хватит пока и того, что уже сказано.

– Каэтана, так получается, ты с драконицей сможешь летать? – сообразила Мариса.

Я покачала головой.

– Пока я просто не рискну. Ты в курсе, что ребята, которые прошли через Выбор и нашли своего дракона, в воздух поднимаются не сразу? Пока сбруя, пока то да се, пока тренировки...

– Тренировки?

– Ты сразу научилась ездить верхом? Или нет? А тут повыше, чем на лошади, ляпнешься – костей не соберешь.

– Поняла, – сообразила Мариса. – Но как тогда быть?

– Виола знает, что надо делать. Сначала человек и дракон должны привыкнуть друг к другу, научиться друг друга слышать и слушать, потом двигаться вместе, и только спустя самое малое полгода они начинают летать.

– Сложно это, – вздохнула Севилла.

– Очень, – согласилась я. – Но у меня выбора уже нет. Надо знать, на каком я свете.

– То есть?

– Вот решит папаша меня замуж выдать... и что дальше?

– Что? – удивилась Фатима.

– А дальше я могу и отказать. И закон на моей стороне, потому что я драконарий. Мне могут приказать летать с остальными, но замуж я выхожу только по собственному согласию.

– А отец тебя лишает денег? – подколола Фати.

Я пожала плечами.

– Самое забавное, что это тоже оговорено в кодексе. Видимо, раньше были случаи, когда ребята убегали из дома, чтобы стать драконариями, или отказывались от наследства... в общем, отец даже отказаться от меня не сможет. И наследства лишит тоже. Драконарий – честь для семьи. Если он этого не признает, он нарушает законы Равена. И это будет признано в любом суде... наверное.

– Наверное?

– Проще отравить меня, чем возиться со всеми этими проблемами. И смущать благородных эсс, кстати говоря.

– А поздно.

– Я вас уже смутила?

– Заставила задуматься, – поправила Олинда. – Так что завтра мы в библиотеку.

Удержаться было выше моих сил.

– А санторинцы как же?

– Приедут, никуда не денутся, – отрезала подруга. – Мало ли кто и куда поедет, а тут судьба решается! Я и не думала, что вот так...

– А что удивительного?

– Что эти законы забыли.

– Двадцать шесть лет Виктора. Поколение, – вздохнула я. – Они не применялись, да и сколько тех драконариев? Вот и забылось постепенно...

Девушки переглядывались.

С их точки зрения, Виктор совершил жуткую подлость. Подставил сестру, искоренил, считай, половину драконариев, переиначил законы, а о каких-то вовсе заставил забыть. Не отменил, нет.

Хотел наверняка, но драконы...

Как я поняла из объяснений Виолы, часть законов составлялась при участии драконов. Которым вовсе не хотелось, чтобы их наездников гнобил кто попало.

Здесь вам не там!

Если в оставленном мной мире на армию можно плевать и заявлять что-то вроде: «опричнина, тупая военщина»... да мало ли уродов и эпитетов?

Здесь за попытку просто косо поглядеть в адрес драконария можно схлопотать кучу проблем.

В лучшем случае.

В худшем?

Тебе просто откусят голову. Драконы людей не едят, но трупу это будет безразлично. Его не съедят, его понадкусывают. Это очень утешает, правда же?

Так что на Наресе, да и на всем Фейервальде, вопрос стоял только так.

Драконарии – умнички, молодцы и вообще элита. Не нравится – все претензии к драконам. Только лучше устно, а то бумагой они даже для некоторых надобностей не пользуются.

Так что Виктор хоть и испохабил многое, но отменить не смог. Его бы и корона не спасла, разве что у кого-то из драконов в зубах застряла. Ничего, сплюнули бы в сторону.

Стоит ли говорить, что моя информация полностью подтвердилась?

Если покойники вертятся в гробах, то Виктору Третьему навеки была суждена роль вентилятора.

* * *

Санторинцы приехали через три дня. И было это похоже на восточную сказку.

Красавчики в белых хламидах... да, что-то такое я видела в фильмах о Востоке. Бурнус.

Белое, развевающееся, с вышивкой и капюшонами. И все верхом.

И по дороге.

Хм, у меня есть один вопрос. Как им удалось сохранить свои вещи такими белыми? Если что – лошади потеют и пахнут. Дорогу шампунем не моют, пыль летит, и грязь тоже летит.

С утра еще дождь был...

Вывод?

Господа выпендрожники. Остановились неподалеку и переоделись, вот и вся тайна.

Но хороши. Красавцы, ничего не скажешь... все как на подбор. Высокие, черноволосые, все с бородками, у кого-то они покороче, у кого-то окладистые, чуть не до пояса.

Память Каэтаны отозвалась очередными сведениями. Санторинцы не бреют бороду. Считают ее признаком настоящего мужчины. Сбрить бороду для санторинца почти позор и унижение.

Если она не растет?

Кара Сантора.

Кстати, все вооружены. В мирной академии – и куча красавчиков с оружием? Ректор что – с дракона упал? Простите, у него нет дракона!

Но это все равно бред!

Мы же из драк и конфликтов не вылезем!

Но скептически была настроена только я. Девочки смотрели с восхищением. Мы с ними специально устроились в лазарете, у большого окна. И видно все хорошо, и санторинцы точно мимо пройдут, очень лазарет удобно расположен.

– Каэ, смотри! Принц Баязет!

Мариса шептала так страстно, что стекло едва под губами не плавилось.

Я прищурилась вниз.

Принц? Хм-м-м-м... хорош, гад! Если кто смотрел фильм «Лоуренс Аравийский»... фильм старый, 1962 года, английский. Вот там шейха Али Ибн Эль Хариша играл Омар Шариф. И КАК играл! И как выглядел!

После этого фильма он стал звездой. Вот звездюк тут и шествовал. С полным осознанием своего величия и неотразимости.

Даже мне, закаленной огнями и водами, пришлось нелегко. А девчонки просто улетали в нирвану. Стекали вниз, помани он хоть кончиком пальца – полетят. И у Лив бессмысленное выражение лица, и у Фати...

Сив одна смотрит спокойно.

– Тебе блондины нравятся?

– А?.. Э?..

Понятно. И ее накрыло, просто покерфейс лучше. Я еще раз посмотрела на принца.

Словно услышав мои мысли, он поднял голову и посмотрел вверх. И что хотите со мной делайте...

Столько холодного и презрительного равнодушия было в его глазах, столько брезгливости...

Падите ниц, презренные черви!

Девочки смотрели, но ничего не видели. А мне было неприятно даже глядеть на эту ходячую надменность.

– Красавец. Но такая сволочь...

Очередная ошибка природы. Очень жаль.

– Виола, мне он так не понравился, просто жуть! Очень гадкий тип.

– Вполне возможно.

– Девочкам нравится. Они в нем ничего плохого не видят. Наверное, я придираюсь.

Драконница передернула крыльями. Будь она человеком – я бы сказала «пожала плечами».

– Ты можешь просто чувствовать.

– Чувствовать?

– Конечно. Связь с драконом обостряет чувствительность человека.

Раньше я об этом не задумывалась, но вполне возможно.

Связь с драконом определенно эмпато-телепатической природы. А эти способности у кого-то развиты сильнее, у кого-то слабее. Но если они один раз проснулись... это как приемник.

Включил?

Будешь ловить все каналы. Нравится, не нравится, от шума не избавиться. Может, и я случайно поймала мысли его высочества? То, что «не для публикации»?

Хотя... а что меня зацепило?

Ну, презирает он здесь всех. Все правильно, с точки зрения санторинцев мы действительно тут все... не такие. Мы же почитаем не Сантора, а Даннару и Ортара. Сантора тоже, но меньше.

Не нравится ему в академии.

Можно подумать, американскому генералу понравится на советской военной базе! Так, к примеру!

Это ж вероятный враг!

Более того, это оружие, которого нет у них. Драконы...

Конечно, принцу это не нравится. И то, что он сюда приехал...

– Не попытался бы какую гадость подстроить, – озвучила я то, что меня нервировало.

– Мы сильнее.

А вот у меня такой уверенности не было. Сильнее...

Только вот в жизни чаще побеждает не силач, а подлец.

– Давай поплаваем? – предложила Виола.

Я кивнула и забралась на спину драконнице. Теперь, направляясь к ней, я пододевала под юбку кожаные бриджи. Дракон – не лошадка,

неудачно чешуей проведет – и до крови. До мяса шкурку снимет, это хуже, чем акула с ее наждачной кожей.

Летать мы пока не пробовали, там требовалась еще и сбруя. А вот к ней-то у нас доступа и не было. Казенные комплекты выдавались под расписку и хранились на складе.

Заказать?

Для этого нужны размеры дракона. И... шорника удар хватит. Это же все специфическое, и седло, и ремни. Поэтому пока мы просто ездили верхом. Я училась держать равновесие и держаться, а Виола привыкала к моему весу. Мы постепенно срабатывались.

А летать действительно хотелось.

Но страшновато.

Ладно, хотя бы поплаваем.

* * *

Санторинцев поселили в тот самый гостиничный корпус, неподалеку от преподавателей. И уже на следующее утро мы увидели их в столовой.

За отдельным столом, разумеется. Столами. Принц и десять его приближенных отдельно, ректор с ними, в знак уважения. Еще два стола, я так поняла, для не особо приближенных и для слуг.

Мне захотелось завывать.

Залезть в свою комнату и не выходить из нее неделю!

Две!

Пока эти типусы отсюда не свалят! Не из-за личной неприязни, нет. Просто все девушки восхищались черноволосыми красавцами и активно строили им глазки. А поскольку делали они это, пытаюсь заодно позавтракать, пришлось быть особенно осторожной. Шаг не туда – и тебя украсят кашей, обольют компотом или просто смахнут в сторону изящным движением бедра.

Все это – умильно глядя на санторинцев.

Тьфу!

Кое-как я избежала основной опасности, уселась за свой столик и принялась наблюдать.

Да, обаяние зашкаливало. Девушки ахали и охали. Парни краснели, бледнели и зеленели со злости. Играли мышцами и сверкали глазами.

Ко мне подсел Эстебан Гил. Я не возражала. После того как он сломал нос Арчибальдо Бареси, а потом пришел ко мне извиняться за приятеля, я стала к нему относиться чуточку получше. Небезнадежен.

– Каэтана – можно?

Я кивнула.

Гил проследил за моим взглядом и помрачнел.

– Тебе они нравятся? Тоже?

Язык сработал быстрее мозгов.

– Санторинцы? Да никогда и ни за что!

Эстебан ошутимо расслабился.

– Многим нравятся. Девушки млеют.

Я махнула рукой.

– Эстебан, они приедут и уедут, а вы останетесь. Те, кто поумнее, это понимают. Просто оттачивают навыки. Как тренировка.

– Тренировка?

– Конечно.

Рассказ о правильной стрельбе глазами Эстебана позабавил. Потом парень начал выискивать тех, кто делает что-то подобное, девушек оказалось неожиданно много, но у Гила это уже вызвало улыбку. Мы жевали кашу, посмеивались... чужой взгляд я ощутила внезапно. Когда Эстебан поднялся и поцеловал мне руку.

И обернулась.

Тяжелый такой взгляд, давящий, расчетливый... кто это?

На меня смотрел его высочество Баязет. Лично. Кажется, ему не нравилось, что кто-то не попал под массовый психоз. Ну и что?

Я ответила равнодушным взглядом и отвернулась. Была охота в переглядочки играть! Пусть своих подданных дрессирует, а мне эти игры неинтересны.

Мне интереснее пойти на океанографию, тем более что у меня уже очень многое готово.

Науэль Перез, получив на руки сводные таблицы, графики и расшифровки формул, несколько минут просто стоял и хлопал глазами.

Ну да.

Так часто и бывает, получить данные может любой лаборант, обработать – аспирант, а вот сделать выводы, увидеть пути применения и направление дальнейшего исследования – это уже докторский уровень. Хотя иногда так и профессора не могут.

Я могла.

Данных было маловато, но я справилась. В осях, но нащупывались зависимости миграции тварей от течений, причем теплых. Холодные течения их не привлекали.

Прослеживалась зависимость от сезонов. К примеру, летом тварей было раза в три больше, чем зимой. По датам... несколько лет подряд твари вылезали в одну и ту же дату – день летнего солнцестояния. По количеству...

Эс Перез читал, размышлял, потом плотоядно посмотрел на меня.

– Эсса Кордова, вы же хотите и дальше заниматься океанографией?

Не хочу. Но и выхода нет, правильно?

Так что я изобразила внимание, и эс все понял.

– Океанография у вас будет все три года. Зачеты в том числе. А я скоро получу еще данные...

Я спорить не стала.

– Эс Перез, нельзя ли попробовать привязать тварей к географическим точкам? Вот смотрите, когда сводишь все воедино, получается, что они мигрируют в одном направлении. Вот эти два... прайда... ползли на сушу. Выбрались вот здесь – зачем? Тут же нет людей!

– Я не думал над этим вопросом.

– Я примерно наложила траектории передвижений на карту Нареса. Но это надо сидеть и думать. Что, куда, зачем... они два раза выбирались именно здесь. Заметим, теплое течение несет их вот сюда. – Я ткнула карандашом в карту. – И тут неподалеку деревня, они могли спокойно до нее добраться. Но сворачивают в сторону – почему?

– Эсса Кордова, вы не даром дочь своего отца.

Я промолчала. Подозреваю, папеньку кондрашка хватит от таких дочерних познаний.

– Как вы думаете, если я напишу эсу Кордове и попрошу помочь с вычислениями – он не откажет?

Я развела руками.

– Боюсь, что откажет, эс Перез. Не забывайте, ученые очень ревниво относятся и к своей славе, и к своим исследованиям...

Эс Перез сообразил, что в таком случае сливочки снимет не он, а мой отец, – и успокоился.

Я потыкала грифелем в круг на карте. На «хвосте» Нареса.

– Лоан. Их что-то тянет именно сюда. Что и зачем?

– Я свяжусь с коллегами, эсса Кордова. Действительно, никто и никогда не задавал подобных вопросов. Твари есть, они ползут, их надо уничтожать...

Я кивнула.

И есть, и ползут, и уничтожать надо – никто и не спорит. Только вот картина вырисовывается невеселая. Не просто так они ползут, а куда?

И зачем?

Нет ли на суше того, что их притягивает? У Лавкрафта было нечто подобное. Храмы древних богов или там обряды жертвоприношения, может, руда какая или артефакты...

Не знаю.

Но уверена, что это надо выяснять.

Если и не получится избавиться от этих тварей, то, может, сбить им прицел? Пусть плавают в море и не лезут на сушу, там их вылавливать будет проще?

Или пусть лезут на сушу в определенном месте? Чтобы пролетела пара драконов, наелась, потом следующие полетели за кормом...

Не знаю. Пока слишком мало данных.

И еще...

– Профессор, а что у нас есть по появлению тварей? Они были всегда? Или есть какие-то предания? Я этим раньше не интересовалась, но ведь и повода не было! И спросить не у кого. А вы все-все знаете...

Эс Перез расправил плечи.

– Конечно, знаю. Эсса Кордова, странно, что вы об этом не знаете. Это же основа.

– Эс, прошу вас! Может, я знаю что-то не то или не так... домашнее образование имеет свои недостатки.

Эс снизошел.

– Это старая история. Раньше богов было семь. Теперь их осталось пятеро. Потому что двое богов, в гордыне своей, решили слиться в единую сверхсущность и править миром. Что-то пошло не так – и в единый миг храмы их перестали существовать. Имена были забыты, книги сожжены, люди перестали им поклоняться.

– Отец считал эту информацию необязательной для эссы. – Я вздохнула. – Эс Перез, а за что отвечали те два бога?

– Земные недра. И животные. Кажется. Точно не помню...

Ну да. Это ж не течения.

– Хм... а где располагались их храмы? Если прикинуть на карте?

– У меня нет такой информации, эсса Кордова. Это было давно, когда драконы были неразумными. Может, несколько тысяч лет назад, я не знаю.

Я ткнула грифелем в получившийся круг, с отвращением поглядела на получившееся пятно и подумала о карандаше. Вдруг его удастся сделать? Идея-то несложная, хотя как протачивают половинки карандаша, я и до сих пор не представляла. Горячим прутом прожигают? Или как-то еще?

– Я бы не удивилась, эс Перез, если твари появляются в районах бывших храмов. Или ползут к ним. И еще – надо смотреть по датам. Не хотите попробовать?

Эс Перез уловил мою мысль.

– Эсса Кордова, это надо делать запрос в храмы... я попробую.

– Пожалуйста, – вежливо сказала я. – Я могу обработать данные, но только если они есть.

Эс Перез вспомнил, что главный здесь он, и приосанился.

– Да, конечно, эсса. Что ж, научная работа требует времени. Возможно, я сам съезжу с вашими... нашими данными в столицу.

– Вашими данными, эс Перез, – медово подсказала я. – Именно вы обратили на них внимание, вы решили их обработать, вы делаете выводы...

Сокурсники зашипели, но быстро смолкли. Видимо, нашелся кто-то умный, утихомирил остальных. Эс Перез подумал и расправил плечи.

– Вы правы, эсса Кордова. Что ж, мы обязательно получим эти данные. Самое сложное – первые шаги, но, по счастью, они уже сделаны!

Первопроходец горделиво расправил плечи и огляделся.

Я покивала.

Что ж, будет у меня еще одна тема для изучения. Действительно, не просто ж так повыползали эти монстрики? У них наверняка есть повод и причина. И их надо найти.

* * *

Санторинцы продолжались – три раза в день. Утром, в обед и на ужине. Мариса выглядела ошалело влюбленной, чего уж там. С языка у нее не сходил один и тот же персонаж.

– Принц Баязет! Он такой...

Самый красивый.

Самый умный. Самый-самый потрясающий и попирающий своей ногой вселенную... а какие у него уши эстетичные... нет? А, все равно – он полное ми-ми-ми. И му-му-му вдогонку.

С другой стороны, в кого еще и влюбляться, если не в принца? Хорош, паразит, даже я это признаю. Но все же...

Другая культура, другие обычаи.

– Мариса, а ты серьезно в него влюблена?

– Как это проверить?

– Да запросто. Ты хочешь за него замуж?

– Каэ... это нереально. Моя семья будет опозорена. Но смотреть на него, любоваться, знать, что он есть в этом мире, мне никто не запретит.

Я кивнула.

Это понятно; у нас куча девчонок обожает всяких поп-звезд. Хотя запи их с такой звездой в одном доме, и через неделю там будет убийство с расчлененкой. И суд девчонок оправдает. Вот здесь то же самое. Видела его Мариса пару раз в столице, читала в газетах, мордашка симпатичная, опять же – принц. У меня так знакомая в английского принца, кстати, влюбилась. Хотя там-то вообще ужас фотокамеры. На него глянешь – объектив завянет. Но принц же ж!

А тут есть на что посмотреть и что потрогать.

Хотя обычаи у них...

Все равно жуть и жесьть. Но Мариса цвела, летала и сияла.

Ну и пусть. Помечтать тоже надо, когда еще, как не в юности?

Судя по ответу, она не влюблена, но увлеченность – тоже неплохо. Приятно и полезно для цвета лица.

Приближался День Выбора Дракона.

Парни дергались и нервничали, Матиас, кстати, злился и бесился. Мариса проговорила, что его наказали за ту драку. Запретили участвовать и пообещали, что в следующий раз он вылетит пробкой из бутылки.

Я подозревала тут руку Хавьера т-Альего, но скромно молчала. При случае надо будет спасибо ему сказать, но так, чтобы не подставить несчастного. У него жена хуже дракона, тот только на врагов кидается, а эта на всех подряд.

Санторинцы, числом десять штук, тоже собирались участвовать. И вот что хотите со мной делайте... наверняка ведь есть какие-то методики на этот счет!

Более чем уверена.

Как я поняла, этот самый Выбор представлял собой что-то вроде ментального совпадения. Человеческий мозг – это сложная электроника. Да, в нас нет чипов, но мы так же ощущаем электромагнитные и прочие волны, мы что-то принимаем, записываем, наш мозг ничего и никогда не забывает...

Разум дракона тоже устроен достаточно сложно. И если я правильно понимаю, с человеком оно работает по принципу «прием – передача данных». Если дракон и человек на одной волне, все просто шикарно.

Если нет – берем другого человека или другого дракона, и пошла выборка...

Если за это время не придумали ничего такого, чтобы посбивать настройки или вообще заглушить их, – можете надо мной смеяться. Наверняка что-то такое есть.

Пищевые добавки?

Какие-то зелья?

Камни, глушилки... да мало ли что? Может, и просто поговорить с драконами. А потом, к примеру, выдать санторинцам зеленую одежду

и попросить ящерок вот с этими, зелененькими, не общаться? Или опрыскать их чем-то таким, достаточно вонючим и не слишком заметным для человека? Если драконы разумны, они это отлично поймут.

Я точно не знала, но подвох подозревала. И была уверена, что санторинцы тоже не идиоты.

Пока они вели себя как обычные парни. Гуляли по академии, посещали занятия, его высочество вообще активно участвовал в культурной программе...

Охота, поездка на яхте, визит в драконарий...

С нашего курса две девушки тоже пали жертвами обаяния санторинцев.

Нарсия Карсез и Кайа Ибанес. Обе жеманились и вздыхали, обе составляли компанию санторинцам... ректор не протестовал. Но когда я спросила у Марисы, не хочет ли та... почему нет?

Девушка отказалась наотрез.

– Ты что! Так нельзя... это позор для моей семьи!

– А эти две умницы почему тогда себя так ведут?

– Потому что Карсез можно, а Кайа... Дура!

– А объяснить?

Мариса фыркнула. Выгорит у нас с ее братом, не выгорит, она не знала, но просвещала меня и из этих соображений. Невежда в семье – тоже горе.

– Карсез из недавних богачей, титул они себе купили. Там хоть ты что делай – не опозоришься. Их и так не везде принимают, и отношение к ним... такое.

Я кивнула.

Понятно, это как братки в девяностых. Деньги есть, но и отношение, и все остальное... тут такое тоже бывает.

– А Ибанес?

– Тут обратный вариант. До академии ее вообще никуда не вывозили. Понимаешь?

– Меня тоже.

– Ты не такая. А Ибанес очень наивная. Я знаю, ей пытались намекать...

– Серьезно?

– Кажется, она влюбилась. Ты же видишь, какие они...

Я видела. И скромно молчала о принце. Ну да, красавцы. Если и не идеальные, то экзотичные и привлекательные. А девственность тут...

Она обязательна. Но когда это бабы мужчин не дурили? С куриной кровью и обмороками?

Как по мне, так изначально.

Пусть девушки развлекаются. Я отвечаю за себя и за своих девочек, а стеречь каждую дуреху – никакой полиции не хватит.

Интерлюдия

1

– Ты уверен, Санджар?

– Великий, полностью может быть уверен только Сантор. Но мои опыты принесли немалый успех. Вы нашли родники, которые питают пещеры этих тварей? С поверхности? Или где они выходят на поверхность?

– Да.

– Тогда все в ваших руках, Великий. Прикажите поместить кувшины в ручьи – и будем ждать результата.

Его высочество принц Баязет задумчиво поглядел в окно.

– Да, пожалуй. Если кто-то из наших людей будет выбран драконом, мы отменим этот план. Но если опять... эти твари нарочно, я даже не сомневаюсь! Так не может быть, чтобы никто не подошел никому...

Санджар имел на это свое мнение.

Как ученый он отлично знал, что десять опытов – мало! Вот если двадцать, тридцать, семьдесят... причем не раз в пятьдесят лет, а каждый год – тогда имеет смысл говорить о злом умысле. Но спорить с его высочеством?

Нет-нет, на такое Санджар не соглашался.

Как любой человек, он хотел жить долго, жить хорошо, а еще...

Еще – заниматься наукой!

Всегда, с самого детства, задавал себе Санджар один и тот же вопрос.

Почему?

Почему льет дождь?

Почему солнце желтое?

Почему вода мокрая?

Таких «почему» было очень много, на некоторые удавалось найти ответы, но большинство оставались без них.

Санджар рылся в библиотеках, скупал свитки, ставил опыты, тратя на это все свои средства... С его высочеством он столкнулся случайно. Принц Баязет тоже увлекался старинными инкунабулами, только для него это не было главным.

Польза!

Вот что он искал в любом трактате!

Не знания ради знаний, чистых и высоких, а презренную грубую пользу. Но Санджару ли жаловаться? Его высочество оценил увлеченность своего слуги и взял на службу. Хотя Санджар и так бы согласился, даже без денег, просто за доступ к древним свиткам и тайным знаниям.

Принц, правда, не давал рыться в архивах просто так. Он требовал от Санджара ответов на конкретные вопросы, но разве это так сложно?

В чем-то Санджар даже был благодарен его высочеству. Сам бы он не стал рыть в этом направлении, а когда его высочество задавал вопросы, Санджар искал ответы и на них, и на свои вопросы. И задавал новые.

Если бы еще принц не был таким требовательным...

– Санджар!

Ох! Задумался...

– Я пыль у ваших ног, Великий.

– Не смей отвлекаться! Готовь свой яд – на всякий случай через пять дней.

– Да, Великий.

Санджар не стал говорить, что все и так готово. И проверено. Правда, на пустынных ящерах^[21], но велика ли разница?

Скоро они об этом узнают.

– Великий, могу ли я присутствовать при Выборе?

– Как и мы все, Санджар. Как и мы все...

Санджар поклонился.

– И я хочу, чтобы ты смотрел внимательно. Может, ты увидишь нечто такое...

– Да, Великий.

Санджар и сам был намерен смотреть в оба. А вдруг?

Хотя и яд ему было интересно опробовать. Наука же!

Мысли о том, что погибнут драконы, что драконы тоже разумные, что им будет больно, что яд – это мерзость...

Нет, это ему в голову не приходило! А вот получить ответы на свои вопросы – интересно! Чистая наука!
Все во имя чистой науки!

2

– Хавьер, у тебя все готово?

Т-Альего кивнул.

Эс Орландо Чавез, ректор академии, тяжело вздохнул.

– Придется устраивать еще один Выбор. Но это позднее, к весне. Когда вельха уйдет из организма естественным путем.

Эс т-Альего опять кивнул.

А что тут говорить? Есть вещи, которых допускать нельзя. К примеру, допускать в ряды драконариев посторонних. Или отдавать драконов в чужие руки. И для этого давно придуманы средства.

К примеру, трава вельхи. Добавляй ее понемногу в пищу, и чувствительность людей понизится. Какой там Выбор Дракона?

Они ничего не будут чувствовать. Будут более рассеянны, легкомысленны... а для Выбора надо сосредоточиваться. Разум человека, принявшего траву, словно затуманен, а человек даже этого не осознает. Вот вельху^[22] и добавляли дорогим гостям.

Справедливости ради, ее добавляли не в тарелки, а в кастрюли, так что страдала и часть третьекурсников. И преподаватели.

Сам эс т-Альего перешел на домашнее питание. Драконам все объяснили. Но пока не пройдет Выбор, нервы все равно позвенят. И у него, и у ректора.

Его величество не отличается добротой и не склонен прощать неудачи. Так что... санторинцы Выбор не пройдут. И точка.

Осталось потерпеть каких-то три дня.

3

– Почему с тобой не приходит та симпатичная самка? Которая меня чесала?

Эдгардо Молина, который вот этим и занимался, чесал Эстарга, даже чесалку уронил. И тут же получил ее обратно.

Лапки на верхушках крыльев у драконов вовсе не рудиментарные, с их помощью можно выполнять достаточно тонкую работу. А можно и палочку поднять и подать.

– Чеши, не отвлекайся.

Эдгардо возобновил почесушки.

– Она приходит к собственной драконице, наверное. Ты в курсе?

– Да. Виола довольна. Она говорит, что у нее хорошая подруга, умная, добрая и осторожная.

– Да... Каэтана такая. Наверное.

За последнее время Эдгардо нечасто думал о Каэтане. Очень уж она время удачно подгадала. Не успели они с драконицей выбрать друг друга – санторинцы приехали. А до того Хавьер т-Альего загонял тренировками. Санторинцы ж едут!

Вечером у Эдгардо только и сил было в кровать упасть.

Думать?

Для этого надо хоть пару минут свободных иметь. А Эдгардо всю эту историю воспринял примерно так: обошлось – и слава богам. Потом в храм сходит, пожертвует. Потом подумает, что и к чему.

А сейчас...

Выспаться бы! Но кто ж даст?

– Тебе она не нравится?

– А должна? – удивился Эдгардо.

– Мне Виола нравится. Она красивая. Белая такая, изящная...

Эдгардо задумался.

Нравится ли ему Каэтана? Ответа не было. Она – какая?

А правда? Какая она – Каэтана Кордова? В памяти всплывало что-то серое, размытое... невнятное пятно. Вроде она невысокая. И стройная. И лицо у нее без прыщей.

И – все?

Хм-м-м-м-м...

– Я не задумывался. Но мне кажется, Каэтана себя прячет.

– Почему?

– Не знаю...

– Ваши самки стараются выглядеть ярко. Я знаю. А эта наоборот? Она не хочет свить гнездо и сплести шеи с другим драконом?

– Действительно странно.

Эдгардо вдруг понял, что и разговаривать толком с Каэтаной не разговаривал. А ведь девушка, которая прошла Выбор Дракона впервые за столько лет, просто не может оказаться пустышкой. Какие у нее волосы? Глаза?

Сложный вопрос.

Мужчины и женщины воспринимают мир по-разному, этим Каэтана и пользовалась. Если женщины подмечают мелкие детали, то мужчины воспринимают образ в целом. Вот она и выглядела серой и размытой. Вот Эдгардо и не мог сказать ничего определенного.

А захотелось.

Поговорить, посмотреть на настоящую Каэтану, может, и поухаживать? Если Эстаргу нравится Виола, можно проявить внимание к ее подруге.

Но это Эдгардо сделает после отъезда санторинцев. Пусть приедут, потом уедут... сейчас не время привлекать к себе внимание, а вот потом он этот вопрос разъяснит.

Время у него еще есть, ему предложили место в отряде, и он это предложение принял. И отец не против, вот лет через десять-пятнадцать Эдгардо переведется поближе к столице и будет принимать постепенно родовые дела.

И вылетать с Эстаргом тоже, конечно. Механизм отработан.

Просто с возрастом у человека хуже становится реакция, да и здоровья годы не прибавляют. Поэтому Эдгардо перейдет из активного боевого подразделения в патруль и будет летать вдоль побережья. Это и не так опасно, и времени занимает меньше, и на семью ему хватит.

Но это потом. А пока он полгода еще побудет в академии и сможет поближе познакомиться с Каэтаной Кордовой.

Если она умеет так прятаться на самом видном месте, она незаурядная женщина. И заинтриговала она Эдгардо, что уж там...

Эс Молина решительно собирался разобраться с этой загадкой. Дайте немного времени...

Глава 10

Выбор Дракона.

Чего я не понимала, так это зачем драконам – люди. Но у меня еще есть время это узнать.

А сегодня...

Выбор!

День Выбора Дракона.

Кто и кого выбирает – непонятно, но ясно, что все должно быть обставлено очень торжественно. Тем более в этот раз к Выбору и санторинцев допустили... последний раз это делали так давно, что никто и не помнит. Из тех, кто тут работает.

Раэн Сориа постоянно ворчит, что не к добру. Но – политика.

В этот раз всего было тридцать восемь претендентов.

Десять санторинцев.

Двенадцать наших – первокурсников.

Да-да, четверо не допущены. Те самые... Матиас Лиез и компания. Эс т-Альего постарался, за что я ему была благодарна.

Я, конечно, и сама им вломила неплохо, но добавка не помешает. Матиас мне не нравился. Вот Мариса – дело другое. Даже странно, что они с Матиасом из одной семьи. Или нет?

Если там отец... если сыночек пошел в папочку, неудивительно, что Мариса такой выросла. Она была обязана или сломаться, или стать мразью, или развить в себе повышенную сопротивляемость. И мать, наверное, помогла.

А Матиас – пакость.

Таких необходимо постоянно окорачивать. Лупить по рукам, ставить на место. И не дай бог кому оказаться в его власти. Безнаказанность таких только провоцирует.

Та еще мразь выросла. Таким надо не дракона, а слизняка. Испанского, крупного. Самое тотемное их животное.

Остальные?

И его прихлебателям по слизняку. И можно без хлеба. Ладно... Гилу можно черепаху. Он тоже тормоз. Пока до него доползет – как раз неделя пройдет.

Остальные шестнадцать – второкурсники и третьекурсники. Те, что в прошлом и позапрошлом году не нашли себе дракона по сердцу.

Или их дракон не нашел. Название у дня уж очень... двойное.

Выбор Дракона? А кто выбирает-то? Дракон? Человек?

Дракон, понятно. И он может легко это сделать в любой момент, вот как Виола. Пошла и выбрала. И поди фыркни против. Но людям же так нельзя! Им же не ехать, им шашечки! Понты и церемониал! Дешевые спецэффекты!

Но выглядит это очень торжественно.

Под амфитеатр оборудована большая площадка в горах. Идти туда надо часа полтора, но никто не жаловался. Такое зрелище!

Мы все рассаживаемся по местам.

В самом низу третьекурсники, повыше – второй курс, первый – на самом верху. Матиас и компания, кстати, даже не были сюда допущены. За проступки.

Мужчины стоят посреди арены. Они рассредоточились по всему ее периметру, стараясь оставить расстояние между собой и остальными, хотя бы пару метров. Все одеты совершенно одинаково, и различить их можно только по цвету волос.

Санторинцы смуглые и черноволосые, наши – разные. Есть даже один рыжий. Но равенцы не такие смуглые, даже когда у них волосы черные.

Кто-то спокоен.

Кто-то бледен.

Все одеты в одинаковую одежду. Белые штаны, белая рубашка, больше всего похожая на мешок, в котором прорезали дырку для головы.

Все босые, все без украшений.

Все оглядываются и ждут.

Для начала – речь ректора.

Эс Чавез выпрямился, откашлялся для солидности.

– Друзья мои! Драконари! Сегодня для вас знаменательный день! Кто-то из вас уже прошел через Выбор и обрел своего дракона. Кто-то обретет его сегодня. И поверьте, это будет самым счастливым днем в вашей жизни! Но даже если ничего не произойдет – не отчаивайтесь. Вы всегда можете повторить свою попытку – через год или через два.

И я верю, что у вас все будет хорошо. Но стоит помнить, что драконарий – это не просто красивое название. Это ответственность...

Ровно через минуту я отключила мозг и перевела речь ректора в режим фонового шума.

Бюрократы одинаковы везде.

В этом мире, в том мире... какая разница? Им везде надо подчеркнуть свою значимость, везде надо рассказать о своей незаменимости... и везде, везде только общие фразы, без капли смысла.

Такую пургу можно гнать километрами.

«В то время как космические корабли бороздят просторы Большого театра...»^[23]

Олинда пнула меня в бок.

– Не спи, замерзнешь!

– Словоблудие закончилось?

– Да. Выпускают малышкой.

Я внимательно уставилась на арену.

По сложившейся традиции, сначала свой Выбор делает молодняк. И на арену медленно выходили молоденькие, всего-то три-четыре метра в длину, дракончики.

Они шли не спеша, принюхивались, приглядывались.

Я смотрела с интересом.

Почему разумная жизнь во вселенной не связывается с людьми? Потому что разумная.

Драконы не просто связались, они находятся с людьми в симбиозе. Но зачем?

Эх, поле непаханое для биологов, химиков и даже зоопсихологов. Если не съедят.

За этими размышлениями я чуть не пропустила, как один из драконов – некрупный, темно-синий, остановился напротив эса с нашего потока. Кажется, эс Кристобаль Рамос.

Какую-то долю секунды человек и дракон смотрели друг на друга. А потом Кристобаль застонал, скорчился, схватился за виски... дракон аккуратно поддержал его мордой. Эс навалился на малыша всей тяжестью, но тут уж не сплеховали другие эсы, которые присутствовали на арене. Помогли парню опуститься на песок, а потом и на носилки погрузили. И унесли. Дракон шествовал за ними,

аккуратно сжимая в пасти ладонь своего человека. Я заметила, что контакт не разрывался ни на секунду. Когда мы с Виолой – я не могла видеть себя со стороны. Но мы вроде сначала кровь попробовали, а потом уже все остальное? А тут у ребят наоборот?

Они получают сильный ментальный удар, а потом закрепляют воздействие кровью? Или это только сейчас так? При санторинцах? Чтобы не открывать лишнего?

Так же обрели свою судьбу еще шестеро эсов. Трое с нашего курса, в том числе Виргилио и Рубен, двое третьекурсников, один второкурсник.

Всех их унесли на носилках, и все выглядели примерно одинаково.

Стонали, держались за головы, лица у них выглядели... хотя что там поймешь, когда лицо искажено от боли?

Это неприятно? Мне было вполне нормально, но это мне. А ребятам? Которые не привыкли постоянно и ежедневно подгружать в свой мозг новую информацию?

Наверное, это как поленом по голове, особенно впервые.

Я точно не знаю, в подробностях литература скупа. Мне только встретилось раз сравнение с ключом и замком.

Первый раз – всегда самый сложный. И вставить ключ в новый замок, и повернуть его... а потом уже все будет легче и легче. Металл тоже притирается...

Малышня сделала круг – и ушла с арены.

И над ней в воздухе закружились драконы.

Ага, это тоже понятно. Если они опустятся на арену все сразу, они ее в три слоя закроют. И уплющат всех присутствующих в блинчик.

Поэтому они кружатся в воздухе, снижаются все ближе и ближе к земле, словно бы приглядываются, прислушиваются к чему-то...

Истошный визг едва не снес меня со скамейки. Визжала Нарсия Карсез.

Чего она орет?

Оказалось, что один из драконов пролетел так низко, что ей ветром прическу взъерошило.

И что?

Я бы ее пнула, но первой успела Ярина Лонго. Она отвесила подруге затрещину. Нарсия всхлипнула – и свалилась в показательной

обморок. Ну и пусть ее, хоть помолчит.

Драконы снижались.

А потом один из драконов вдруг подхватил парня с арены – и снова взмыл вверх.

Человек свисал из его пасти, как тряпка.

И второй, и третий...

Это происходило очень быстро. Такой круговорот, вроде бы только что дракон летел у тебя над головой – и вдруг стремительный бросок вниз, и такой же бросок вверх.

В небо...

Теперь я поняла, как они сражаются.

За такими резкими движениями даже глаз уследить не может.

Вниз, вверх, опять вниз и вверх – карусель крутится, заставляя прикрывать глаза, голова кружится от увиденного.

Кто-то еще из девушек свалился в обморок.

А потом все закончилось. Как-то резко, в один миг... Я посчитала число человек на арене.

Ровно тринадцать.

Все санторинцы, их легко узнать. И трое ребят.

Один из них упал на колени и разрыдался. Двое других кинулись к нему... один первокурсник, один второкурсник. Помогли подняться, повели прочь. Второкурсник и сам едва сдерживал слезы.

Ну да, у него еще меньше шансов осталось.

Внизу, в ложе для почетных гостей, что-то высказывал ректору разъяренный принц Баязет. И чего он ядом плюется?

Понятно же, никто и никогда не даст драконам выбрать не тех людей. Не знаю, как это происходит. Надо полагать, знает ректор и знают драконы.

Так что...

Приехали, гости дорогие, в Выборе поучаствовали, теперь Зимний бал – и свободу попугаям. То бишь – валите на все четыре стороны. К себе в Санторин.

Только вот...

Если я это понимаю, это понимал и принц. Уж не тупее меня, наверное.

А если он это понимал, какой у него «план Бэ»? И есть ли у нас возможность ему противостоять?

Не знаю.

Надеюсь, что об этом думает и знает ректор. Но я на всякий случай подержусь подальше от санторинцев. Целее буду.

Только вот... мне, как обычно, не повезло.

* * *

Вот чего я не хотела, так это вмешиваться в прекрасные отношения Кайи Ибанес и какого-то парня из Санторина. Уж простите!

Кайа на меня каждый раз смотрит так, словно у меня вши. А санторинец... это вообще отдельная тема. Она не знает, с кем лучше не крутить?

Сама дура.

Нет, я бы и шага не сделала. Но...

Звук пощечины – не то, чего ждешь от мирно удалившейся в бухту парочки. И резких слов по-санторински. Не знаю я их языка, не знаю...

И голос Кайи:

– Нет, прошу, не надо, нет...

Мы с Виолой переглянулись. Называется, хотели поплавать, шли мимо. Шла я, Виола скользила рядом.

– Ты пойдешь? Или мне?

Я качнула головой.

Дракон загрыз человека? Напал, потрепал... Один фиг – международный скандал будет.

– Я сама. Подождешь нас здесь?

Виола и спорить не стала. Развалилась кверху лапками, словно громадная кошка.

– Подожду.

В моих способностях она не сомневалась. Один санторинец?

Ну-ну. Было б там все посольство... но тогда бы им не хватило Кайи. Я легко сбежала по тропинке.

Ну что, картина маслом по дороге. Кайа, на коленях, с самым затравленным видом.

Санторинец, который одной рукой держит ее за волосы, а второй достает свой ценный орган. Кстати – не впечатлило. Так себе

размерчики. И поинтереснее видывали.

Кайа всхлипнула. Я вежливо кашлянула.

– Не помешаю?

Обернулись оба, Кайа вскрикнула от боли, волосы-то ей никто не отпустил, санторинец поднял брови.

– Ещ-йо одна? Ид-и сью-да, дефка, тебе понравьит-ся...

Я сморщила носик.

Серьезно?

Мне вот это должно понравиться?

Но чтобы разобраться с парнем, надо, чтобы он отошел от Кайи. Вот ведь дрянь! И молодой совсем, лет двадцать, не больше...

– Кайа, он человеческий язык понимает?

Девчонка заторможенно кивнула. И снова всхлипнула от боли.

Я прицелилась указательным пальцем в санторинца. Чтобы точно знал, что я говорю именно ему.

– Твой огрызок можно только мышам показывать. Понял? К людям с таким лезть – только позориться.

Что не может вынести «ну настоящий муш-ш-ш-шына»? Да вот этого. Насмешки над его мужским достоинством. Куда и похоть пропала? Осталось только желание засветить мне оплеуху. Но для этого пришлось оттолкнуть Кайю. Девушка отлетела в сторону, парень шагнул ко мне, замахнулся...

Наивный!

Конечно, драться я с ним не стала. Просто уклонилась – и подставила подножку. Еще и в спину толкнула посильнее. Но парень сам виноват. Если бы он не лез к девушке, не лез ко мне... ну хоть не поленился бы спуститься до конца бухты. А то ведь прямо на тропинке, на середине приставать начал...

А тут склон, хотя и небольшой.

А галька скользкая.

Вот и укатился бедняга вниз, гремя костями. Я схватила Кайю за руку.

– Пошли!

– А... – Девушка дернулась.

Я потянула ее сильнее.

В том и беда. Я могу его сбить с ног, могу ошеломить, но... я не могу серьезно калечить придурка. Это международный скандал. А

иначе его не остановить.

Надо убираться, прежде чем он выползет.

Кайа послушалась. Я потянула ее еще сильнее, прислушиваясь к шуму. Ну же... ага!

Вот и моя тропинка. В ближайшую незанятую бухту, и Виола нас уже ждет, даже хвостом помахивает. Мол, быстрее, поторапливайтесь... дурачок уже пришел в себя!

Мы проскользнули мимо, я повернула камешек темной стороной – и кивнула Виоле. Дракоша тут же перегородила дорогу.

Не думаю, что санторинец знает отличия дракона-мальчика – и дракона-девочки. Под хвост точно заглядывать не станет. Так что...

Кайа даже не дернулась. Видимо, санторинец сейчас казался ей страшнее дракона. Я кое-как дотащила девчонку до воды и принялась умывать. Помогло. Через пару минут она начала отплеиваться от морской воды, а там и возмутилась.

– Кордова! Ты что делаешь?!

– О, пришла в себя? Отлично!

Пришла настолько, что вырвалась из моих рук, отплевалась от воды, а потом вдруг сообразила, как здесь очутилась. Дошло!

– Т-ты... как?!

– Вот так. Проходила мимо.

Кайа дернулась, словно от удара.

– П-просто мимо?

– У меня были свои дела. Смотрю, этот гад тебя почти тащит... ты не выглядела счастливой.

Кайа медленно, словно в дурном сне, кивнула.

– Д-да... я не хотела. Он сказал...

Девушку затрясло. Началась истерика.

Я махнула рукой, уселась на удобный камешек (надеюсь, ненадолго), приобняла балбеску и дала порыдать минут десять. Наверху кто-то топотал. Если и санторинец... да и фиг с ним. Если полезет к Виоле – сам себе будет злобный дурень.

Не полез. Ладно, побегает минут пятнадцать да и поймет, что никого не дождется. И адиос, амиго.

А пока можно и послушать очередную версию на тему «казался орлом, оказался козлом». Чего уж там, оно неизбежно и вечно.

А от мужчин обычно слышится: «казалась доброй, оказалась коброй». Так что все взаимно, ничего нового...

Ну вот... Кайа думала, он хороший. Compliments говорил, гулять водил, ухаживал, даже серьги подарил... Да знает она все! Что по законам Санторина такой подарок – это вопрос. Причем конкретный: дашь – не дашь? Если ты не жена, не невеста, не родственница, считай, ты даешь согласие на... да на все! Но здесь-то не Санторин! Вот она и не подумала...

Он же ТАКОЙ, ну... То есть он НЕ такой, он умный, он прогрессивный, он все-все понимал...

Я только глаза закатила.

И ведь не дуручка вроде! Но иногда... ну такая наивность! Конечно-конечно, привыкла здесь вертеть парнями и думала, что это везде работает?

– Ты в себя пришла?

– Н-немного.

– Вот и отлично. Давай успокаивайся, да я тебя домой провожу.

Виола будет ругаться, мы собирались поплавать, а потом я бы переночевала в пещерах. Но... как бросить девушку?

Никак...

Она в таком состоянии просто не дойдет. Нереально... у нее была истерика, сейчас откат пойдет, хорошо, если мне ее дотащить удастся. А то и в обморок свалится под кустом или заблюет половину парка. Запросто. Реакция на стресс у каждого своя. Подруга вон за два дня до экзамена есть переставала, ее даже от чая тошнило. Как будет реагировать Кайа – я не знаю.

Ревет вот...

Ничего, все пройдет. Было б из-за чего расстраиваться. Ничего не случилось... разве что червяка тебе показали... не червяка? Ну, слизняка. Или морковку. Тоже мне, беда века. Сходи, учебник по анатомии посмотри и успокойся. Или статую какую. Ты замуж-то как собираешься? Будешь мужа в темноте искать на ощупь?

Кайа громко шмыгнула носом в ответ на мои утешения.

– Н-нет... а там... тоже... Это?!

– Это у всех мужчин есть. – Я старалась не смеяться. Издержки воспитания. Крестьяне-то знают, откуда дети берутся, а эти... сначала растят девчонок в вате, а потом удивляются, что те всего боятся. Хоть

бы про птичек и пчелок рассказывали! – И да, такой способ, как хотел этот санторинец, тоже есть. Мужчинам нравится.

Кайа уставилась на меня со священным ужасом. Я тут же ощутила себя, как будто читаю «Плейбой» монашкам.

– Н-нравится?

– И что? Относись к этому спокойно. До свадьбы...

Кайа еще сильнее захлюпала носом.

– Я теперь грязная...

– Нет. Я тебя умыла.

– Я его... он меня...

Я встряхнула девушку за плечи.

– Не говори глупости. Он ничего сделать не успел. Ты девушка, как и была, а этот тип... да плюнь на него еще раз!

– Я...

– Пошли, я тебя провожу в общагу.

– А...

– Ушел.

Это я точно знала от Виолы. Драконица видела, как санторинец направился к себе. Ну и на фиг его... туда и еще раз туда.

Кайа выдохнула.

– Правда?

– Честное слово. Пошли.

Я кое-как потащила Кайю. Шла она плохо, наваливалась на меня, но хоть ногами перебирала – и то дело. Ничего, справились.

И до общаги дошли, никого не встретив, и до комнаты я ее проводила. Посмотрела, вздохнула.

– Сейчас вернусь. Откроешь мне.

– Х-хорошо.

У себя в комнате я не задержалась. Взяла мазь от синяков, взяла фляжку с крепким вином и направилась обратно. Кайа открыла почти сразу. Видимо, сидела у двери. Вот и мокрое пятно на полу. Да уж! Воспитали трепетную орхидею, а мне с ней возись теперь! Жаль, этот умник санторинский к Марисе не пристал. Или к Олинде. Мне бы и возиться не понадобилось. Ни с ней, ни с ним. Его бы в бухте и закопали. Или притопили.

– Каэ...

– Вот этим намажешь моську... – Я пригляделась и рукой махнула. Нет, бесполезно. – Ладно, иди сюда...

Раздеть, найти кружевную сорочку, одеть девушку, намазать синяк, потом налить в кружку сто грамм и протянуть Кайе.

– Залпом. Горько, но тебе надо. Чтобы уснула.

Кайа послушалась. Выпучила глаза, задышала, как рыба на суше...

– Это...

– Снотворное. Теперь ложись. – Я включила ночник. – И не переживай, все будет хорошо.

Кайа зевнула. Алкоголь сработал.

– Да-а-а...

– Спокойной ночи, дверь закрою.

А завтра еще перед Виолой оправдываться. Надеюсь, она мне голову не отгрызет.

Ладно. Я у нее завтра переночую. Или послезавтра. Она умненькая, она все отлично понимает. Хорошо еще, она санторинцу голову не отгрызла. А ведь могла...

Но лучше не надо такое кусать. Отравиться можно. Тьфу, пакость!

Кайа уснула почти мгновенно. Я вздохнула еще раз, укрыла ее одеялом, да и дверь прикрыла. Испугалась девчонка, натерпелась.

Хотя санторинцу сегодня тоже досталось. Но что будет завтра?

А, завтра и подумаем. Голову откусить никогда не поздно.

«Ах, мадам, я потерял голову от вашей красоты!»

Никогда не думала, что в этой фразе столько правды.

* * *

С утра в дверь постучали.

Я даже и не сильно удивилась. Мариса приобрела привычку забегать ко мне по утрам, на чашечку кофе. Так что...

Дверь я открыла не глядя – и ошалела.

– Кайа?

Девушка молча кивнула. Я посторонилась. Как была, в одной ночнушке, растрепанная и босая. Моя комната – мои правила. Но Кайю мой вид не смутил.

– К-каэтана, я...

Я решила не добиваться от нее связных мыслей. Пока.

– Ну, проходи, раз пришла. Кофе будешь?

– Кофе?

– Будешь, – решила я, берясь за мельничку. Сварить недолго, а на завтрак опоздаем – не страшно.

– Каэтана... я поблагодарить.

– Все нормально, – отмахнулась я. – Ты бы меня тоже не бросила.

– Я... ты его так...

– Я с ним ничего не сделала. Он сам упал... почти.

Не рассказывать же ей про силу инерции? Ни к чему.

Тем временем Кайа вдохнула, выдохнула и кое-как собралась с мыслями.

– Если бы он вчера... моя жизнь была бы сломана. Я тебе обязана. Спасибо, Каэтана Кордова. Я не останусь в долгу.

Я поставила перед Кайей чашку с кофе, привычно подвинула печенье и варенье.

– Ешь. Хочешь отплатить мне добром за добро?

– Да.

– Тогда дай слово обо всем молчать. Хорошо?

– Хорошо. А п-почему?

– Потому что молчание выгодно всем, – ответила я. – Тебе, мне, ему...

Кайа передернулась.

– Не представляю, как я пойду в столовую. А там... он...

– Ножками пойдешь. Тоже мне проблема. И улыбаться будешь.

– Страшно.

В дверь постучали.

– Каэ, кофе есть?

– Давно б себе завела да варила ведрами, – заворчала я на Марису. Больше из вредности, и расход невелик, и сладости мы покупали кто во что горазд. Просто девушкам больше нравилось, когда варю кофе я.

Ладно, для подруги можно и постараться. Бросила в кофе пару горошин перца, как ей нравится, и поставила турку на огонь.

– У тебя вкуснее. Давай мы и на кофе скинемся? Кайа? То есть эсса Ибанес?

– Можно Кайа, – отозвалась девушка тихо.

– Что ты тут делаешь?

– Кофе пьет. – Я намекнула, что не стоит расспрашивать.

Мариса поняла правильно.

– Помощь нужна?

Я сняла турку с огня. Посмотрела на Кайю, та на меня.

– Я... расскажу?

– Марисе можно. Она бы тоже мимо не прошла. Хочешь, я расскажу.

– Да... лучше ты.

– Все просто. Вчера Кайю пытался изнасиловать один из санторинцев. Понятно, у него ничего не получилось, я мимо проходила.

– Ты? – Мариса была в курсе моих планов на вечер.

– Мы.

– Он живой?

– Вполне. За это не переживай, живет всех живых. Но шум поднимать не стоит, ты понимаешь.

Мариса понимала.

Репутация, да...

То ли он захотел, то ли она предложила... этот-то гад в Санторин уедет, да и все, а Кайа тут останется. И ей еще учиться почти три года, и замуж выходить...

– Он шум не поднимет?

– Не знаю, – сгорбилась Кайа. – Вот...

На ладони у нее лежали серьги. Красивые, кстати. Я бы тоже повелась. Витые золотые нити, аметисты, под цвет глаз девушки...

– Их вернуть, наверное, надо?

– Рехнулась? – даже удивилась я.

– Но я...

– Считай, компенсация. Только у себя пока не держи... спрячь куда или на сохранение кому отдай – кому довериться можешь. Лучше даже спрячь. В парке, к примеру. Только не в своей комнате. А то мало ли что!

Для девушки это явно было откровением.

– Что именно?

– Ну, если он дурак, может и скандал поднять. – Я задумалась. – И попросить тебя в жены. Устроят обыск, найдут сережки, решат, что

подарок к свадьбе... ты ж нормально не совершь, постесняешься. Придется того... замуж.

– Не хочу!!! – затрясло Кайю.

Я покачала головой.

– Всем же говорили! Не связывайтесь с санторинцами, таким палец дай, они руку по плечо отгрызут и на шею сядут! Так что... могут потребовать. Наглости хватит.

Мариса фыркнула.

– Что – могут? Мы вчера все вместе сидели у меня в комнате. Платья мерили.

– Лучше у нас. – Олинда вплыла решительно и неотвратно. – Да, Каэ. Извини, мы все слышали.

В кильватере ее двигались Фатима и Севилла.

– Извиняю.

– Вот. Мерили у меня украшения, делали прически, болтали о мужчинах. Кайя, не расстраивайся. Подумаешь, беда! Все же обошлось, а этого гада мы под стол запинаем.

Кайя откровенно зашмыгала носом.

– Девочки, вы...

– Мы. Не переживай, мы не сволочи. А за своих мы из него сациви сделаем.

Я вздохнула – и принялась разливать очередную порцию кофе. Повадились, понимаешь.

– А что такое сациви? – робко спросила Кайя.

– Это блюдо, в котором мясо варят, жарят и режут, – опошшила я рецепт. – Но варить санторинца мы точно не будем. Кастрюли нет.

– Ну и ладно. Обойдемся. – Олинда махнула изящной ручкой. – Кайя, ты мои побрякушки помнишь?

– Д-да. Ты их постоянно же носишь.

– Вот. Их и мерили. Сначала кольца, потом браслеты, цепочки и серьги. Всем понятно?

Я про себя только улыбнулась. Молодец Олинда. Вот что значит – правильный вектор приложения сил. Не было его? Получите стерву и заразу.

Есть он?

И девушка за своих кого хочешь загрызет. Со всей стервозностью и заразностью.

Хотя мы все загрызем. Перебьется санторинец. За вчерашнее с него мало шкуру спустить и голым в Санторин пустить. Нельзя так делать – и точка.

Если он не дурак – промолчит про вчерашнее. Сделает вид, что ничего не было. А если дурак... сколько им тут еще быть?

– Дней десять.

– Я вслух говорила?

– Да.

– Дожили. Ладно... девочки, придется нам побыть с Кайей. Если что.

Ответом был благодарный взгляд девушки. Ничего, подруга, прорвемся. Кто сказал, что не бывает женской дружбы?

Бывает. Прямо здесь и сейчас.

– Девочки, время. Завтрак-завтрак... ай-лю-лю потом!

– А как быть с упражнениями? – это Фати.

– С нами походит, – отрезала я. – Не переломимся. Кайя, не бойся, если что – просто посидишь рядом, на море полюбишься. Девочки, на крыло!

– Хорошо.

Синяк, кстати, почти и заметен не был. Вовремя намазали. Но...

– И синяк ты получила вчера. В обед.

– А где?

– Веткой хлестнуло, – ответила Мариса. – В парке.

Кайя согласилась.

Интересно, дурак санторинец или нет? Посмотрим...

* * *

Дурак, кто бы сомневался. Доказательства я получила, считай, сразу, как мы пришли в столовую. Тесной компанией.

Впереди Мариса, рядом с ней, может, на пять сантиметров отставая, Олинда и Севилла, потом мы втроем. Кайя пряталась за всех нас. Куда и надменность девалась?

Хотя я отлично знаю – куда. В неприятностях рассосалась.

Когда за попу прихватят, тут уж не до всякого нехорошего. Выбраться бы!

Санторинцы располагались за своими привилегированными столами. Мой взгляд тут же выцепил одного из них... Ну-ну!

Так бы я его не узнала, но полет по тропинке не прошел для парня даром. Галька только выглядит кругленькой и удобной. Но тот, кого по ней хоть раз протащили, быстро понимает, сколько у нее острых углов.

Если Кайа выглядела вполне прилично, то этот кадр... Синяки темнели, подчеркивая форму бровей, разбитый нос пламенел над красивыми (но тоже разбитыми) губами, глаза торжествующе сверкали, и все это в обрамлении романтических волн белой ткани... красота!

Вот нас заметили. И черные глаза вспыхнули уж вовсе торжеством. Кайа вцепилась в меня так, что больно стало.

– Цыц! – шепнула я. – Расслабься! Улыбаемся! НУ!!!

Получилось неплохо. А пальцы, которые сжались на моей ладони еще крепче, перетерплю.

Его высочество Баязет встал из-за стола.

За ним, весьма недовольный, поднялся ректор.

– Девушки, подойдите сюда.

Ему-то явно хотелось разобраться камерно. Но поди откажи... дипломатия!

Мы послушно прошествовали к столу.

– Эсса Ибанес, эс Мехмет Четин сегодня утром сказал мне, что вы приняли его предложение и согласились ехать с ним в Санторин.

– Н-нет! – пискнула Кайа. – Я не хочу! И не поеду!

Ректор нахмурился.

– Эсса?

Я выдохнула. Кажется, отвертеться не получится.

– Эс Орландо Чавез, моя подруга растерялась. Эсса Ибанес хочет сказать, что предложения эс ей не делал, ни на что она не соглашалась и никуда с ним не поедет. Тем более в гарем.

Ректор посмотрел с благодарностью.

– Эсса Ибанес, все так?

– Д-да. Простите, эс Чавез, я растерялась.

Зато не растерялся санторинец.

– Ты! Это вчера ты была!

Так я и знала, что надо было бить сразу. Нет же, поговорить вздумала... вежливость – зло.

– Я? Вы вчера и мне предложение сделали, эс? А почему я не в курсе?

По столовой плеснуло смешком, санторинец... как его – Мехмет? Четин? А выглядит как синьор Помидор! Он расправил плечи и двинулся вперед. Решил авторитетом надавить? Ну-ну...

Девушки и не подумали отойти.

Мариса и Олинда только плотнее сдвинулись, показывая, что своих не сдаем.

– Это ты меня избила!

И все это с акцентом.

Я коснулась плеч подруг, они пропустили меня – и снова сдвинулись, загораживая Кайю. А я встала перед эсом Четинком. И лишней раз порадовалась, что Каэтана такая мелкая.

Я ему носом в грудь утыкаюсь, а с учетом накрученной ткани еще и втрое тоньше кажусь.

– Я? Вас? Избила?

Смех усилился. Грустными были только пять человек. Четверо как раз от меня и огребли и прекрасно знали, что я – могу. А пятый – эс Хавьер – просто сжимал кулаки. И явно мечтал добавить санторинцу.

– Ты там была!

– Ага, – покивала я со знанием дела. – Делаете вы предложение девушке, все как положено, кольцо преподнесли, на колени встали, и тут появляюсь я. И ка-ак... подпрыгну! Да ка-ак допрыгну! Чем я вас побила-то? Головой или ногами?

Теперь уже не сдержался и ректор. Явно представил картину.

Мехмет злобно засопел.

Понял, что проигрывает, и пошел ва-банк.

– Да я ее вчера...

Фу, матерщинник!

Кайа сделала самое лучшее, что могла. Упала в обморок. Хотя не исключаю, что ей Фати подсказала, она умничка.

– Эс Чавез, моя подруга хоть сейчас может пройти освидетельствование у любого врача. Вот сию секунду. Хоть здесь. Мы вчера все были вместе, мы мерили украшения, и никто никого не бил и не... вы понимаете.

– Да, понимаю, эсса...

– Кордова, – вздохнула я. – Каэтана Кордова, эс Чавез. И я тоже могу пройти любые проверки. Если я была эса... Четина, наверное, на мне тоже следы остались? Пусть нас всех осмотрят. Или эс утверждает, что я могу справиться с сильным тренированным мужчиной?

Эс такого не утверждал. Зато вмешался принц Баязет.

– Милая эсса...

– Для вас – эсса Кордова, – резко рыкнула я. Еще не хватало мне таких вольностей. Говорил он, кстати, лучше своего спутника. Намного. Почти без акцента.

– Эсса Кордова.

После этих слов я внимательно поглядела на принца. Явно опаснее своего спутника. Умеет себя контролировать, сдерживать, умеет слышать, слушать и видеть.

– Вы безусловно правы. Вы бы никогда не смогли справиться с сильным мужчиной.

Я закивала, мысленно желая принцу в следующей жизни пересечься со Светочкой. Милейшее, эфемернейшее на вид создание, которое выглядело безобиднее бабочки, но могло завязать в жалобный узелок Лару Крофт, попинать всех героев вселенной Марвелл и на закуску расправиться с десятком дуболомов. Что поделать, у девочки папа – инструктор по рукопашному бою. Генетика... ну и тренировки с детства.

– Полагаю, на пляже с вами был кто-то третий... четвертый. Это ваш любимый, эсса Кордова?

Ах ты гад!!!

– Ваше высочество, – я улыбалась милейшим образом, – я не помолвлена, поэтому ваши предположения оскорбительны. Не знаю, кого ваш приближенный вчера пытался изна... то есть кому он на пляже делал предложение. Но точно уверена, что это не мы с эссой Ибанес. Мы вчера были вместе, и я готова поклясться, что эссе никто не предлагал замужество. Я бы такое точно не пропустила.

Намек его высочество понял. Сдвинул брови.

– Что ж. Если мой человек ввел меня в заблуждение, он будет наказан. Но сначала... эсса, так вы согласны выйти за него замуж?

Кайа, которая кое-как приходила в себя, замотала головой «на отрыв». Нет-нет-нет, она не готова, не хочет, не будет...

Эс Четин порывисто встал, подошел к Кайе (та аж сжалась) и заговорил на своем языке. Красиво, на таком бы поэмы декламировать. Смысла я только не поняла. Но Кайа шарахнулась, побледнела...

– Он просит прощения за то, что поддался чувствам, умоляет не сердиться на него, уверяет, что любит, – суфлировала для меня Мариса.

Кайа посмотрела так, что я поняла – мог бы не стараться эс Мехмет.

Не подействует, хоть он тут сутки распинайся и серенады под окном пой. Вот не стоило проводить ликбез по анатомии до замужества. Теперь Кайа к нему и щипцами не притронется.

Но и помощь ей тоже нужна.

Пришлось решительно подойти к подруге (и когда я успела?), протянуть ей руку.

– Кайа, пойдём. Думаю, нам надо на занятия. Эсы, всего хорошего. Эс Четин, не сомневаюсь, найдется много девушек, которые составят ваше счастье.

И искать их надо в зоопарке. В клетке с мышами.

– Согласен. – Не люблю Матиаса Лиеза, но здесь и сейчас он оказался кстати. – Простите, эсы, эссы, нам действительно пора на занятия. Я полагаю, все выяснили, эсса Кордова не была эса Четина, а эсса Ибанес не выйдет за него замуж.

Ответом нам были возмущенные взгляды со стороны санторинцев.

– Эс Матиас, вы правы, – кивнула я. – Кайа, идем? У нас сейчас, кажется, домоводство?

Девушка вцепилась в меня, как в спасательный круг.

– Да-да... мы идем.

Столовую мы покидали победителями. Но голодными. Надеюсь, к нам никто не сунется, а то сожрем любого.

* * *

– Мне кто-то объяснит, что происходит?

Матиас был внушающим и возмущенным. Но против его высочества Баязета не катил. Вот вообще. Я невинно похлопала

ресницами.

– Вы все слышали, эс Лиез. Кайа отказала несчастному юноше, а я его еще и побила. Надеюсь, больно.

Матиас поежился. Даже посочувствовал бедняге, наверное.

– Главное, не покалечили. А то бы скандал был.

– Переживет, – оскалилась я. – Не люблю насильников.

Матиас поежился еще сильнее. Кайа посмотрела на нас... и вдруг осознала. Одним рывком.

– Погоди... тогда, в больнице...

– Меня там не было, – отрезала я. – И тебя вчера тоже нигде, кроме наших комнат, не было. Поняла?

– Н-не было, – согласилась Кайа.

Эстебан Гил кашлянул рядом.

– Это... эссы... пока те не уедут... мы походим? С вами?

Отказываться я не стала. Пусть тоже ходят. Установим дежурство.

За себя я не боялась. Любой, кто протянет ко мне руки, лишится ног. И рук. И будет долго плакать о своей незавидной доле.

Что останется – доест Виола. Она тоже может. Но – пусть пока бегают. И я улыбнулась Эстебану.

– Спасибо, эс Гил... Эстебан. Это будет очень кстати.

Эстебан побагровел. Но мысли кое-как в слова оформил.

– Знаю... Каэтана, вы сможете. А остальные?

Я кивнула.

Олинда, Мариса, Фати, Сив... они умнички, но тут же не интеллектом надо давить! Тут надо бить первой. И жестко, и добивать. Смогут ли они?

Я не знаю. А ситуации могут возникнуть разные.

Пусть ребята ходят вместе с девушками. Санторинцы целее будут.

И нет, это не оговорка. Я сама лично порву любого, кто тронет моих подруг. А если не справлюсь – Виола поможет. Сядет сверху и уплющит. Она может. И я могу.

Кайя прилепилась к нам как банный лист.

Сидела рядом со мной, ходила рядом со мной. Явно ей было страшно. И ужин только добавил ей нервов. Пришлось даже пересесть к девочкам. Хотя мне нравилось есть одной, но Кайю я уже не брошу. Вот и приходится вливаться в коллектив.

Не успела я устроиться за столиком, как рядом склонился один из санторинцев.

– Эсса Кордова, его высочество просит разделить с ним трапезу.

А не почитай я про этих гадов, могла бы и пойти. А нельзя.

Даже и – низзя!

Для них так: принял подарок – дал позволение решать твою судьбу. Разделил трапезу – согласился принять сватов. Вот народ озабоченный! Наверное, если рядом с санторинцем чихнуть, он и это по-своему поймет. Как предложение интима.

Хотя интим я им предложить могу. Вылюбить, высушить, выкинуть – в произвольном порядке. Но это не для публичного озвучивания.

– Простите, эс. Я порядочная девушка. Ваше предложение недопустимо.

Показалось мне – или на лице санторинца мелькнуло одобрение? Нет, не показалось. Все он видел, и то, что я ем одна, и то, что сейчас пересела ради Кайи, он тоже понял. И для него как для санторинца предложение принца тоже неуместно. А вот мой ответ – бальзам на душу.

– Его высочество уважает ваши обычаи и понимает, что в вашей стране это просто разделенная трапеза.

– Я также уважаю обычаи Санторина. И не хочу усугублять непонимание между нашими странами.

Затруднение разрешил эс Чавез.

– Эсса Кордова, как ректор я приравниваюсь к вашему отцу. И могу дать вам разрешение на совместную трапезу.

Я скрипнула зубами.

Да чтоб тебя и об забор! Но пришлось вставать, пересаживаться за стол, за которым для меня и место было. Рядом с его высочеством.

Замечательно!

Считай, и без завтрака, и без ужина. Точно кого-нибудь сожру!

Матиас Лиез поднялся из-за стола, но Мариса схватила его за руку и принялась уговаривать. Спасибо, подружка, еще нам дипломатического скандала не хватало.

Хотя я его тоже могу устроить. Ибо не фиг тут! И там тоже не фиг!

Опасения не оправдались. Его высочество лично принялся за мной ухаживать. Положил на тарелку каких-то морских гадов в белом соусе, добавил овощей, налил вина.

Все это – не спрашивая меня ни о чем. Чего я хочу, что мне нравится... я начала закипать. Я вообще мясо предпочитаю. Но если я тарелку на уши принцу надену...

Нет, не комильфо.

– Угощайтесь, эсса Кордова.

– Благодарю вас, ваше высочество. Вы весьма любезны.

– Эсса, я надеюсь, утреннее происшествие не оставило у вас неприятных впечатлений? Это было прискорбное недопонимание...

– Я так и подумала, ваше высочество.

Мы смотрели друг другу в глаза. Он знал, что врет. Я знала об этом. Но сказать вслух?

Нельзя. Дипломатия.

– Эсса, Мехмет молод и неразумен. Но вашу подружку я тоже не понимаю. Неужели так страшно выйти замуж в Санторин?

– Не знаю, ваше высочество. Не имею привычки судить о чем-то с чужих слов.

– Вы правы, эсса. Всегда лучше верить своим глазам. А вы хотели бы увидеть Санторин?

– Да, ваше высочество.

– Я могу прислать вашему отцу приглашение в гости, эсса.

– Мой отец намерен заключить мою помолвку, ваше высочество.

Поэтому я не смогу воспользоваться вашим приглашением.

– Помолвку? И уже есть жених, эсса?

– К чему такой интерес, ваше высочество? Моя семья не из сильных мира сего.

– Сильные мира сего... Красиво сказано, эсса. А вы бы хотели к ним принадлежать?

– Нет!

Это получилось и искренне, и от души. Сразу видно – не вру. Принца даже пробрало, такое искреннее удивление в глазах отразилось! Для него-то власть – это идол, фетиш, самое святое и нужное в жизни. Если дать ему выбор между жизнью и властью, он власть выберет, даже не сомневаюсь. Ему жизнь без власти не нужна. Даже хуже. За крупицу власти он тут всех и удавит, и продаст, и снова удавит.

– Почему, эсса?

– Потому что это... гхм! Дело женщины – дом и дети.

Хотела сказать, что большая ответственность, но вовремя язык прикусила. Для Баязета это не ответственность. Он-то свято уверен в своем праве распоряжаться всеми. Ему объяснять про обязанности, как кальмару про теорию стихосложения, вот и пришлось ляпнуть абы что. Конечно, получилось паршиво. Принц расплылся в улыбке.

– Вы правы, эсса, именно дом и дети. Жаль, что ваша подруга так не думает.

– Ей просто не хочется быть одной из многих.

– Жен у нас может быть только две.

– А наложниц у вашего батюшки сколько?

Принц поднял брови.

– В гареме живут не только наложницы. Там много родственниц...

– Ваше высочество, прошу вас, не надо. Вы знаете, о чем я.

Принц качнул головой.

– Я понимаю. Но поймите и вы, эсса. Вы поставили нас в неловкое положение...

– Я? Или ваш подчиненный, который повел себя недостойно?

– Мехмет-бей будет наказан. Но и вы, эсса... поступили... неправильно.

Я прищурилась.

– Ваше высочество, я считаю иначе.

Взгляд принца был более чем выразителен.

Он так не считает.

Он объявляет мне войну.

Я поплачусь за свой поступок.

Что ж, карте место? Я аккуратно положила салфетку на стол, не разминиваясь на жесты, взгляды и угрозы. Да и незачем. Я и так порву, без лишней мишуры.

– Ваше высочество, благодарю за беседу. Все было очень вкусно. Не сомневаюсь, когда-нибудь вы станете великим правителем.

– Вы ничего не съели, эсса.

Все верно. Даже не прикоснулась.

– Я чту обычаи Санторина, ваше высочество.

Короткий поклон – и отступление.

Девочки тут же окружают меня, выпрямляются. Смешно?

Ошибаетесь! Здесь и сейчас они стоят плечом к плечу, забыв о личных распрах. Это чувствуется.

Гарем – одна против всех.

Здесь и сейчас – все против санторинцев, и те ощущают нашу злость. Принц ехидно поднимает бровь, но молчит. И правильно.

Нет?

– До встречи, эсса.

Я молча кланяюсь еще раз.

– Какой обычай соблюла Каэтана? – спрашивает Эстебан Гил. А вот кто отвечает ему? Не знаю, а обернуться не могу, но слышно отлично.

– Не преломлять хлеба с врагом.

И я улыбаюсь его высочеству. Ты же понял, верно?

Понял.

И запомнил.

* * *

– Каэ, ты такая смелая!

Кайа смотрела на меня почти с восхищением. Я покачала головой.

– Я не смелая. Но загонять в угол не надо даже мышь.

– Ну... да. А куда мы идем?

– Заниматься.

Для занятий мы отвели ровно один час перед отбоем. Как раз ужин переварился, мы растрясли попы на ночь, прибежали в общагу, ополоснулись – и спать. Кайю мы бы с собой не взяли, но она ж не отлипала! И в комнате находиться боялась. Мало ли?

А вдруг ее выманят?

А вдруг кто-то пройдет к ней?

Конечно, такого не случилось бы, но страх лишает разума. Пришлось идти всем вместе.

Вот и наша любимая бухточка. Кайа смотрела квадратными глазами, подозревая что-то нехорошее. Особенно когда мы начали раздеваться до трико и натягивать перчатки.

Но и потом ее взгляд не сильно поменялся. Были глаза большие и круглые – такими и остались. Был рот открыт – так и не закрылся.

– Кайа, ты посиди пока спокойно. Девочки, встали на разминку!

Девочки послушно встали.

– Поехали. Голову вправо, влево, вправо... разминаем шею, теперь плечи...

Разминка, растяжка, статика, упражнения...

На Кайю мы и не посмотрели. А вот та...

Глаза у нее были потрясенные и изумленные. И смотрела она так, что мне даже неловко стало. Словно я не обычное занятие провожу, а какие-то божественные истины девочкам открываю.

– Вы... зачем это нужно?

– Чтобы не получилось так, как с тобой, – пояснила Мариса. – Каэ нас учит. Пока мы нарабатываем гибкость и ловкость, ну и для здоровья полезно, и спишь лучше...

– Это не похоже на зарядку.

– Правильно. Каэ сказала, что раэша Пизано учит нас, как парней. А у нас другие группы мышц, и нагрузки должны быть другие, и акцент другой. Нам еще детей рожать... да ты и сама слышала.

Слышала. Я ж не молчу, когда мы делаем упражнения. Я объясняю, как и для чего мы делаем. Показываю, добиваюсь не просто понимания, а грамотного выполнения приема. Знаю, так не все делают, но это их проблемы.

– Слышала. Это так странно... но интересно.

Я тихо застонала.

Кто-то сомневался, чем это закончилось?

Правильно, увеличением числа моих учениц. И я злилась заранее.

Больше людей – больше возможности спалиться. Но уже на следующий день мне стало не до того.

Заболели драконы.

Интерлюдия

Дипломатия – странное искусство, которое может сыграть на руку и тебе, и твоему противнику.

В данном случае она играла на руку Баязету. Нельзя же сразу выкинуть гостя из дома?

Никак нельзя!

Согласно всем дипломатическим канонам и практикам, надо его еще какое-то время подержать в доме, а потом вежливо проводить, платочком вслед помахать, еще заезжать пригласить...

Вот этим и собирался воспользоваться его высочество.

В отместку за мерзкое поведение местных людишек.

Повод для мести? Да у него этих поводов, как креветок в океане!

Приняли без должного почтения? Ну... могли бы и больше постараться. А ему даже женщин не предложили, как это делают в приличных странах. Ладно-ладно, на Наресе это не принято, но все же – могли бы расстараться.

Пища – не та.

Помещение – не дворец.

А самое главное... остальное бы Баязет вытерпел! Но... его миссия закончилась неудачей, а ведь он лично убеждал отца пойти на переговоры, он лично обещал, что сделает все возможное... кто из братьев первый попробует его подвинуть? Кемаль? Ахмед? Селим?

Да кто угодно из этого крысятника!

Впрочем, у Баязета есть еще один выход.

Копье ударило в хрупкий глиняный сосуд.

Вот так!

Если чешуйчатые твари сдохнут, он вернется победителем! Ему будет что сказать! И во главе вторжения на Нарес будет стоять именно он.

Если не будет драконов, не будет и охраны у берегов Нареса, можно будет его атаковать. Можно будет лично научить здешних жителей почтению.

Да, почтению...

Баязет вспомнил полученную недавно пощечину – и досадливо скривился.

Ладно, условную пощечину. Конечно, его никто не бил! Но увечья, нанесенные его человеку – это обида, нанесенная лично Баязету! И, главное, было бы за что!

Подумаешь – баба!

У женщин вообще нет души, нет разума, это просто сосуд, который дарит жизнь новым воинам. Мехмет хотел сделать дело побыстрее, погорячился – его можно понять. Он старался выслужиться перед своим повелителем.

Но как эта дрянь смела сопротивляться?

Нет, не так.

Как смела сопротивляться ее подруга?

Эсса Каэтана Кордова.

Баязет хорошо запомнил это имя. И саму женщину... насколько смог. Серая, конечно, неинтересная. Мимо пройдет – не заметишь, второй раз не взглянешь. И говорит едва-едва.

И...

Если бы не Мехмет, он бы точно внимания не обратил. И сыграл мелкой нахалке на руку. Она ведь нарочно такое с собой сделала.

Баязет не был дураком и некоторые выводы делал легко. Понаблюдав за отцовским гаремом и его гадючьей жизнью, и не такого нахватаешься.

Женщина выглядит так, как пожелает. Точнее – насколько у нее хватает ума и воли. Ее достаток при этом значения не имеет. Одна гаремная рабыня умудрилась привлечь внимание отца, используя в качестве одежды штору. Смогла снять, задрапировать, сколоть так, что получилось соблазнительнее обнаженного тела. Так что...

Умная женщина всегда сможет стать красивой.

И наоборот, дура низведет любую красоту до состояния тряпки. Так везде, и в гареме, и вне его... вы хотите сказать, что эсса Кордова, единственная, кто смог ему противостоять на чистой силе воли, не сделает себя сколь угодно привлекательной?

Сделает.

Но если она так не поступает, значит – не хочет. А местные мужчины просто глупы и не видят алмаза у своих ног.

Что ж, тем хуже для них. Этот алмаз разглядел Баязет – и не пожалеет времени, чтобы заполучить его в свою корону и огранить до бриллианта.

И снова – мудрость из гарема.

Женщина должна быть не столько красивой, сколько умной и сильной. Тогда и дети ее выживут, и она сама. А дуры...

Дуры не имеют шанса на выживание. Это Баязет точно знал, его-то мать как раз была умной. И соперниц устраняла заранее. Так, что на нее никто и подумать не мог.

Пока эсса Кордова учится. И это хорошо и правильно. Здесь она под присмотром. А потом... надо будет написать ее отцу. Действительно пригласить в Санторин. И сделать предложение...

Нет, не Каэтане. Ее отцу, конечно.

Какая им разница, как торговать своими дочерьми? Так ли, иначе...

Все равно ведь продают? Так он не поскупится.

А пока – минус драконы. Это основное дело. Женщины так, приятное дополнение к главному. Но строптивую эссу Баязет все равно запомнил на будущее.

Никто от него просто так не уходил.

Глава 11

Как обычно – день был приятным и ничто не предвещало беды. Разве что мужчин стало поменьше вокруг, но может, вылетели куда? Это бывает...

Я и значения этому не придала. А надо бы задуматься. И когда внутри что-то тревожно ныло – тоже. Но мне и в голову не пришло.

Ну, нервничаю, переживаю – бывает. Раз в месяц бывает, у всех женщин. А оказалось...

Эс Эдгардо встретил меня на площадке перед общежитием.

– Каэ! На два слова!

– Эс? – Я даже дернулась, оглянулась вокруг. Он что – ополоумел, вот так орать?! Убью! И Виола меня оправдает!

– Драконы болеют. Дети. Драконята.

– ЧТО?!

Я обалдела.

Это же... Драконы! Они по определению не болеют! Они могут переварить гвозди и плюются огнем. Они сильные и страшные.

И... болезнь?

– Что с ними?

– Болеют драконята. Понос, рвота, слабость...

– Только драконята?

– Среди молодняка тоже есть больные... двое. И драконицам как-то плоховато.

Я чертыхнулась, забывая о приличиях. У драконов **НЕТ БОЛЕЗНЕЙ.**

То есть **ИХ** **ВООБЩЕ** **НЕТ.**

Это живые существа, поэтому у них бывают клещи и проблемы со шкурой. У них бывают проблемы с когтями и крыльями. Но они не болеют!

Вообще. Никогда. Ничем.

И если вот так... это значит лишь одно. Эпидемия.

Я знаю, что это такое. Это страшно. И я понимаю, почему сходили с ума люди в средние века. В двадцать первом веке – и то люди

превращались в полубезумных животных. Шарахались друг от друга, вели себя так, что даже вспомнить противно.

А что будет здесь?

Драконы – это одна из скреп мира. Не будет их... а сколько их? И сколько времени нужно, чтобы все заразились?

Виола!!!

Мозги отказали окончательно. Я должна быть рядом с Виолой. Обязана. Но... как мне туда пройти? Там же сейчас наверняка конец света! Меня просто выкинут за шкуру, и никому я ничего не объясню! Только себе наврежу!

Впрочем, у этой проблемы есть решение. Вот оно, стоит рядом, смотрит большими глазами.

– Эдгардо, ты меня проведешь туда? Чтобы я не попалась?

– К Виоле?

– Да.

– Она сейчас с молодыком.

– Плевать.

– Там могут быть люди... да наверняка будут!

– Плевать!!!

Эдгардо смотрел в мои глаза так, словно надеялся найти в них здравый смысл. Ха, наивный! И предсказуемо сдался.

– Вечером я тебя проведу.

– Слово?

– Слово.

* * *

День прошел, как сон пустой?

Почти...

На уроках я так откровенно паршиво выглядела, что девочки запихали меня на задние парты. И атаковали после первого же урока.

Скрывать я ничего не стала.

Драконы.

Эпидемия.

Это не повод понервничать?

Девочки поняли меня правильно, но... по-своему.

– Каэ, до вечера тебе лучше остаться здесь. Ты вконец изведешься у себя в комнате. Побудь с нами, мы, если что, прикроем.

– А здесь я не изведусь, – зашипела я на Олинду.

– И следующий урок – драконология.

– Хм...

– Мы можем расспросить про эпидемию.

– Опять наврут.

– Ну и что? В тот раз мы до правды докопались – и в этот докопаемся! Ты же сама говорила: не можешь владеть ситуацией – завладей информацией!

Говорила.

И думала.

А там Виола... может, она заболевает! И я помочь не могу... пока?

Что ж! Даешь информацию! В библиотеку я в таком состоянии не пойду, просто толку не будет. Поэтому будем трясти знания с тех, кто оказался рядом. Утюг, паяльник, демократические принципы – все при мне?

И пусть только разн Сориа попробует не ответить!

* * *

Разн Ричи Сориа даже слегка попятился от нас. Наверное, выглядели мы очень сосредоточенно и смотрели пристально... плотоядно?

Я и сожрать была готова!

Виола, моя Виола!

– Эссы?

– Разн Сориа, – Олинда и не подумала смущаться, – мы хотели бы просить вас изменить тему урока. Сейчас всех нас волнует одно и то же.

– Эпидемия, – кивнул разн Сориа.

– Да.

Разн сопротивляться не стал. Занял свое место за кафедрой, подождал, пока все рассядутся, и со вздохом сообщил:

– Дело в том, что драконы ничем не болеют. Я даже и не знаю, чем вам помочь.

– В книгах нет таких сведений?

– Нет.

– Но дракон – живое существо...

– Да. Но они не болеют. Их может тошнить, у них бывают проблемы с чешуей и линькой, но массовых болезней не было отмечено.

Мы трясли несчастного весь урок, но что толку? Не был, не в курсе, не болели, не... просто – не!

Библиотека?

Если разн Сориа не знает, то и мы быстро ответа не найдем, а он не знает, не то бы проговорился. И как тогда?

Что делать?

Смотреть, как погибает моя Виола? Как этот мир лишается драконов?

На обед я не пошла. Сил не было. И желания тоже.

Ушла к морю, сидеть на камушке. Было тошно. Хотелось опуститься на колени, скорчиться и завывать. Да так, чтобы волки всей планеты отозвались. Горло аж судорогой сводило, но я старалась держаться. Впрочем, даже поскулить мне нормально не дали.

Я обернулась на шаги и подняла брови.

Матиас Лиез?

– Тебе чего? – Сдерживаться тоже сил не было, настоящий характер просто пер крапивой.

– Мариса сказала, ты здесь.

– Я тут. И что?

– Столовая почти пуста. Все драконарии там.

– А я тут. И?

– Будешь?

Бутерброд с колбасой сделал свое черное дело. Хватило только увидеть и понюхать. Меня таки вывернуло наизнанку, а поскольку я ничего с утра не ела, то рвало желчью.

Матиас даже шарахнулся.

– Каэ?..

– Иди на...

Послать по всей форме я его не успела. Меня снова накрыл желудочный спазм. Только еще сильнее.

– Да что с тобой?!

– Нервы, – простонала я. – Нервы!

И не поверила сама себе. Потому что знала ответ.

Это не мне сейчас плохо. Это Виола. Это ее скручивают судороги, это она бьется в конвульсиях. Она... заболела. А так как мы с ней связаны, все, что чувствует она, ощущаю и я. На расстоянии чувствую, но так же остро, как и рядом с ней. Это ей плохо и больно.

Это ее отчаяние. Это ее страх, ее боль, ее болезнь.

И она сторает намного быстрее молодняка...

Не дам!

Не позволю!!!

Но... но что я сейчас могу?

А хотя бы так!

К морю я почти ползла. Матиас подхватил, помог.

– Да стой ты, чокнутая!

Он уже тоже не стеснялся в выражениях, помогая мне умываться, поддерживая, чтобы я не упала лицом в море.

– Спасибо, – хрипло произнесла я.

– Пожалуйста. Зря я еду с собой взял.

– Сам съешь. Наверняка не обедал.

– Ну... так.

– Вот и не стесняйся. Сам видишь, мне не до еды.

– Никому не до еды, только эти... жрут, как не в себя.

– Эти?

– Санторинцы.

Я дернулась, словно укушенная.

Мысли понеслись ураганом. Почему, почему я этого раньше не увидела? Все же понятно! Тут и теории заговора не надо!

– После того – значит, вследствие того? Если они сюда прибыли... и драконы заболели? Наверняка эти гады что-то сделали!

Матиас, конечно, мне не поверил. Еще и отстранился, хорошо, в море не упал. Я бы его сейчас выловить не смогла.

Потом решил, что я больна, так что мне можно говорить глупости. И попробовал мягко возразить:

– Они и раньше приезжали... наверное.

– Когда?

– Давно... не знаю.

– Можешь узнать?

– М-могу...

– Сходи и узнай! – Я вцепилась в парня. – Ну!!!

Видимо, выглядела я так, что бедолага зарекся связываться с ненормальными. Закивал – и удрал, даже не прожевав колбасу.

Я уставилась на море невидящими глазами.

Итак... может ли Санторин быть причастен к диверсии?

Да запросто! Вариант «если не мне, то и никому» вполне вписывается в их мировоззрение. Вопрос в другом. Не кто, а КАК?!

Как можно заразить драконов?

Как передаются инфекции? Половым путем... нет, это не сюда. Через кровь – мимо. Воздушно-капельным... может быть.

А если через пищу или воду?

Как дизентерия? Тоже может быть... или через зараженное животное, как чума?

Это ближе к реальности. Но даже если и так... допустим! Меня снова скрутило, и я согнулась над морем, опираясь на подходящий камень. Волна в ответ плюнула мне в лицо.

Стало чуточку легче.

Так, ладно. Это местным простительно психовать и паниковать, но я-то! Я взрослая женщина, я ковид пережила, я столько перевидала... чего я сорвалась? А ответ прост.

Это не моя истерика. Я связана с драконицей, вот на меня и подействовало.

Паникует, боится, срывается – Виола. И я ее понимаю. Мне тоже было очень страшно. Но сейчас...

Это у местных одна их точка зрения, одни знания! Но у меня-то! Я могу многое... могу ли? Я не ветеринар... Вообще не ветеринар, я многого не знаю, не умею. Разве что собаку глистогонила...

Но мы живем в информационном мире!

Человек двадцать первого века за день столько информации получает, сколько в десятом веке за год не падало. Вывод?

Я могу что-то знать, но... как это вытащить из закоулков мозга?

Сажусь и начинаю размышлять. Раэн Сориа помочь не смог, библиотеку теперь все, кто может, перекапывают, если они ничего не нашли, то и я не найду. Остается думать.

И еще раз думать, по методу мистера Холмса.

Кому выгодно – вычислили.

Самый вероятный подозреваемый – принц Баязет.

Осталось понять – КАК! И если я сумею это связать воедино... я этого высокомерного санторинского гада лично на сосне повешу! Долезу и повешу!!!

Итак... воздушно-капельный путь отпадает. Иностранцев не пропустят в пещеры, да и пропустили бы... нет, нереально. Близко к драконам они не подходят. Не подходили. Только в День Выбора, но там за ними следили. Кто-то мог спрятать на себе пакетик с вирусом?

Нет, нереально. Это должна быть такая токсичная дрянь... или она сначала протекала бессимптомно? Хм... что-то я такое слышала... нет, не выцепить.

Да и не с местными технологиями такое вытворять. Здесь вирусологических лабораторий нет, здесь перегонный куб – вершина мастерства. Должно быть что-то простое, как молоток, и такое же действенное.

Хорошо, думаем дальше.

На Выбор Дракона все переодеваются. Штаны, рубашки, предоставленные казной, заодно по старой традиции моются вместе, чтобы никто и ничего не придумал... были хитрецы. И амулеты покупали, и приворотным мазались... на все шли, чтобы обзавестись драконом. Заканчивалось это плохо, но кто ж дураков научит? Каждый считает, что у него-то все и получится, факт! Поэтому стали перестраховываться.

Нет, там бы такое не провернули.

А где и когда?

Что еще есть такое, общее для всех драконов? Хм, а ответ-то простой!

Вода?

Может быть, и вода. Подземные воды драконы не пьют, внутрь горы стекает несколько ледниковых ручьев. Для меня все логично. Видимо, грунтовые воды содержат соли, драконам они не подходят.

А вот ручьи, которые с гор... теоретически один из них можно отравить. Но чем?

Все вертится вокруг того же самого. С одной стороны, для заражения много не надо. Хватало пары человек на целый город. Даже нескольких крыс или блох. А некоторые эпидемии хоть и остались в истории, но причин их никто и никогда уже не узнает.

Но это драконы!

У них повышенная температура тела, в них любая инфекция сгорит...

Инфекция.

Сгорит.

Зоя, вспоминай! Почему эти слова тебя зацепили?

Бессимптомно... инфекцию... сжечь...

Это важно... давай думать дальше. Может, всплывет что-то еще. Попробуем не сосредотачиваться на одной мысли, а вот так, осторожно, вокруг. Так быстрее вспомнится. Допустим, отравили ручей. Сначала заболел молодняк? Или взрослые?

Как должно выглядеть это самое отравляющее нечто?

Это должны были привезти сюда. Поместить в ручей. А потом? Извлечь? Убрать? Или... там и бросили?

Даже не бросили. Оставили. Приток заразы должен быть постоянным, потому что вода проточная. Если вылить что-то разово или высыпать – там должна быть высокая концентрация. Драконы почуяли бы неладное. А вот если это что-то прикрепить – и оно постепенно смывается водой, обеспечивая постоянный приток вируса... как фильтр на водопроводной трубе. Может быть?

Это можно легко проверить. Матиас и проверит, никуда не денется. Еще и с охотой побежит...

Эх, если бы эти долбаные вирусы можно было нейтрализовать... но допустим, там в ручье найдется что-то такое. Вытаскиваем. А с водой потом что? Прокипятить?

Нагревание убивает вирусы, да... не все, но часть – точно.

У людей. А драконы? Они ближе к ящерицам... варанам, игуанам, комодским драконам...

Вспомнила!!!

Когда ты тренер, ты поневоле нахватаешься всякого. Там слово, здесь рассказ, а уж о чем девочки в раздевалке болтают... и все это рядом со мной. Было...

Вот, одна из девочек рассказывала, что у нее ящерица что-то приболела... ага, ящерица. Варан.

Да, девушка была не из бедных, варан был собственностью мужа и жил не абы как, а в своем вольере, в частном доме. Мужу подарили

«по приколу». Посмеялись... зверушка на полтора метра вымахала и отличалась гадским характером. Варан по кличке Боря кусал всех.

Справедливости ради, к мужу варан относился как к родному. Только что не спал с ним в обнимку. Чесать? Гладить? Фотографироваться? Да хоть ты верхом катайся. Но – только ты.

Остальных ждал прицельный удар хвостом, а хвост у них – о-го-го... Вломит – и кость сломает. Спокойно. Кристина, так ее звали... да... симпатичная блондиночка с длинными ногами, но склонная к полноте, варана не особенно любила, но лучше уж ящерица, чем бабы?

Она и рассказывала, что варан заболел... чуть не сгорел в три дня. Как же она это называла?

Не сальмонеллез, нет... это только у плотоядных...^[24]

Не помню я название болячки. Но точно помню, что он вызывается чем-то таким... какими-то амебами. И люди им страдают, и ящерицы...

И заражаются именно так. Через рот. Испражнения. Грязные руки, грязная вода... варан чуть не сдох. И спасло его только то, что муж сразу же забеспокоился. Вот как только варан от еды отказался – сразу!

Притащил профессоров, устроил консилиум, ящерицу накололи антибиотиками, но кроме того... точно!

Один из профессоров говорил, что эта дрянь гибнет при высокой температуре. И ящерицу можно подержать в специальном террариуме пару дней! Только чтобы была реально высокая температура, градусов 35–37... кажется, так?

Нет?

А что я теряю?

Что теряют драконы?

Однозначно мне надо к Виоле. Драконы разумны, они могут это устроить. Как сделать террариум?

Пусть думают. Может, пещеру какую прогреть... но тут есть засада. Температура варанов 25–37 градусов. Цельсия, понятно.

А у драконов?

Я не смогу изобрести градусник!

А как тогда определить? И... даже вараны не смогут долго выносить максимальную температуру! Не получится ли так, что я просто убью драконов?

Хотя... они и так подохнут, если это что-то такое. Кристя говорила, что там бы чуточку протянули – и все. Конец варану.

Составляем план действий. Ловим Матиаса и организуем поиски «закладки» в ручьях.

Сама – к драконам. И плевать, что день! Прорвусь!

И объяснить Виоле, что надо попробовать сделать. А как именно...

Решим! Тут главное – не тянуть кота за хвост. Во время эпидемии важнее всего скорость. Быстрее начнешь лечение – больше вероятность выздоровления.

Ну, где там Матиаса носит?

* * *

Матиас себя ждать не заставил.

Видимо, думала я дольше чем пять минут.

– Каэтана? Ты как?

– Паршиво, – призналась я. Вместе с Матиасом примчалась и Мариса, тут же захопотала вокруг меня...

– Когда последний раз у нас были санторинцы? – Мне было не до полоскания рта и растрепанных волос. – Ну?!

Матиас встряхнулся мокрым воробьем.

– Лет тридцать назад. Еще при том их торе. А то и побольше. Но тогда драконы не болели. Так что это за уши притянута.

– Нет! – выдохнула я.

А потом принялась излагать, что надумала. Не все, только в части ручьев и поисков. С Марисой я потом еще поделюсь, а Матиас перебьется. Про Виолу ему знать не стоит и про лечение тоже. Про заражение скажу – и хватит.

Лиезы внимательно слушали. Потом Матиас пожал плечами.

– Ну, так-то я могу посмотреть. Но, Каэ, ты понимаешь, что шансы что-то найти – ничтожны?

Я кивнула.

– Вполне. Но если есть хоть один шанс – надо его использовать.

– И будешь мне должна.

Я прищурилась.

– Если ничего не найдешь – буду. А если найдешь – это ты мне еще будешь должен.

Матиас подумал и кивнул.

– Ты так уверена?

– Более чем.

– Ладно... я поговорю с ребятами.

– Вот-вот, поговори. Можешь начинать уже сейчас, а обо мне Мариса позаботится.

Матиас недолго подумал, но после очередного желудочного спазма решил, что так будет лучше. Неромантично это, когда при тебе человека наизнанку выворачивает.

Лиез ушел, а меня опять согнуло в припадке тошноты.

– Каэ...

Мариса помогла мне убрать волосы с лица и умыться. Но комок желчи в желудке никуда не делся.

– Мне надо туда.

– К драконам?

– Да. Ты меня проводишь?

Мариса заколебалась.

– Ну... не знаю...

С тех пор, как я нашла Виолу, Мариса к драконам не приходила. Да и боится она их до ужаса. Но...

– Я сама дойду. Не переживай.

Я встала. Кое-как разогнулась и направилась к тропинке. Комок продолжал ворочаться под горлом, противный, твердый... И на пятом шаге я ощутила, как под локоть меня поддержали сильные пальцы.

– Я тебя провожу. Не геройствуй, а то упадешь, да там и останешься.

Я и не стану. Как же мне паршиво...

* * *

С направлением и расстоянием у Марисы было намного лучше, чем у меня. К нужной пещере мы вышли достаточно быстро. Но мне стало окончательно плохо.

Спазмы скручивали так, что сил не было даже дышать. Буквально на каждом шагу.

Какая уж тут секретность?

Мариса буквально тащила меня на себе. И даже ругалась сквозь зубы такими словами, которые приличная девушка знать не должна.

Когда слышались чьи-то шаги, Мариса даже не дернулась.

Но нам повезло.

– Эс т-Альего!

Я подняла голову. На нас с нечитаемым выражением лица смотрел Хавьер т-Альего! Слава богам! Даннара, тебе персональное спасибо, это явно твои происки.

– Эс Хавьер! – Меня скручивало, но говорить я умудрилась и так. – Как Сварт?

Эс помрачнел, словно лампочку выключили. Он и так-то не радовался, а уж сейчас...

– Пока держится. Но я боюсь за него.

– Правильно боитесь.

Сейчас я рассказывала уже все свои подозрения. От и до. И про амебиаз, и про санторинцев, и про методы лечения. Эс Хавьер слушал внимательно. Потом помог мне встать и подхватил под руку.

– Температура?

– Не знаю, поможет или нет, но вдруг? – честно сказала я.

– Хуже точно не будет. У нас и тех идей не было, а двое малышей очень плохи.

– Тогда...

Меня опять согнуло вдвое. Какое там слово вымолвить? Хорошо хоть основное рассказать успела! Как же мне парши-и-и-и-иво!

– Эсса? – Хавьер поддерживал меня, пока я не смогла разогнуться и кое-как найти точку опоры.

– Вы еще не поняли, эс? Моей драконице тоже плохо...

Эс Хавьер высказался коротко, но от всей души.

– Ваша... и...?!

– Да, – не стала отрицать я. – И я такая, и драконица, и Выбор она сделала, и я его подтвердила. И чихать мне, что вы по этому поводу думаете! Главное, что мы с Виолой есть друг у друга. И мне нужно к ней!

Эс скрипнул зубами.

- Я провожу вас к ней. Белая?
- Да. Как вы узнали?
- Ей просто легче, чем другим.

Я кивнула. Видимо, так как мы связаны, я взяла на себя часть ее боли. Вот Виоле и легче, а остальные драконицы ни с кем не связаны, и им тоже плохо. Драконы крупнее, потому и держатся. Но надолго ли их хватит?

Через какое время эс Хавьер тоже скорчится от боли? Когда болезнь одолеет Сварта?

Лучше мне не знать ответа на эти вопросы.

- Спасибо...
- Мы с вами еще поговорим потом, – прошипел эс Хавьер.
- Хорошо. Только не говорите ректору? Прошу!
- Эсса...
- Убью. И вас, и себя, и ректора!

Выглядела я так решительно, что эс Хавьер только рукой махнул.

– Хорошо. Слово. Промолчу, пока вы сами не разрешите рассказать.

Я чуточку расслабилась. Ладно, с одним эсом говорить проще, чем со всей академией. Хотя разговор все равно будет нелегким. Но это потом, все потом. И на все наплевать!

Лишь бы попасть к Виоле!

Что бы ни случилось, я буду рядом с ней. До конца.

Поворот, еще один, спуск – и пещера. И в ней несколько дракониц... шесть? Семь?

Все лежат ничком, словно у них не осталось сил сидеть или двигаться. Да так и есть, судя по моему самочувствию. Я еще часть симптомов у Виолы перетянула на себя, а другим-то и того не досталось! Вот и лежат вповалку!

Виолу я узнала сразу. Белой тут была она одна. И она единственная не просто лежала, а кое-как опиралась на мощные лапы. Пошатывалась, но пыталась хотя бы стоять. Хотя бы как-то доползти до воды. Я бросилась к ней.

– Виола!!!

Чешуйчатая морда чуть шевельнулась, веки приподнялись и упали.

– Ты пришла...

Я уселась рядом и облокотилась на толстую шею. Очередной приступ согнул меня вдвое, но приступ-то прошел, и я смогла говорить. Подумаешь, боль! И на тошноту плевать! И не такое терпеть приходилось! Я справлюсь, и Виола справится! Обязательно!

– Ты поправишься. Я знаю, что с вами происходит. Мы справимся.

Виола выдохнула. Из ноздри драконицы выкатилась небольшая капелька крови.

Ей было очень плохо, я это понимала.

И знала, что драконы отвратительно переносят недомогания.

Ну не умеют они их переносить!

Не знают, как это делать! Ладно еще раны! Но все остальное драконам настолько не свойственно, что ввергает их в панику. А страх еще усиливает боль.

– Если я умру, я не утащу тебя за собой.

– Не говори глупости. Ты не умрешь...

Наш разговор оборвал тихий вскрик.

Мариса стояла на коленях и обнимала за шею темно-красную крупную драконицу.

– Она говорит, ее зовут Эстанс.

Эс Хавьер выругался вовсе уж безнадежно.

– Сидите смирно. Я скоро вернусь. Говорите, температура на пределе?

– Да. Где-то сутки.

– Может, получится и раньше. Проверим. Там, в углу, вода и черпаки. Сможете напоить дракониц?

– Сможем, – тихо отозвалась я.

Мариса решительно кивнула.

Нам все было понятно.

Как это – таскать воду, содрогаясь от рвотных спазмов, падать, подниматься, снова, почти ползком идти и тащить ведро, и выливать воду в клыкастые пасти, и уговаривать проглотить... Массировать шеи, гладить и чесать гребни специальной чесалкой, разговаривать, успокаивать и уверять, что они поправятся...

Мариса мне почти не помогала.

Выбор... оглушает.

Ошеломляет, заставляет терять себя в потоке чужих мыслей и чувств, и подруга сейчас могла только лежать. И тоже корчиться от

боли.

Ее Эстанс тоже было плохо. Мариса хоть и воспринимала это чуть полегче, но не намного.

Ну почему, почему всегда я?! Я тоже хочу лежать, и глазки закатывать, и чтобы за мной ухаживали... не будут? Вот и плохо.

Даже сопли мне вытереть некому.

Я провела по лицу рукой, вытирая сопли, увидела на ней красную полосу и даже не удивилась. Конечно, полопались сосуды.

Конечно, пошла кровь из носа.

И наплевать. И снова наплевать...

Мне важно, чтобы драконы выздоровели. А какую цену за это заплачу лично я...

Да любую!

Только возьмите! А там и я расстараюсь...

Даннара, ты меня слышишь?! Совести у тебя нет! Дать мне Виолу – и тут же отнимать? Сдохну – лично к тебе явлюсь! Призраком приходить буду! Из ада выползу! Барельефом впечатаюсь!

Ну дай ты мне какое-нибудь решение!

Я же даже не знаю, сработало мое предложение или нет. Будут его применять или нет...

Я могу только ухаживать за драконицами и подругой.

Ждать, ждать, ЖДАТЬ!!!

Следующее ведро воды я вылила себе на голову. Помогло откровенно плохо, но хоть кровь смыла.

Ничего...

Они живы.

Мы еще держимся, слышите! Мы еще живы!

Интерлюдия

1

Эс Матиас Лиез с некоторых пор терялся в собственных чувствах и мыслях. Раньше все было просто.

Вот академия.

Вот он сам, будущий драконарий.

Вот сестра, первая красавица академии, она сделает достойную партию.

Вот его приятели, его свита и подчиненные. Это правильно.

Вот Каэтана Кордова. Серая мышь. Ее можно травить и самоутверждаться. Просто так, от нечего делать, потому что Выбор пока не прошел. Потом-то Матиасу стало бы не до нее.

В какой момент все полетело кувыркком?

Когда Каэтана едва не умерла? Или позднее? Когда она чуть не убила их с Эстебаном?

Кому расскажи, не поверят! И все же, все же... это была именно она. Матиас помнил ее лицо, когда она была Эстебана, потом его...

Она была спокойна и сосредоточена, в том-то и дело. Ни азарта, ни ненависти, ни злости – ничего. Словно она делает то, что надо.

Спокойствие и холодный расчет.

Своим глазам не поверишь, как увидишь. Жутковатое чудовище, которое спокойно избило их, и снова – серая мышь. Такая же забитая, с тем же жалобным взглядом... Ему все приснилось? Но эс Хавьер был непреклонен. Родители попробовали действовать через эса Чавеза, но проклятый бастард уперся – и не своротишь. Без объяснений, но с явной угрозой. Матиас вспомнил свой разговор с эсом Хавьером и даже зубами закрипел.

Матиас был уверен, что это из-за Каэтаны.

Не девушка – загадка. И как же Лиезу стало интересно! Захотелось вскрыть ее, разобраться... подсознательно он чувствовал, что можно прожить жизнь и не понять ее... какая она – Каэтана?

Мариса говорила про влюбленность, но Матиас не видел ничего. Так себя не ведут, когда любят. Нет, не ведут... Каэтана не смотрела на Эдгардо Молину, не ловила его слова, не... она вообще ничего такого не делала.

И на Матиаса она не смотрела. Вообще. Перешагнула – и мимо.

Матиас понимал, что и второй раз она поступит точно так же. И... он готов был спровоцировать девушку, но Хавьер т-Альего предупреждать дважды не станет.

Один раз.

А потом эс Лиез навсегда потеряет шанс стать драконарием.

Этим Матиас рисковать не мог.

Потом изменилась сестра. Она становилась другой, и Матиас не мог понять, что происходит с Марисой. Вроде бы так же улыбается, ходит, а что сблизилась с Каэтаной, так это и понятно. Он сам попросил об этом сестру.

Но начало проскальзывать в Марисе что-то такое...

Взгляд? Жест? Интонация?

Матиас не мог понять, но ему это не нравилось. А сестра улыбалась, и смотрела спокойно, и до странности напоминала Каэтану.

Матиас пробовал ухаживать, но Каэтана его даже не замечала. Или смотрела сквозь него, или каким-то образом он попадал в дурацкое положение...

Пробовал издеваться, но это выглядело откровенно глупо.

Он не успел придумать, что предпринять, но обязательно бы справился. Просто помешало посольство Санторина, Выбор, бал... теперь еще и драконья болезнь.

Когда Каэтану скрутило, он искренне растерялся. А когда она заговорила, парень окончательно оторопел.

Мир трескался, разваливался на куски, как разбитая тарелка...

А потом Каэтана заговорила. И все стало еще непонятнее. Но...

Проверить ручки?

Ничего сложного. Каэтана описала, как это должно выглядеть. Илидохлое животное, или сосуд с ним, с его экскрементами, может – несколько таких сосудов для верности...

Вот и лез Матиас в гору. Ругался, но лез. И друзей с собой тащил, понятно. А чего им прохлаждаться, когда Матиас ноги бьет? Пусть тоже поработают!

Арчибальдо ворчал, но слушался. Гил лез спокойно и молча.

Они обследовали один ручей, второй... удача улыбнулась им только возле четвертого источника.

Если бы они не приглядывались, могли бы не заметить обычный глиняный кувшин. Темный, неприметный... просто повезло. Эстебан захотел умыться, а кувшин чуточку отличался по цвету от остальных камней. И по форме тоже...

Нырять в ледяную воду не хотелось никому. Но с собой были веревки, нашлись палки, кое-как кувшин подкатили к берегу ручейка, вытащили на сушу...

И снова повезло, хотя это и не везение, наверное. Требовалось, чтобы кувшин не унесло, чтобы вода текла ЧЕРЕЗ него, а не разбила и не унесла все содержимое в один момент...

Проточная же вода!

Могло и повезти, и драконы могли не заразиться...

Окончательно Матиас убедился в правоте Каэтаны, когда заглянул в кувшин. Аккуратно, не дотрагиваясь голыми руками...

Тушка ящерицы, полуразложившаяся, что-то темное, вроде смолы, неприятный запах... хотя последнее, наверное, почудилось.

Парни молчали и переглядывались. Первым взял слово Арчибальдо Бареси.

– Что это?

– Наш пропуск в драконарии. В этом году, – отозвался Матиас. И подумал, что Каэтана права. И это не она ему должна, а он ей. Скрыть это не получится.

С-ситуация...

* * *

Ректор академии эс Орландо Чавез чувствовал себя преотвратно.

Мало ему санторинцев!

Заболели драконы!

ДРАКОНЫ!

Которые не болели ничем и никогда. И вдруг...

Понос, рвота, обезвоживание... малышня была близка к смерти. Взрослые пока еще держались, но...

Что это может быть?
Как с этим бороться?
И самое страшное, непредставимое...
А ЕСЛИ ЭТО СМЕРТЕЛЬНО?!
– НЕ ПУЩУ!!!

Голос секретаря пробивался и через мысли ректора, и через двери кабинета. А уж какая матерщина неслась в ответ!

Ректор уже хотел встать и рявкнуть, но не успел. Дверь кабинета распахнулась с такой силой, что ударилась о стену, отскочила обратно... дубовая! Тяжелая!

Секретаря прижал к столешнице первокурсник эс Гил, а эс Лиез промаршировал к столу ректора и плюхнул прямо на бумаги грязный и мокрый мешок.

– Вот! Этим травили драконов!

Эс Чавез открыл рот. Потом закрыл. Потом тихо поинтересовался:

– Чем именно?

– В мешке. Только перчатки наденьте, мало ли. – Эс Лиез протянул ему пару кожаных перчаток.

Ректор посмотрел с сомнением, но...

Сначала кувшин, в таких в Эстормахе хранят зерно и вино. Потом ящерица в нем, странное содержимое...

– Что это?

– Это яд для драконов. Поэтому они и заболели, наверняка. Это санторинцы!

Орландо задумался. Теоретически?

Могло быть? Еще как могло. И санторинцы, и яд... это в их вкусе. Нет у них драконов? Ну и у всех остальных не будет!

И подобрать яд...

Теоретически можно. Практически... да тоже! Его высочество каждый раз вывозили на охоту, за свитой хотя и следили, но кто захочет, тот найдет возможность. Это уж точно.

И кувшин могли привезти... один ли?

Орландо нахмурился и принялся расспрашивать. И кто, и что, и где...

О Каэтане Матиас молчал как рыба. И выходило у него, что он сам-сам-сам до всего додумался. Сам придумал, сам проверил...

Чего молчал?

Заботился, конечно! О Каэтане! Это ж как... только скажи, как сразу вопросы пойдут, а она эсса, ей такая известность ни к чему... лучше он с ней потом наградой поделится. Потом, когда она за него замуж выйдет.

Эс Чавез слушал, размышлял, а потом задал вопрос. Который Матиасу очень не понравился.

– Это хорошо. А вот что с этим дальше делать?

А вот об этом-то Каэтана и не сказала. Но глубокомысленное мычание ректора тоже устроило. Он махнул рукой.

– Я сейчас отправлю отряды, пусть поищут источники заразы. Эс, вы и ваши друзья тоже в списке. Верьте, ваша помощь не останется без награды. Но сначала – драконы.

Матиас кивнул.

А чего ж не верить?

Людям верить надо, особенно когда ничего другого и не предлагается. Факт.

2

Его высочество Баязет смотрел в окно и безмятежно улыбался.

День был чудесен.

Драконы болели, снадобье Санджара подействовало. Скоро они начнут и умирать.

Вараны держались несколько дней. Драконы... может, чуточку дольше, но вряд ли намного. И тогда... да! Санторин будет первым! И Баязет лично поведет свои войска на штурм Равена.

Слишком уж тут хорошо живут.

Делиться пора.

А защитить себя они не смогут, мужчины здесь глупы и слабовольны, женщины...

Принц невольно шевельнулся. В паху потяжелело.

Есть и здесь женщина, которая пусть не слишком хороша собой, но каков характер! И искать ее не надо. Эсса Кордова никуда не прячется.

И... очень интересная личность.

Баязет знал себя. Перед ним и не такие ломались, а вот девчонка...

В глаза не смотрела, но и позиций не сдавала. Даже наоборот. И подругу отстояла, и свои границы, и характер показала, и умудрилась никого не оскорбить... ладно. Она не сказала ничего оскорбительного.

Но это не значит, что она избегнет наказания.

Внешне?

Серая мышь, да. Но наметанный взгляд увидит и густые волосы, безжалостно стянутые в узел. И чистую нежную кожу. И тонкую талию.

И даже достаточно правильные черты лица.

Каэтана Кордова не из тех, кто притягивает взгляды, но она... интересна.

Впрочем, сейчас она не главное.

– Санджар!

Долго ждать ученого не пришлось.

– Ты разместил все шесть... кувшинов?

– Да, мой повелитель.

– Драконы уже заболели. Когда нам ждать первых результатов?

– Великий, судя по размерам драконов – дня четыре...

– Хорошо, Санджар. Посмотрим.

– Ваша воля, ваша милость, Великий.

– Помни об этом, Санджар.

Его воля.

Но вряд ли у Баязета найдется достаточно милости для тех, кто не оправдал его доверие.

Его высочество снова поглядел в окно.

Ожидание. Как это мучительно...

Выбора нет. Он подождет.

И если все сработает... он каждый год будет здесь закладки делать! Чтобы и следа драконов на Земле не осталось! Гнусные ящеры, которые не желают жить в Санторине и воевать на его стороне.

Он сотрет их с лица Земли – и войдет в историю, как тор Баязет Истребитель Драконов.

Эс т-Альего не тратил времени на людей. Ни к чему. Вместо этого он направился к своему дракону.

– Сварт, Каэтана Кордова сказала, что ваша болезнь вызвана маленькими тварями... меньше волоска. Вы могли заразиться ими через воду.

– Старики не знают.

– Тогда давай примем это как версию. Каэтана сказала, что эта зараза может быть вылечена нагреванием, вы же стихия огня...

– Нагреванием?

– Она сказала... комната и максимальная температура, которую вы сможете вынести. На сутки.

– Дети совсем плохи...

– Попробуем?

Сварт и сомневаться не стал. Черное тело скользнуло в пещеру к другим драконам. Хавьер точно знал, что они разговаривают. Не так, как люди, но главное – драконы поймут. И прислушаются. И если другого выхода нет...

Его никто не предлагал, а потому через пару минут в пещерах развернулась бурная деятельность.

Драконы осторожно брали в зубы драконят и сносили их в одну из пещер. Удобна она была тем, что соседствовала аж с пятью другими. Потом внутрь занесли ведра с водой, кое-как напоили беспомощных малышей (самый маленький был раза в два длиннее человека, ну и весил так же соответственно) и выползли почти все. Осталось четверо взрослых драконов.

Мало ли что.

Каэтана предупреждала, что легко перегреть и нужной температуры она не знает. Но ее отлично могли знать драконы. И говорить – сильнее греть или ослабить натиск.

И в пяти пещерах разинули пасти, выдохнув на стены клубы огня.

Получится?

Нет?

Когда нет других идей, надо пользоваться даже самыми безумными.

Эс Хавьер ждал.

В эти часы ждали многие и многие. Ждал эс Хавьер, ждали драконы, ждали санторинцы, ждал ректор...

Не ждала только Каэтана. Ей было не до того.

Поди напои шесть дракониц, да еще подруге удели внимание. А Мариса ведет себя, как пьяная...

Понятно, подруге плохо. Только вот легче от этого осознания не становится. И ведер тоже надо таскать не меньше, и спазмы так же скручивают все тело.

Какие уж там ожидания...

Глава 12

Зомби: «Я съем твои мозги...»

Ага, наивное существо. Чтобы съесть мозги, надо у меня их найти. А потом... я бы легла и сказала – убивайте! Только пусть это как-то закончится.

Боль в руках.

В ногах.

В желудке.

Рвотные спазмы – и снова боль. И драконицы, которые смотрят равно измученными глазами.

Эс Хавьер меня оставил и ушел, но мне уже было все равно, где он, что он, сработал ли предложенный мной метод...

Я знала, что надо бы антибиотики, и побольше, побольше, но... как?!

Где я их тут возьму?

Я же даже не химик... для меня пенициллин – просто слово на коробочке, автомат Калашникова – тяжелая железяка из множества деталей... я не представляю, как это получить. Я не производитель, я пользователь. Я НЕ УМЕЮ.

И поздно выть и каяться. И поздно хвататься за учебники, там все равно не сказано, что и как...

В учебнике ботаники написано, что картошка – пасленовые, но ни слова про то, как ее растить. И дети считают, что она растет в пакете в гипермаркете.

В учебнике физики куча формул, но кто применял на практике хоть одну? То-то и оно...

Практики мне не хватает... я просто дура, и из-за меня...

Не из-за меня. Но и моя вина в этом есть. В том мире у меня была подруга, которая считала, что водить машину – неженственно. И вообще она такая вся трепетная, она не может садиться за руль, ее всегда отвезут, куда она скажет...

Когда у ее отца сердце в лесу прихватило, учиться было поздно. А «Скорая помощь» туда не проедет.

Она виновата?

Нет. Но она могла бы приобрести эти знания.

Я тоже не травила драконов и не знала, что медицинские умения понадобятся, но... а вдруг?

Вдруг я могла бы? Хоть на курсы оказания первой помощи походить. Хоть в живом уголке бывать почаще... знать бы, где падать, солому б раскупили.

Слез тоже не было. И сил не было. И меня тоже...

Была только Виола, и ей было плохо.

Вот и все...

* * *

Когда у меня из рук выдернули тяжеленное ведро, я даже не поняла, что происходит.

Потянулась за ним и оказалась в крепких мужских объятиях. И на минуту позволила себе расслабиться.

Рядом кто-то сильный...

Ведь все будет хорошо, правда же?

Правда?

Ответ я услышать боялась.

– Каэтана...

– А?

– Ты умничка, девочка. Ты просто чудо.

Я почти не осознавала сказанного. Но...

– Драконы?

– Сейчас будут лечить всех остальных. Драконятам лучше! Намного лучше...

– Есть умер... шие? – Горло перехватывало.

– Двое, – помрачнел эс Хавьер. – Но остальные живы. И без тебя не было бы всех остальных... Каэтана, милая, спасибо тебе!!! Что хочешь проси! Если бы Сварт умер, я бы с ним сдох...

Из сказанного я поняла только одно.

Помогло?

ПОМОГЛО?!

Мои неполные, огрызочные знания оказались полезны? И эта зараза действительно не выдерживает высоких температур?

Даннара, спасибо тебе!!!

Но помолюсь я потом. А пока...

– Виола?

– Ее сейчас будут лечить. Слышишь? Ее сейчас будут лечить!

Не слышала. Отключилась прямо в мужских руках. Силы как-то внезапно кончились.

* * *

Вы не спали на песке? Вот и не надо.

Кой идиот сказал, что он мягкий? Он твердый.

Он песец какой твердый! И я отлежала на нем все, что у меня есть. Кажется, даже уши.

Не помогли и три плаща, в которые я была завернута.

А еще мне жутко хотелось в кустики. Ну хоть какие... нет кустиков? Дайте камешки! Или... или бойтесь меня!

– Каэтана?

Голос вырвал меня из отвлеченных размышлений.

– Эс Молина?

– Эдгардо. Можно Эдгардо.

– Замечательно. Эдгардо, где здесь туалет?

– А... э...

– Из плаща меня выпутай? Один фиг холодно, и я вся в песке.

Да. А еще все ныло и болело. И мутило. И...

ВИОЛА!!!

Я прислушалась к себе. Но...

Пустоты не было. Было спокойное уютное тепло. Родное и близкое. Виола точно жива. А еще меня не тошнит и я не корчусь от боли. Значит, и ей не так плохо.

Эдгардо тем временем повиновался. Рывком посадил меня и принялся выпутывать из плащей.

– Каэ, драконы вскипятили все бассейны с водой. Ректор послал парней прочесывать ручьи, там обнаружено пять кувшинов с какой-то дохлой дрянью...

Перебивать некрасиво.

Эссы не матерятся.

Но пару новых выражений от меня Эдгардо все-таки узнал. И не рассердился, только кивнул.

– Они самые.

Да, я о санторинцах. И могу им то же самое в лицо высказать. В мерзкие подлые хари!!!

– Драконята уже здоровы. Но на всякий случай их потом еще раз прогреют.

– Драконы?

– У взрослых эта дрянь шла медленнее. Они по очереди прогреваются прямо в огне. Твоя Виола и драконицы – исключение, их сильнее накрыло.

– Почему?

– Да кто ж его знает?

Я не стала спорить и расспрашивать. Тоже понятно, бывает. Кто-то грипп на ногах переносит, а кто-то при первых симптомах сваливается. У всех разная устойчивость. А может, на их ручей больше пакости пришлось. Или они были первыми. Не вирусолог я, справились – и ладно!

– Говоришь, в огне прогреваются?

– Да. Дракон закрывает глаза, а четверо других его обливают пламенем со всех сторон. Зрелище потрясающее, но близко лучше не подходить. Жарко до ужаса.

– Ух!

– Главное – результат есть. Еще остались больные, но шансы на выздоровление очень велики.

Я выдохнула.

– А... Виола? Эстанс?

– Виола в порядке. Эстанс тоже. Твоя подруга спит. Ей тяжело пришлось, Выбор и так штука сложная, а она еще в такой момент попала...

Я посмотрела на второй сверток из плащей.

Мариса. Думаю, у нее еще сильнее все болеть будет.

– Туалет-то где?

– Пошли, провожу. – Эдгардо махнул рукой. – И... называй меня Эд?

Я пригляделась.

Нет, это не сексуальное. Эдгардо просто понимает, что без меня погибли бы драконы... не двое, а все. И благодарен мне за спасение его Эстарга.

– Каэ. И на «ты». Но не на людях.

Ответом мне было пожатие узкой, но сильной ладони.

– Спасибо, Каэ.

– Не стоит благодарности, Эд.

* * *

Кустики, стакан воды – и я уже почти человек. Окончательно обрадовал эс Хавьер, который протянул мне кусок пирога с мясом. Вгрызлась я в него так, что чуть не подавилась.

– Фпа... шпа... сбо...

– Приятного аппетита, Каэ.

Эс Хавьер смотрел так, словно ничего лучше остервенело жрущей девицы в жизни своей не видел.

– Сварт здоров. Он сам сказал.

Я кивнула, не отрываясь от пирога.

– Приходил ректор. Эс Лиез нашел причину болезни драконов.

Я снова кивнула.

Нашел? Молодец Матиас, хоть польза от него будет.

– Каэ, это несправедливо.

– Ы? – не поняла я, запивая очередной кусок пирога прямо из горсти. Мысль о заразе и в голову не пришла. Я ее сейчас и сожру, и переварю, факт.

– Матиас Лиез о тебе даже не упомянул. Это надо исправить.

– Ы-Ы-Ы-Ы-Ы!!!

Не надо! И исправлять, и говорить. И вообще – не надо!

– Я правильно понял, это ты ему все объяснила?

Я проглотила последний кусок и прислушалась к себе.

Нет, не тошнило. Теперь и поговорить можно.

– Эс Хавьер...

– Просто Хавьер. Или Хави.

На «Хави» меня не хватило.

– Хавьер, не надо про меня! Пожалуйста!

– Почему? Это же ты... ты ему сказала?

– Я.

– А всю славу получит он.

– А что, кроме проблем, получу я?

Эсы переглянулись. Я добавила:

– А еще и проблемы с Санторином. Думаете, они так легко смирятся, что их обломали?

Несколько минут эсы молчали.

– Я не подумал, – честно признался эс Хавьер. – Меня просто несправедливость задела. А что тебе может быть хуже...

– И Виоле.

– Да... это скрыть не получится. Первый Выбор Драконицы за столько лет...

– Второй. И что значит – не получится? Эсы, если вы мне обязаны, я требую от вас молчания – я вам не кукла-марионетка! Я своими шансами пользовалась и пользоваться буду!

Мужчины онемели.

– Я ничего не получаю от огласки. Только проблемы. А потому, эсы, – молчите. Пожалуйста. И обо мне, и о Марисе, и о Виоле.

– Эсса... то есть Каэ. Ты понимаешь, что тебе надо чаще бывать рядом с Виолой? Летать с ней? Срабатываться, образовать полноценную пару? – Эс Хавьер сдвинул широкие брови.

Я почему-то подумала, что он не метросексуал. В нашем мире ему предложили бы их выщипать... тьфу, гадость! И лезет же в голову всякое...

– Зачем?

– Ну...

– В налетах нам не участвовать. В сражения нас не пустят. Полетать мы сможем и так.

– А что будет через три года?

Я вздохнула.

– Не знаю. Законы смотреть надо. Что говорится об эссах, я знаю. А эсса – драконарий? Для нас есть оговорки? За последние сто лет их и ввести могли.

– Не знаю, – качнул головой Хавьер. – Надо смотреть.

– Я помогу, – кивнул Эдгардо. – После того случая с Ирендирой об этом забыли...

Я невольно фыркнула, и мужчины опять вцепились в меня клещами.

Врать не получилось, пришлось рассказать, что мы накопили. После этого досталось политике. Сильно. И как обычно, без толку. Одни обсуждают, вторые делают, судьба такая...

– Но если были такие законы... и если их до сих пор не отменили, тогда собственный дракон – это, считай, свободный статус?

Так-то да. Но...

– Допустим. Я получаю свободный статус и вылетаю из академии?

– Вряд ли...

– Через три года? Точно... меня возьмут куда-то летать?

Вряд ли.

– Мне дадут работу? Отстоят мои права перед отцом? Или отравят по-тихому? Так, чтобы никто не знал и не думал... Виолу пожалеют. Но она может пережить мою смерть. Это она может утянуть меня за собой, не я ее...

Об этом мужчины точно не думали.

А зря.

Теперь у них глаза и лица были одинаково растерянные. И переглядывались они одинаково. Понятно, что наша жизнь не идеал, но чтобы так до них это доходило?

То-то и оно.

Мне оставалось вздохнуть и развести руками. Увы, мальчики. Увы. Песец – он ни фи́га не полярное животное, он в любой среде обитания может прийти.

* * *

К чести мужчин, думали они не так чтобы долго.

– Я тебе обязан за Сварта.

– Я за Эстарга.

– Мы помолчим. И о тебе, и о подруге, – подвел итог эс Хавьер.

– Спасибо, – кивнула я. – Вы помолчите, драконы помолчат, это хорошо. А вот остальное... мне ведь надо бывать рядом с Виолой?

– Надо, – согласился эс Хавьер. – Я буду с тобой встречаться и провожать тебя.

– Лучше я, – встрял Эдгардо. Получил гневный взгляд и развел руками. – Вы простите, эс, но вы женаты. И вообще...

«Вообще» пояснений не требовало, про эссу Магали только что в столице не знали. Но она старалась прославиться. Оно мне надо – от ревнивой идиотки по всей территории спасаться?

Да трижды тьфу!

С другой стороны, встречаться с Эдгардо? Самым популярным парнем потока? Красавцем, на которого пускают слюни все три курса? Третьекурсницы меня разорвут на запчасти. На составляющие. И ключья по ветру развеют.

– Эдгардо, а ты помолвлен?

– Пока нет. Это важно?

– Да, очень. Встречаясь с тобой, я привлеку внимание. Ты же видишь, я не красавица...

– Да?

Удивлялись мужчины совершенно одинаково. Я даже рассмеялась.

– Мальчики, где ваши глаза? Я не красавица, я серая мышь.

Кажется, со мной были не согласны. Может, и справедливо. Сейчас я вообще монстр. После того, что пережила... небось лохматая, потная, вонючая, вся в пятнах...

– Эдгардо, а с Марисой ты встречаться не хочешь?

– С Лиез?

– А чего ты такую рожу корчишь? Это как раз логично. Ты – считай, король своего курса, она королева, кому еще и встречаться, как не вам. А я при Марисе, так, скромной служанкой. Чтобы ее не компрометировать. Ну и поиздеваться надо мной.

– Поиздеваться?! – рыкнул эс Хавьер.

– Мы пустили слух, – потупилась я. – Что мне нравится Эдгардо. И если Мариса будет встречаться с ним и брать меня с собой...

– Свинство!

Я развела руками.

– Свинство, конечно. Но женщины в любви те еще гадины. Куда там драконам!

Мужчины переглянулись.

– Если Мариса согласится...

– А ее Эстанс ей шанса не даст. Ей придется согласиться.
И с этим спорить было сложно.

* * *

Истерика – универсальная женская реакция на крупные перемены в жизни. Не помогает, но на душе легче становится. Вот истерику Мариса и устроила.

Эдгардо кое-как проводил нас до общаги, там Мариса окончательно пришла в себя – и началось.

Она рыдала, она страдала, она только что головой об стену не билась. И причины у нее были веские.

– Каэ, что я буду делать?

Предлагать решения в таких ситуациях – только себе нервы портить. Поэтому я честно ждала, пока Мариса успокоится, отпаивала ее холодной водой, гладила по голове и вытирала слезы.

Потом к этому делу подключились девочки.

Потом Мариса устала рыдать и стала тихонько икать. Я плюнула на все, напоила ее ударной дозой вишневой настойки и устроила у себя на кровати. А сама ушла спать на кресло.

С утра...

С утра мы себя чувствовали примерно одинаково. Но Виола и Эстанс были целы и невредимы, а остальное...

Остальное – приложится.

К тому же девочки проявили милосердие и сбегали на кухню. Булочки были свежими и вкусными, масло и сыр они выпросили, вареньем я поделилась, а кофе попробовала сварить Фатима под моим присмотром. И получилось преотлично. Так что...

– У Марисы теперь тоже есть дракон?

– В том и вся проблема, – вздохнула я. – Девочки, это мы тут еще два с половиной года будем. А вот Марисе через полгода домой. И замуж.

– Я Эстанс не оставлю, – выдохнула Мариса в чашку кофе. – Не смогу.

Я развела руками.

– Вот и ответ, девочки. У нас серьезные проблемы.

К чести девочек (Кайа тоже присоединилась к компании) никто не сказал, что проблемы Марисы – это проблемы только Марисы. И нечего их тут сваливать на всех подряд.

– Зная тебя, Каэ... Ты уже что-то придумала, нет? – поинтересовалась Севилла.

– Не придумала, – покачала я головой. – Надо искать в сборниках законов. И срочно.

– Срочно?

– Надо знать законы времен Ирендиры. И знать, какие из них отменены, а какие остались в силе. Понимаете, я не верю, что мы нашли все. Наверняка есть какие-то прецеденты, ссылки, чтобы Мариса могла спокойно жить в академии или где-то в гарнизоне... Мариса, не обижайся. Но если ты выбираешь дракона, понятно, что Жоао Феррер пролетает мимо. А тогда начинаются проблемы с семьей, и тебе надо где-то жить, что-то кушать – наверняка такое и раньше случалось. Я хочу знать, как решался этот вопрос в прошлом.

Девушки задумались.

– Учитывая, что драконариев-девушек больше не появлялось, могли и ничего не отменять, – протянула Олинда. – Но это надо искать и читать. А если и так... что это даст?

– Нас уже будет две, – просто ответила я. – Мариса, ты прости, что я тебя в это втравила, я знаю, ты драконов боишься...

– Эстанс – лучшее, что со мной случилось, – резко ответила Мариса. И глотнула кофе. – Я их боюсь, это правда. Но она... она как человек.

Теперь уже зафыркала я.

– Виола мне сказала, что я почти как дракон. У нас достаточно много общего, нет?

Девушки переглянулись. Ну так-то да... сложно представить нечто общее между человеком – и чешуйчатой сорокаметровой ящерицей?

И все же оно есть.

Небо.

– Ладно, – согласилась Севилла. – А что вы будете делать дальше?

– Это зависит от того, что мы найдем, – честно созналась я. – Смотря какие законы применяются к девушкам-драконариям. Но... дело в том, что есть серьезная проблема.

– Какая?

– Деньги. Просто деньги. Даже если у вас они будут на руках – это другое. Когда тебя содержат – и когда ты зарабатываешь. Это очень разные вещи.

– М-да, – задумалась Кайа. – А ведь мы и правда не зарабатывали.

– Мало того. Вы можете пройтись по модным лавкам, но счета идут отцам и мужьям. Вы можете устроить званый вечер, но в жизни этого не нужно, если ты не эсса. Девочки, кто из вас покупал хотя бы булку хлеба? Кто ходил на рынок, торговался, знает, что и почему, кто разбирается в городских кварталах, знает, какие опасны, а какие нормальные, кто может снять себе комнату на ночь или на месяц, договориться с квартирной хозяйкой... дальше перечислять?

В комнате повисло молчание.

Девушки переглядывались. Потом слово взяла Олинда как самая активная.

– Знаешь, Каэ, это уже все границы переходит.

– Да? Какие?

– Сначала ты показала нам, насколько мы беспомощны... перед мужчинами. Теперь – перед жизнью. Почему вообще так произошло? Нас что – растят на убой?

Вопрос был хороший. Ответ тоже получился... соответствующий.

– Нет, Олинда. Вы – украшение дома. Вот вас и растят... украшениями. Вам... нам дают ровно столько, сколько хотят. Чтобы мы не создавали проблем. Понимаешь? Нам сузили мир до нескольких гостиных, детских и храма – и все. И мы оказались полностью беспомощны.

– Мне это не нравится.

– И никому не нравится. Но... вряд ли ты сможешь исправить эту ситуацию.

– А ты?

– А я вообще жить хочу. С Виолой и Эстанс у нас получилось случайно, но это не та ноша, от которой отказываются. Только вот... вы историю учили?

– Да.

– Что бывает с теми, кто пытается изменить существующие порядки?

Девушки снова переглянулись. Они и это знали.

Смерть.

Слово повисло в комнате ядовитым облаком. Втянулось в легкие, прошло по крови, отравило сознание... мы с Марисой – потенциальные смертницы.

– То-то и оно, – подвела я итог. – Решайте сейчас и для себя. Тот, кто останется, может серьезно встрять. И нас убьют, и вам жизнь покалечат. Поэтому... я вам дам сутки. Подумайте, и если решитесь – не надо сюда приходить, ладно? Я пойму, я не обижусь, я даже в мыслях о вас ничего плохого не скажу. И нет, Севилла. Не надо пинать меня, я же вижу.

Севилла Коцци одернула платье и сделала вид, что не она только что хотела пнуть меня изящной туфелькой.

– Ладно. Не буду.

– Подумайте, пожалуйста. На кону не только наши жизни, на кону еще и наши семьи. Думаете, их пощадят? Будет легче, если вы и их за собой утянете? Вас никакие драконицы не выбрали, вы можете повернуть назад. Вы спокойно скажете, что ничего не знали, что не влезали ни в какие проблемы... и будет вам счастье. Длинная и спокойная жизнь. И я прошу вас серьезно над этим подумать. Можете?

Девушки переглядывались.

Первой поднялась Кайа.

– Я... подумаю. Ты права, Каэ. Это очень серьезно.

Одна за другой, они выходили за дверь, пока в комнате не остались только мы с Марисой. Подруга поглядела на меня несчастными глазами.

– Каэ... а они не расскажут?

– Нет, не думаю.

– А что будет дальше?

– Дальше мы будем изучать законы, – не соврала я, – А там посмотрим, что выгоднее. Но будут сложности.

– Ты – мастер преуменьшений, Каэ.

– А еще я отлично варю кофе. Предлагаю сегодня прогулять занятия по причине мигрени, валяться на кровати и ничего не делать. Ты против?

– За. А Эстанс?

– Мы вчера договорились с Эдгардо Молиной. Теперь ты с ним встречаешься, а меня берешь с собой для сопровождения.

– Да?

– Надо же нам как-то попадать к своим дракошам?

После объяснений Мариса решила, что идея отличная. Эдгардо Молина знатен и богат, ее родители не будут против их встреч. Матиас им тоже не будет доносить, ему выгодно, чтобы Эдгардо с кем-то встречался, он же считает, что я люблю эса Молину.

Все поймут.

А мы будем навещать наших дракониц, сколько нам захочется.

И искать выход.

У нас очень мало времени, это так. Но мы справимся. И ради нас, и ради них...

* * *

Драконы умеют улыбаться. Это я точно знаю. Вот Виола сейчас улыбается. И Эстанс тоже.

– Ты моя красотка...

– Каэтана, я хочу с тобой полетать.

Оп-па!

А вот тут я серьезно подвисла. А правда...

Полетать на драконе?

Хочу-хочу-хочу!!! Побольше, и можно без хлеба! Но – как?

На минутку, это нужна сбруя. То есть кожаные ремни и седло. Потому как никакой драконьей магии, которая держит всадника в полете, не существует.

Или ты летишь с драконом, или ты летишь с дракона. Оба варианта вполне возможны. Не удержишься? Ты попал... то есть упал.

А еще есть одежда всадника. Наверху холодно, поэтому без нее никуда. Если не хочешь воспаления легких, конечно. Обязательно кожаные штаны и куртка. Потому как влага. И теплое вязаное белье. И сапоги, и носки, и даже специальные очки – и те нужны. И все это с неба не падает.

Беднякам, которые не могут все это оплатить, комплекты предоставляет академия. Те эсы, кто побогаче, приобретают для себя все сами.

А нам как быть?

Дело даже не в сумме, Марисе дают достаточно денег «на булавки», а у меня еще есть. Это-то не страшно. Но где и как это купить?

Мастерская расположена на территории академии, но как мы туда заявимся? Мы хотим сделать подарок брату? Поэтому мерки снимите с меня? Так, что ли?

Спалют нас. Как лист бумаги...

Ладно, этим вопросом я озадачу эсов. А чего они? Просто так гулять тут будут? Пусть от них будет реальная и осязаемая польза. А пока...

– Полетать – это вряд ли. А просто покатать нас можете? Ну, на спинах? Чтобы мы привыкли?

Виола была согласна. Эстанс тоже. И как я поняла, остальные драконицы им жутко завидовали.

А мне было страшно.

Очень страшно...

* * *

Кататься на американских горках?

На вертушках? На ралли без правил? На 3D- и 4D-автогонках?

Да тьфу это все и фигня!

А вот на драконе...

Когда под тобой тридцать метров мощности, и все это покачивается, так плавно, и крылья, которые закрывают тебя от всего мира, и ты смотришь фактически глазами Виолы...

Это не просто здорово.

Это фантастика.

Я прикусывала покрепче перчатку, чтобы не визжать. И Мариса, кажется, тоже. А две драконицы путешествовали по пещерам, а потом вышли наружу. И тут уж разогнались.

Дракон может только летать, а на земле он крупный и медлительный?

Вот уж ни разу!

Сто метров эти монстры преодолевают за пару секунд и так носятся, что ветер в ушах свистит. И изо всех сил цепляешься за

гребень и сжимаешь ноги, чтобы не потерять равновесия... это, как я поняла, еще щадящий вариант, так-то драконицы намного активнее.

И вверх, в гору, и вниз, с горы, да на пузе...

Они и так умеют. А чего лапы бить, когда на пузе броня, как у танка?

Да-да, соврал Джон Рональд Руэл и еще Толкин. Нагло соврал про дракона Смауга. Нет у дракониц никакого черного пятна и не намечается. И стрелять в них можно разве что из катапульты. А из обычного лука...

Нет, не пробьешь. Даже не поцарапаешь. Там и баллистой не факт что возьмешь.

Эстанс еще и поймать кого-то умудрилась на бегу, на зубах только хрупнуло и пискнуло. Мариса и дышать забыла.

Я же...

Я была счастлива.

Это то ощущение, когда радость движения, радость от своего тела, от его силы, мощи, стремительности добавляется к радости человека и умножается его восхищением. И Виола была счастлива вместе со мной, а я вместе с Виолой. И темнота драконам ничуть не мешала.

Когда утром мы вернулись в общежитие, итог подвела Мариса.

– Каэ, пусть меня убивают. Пусть семья отказывается, брат, жених... пусть хоть сожрут заживо! Я от Эстанс не откажусь! Хоть полгода, хоть год, но я ее никому не отдам.

И я готова была подписаться под каждым ее словом.

* * *

На занятия мы не пошли. Сегодня мы опять отсыпались, да и не до нас людям было.

Драконы выздоравливали, драконарии холили и лелеяли своих рептилий, уроки велись спустя рукава, а эссы... да кому есть до них дело?

Матиас – и тот не пытался к нам прорваться. Они искали «закладки» в ручьях и речках. Так что все были при деле.

Стук в дверь раздался после обеда, который мы тоже пропустили. И я поползла открывать.

Они стояли за дверью.

Все четыре, серьезные, сосредоточенные, принявшие нелегкое для себя решение...

Девушки, которых растили, чтобы жить в бесполезной роскоши и служить украшением мужа и дома. Девушки, которые жутко боялись, я это видела.

Олинда Оливера, Фатима Ломбардо, Севилла Коцци, Кайа Ибанес. Не передумала ни одна. А Олинда еще и держала в руках судок с обедом.

– Каэ, мы тут на кухне еду для вас спросили.

– Спасибо. – Я растрогалась.

– Можно войти?

– Да, конечно.

– И... Каэ, мы решили. Мы остаемся.

Я только вздохнула.

– А обеда на шестерых хватит?

– Хватит, – заверила Олинда. – Но кофе с тебя.

И нагло ухмыльнулась, когда Севилла показала еще два судка, скрытых за широкой юбкой.

Сварить ей, что ли, кофе с чесноком? Очень хочется...

* * *

– Каэтана, а можно мы с вами сходим?

– Куда?

– К драконам. – Олинда явно продумала все это заранее.

– Девочки, а вы уверены?

– Каэтана, а ты за нас не решай. Мы вчера долго разговаривали. – Севилла нервно укусила дольку огурца. – Понимаешь, именно здесь и сейчас у нас появляется шанс что-то изменить в своей жизни. Что-то сделать... я вот смотрю на тебя, и я понимаю, что знаю и умею намного меньше.

Я прикусила язык.

Да еще б ты знала и умела больше меня! С моим-то жизненным опытом!

Я в этом мире читтер, будем честны. Вас-то растили в тепличных условиях, а меня – в спортивных. Разница принципиальная...

– Это не страшно. Я тоже много чего не умею, Севилла.

– Да. Но ты не стоишь на месте, ты стараешься учиться, ты двигаешься куда-то... может, не в самом верном направлении, но все же. Я ночью думала о своей маме, о старшей сестре... понимаешь, у них в жизни нет ничего. Вообще... дом, дети – и муж. И все. Обсуждения мод и нарядов, такие же эссы, приемы и сплетни. Это так... безнадежно! Я для себя такого не хочу. Может, нас убьют, отравят, может, случится что-то плохое – я не знаю. Но у меня хотя бы будет шанс. А дома... Я буду сидеть, стареть, следить за мужем, которого не люблю... Да-да, я тоже помолвлена. Пока еще нет официального договора, но между семьями уже есть сговор. А мне этот человек решительно не нравится. И что дальше? Пустота, и темнота, и все равно смерть...

Я задумчиво кивнула.

Да, Севилла озвучила общую для эсс проблему.

Или не проблему?

– Девочки, та жизнь, о которой вы говорите, – она стабильна. А вы сейчас можете отказаться от всего. И дети – вам их не хочется?

– Хочется, – мрачно отозвалась Олинда. – У моей матери шестеро. И рядом с ней – никого. Братьев вечно нет дома, сестры замужем. Она ждет внуков, сплетничает, занимается домом. А отец... он в это время ходит по девкам. И мать все знает и принимает как должное. А я не хочу. Я мужу никогда не прощу!

Я только вздохнула.

Не простит она! Я вот тоже не простила. Но вряд ли Олинде так повезет.

– Ладно. Девочки, давайте так. Санторинцы уедут – и по одной. Я вас буду водить к драконам или Мариса – как повезет. Но если вы найдете себе дракониц... я не знаю, что будет и как это будет выглядеть.

Фатима пожала плечами.

– Как-нибудь. Давай не забегать вперед? Сначала драконы, а потом все остальное...

Я мрачно кивнула.

Меня терзали неприятные предчувствия... тайну можно хранить, когда о ней знают один, ну два человека. Но когда больше?

Рано или поздно нас раскроют. И как, скажите на милость, к этому можно подготовиться?

Библиотека – и законы, обязательно. Только вот мало этого...

Но пока ничего не придумывалось.

Какое уж там равновесие? Даннара, тыпустила слона в посудную лавку. Мне кажется, я только больше раскачаю твои весы. Но и просто сидеть сиднем – не выход.

Слов у меня нет. И мыслей.

Зато есть кофе. Сварю-ка я еще по одной?

Интерлюдия

1

Эс Орландо Чавез в компании эса т-Альего и раэна Сории с отвращением разглядывал залитую чем-то темным дохлую ящерицу. Сейчас у него было и время, и возможность. И даже небольшая лаборатория в больнице. А кто еще может знать что-то о болезнях драконов, как не человек, который проводит с ними все время? Ну, и драконолог?

Но т-Альего молчал, а преподаватель драконологии смотрел с отвращением и умных идей не выдавал.

– Не знаю, эс Чавез. Конечно, эта тварь имеет определенное сходство с драконами, но предположить, что именно она – причина болезни?..

– Матиас Лиез нашел шесть таких тварей в ручьях, из которых вода шла в пещеры к драконам. Первыми заболели драконята, впрочем, не все, примерно половина. Остальные пили воду из других ручьев, пещеры большие. И заболели драконицы. Те даже сильнее.

– Так...

– Убрали эту пакость, драконы больше не болеют. Я бы хотел знать, что это – и как травили драконов?

Раэн Сориа только руками развел.

– Не знаю, эс Чавез. А что говорит Матиас Лиез?

– Он решил, что это может быть не болезнь, а яд. Драконы же не болеют. И решил проверить ручьи. Больше-то яду никак в пещеры не попасть.

– Неожиданная сообразительность для эса Лиез, – прокомментировал преподаватель. – Вы уверены, что он сам додумался? Может, ему кто-то подсказал?

Эс Чавез задумался, не замечая насмешливой улыбки на губах т-Альего.

Подсказал.

Проблема в том, что не подсказал, а подсказала. И потому обнаружить имя истинного спасителя нельзя. Но это не повод награждать Матиаса.

Можно немножко как исполнителя, но не слишком сильно, чтобы не зазнался.

– Не знаю. Надо уточнить, мне было не до того...

– Уточните, эс Чавез, – посоветовал с порога лекарь.

– Раэн Суарес. – Ректор чуточку расслабился.

Раэн Арло Суарес, несмотря на то, что не имел благородного происхождения, в больнице был королем и богом. Он знал все о воздействии крови и слюны драконов, он изучал драконов, он писал статьи и трактаты, при этом не утратил мастерства и легко мог зашить рану или вправить вывих.

– Я, Орландо. – Лекарь отбросил вежливость и принялся тоже разглядывать ящерицу. – Чего удивительного... тебе надо было сразу к нам обращаться, а не к Сории. Ричи, не в упрек, о строении драконов ты знаешь, но глубже их не изучал.

Раэн Сориа только руками еще раз развел. Мол, признаю. Не изучал.

– Эс Лиез действительно высказал правильное предположение. О яде. Но его воздействие лучше проверять мне и раэну Оллеросу.

Симон Оллерос, второй из врачей, был именно что вторым. На генерацию ценных идей его не хватало, но исполнителем он был от бога. Пусть даже внешне раэны достаточно забавно смотрелись рядом. Седой худенький Суарес с длинной бородой, этакий дедушка-одуванчик, – и рядом с ним крепкий, пузатенький раэн Оллерос.

Они ругались, спорили, ссорились раз по двадцать на дню, но когда им попадала очередная нерешенная проблема – все остальное отходило в сторону. И они работали, работали и работали, забывая про сон и еду. Раэн Оллерос даже шутил, что для него работа – единственный способ похудеть.

– Придется выставлять караулы у ручьев. – Эс Чавез вздохнул. – Это же повторить могут...

– И не раз. Если повадились травить – так и будут пакостничать, – «порадовал» Арло. – Санторинцы?

– Увы. Они, но как доказать?

– Сложно доказать будет. Форма кувшина явно эстормахская, у них там принято так делать.

Мужчины переглянулись, посмотрели на кувшин.

Так-то да. В Эстормахе матриархат (дикари они там, точно!), поэтому кувшины у них делают в виде женской фигуры.

Расширение снизу, подобно бедрам, сужение талии – и снова расширение. Так, мол, от предков пошло, так и останется.

Большой кувшин, в который свободно мог поместиться двух-трехлетний ребенок, явно вел свое происхождение оттуда. Конечно, купить такие мог кто угодно, но ведь и отговориться можно. Никто не видел, как санторинцы эту пакость закладывали, никто ничего и не докажет.

Ящерица?

Вроде бы и на Наресе такие водятся. Крупные, поджарые... помельче? А, тоже не доказательство. В Эстормахе такие точно водятся... это точно не Эстормах? То-то и оно.

Знать можно, а доказать не получится.

Эс Чавез только рукой махнул.

– Раэны, вы изучите эту тварь, пожалуйста. Что это, как действует, как нам с таким бороться, если что. Драконы справились в этот раз, но потом ведь может и не повезти?

С этим были согласны все присутствующие. Кроме одного.

– Раэны, позвольте мне немножко дополнить ваши размышления? – попросил эс т-Альего. Получил пару возмущенных взглядов, типа: «Ты-то куда лезешь к ученым? Лучше б воевал себе!» – и улыбнулся в ответ. Милейшим образом.

– Подумайте сами. Если это яд... ящерица ядом быть не может. Драконы таких едят – и легко. Вот это вещество, в котором она находится? Я бы предположил скорее, что оно консервирует ящерицу. Не отравленную, нет. Но умершую от болезни, которая может равно заразить и драконов. Это ведь тоже... в некотором роде ящерицы?

Раэны задумчиво переглянулись.

Чума в этом мире встречалась, да и другие заразные (слово «инфекционные» пока не вошло в обиход) болезни им были знакомы.

– Болезнь передалась через воду?

– Почему нет? – парировал Хавьер. – Сколько вы знаете случаев, когда травили родники, подбрасывая туда трупы умерших от всякой

заразы?

Спорить было сложно. Врачи переглянулись – и закивали.

– Может быть, и болезнь. Это тоже надо проверить.

– Надеюсь на ваши знания, – подвел итог встречи эс Чавез. А что ему? Он администратор, и талантливый, он дал задание, теперь пусть выполняют. А как – это не его дело.

Разны не подвели, с ходу выделив самое главное:

– Еще надо составить доклад для столицы. Вы же поедете к его величеству, эс Чавез?

– Безусловно. И в этом я на вас рассчитываю, разн Суарес.

Врачи переглянулись и кивнули. И составят, и напишут. Хотя обидно, конечно, что первым до столь простой идеи додумался мальчишка, практически сопляк! Но и так бывает.

Мальчишки же мальчишкам рознь, надо бы на него посмотреть вблизи, может, он будущий врач? Додумался ведь!

Матиаса Лиеза ждали нелегкие деньки.

2

Матиас Лиез, не подозревая о планах врачей на свою скромную персону, сидел в приемной ректора. Сидел, улыбался секретарше, и рядом с ним сидели трое его друзей. Эстебан, Арчибальдо, Джусто.

Или уже не вполне друзей?

Эстебан вел себя... неправильно в последнее время. Избил приятеля из-за какой-то девчонки, пытался ухаживать за Каэтаной, на которую положил глаз сам Матиас... нет, это совершенно неправильно. Но и высказывать что-то другу Матиас не спешил. А то ведь и прилететь по шее может... подождем пока.

Молодые люди дождались эса Чавеза и эса т-Альего, которые быстрым шагом прошли через приемную, кивнув парням.

– Минуту еще подождите.

И ректор хлопнул дверью кабинета.

Спорить они с т-Альего начали еще по дороге сюда и не прерывались.

– Ребята заслуживают награды!

– Но небольшой! Я не верю, что Лиез до всего додумался сам.

– Но ведь додумался же!

– Я бы скорее предположил, что придумал кто-то другой. А Лиез... сам он, кроме мелких пакостей, ничего не выдумает. Но чужие достижения себе присвоить сможет.

Хавьеру легко было это говорить, поскольку он знал про Каэтану.

– Ладно. Предлагаю сейчас спросить у него. А потом уже решать. Но если это он – я буду настаивать, пусть попробуют сделать Выбор пораньше. В этом году.

Хавьер кивнул и добавил:

– А если не он, предлагаю все равно наградить, но чем-то полегче. К примеру, зачесть им годовые экзамены. Все же пошли и нашли...

– Ладно, – согласился эс Чавез. И тряхнул колокольчиком, вызывая секретаря.

С т-Альего он решил больше не спорить – зачем? Хавьер неглуп, его легко уговорить на полезные академии новшества и дела, он отлично ведет за собой драконариев, так что мужчины почти дружили. Даже без «почти». И за бутылочкой вина посиживали, и дела академии обсуждали, и между собой общались без чинов и званий. Но были в характере у т-Альего и недостатки. Один – особенно серьезный. Если он упирался, сдвинуть его было нереально. Проще шкаф подвигать. Дубовый, трехстворчатый.

А в данном случае т-Альего уперся. Впрочем, Лиеза он за что-то невзлюбил уже давно.

Орландо решил для себя это выяснить, но потом. А пока пусть ребята заходят.

* * *

Матиас заходил, как и должно победителю. Грудь вперед, вид в меру бравый, в меру скромный. Вчера перед зеркалом сколько отработывал! Красавец получился, да и только...

Бареси и Соуза тоже шли павлинами. Спасители, как же! А вот Гил смотрел хмуро. Кажется, ему что-то не нравилось, но спорить с друзьями он не решался.

Неужели совесть проснулась?

– Присаживайтесь, эс Лиез. – Орландо улыбнулся голодным крокодиллом. – И расскажите нам, как вы додумались поискать отраву в горных ручьях?

Матиас замялся.

Про Каэтану ему рассказывать было неохота. Но...

– Мы сидели, разговаривали... думаем – драконов травят. А если травят, то откуда? Только оттуда ж, нет? Ну и пошли посмотреть, – попытался извернуться Матиас.

Но ректор и не таких потрошил.

А уж слегка покрасневшие уши выдали бедолагу и вовсе с потрохами.

– Вы читали о таких случаях? О каких именно? Слышали? Что именно? Беседовали с лекарями? Может, что-то подсказали ваши друзья?

Орландо трепал Матиаса со всех сторон. Тот стоял на своем – мол, сидели, выпивали, думали – додумались. Проверили – оно правда.

Хавьер ехидно улыбался. Как зовут эту правду, он представлял. Но пусть Лиез упирается, пусть его. Ректор уже понял, что парень врет и никакой Выбор ему в этом году не светит.

Так и оказалось.

– Если, эс Лиез, вы не хотите назвать имя автора идеи – хорошо. Не буду настаивать.

– Он слово дал, – пробасил вдруг Эстебан Гил. – Нельзя нарушать.

– Эсы, дело касается безопасности драконов! Какие тут могут быть секреты?

Парни дружно замотали головами. Арчибальдо и Джусто, может, и сказали бы что-то, но они молчали по уважительной причине. Они ничего не знали о Каэтане.

Эстебан сообразил сам, а Матиас...

Матиасу просто не хотелось ничего рассказывать про Каэтану. Парень смутно догадывался, что после такого он к эссе Кордове и близко не подойдет. А отдавать свою почти добычу кому-то другому?

Не дождетесь!

Намного выгоднее получить ее себе, а умные мысли... да пусть думает! Он не претендует, еще и озвучить их поможет! Жалко, что ли? Все ж будет для семьи, все для дома...

Эстебан молчал практически по той же причине!

Эс Хавьер...

Хавьер т-Альего с удовольствием натыкал бы парней носом в драконью лепешку, но подставлять Каэтану не хотелось. Он девушке драконом обязан, это серьезно. Считай – жизнью и кровью.

Он помолчит. Но придумает, как ее отблагодарить. Обязательно.

– Тогда решено, – подвел итог эс Чавез. – Эсы, я вам засчитываю переводные экзамены. И разрешаю в этом году отправиться на летние каникулы на месяц раньше.

Парни встали и поклонились.

– Кроме того, – эс Чавез мило улыбнулся, – я отправлю вашим семьям благодарственные письма.

Поклоны повторились. И от Матиаса, и от его друзей.

– А пока – не смею вас задерживать.

Эсы вышли, хлопнув дверями. Это уже Джусто постарался. Парню было обидно.

– Матиас, кто тебе что сказал? Чего ты молчишь?

Ответа Лиеза ректор уже не услышал. Но подозревал, что много тот не скажет. И перевел взгляд на т-Альего.

– Почему мне кажется, что ты знаешь больше, чем говоришь?

Хавьер качнул головой.

– Знаю. Но я тоже дал слово.

– Так...

– Чавез, ты мне поверь, если этот человек согласится, я все расскажу. Но пока – прости. Сам знаешь, меня Сварт загрызет, если что.

Драконы действительно очень негативно относились к клятвопреступникам. А тут еще такой случай, что сами драконы должны человеку.

Запросто загрызет.

Орландо Чавез только рукой махнул.

– Ладно. На тебя я давить не буду, но ты сам понимаешь. Если король...

– Ты тоже знаешь, как правильно доклады делать.

Эс Чавез знал.

Оставался последний вопрос.

Что делать с санторинцами? Хотя... глупый вопрос. Пригласить их на бал – и попросить из академии. Пусть катятся, скатертью

дорожка.

А потом подать доклад его величеству. Чтобы эти паразиты сюда и следующие пятьдесят лет не являлись. Вот.

Его высочество принц Баязет был занят. Причем самым приятным делом.

Он строил планы.

Не мечтал, нет. Понимать надо, это серьезная разница. Мечты – они о недостижимом. О том, что ты никогда не получишь, хоть в лепешку расшибись.

А у него – планы. Продуманные и обязательные к воплощению. Скорому воплощению...

Не будет драконов? Можно будет начинать атаки на Нарес. А это ведь мероприятие не одного дня, это не к соседу в гости сходить.

Нужны корабли, чтобы перевозить воинов, нужно кормить этих воинов, пока они в море, на суше-то они себе еду добудут. Нужно решить, какой порт брать первым, какой вторым. Как потом развивать успех, куда идти, как обеспечить логистику...

Столько всего придется продумать – голова пухнет.

Ничего.

Зато потом никто не сможет оспаривать его первенство. Никто.

Ни братья, ни даже отец. И сразу ясно, кого назначат наследником... Так, для перевозки воинов нужны галеры, чтобы обеспечивать их безопасность в пути – фрегаты...

Размышления его высочества были грубо оборваны визитом эса Чавеза.

– Добрый день, ваше высочество.

– Эс Чавез, – одними губами улыбнулся принц. – Чем обязан?

– Ваше высочество, я хотел сообщить вам, что бал в честь Дня Выбора Дракона состоится через три дня. Надо бы, конечно, пораньше, обычно бал устраивается через три дня после Выбора, но, к сожалению, у нас была маленькая проблема.

– Проблема, эс Чавез?

Теперь смерть всех драконов называется именно так? Ну-ну...

Эс Чавез очаровательно улыбнулся.

– Да, ваше высочество. Представляете, кто-то решился отравить драконов.

– ЧТО?!

Чего Баязет не ожидал, так это...

Да как они узнали?!

Да еще так быстро!

Ну вот же... Санджар же клялся, что никто... что вообще произошло?! Предательство?!

Ярость полыхнула черной искрой, быстро разгораясь в костер. И только многолетняя тренировка не позволила его высочеству сорваться.

– Что вы говорите? Травить драконов?

– Да-да, какой-то глупец решил, что можно так поступить. Наивные люди!

– Действительно...

– На месте преступления обнаружены сосуды из Эстормаха... ох, конечно, не стоило бы рассказывать, но вы, ваше высочество, заслуживаете всяческого доверия...

Баязет так зубами скрипнул, что заодно и язык прикусил.

Издевается, сволочь!

– Я вас внимательно слушаю.

– А пока мы и сами больше ничего не знаем, ваше высочество. Идет расследование, и разумеется, по результатам мы сообщим... а пока через три дня – бал. Я надеюсь, вы окажете нам высокоую честь?

Баязет еще раз скрежетнул зубами, но...

Отказаться?

Всегда надо держать лицо. Особенно когда проиграл вчистую. Но...

– Вы разобрались, что это за яд?

– О, конечно же... это совершенно несложно. Драконы подобрали метод лечения и уже практически все здоровы, так что не сомневайтесь – патрулирование территории Санторина будет осуществляться в надлежащее время.

– Уверен в этом, – выдохнул Баязет.

– Ваше высочество, мы будем счастливы видеть вас на балу...

– Разумеется, я буду.

Чего Баязету стоило улыбаться и не показывать вида?
Кажется, за это время у него зубы стали на сантиметр короче, так
он ими активно скрежетал.

Сволочи!

Какие ж сволочи!!!

И стоило за эсом Чавезом закрыться входной двери...

– САНДЖАР!!!

Глава 13

Матиас был...

Великолепен?

Да, пожалуй, это именно то самое слово.

Роскошный костюм, белейшая рубашка, кружева, золото на всех возможных местах, одних перстней шесть штук.

Локоны, улыбка...

Громадный букет роз в руках.

– Эсса Кордова! Каэтана!

Я подавила в себе желание захлопнуть дверь комнаты. Да так, чтобы Матиас получил ею по носу и переломы лечил неделю.

Нельзя.

– Эс Лиез? Что случилось?

– Вы позволите войти, Каэтана?

– Позволю, – вздохнула я.

Сильно я не рисковала, через двадцать минут придут девочки. Бал же!

Платья!

Мне проще, я буду в бежевом сливаться со стенкой, а вот им сложно. Им хочется блистать.

Я предусмотрительно пропустила вперед Матиаса – и прикрыла дверь. Даже защелку поворачивать не стала, вдруг придется резко открывать? Всякое бывает.

Матиас огляделся, потом выбрал местечко поудобнее, встал на колено – и протянул мне букет.

– Эсса Кордова! Каэтана! Я прошу вас стать моей женой!

– Нет, – мгновенно ответила я.

– Я обещаю, что сделаю вас... ЧТО?!

– НЕТ.

Матиас воззрился на меня так, словно я по нему велосипедом проехала. По чувствительным местам.

– Н-но... Каэтана!

– Предлагаю поговорить о более интересных вещах, – мило заметила я. – Начнем с того, что вы получили в награду за мою идею?

– Ничего, – помрачнел Матиас. – Мне зачеты проставят, вот и все.

– А, это пусть. – Я махнула рукой. – Зачеты я и сама прекрасно получу. Но замуж за вас, эс Лиез, я все равно не выйду. Не хочу.

– Почему? – Матиас прищурился, поднимаясь с колен и пристраивая на стол роскошные алые розы.

– Потому что вы мелкий подлец и домашний тиран, – спокойно сообщила я. Черт с ней, с дипломатией, за такого замуж выходить – лучше сразу помереть.

– Я?!

– Не я же! Эс Лиез, я своего мнения не изменю.

– Правда? А если я попробую тебя убедить?

Матиас сделал шаг ко мне и протянул руки.

Я честно дала ему шанс. Целый один. Ради Марисы.

– Не переубедишь. Но если выйдешь сейчас за дверь сам – останешься цел и невредим.

И когда дураки к умным людям прислушивались?

Да никогда!

Вон он, растопырился, лапы тянет, и в глазах видно желание повалить меня на кровать, ну и... поубеждать.

Наивный... Я увернулась, обходя стол.

– Каэтана... хуже будет.

– Будет, конечно, – согласилась я, добираясь до нужного места.

Разбирать, чего ему там хочется, я не стала. Есть такое понятие – превентивно. Вот, я не нападала, я защищалась. Просто я сделала это ДО того, как мне причинили вред.

Зря Лиез со мной связался.

Дважды зря, потому что в качестве знака восхищения он выбрал розы. Герберами было бы не так больно... тот, кто получал букетом по лицу, знает.

Я ведь не махала кое-как. Я лупила с душой и наотмашь, благо розы были завернуты в какое-то кружево, чтобы руки не кололи. Мне и не кололи, а Матиас взвыл.

Может, он бы сосредоточился, он бы со мной справился, но...

– Каэтана?!

На пороге стояли все подруги, кроме Марисы. Та задерживалась на занятиях.

Но и так...

Зрелище расцарапанного Матиаса с бутонами роз на ушах заставило подруг открыть рты.

– Эс Лиез? – первой опомнилась Олинда.

– Эс уже уходит. – Я ловко впихнула Матиасу в руки остатки букета. – И больше свое предложение не повторит.

Матиас сверкнул глазами – и хлопнул дверью.

Попытался. Не вышло, девушки не дали, так и проскакал по коридору, в лепестках роз.

– Чего ему надо было? – Олинда решила сразу сработать «на публику», а то половина этажа на шум вышла.

– Предложение делал.

– И что?

– И его не приняли. – Я пожала плечами. – Матиас попробовал меня убедить более активно, я защищалась... розы пострадали.

Девушки переглянулись – и закивали.

– Матиасу не надо... дополнительных объяснений? – прищурилась Олинда.

– Думаю, с него хватит, – сказала я чистую правду. – Пусть его... кто и с кем идет на бал?

У меня-то все было решено, мне составит компанию Эстебан Гил. А вот остальные подруги... хотя они тоже не растерялись. Даже Мариса уговорила Эдгара Молину. А почему нет? Все равно они «встречаются», можно и на публику поиграть с полгодика.

* * *

Бал?

Сказано громко.

В этом году никого со стороны не приглашают, все происходит исключительно внутри академии. Сначала ректор произносит речь о мире и дружбе. Потом небольшая культурная программа: ученики представляют номера. Да-да, и здесь не без художественной самодетельности.

Я точно знаю, что есть один танцевальный номер, две «сценки», Мариса вообще должна петь... она одна из последних. Голос у нее

красивый, слух есть, так что санторинцы не будут разочарованы. И сама Мариса...

Сейчас она сидит рядом со мной. Так ей спокойнее. Держится за мою руку, поглядывает на санторинцев. Никуда-то ее влюбленность не делась, даже не подтаяла.

Концерт смотрят отдельно. Так, чтобы сидеть вперемешку, парни с девушками – такого здесь нет. Борьба за нравственность... ясно же, когда свет в зале погаснет, начнется разврат. Такого допускать нельзя, поэтому парни сидят отдельно, поглядывают на нас, девушки отдельно.

Санторинцы – почти посередине, как то самое в проруби.

Ладно! В кого бы девушки не влюблялись... уедет через несколько дней этот импорт – и забудем. Тем более у нее Эстанс есть. Драконица ведь лучше санторинца, правда?

Ректор квакал со сцены про мир и дружбу и приглашал санторинцев приезжать еще. Мол, в этом году не повезло, так может, в следующем повезет? Или еще... лет через пятьдесят?

Наконец его речь закончилась, и Мариса поднялась с места.

– Девушки, вы меня проводите?

Конечно, мы не отказались. За кулисами интересно, уж точно лучше, чем здесь.

Только вот...

Наш путь к кулисам пролегал неподалеку от кресел санторинцев. И внимание мы привлекли.

Его высочество окинул нас насмешливым взглядом, задержался на мне, потом на Марисе, которая выделялась среди нас, как лилия среди кувшинок, и что-то сказал. Буквально несколько резких гортанных слов.

И еще добавил.

Мариса побледнела.

Сжала мою руку так, что я едва не взвыла, и почти опрометью метнулась за кулисы. Вслед нам полетели несколько смешков. Таких, сугубо мужских.

За которые хочется смеющемуся оторвать что-то ценное. Вместе с головой.

– Мариса?

– Каэ, ты не поняла, что они сказали?

– Никто не понял. – Олинда сверкнула глазами. – Девочки?

Нет, никто. Ни Фати, ни Севилла. Кайа так вообще на бал не пришла – от греха подальше.

– Я поняла. – Мариса казалась удивительно несчастной и от этого еще более красивой. – Он сказал, что не доверил бы нам даже полы в гареме мыть. Потому что мы не женщины, а жалкие их подобия.

Я скрипнула зубами.

Вот даже не сомневаюсь, что стрела была пущена в меня. И то больше со злости, что планы по изведению драконов обломались. Сейчас принцу тут и потолки низкие, и море бесцветное. А Мариса просто попала под раздачу. Но... как ей сейчас об этом сказать?

Пока я подбирала слова, Мариса вытирала слезы. Это мне на принца плевать с колокольни, а ей-то какво? Она ж эту пакость любит... ну или образ, который на него повесила. А какая разница? Розовые очки все равно бьются стеклами внутрь. И ранят очень больно.

– Каэ!

– Да, Мариса?

– Каэ, а ты можешь выступить вместо меня?

– Я?!

– Конечно! Ты, и только ты!

– Мариса, я петь не умею.

Врала, конечно. Петь я могу. И в этом мире у меня даже слух есть. В родном мне его не досталось, так что я перевирала даже «Калинку-малинку». А здесь – и ничего получается, мухи на лету не падают.

– А я тебя не петь прошу.

– Да? А что тогда?

– Они говорят, что у нас нет настоящих женщин! Каэ, помнишь, ты нам показывала танец с креслом?

– Да. – Я уже поняла, куда идет дело. Дело шло к пропасти и пахло песцовой шубкой. В которой меня и закопают.

– Каэ, станцуй для них!

Угадала.

– Каэ!

Девочки смотрели умоляющими глазами.

Я повертела пальцем у виска.

– Рехнулись? Все?

– Каэ, это ты одна можешь...

Я могла, спора нет. Но зачем мне это надо?

– Каэ, пожалуйста... я этого просто не вынесу!

Мариса смотрела так умоляюще. Я даже головой помотала.

– Тпр-р-ру, Зорька! Мариса, ну подумай сама! Мне нужен шест, стул... да хоть что!

– Я поставлю стул! Выдвину.

Он там действительно стоит. Для выступления. Хотя я могу его и сама подвинуть – нетрудно.

– И переодеться.

– Мы поможем. – Лин сверкнула глазами.

Нахамив Марисе, принц явно нажил себе трех врагов. Врагинь... Или четырех?

Но мне-то не девятнадцать лет! Куда я, дура, лезу?

– И музыка.

– Ты говорила – ритм. Я возьму барабан, – подскочила Сив. – Я смогу, ты знаешь.

Это верно, музыка у Сив жила в крови. Она и на рейке от забора сыграет! Ее бы учить – к ней на концерты короли б ходили!

– Нас искать будут, – сдалась я.

– Не найдут! – припечатала Фати. – Танец длится сколько?

Я прикинула композицию, подумала.

– Минут семь.

– Я считаю до четырехсот сорока и гашу свет. Ты за сцену – и налево. Я сейчас покажу, там клетушка со швабрами и прочим.

– Я там буду ждать, – кивнула Олинда. – И тебя, и Сив. Поможем переодеться, и обратно.

– Заметят.

– Я рыдала, вы меня утешали. – Мариса сверкнула глазами. – Каэ!

Прошу!

И так посмотрела...

Попал ты, высочество. Оскорбленная женщина тебя сожрет и выплюнет.

Я плюнула и протянула Сив ключ.

– Ящик ты знаешь.

– Да.

Только подол мелькнул. Я дура?

Однозначно.

Но иногда это очень приятное ощущение.

Интерлюдия

Баязет не ждал ничего интересного от выступления. Положено так. Но скучно...

Женщины здесь серые и пресные, как просяная каша. Мужчины разные. Кто-то помнит о доблести, кто-то забыл. Баязет не каждого бы взял в свою гвардию.

Сколько ему еще сидеть и зевать?

Он надеялся, не слишком долго.

– Эсса Лиез. Стихи о родине!

Объявление было сделано. Баязет с трудом проглотил зевок. Аж до изжоги... ух, едкий. А...

Во всем громадном зале погас свет. Разом.

Освещенной осталась только сцена.

И что тут происходит? А?

Недоумение принца нарастало. Глухо и тревожно заговорил откуда-то барабан. Удары складывались в четкий ритм, резкий и тревожный. На сцену медленно вышла женщина.

Плащ.

Маска на лице. Эсса Лиез? Забавно... что за стихи она будет читать?

Женщина резким движением выдвинула стул в центр сцены. А в следующую секунду плащ опал к ее ногам.

По залу пронесся единый стон.

Рассыпались по спине недлинные локоны, блеснули темной медью. Баязет подавился слюной.

Женщина была одета... раздета...

На ней было что-то легкое и голубое – платье или рубашка, которое не скрывало ни одной линии ее тела.

Маска. Чулки с подвязками. И короткие перчатки. Бант на шее.

И все.

А в следующий миг почти невесомое тело выгнулось над стулом в позе, которая знакома каждому мужчине. Застыло на миг – и, повинувшись ритму барабана, снова сорвалось с места.

Вот она проводит руками по телу, вот приподнимает платье, вот снова опускает его, не давая ничего толком разглядеть, вот она на кресле и рядом с ним, вот стройное тело извивается так, как он и в гареме не видел, вот руки открывают самое сокровенное... но ничего не видно!

Слетает, развязывается бант, прикрывает, скользит, дразнит в такт ритму барабана, блестит каплями пота жемчужная кожа... Баязет едва удержал себя... губами бы собрать эти капельки... и тонкий пальчик скользит за ними в ложбинку, до предела натягивая ткань... еще чуть, и...

И палец касается полных алых губ так провокационно, что внизу все аж огнем горит, и барабан ведет страстный ритм... сейчас бы...

Шаг – и еще один, и все вокруг кресла, и прогнуться, и задрожать, и... ох-х-х-х-х!

И, словно в миг высшего наслаждения, женщина почти падает на кресло, разводя молочные бедра... скользит между ними проклятый шарф, взлетает вверх... ну же...

И – темнота.

Падает, окружает, обволакивает... и жалобно стонет где-то вдалеке барабан.

– СВЕТ!!!

Кто взревел? Кто подхватил?

Поздно.

Безнадёжно поздно. Сцена пуста. И на память орде мужчин, которая глядит горящими глазами на сцену, остался только шарф, издевательски расправленный на спинке кресла.

* * *

– Каэ, ты...

– Цыц! Волосы заколи! – рыкнула я на Сив.

Ей чего?

Барабан под мышку – и ходу. А я еще плащ прихватила. Хорошо, Фати все вовремя сделала, четко уловив кульминацию.

Или отсчитала секунды?

Она могла, она такая. Очень педантичная.

Сив безжалостно стянула мне волосы, вылила на платок лавандовой воды, помогла мне протереться – поди натяни платье на потное тело! Да и запах...

– Так?

– Шнуровку ту же.

– Ага.

Рубашка, перчатки, барабан – все уже скрылось в сумке. Спрячем пока. Если и найдут, с нами не свяжут. Таких холщовых сумок прорва, каждый второй с ними.

Так, платье, туфли, волосы... черт!

– Сив, салфетка!

– Что?

– Губы!!!

Я ж не голливудский кошмарик, силиконом их не вкачиваю! Потому и нарисовала губищи, как будто с пылесосом поцеловалась!

Пусть себе ищут потом голубого дельфина. Мои-то губы в два раза меньше^[25].

Ничего, стерла.

– Не размазала?

– Нет. Хорошо...

Натуральная косметика. Не держится нормально, и фиг бы с ней.

– Идем?

– Да.

Мы тихо выскользнули из каморки и отправились в зал. Лин ждала в коридоре.

– Все чисто.

– А там?

Могла бы и не спрашивать. Звук шел, как от бабуиновой свадьбы. Причем невесту явно сперли с самого важного момента.

А так вас всех!

За подругу и того мало!

Интерлюдия

1

Ректор с трудом приходил в себя. Потряс головой.

Украдкой посмотрел вниз, пожалел, что шляпы нет... сейчас бы повесил и прикрыл. Держать не надо. Удержится само.

И у остальных мужчин такие же лица.

Ошалелые, растерянные и откровенно похотливые. Кто бы ни была эта девушка на сцене... слов нет! Желания есть, а вот со словами труднее. И говорить-то надо... А как? За кресло спрятаться?

Мысли о кресле явно были лишними. Организм только укрепился в своих заблуждениях.

– Кхм, – кашлянул рядом его высочество. – Это были стихи?

– Это не эсса Лиез, – замотал головой ректор. – Что вы!

– Согласен. Но кто?

– Знать бы... то есть это явно кто-то со стороны. У нас такие точно не учатся, это просто невозможно! Приличные эссы так не могут.

Вот с этим принц был полностью согласен. Не могут, не смогут, куда им...

– Она могла бы стать жемчужиной моего гарема.

Ректор неприязненно поглядел на принца. Ага, размечтался! Понаехали тут! И там тоже!

– Па-азвольте, я не понимаю, что тут происходит, – прорвало кого-то.

И словно лавина хлынула, голоса послышались со всех сторон. Восхищенные мужские, злобные женские...

Вот стерва!

Но кто же это может быть?

Даже и догадок не было!

2

Эс Хавьер сжал кулаки.

Ах ты ж...

Выдеру!

САМ!!! УБЬЮ!!!

Нет, сначала поцелую, а потом убью. Он-то прекрасно знал, кто был сейчас на сцене. Это другие не в курсе, а он и эту спину запомнил, и волосы, и даже движение, которым она отбросила локоны назад – на пляже, вытирая их...

– ТЫ!!! – взвизгнула рядом супруга. – НЕ СМЕЙ!!! НЕ СМЕЙ О НЕЙ ДУМАТЬ!!!

Хотя кто бы смог? Все думали, просто эсса Магали оказалась первой. Всхлипнула, закрыла лицо руками, картинно разрыдалась, выбегая из зала.

Хавьер развернулся боком и вышел за ней.

Боком?

У него тоже реакция.

И... не за ней, если честно. На пляж. На тот самый. Потому что другие идеи – к примеру, пойти в общежитие и подождать Каэтану там, дожидаться нахалку и выпороть, чтобы не смела так... ни для кого не смела, только для него...

Из горла рвался звериный рык.

Только на пляж!

Там темно, тихо и спокойно. Хоть отлежаться можно будет. Или искупаться... вот, самое то. Ледяной воды.

Много.

Зацелую, негодяйка мелкая!!!

Глава 14

На зарядке было многолюдно.

Даже санторинцы появились. Ну очень всем было любопытно – кто это вчера такое устроил?

Кто-кто... кто устроил, те признаваться не собирались. Мы вообще держались своей маленькой группой, выполняли упражнения отдельно от всех и прекрасно себя чувствовали.

Раэша Пизано выглядела откровенно недовольной.

Хотя... Она не исключение.

Недовольными выглядели все и сразу. Эсы никак не могли вычислить загадочную незнакомку. У кого не сходились верхние параметры, у кого нижние, а если у кого-то была похожая фигурка, то двигалась девушка совершенно не так.

Стрип-пластика – это культура движений. Это уметь надо.

Я себя выдавать совершенно не собиралась. Поэтому с утра подложила в одну из туфельек небольшой камушек. Не до боли и мозоли, а так. Чтобы не забываться. И двигалась совершенно иначе. Даже чуточку скособочилась. Неудобно же!

– Раэша Пизано, скажите. А вот так, как вчера... у нас где-то этому учат?

Я поглядела на говорившую.

Майя Перальта.

Интересно. Ее так вчера зацепило?

Впрочем, зацепило всех, ответа ждали все. И мужчины, и женщины.

– Нет, эсса Перальта. Если у нас такому и учат, я об этом не знаю. Я бы предположила, что такому могут учить в Санторине, но наши гости тоже не в курсе?

Все посмотрели на гостей.

Гости смутились, но потом один из санторинцев покачал головой. В отсутствие принца (ему не по чину разминаться со всеми, у него отдельная площадка) они были более вменяемыми.

– Нет, эсса. Раэша. У нас такому тоже не учат, вчера я видел нечто подобное в первый раз.

Раэша развела руками.

Майя нахмурилась.

– Это как-то...

– Завидовать нехорошо.

Кто сказал? Явно же мужской голос.

Да, знакомство со стриптизом тут не скоро забудут! Могу собой гордиться, я внесла вклад в мировую культуру. А самое приятное – с налету такое не повторить. Стрип-пластика – это не так легко и просто, если тебе каждое движение не объяснят и не разжуют. С роликами – и то сложно, а уж просто так, по памяти...

Нереально.

Зарядка, завтрак, занятия...

Все привычно, все спокойно. Только вот глаза у мужчин ищущие. Вчера им показали нечто... кстати, и для моих девочек это оказалось полезно. Они явно для себя сделали выводы и тренироваться будут с удвоенной энергией. Увидели реакцию.

Самое интересное произошло вечером.

Из-за стола поднялся эс Чавез, постучал ножом по краю бокала, привлекая внимание.

– Уважаемые эсы, эссы, гости академии. У его высочества объявление. Прошу вашего внимания.

Все уважаемые повернули головы и застыли столбиками.

Принц встал из-за стола и величаво улыбнулся. Мне подумалось, что если он сядет на трон... ох, это такая проблема будет! Сволочь же!

Абсолютная сволочь...

У него на лбу написано, что никого и ничего ему не жалко, была бы власть... он кого угодно под топор пустит и что угодно совершит. Таким нельзя давать в руки власть. Но...

– Эсы, эссы, я благодарю вас за внимание. Наш визит подходит к концу. Мы уезжаем уже послезавтра, и я хочу поблагодарить вас...

Красивые обкатанные слова, вальяжная улыбка, плавные округлые жесты холеных рук, взблескивает на пальце перстень с рубином.

Минутку?..

– ...Два любящих сердца нашли друг друга. Эс Юсуф Айдын и эсса Нарсия Карсез.

Названные «влюбленные» выглядели вполне себе счастливыми. Нарсия аж светилась от счастья, Юсуф, смазливый парень лет восемнадцати, тоже выглядел довольным. Дракон его не выбрал, но жену он себе нашел.

А лучше бы дракона. Он и симпатичный, и умный, и вообще... он точно лучше Нарсии. Но вслух я об этом не скажу.

Кайа, сидящая рядом, стиснула мою руку.

– Каэ!

– Что случилось? Что не так?

– А вдруг она... тоже?

Я осмотрела Нарсию, пожала плечами.

– Мне кажется, она вполне счастлива.

– Каэ, я бы тоже улыбалась, если бы... только бы никто не понял...

– Кайа, ты что предлагаешь?

– Я поговорю с Майей и Яриной? Они сегодня уйдут, а ты придешь ко мне в гости? Поговорить с Нарсией?

Я только вздохнула.

– Кайа, я же не королева Равена. Что я могу сделать?

– Все.

Мне бы ее уверенность.

* * *

Кофе у Кайи не было.

И чая тоже – местный чай, конечно, не тот чай, который растят в Китае, это просто отвар трав. Но если с медом, получается вкусно.

Было вино, но его мы пить не стали. Сидели, я потягивала воду из высокого бокала, и потягивала ее с философским видом.

Кайа переживала и нервничала, пока Нарсия не вернулась к себе. А потом посмотрела на меня.

– Каэ?

– Приглашай. – В гробу я видела эти душеспасительные беседы.

Когда человек собирается совершать глупость, его не беседами останавливать надо. Запереть где-то, или в травмпункт уложить, или еще что доходчивое...

У меня клиентка чуть замуж за брачного афериста не вышла. Так ей сестра помогла. Сестрица просекла волчью суть в козлиной шкуре и напрямиком направилась в полицию. С отпечатками пальцев типчика, копией паспорта и видеосъемкой одного со всех сторон. Довод был прост.

Ребята, вам нужен очередной висяк на вашей территории – или вы сейчас его по базам пробьете?

Ну и денежек немножко, в качестве спонсорской помощи.

Пробили кадра, узнали, что у него это уже четвертый брак, а три предыдущих плохо заканчивались... потом пригласили дамочку в отделение, побеседовали...

Сидит аферист.

Сидит, глядит, усами шевелит... кому плюсик к карме и премии, кому живая и здоровая сестра.

Но это не пустые слова, типа: «Ты не представляешь, ты свою жизнь испортишь, ты...» А ничего, кроме слов, у меня нет. Пошлют меня – и правы будут.

В душевой послышались шаги.

Нарсия топала вполне решительно.

– Каэтана?

– Я. Слушай, а в какое место эссы посылают тех, кто лезет в их жизнь?

Нарсия даже рот открыла от удивления. Потом опомнилась – и место назвала. Не впечатлила, я знала еще штук двадцать синонимов.

– А, ну считай, что ты меня туда уже послала, а я уже сходила. Теперь сможем поговорить?

Нарсия надменно фыркнула.

– Зачем?

– Может, и незачем. Не знаю. Вот Кайа вляпалась, теперь довольна, что легко отделалась. А ты вляпалась – или добровольно?

– А тебе какая разница?

– Практически никакой. Если вляпалась – можем попробовать помочь. Вот и все.

– Помочь? Зачем?

– Потому что Баязет – сволочь конченная. – Я даже не задумалась. – И приближенные у него наверняка такие же. Может, твой поприличнее будет, но я бы не обольщалась. Вот и спрашиваю.

Нарсия криво усмехнулась.

– Можно подумать, ты что-то решаешь в своей жизни? Приговорит тебя папашка – и будешь старику какому...!

– Здесь и сейчас решаю я. И моя помощь уже оказалась к месту.

– А ты не много о себе возомнила?

– В самый раз. Так что, Карсез? Поедешь в гарем? Сорок пятой любимой женой?

– Ты...!

– Я...! – огрызнулась я, вставляя не менее витиеватую фразу, чем Нарсия. – А ты думала, в сказку попала? Нарси, это другая страна, другая культура, другое все! В том числе и отношение к женщинам! Ты там будешь не то что без всяких прав – тебя убьют и скажут, что так и было. Не понимаешь?

Из Нарсии словно кости вытащили. Даже лицо у нее обмякло, стало каким-то одутловатым и усталым.

– Думаешь, я этого не понимаю?

– Не знаю. Вот и спрашиваю.

– Все я понимаю. Но даже там мне будет лучше.

Я потерла лицо руками.

– Смотри сама, ты человек взрослый. Ты ведь все равно поедешь, что бы я ни сказала?

– Поеду. – Нарсия махнула рукой. И опустилась на кровать Кайи, рядом с Ибанес. – Ненавижу я тут все. И папашу, который не знает, куда меня пристроить. И мамашу, которая ему во всем подпевает, и братики туда же! Знаешь, за кого меня хотят сговорить?

– За кого?

– За Леона Отино. Слышала о таком?

Не слышала. Но... оказывается, слышала Кайа. Материться она тоже умеет.

– Серьезно?

– Более чем. – Нарсия выглядела так, что сомневаться в ее словах не приходилось. – Так что... лучше санторинец. Может, я и там сдохну. Но там меня хоть как кобылу-производительницу ценить будут! И детей моих не загнобят. А может, и я тоже поживу еще... здесь у меня этого точно не будет. Поможешь ты с этим?

– Вряд ли. – Я качнула головой. – Это тебе надо уходить из дома, но ты такого не захочешь.

– Нет. И найдут меня быстро, и не проживу я на пару медяков. Лучше уж в Санторин, чем под забором сдохнуть.

Определенная логика в словах Нарсии была.

– Леон Отино – та еще гадина, – сообщила Кайя, разглядывая ногти. – Родной брат казначея, богат безмерно, знатен, Нарсия у него будет уже четвертой женой, если что...

– Три предыдущие грибами отравились? – мрачно спросила я.

Анекдота здесь не знали, но смысл девушки уловили.

– Вареньем. И детей у него штук восемь, старшему я в дочери гожусь.

– Прекрасный человек.

– А ты говоришь, Баязет! Да хоть бы кто!

Я задумчиво покивала. Действительно, в такой ситуации за соломинку схватишься. И за санторинца тоже.

– А если тут себе кого найти?

Нарсия передернулась.

– Тут – драконы!

И так это было сказано, что я искренне удивилась.

Драконы?

Да, ДРАКОНЫ! Потрясающие, красивые, великолепные, очаровательные, а моя Виола вообще сокровище! И что?

– Они тебе не нравятся?

– Ненавижу этих тварей, – сказала Нарсия так искренне, что я ее и разубеждать не стала. – Громадные, злобные, на змей похожи, а меня от них всегда передергивает. Я вообще не представляю, как тут еще три года пробыть... В Санторине их точно не будет!

Мы с Кайей переглянулись.

Нарсия была полностью искренна, она сделала свой выбор осознанно, и ее все устраивало.

– Держись, – просто сказала я, поднимаясь со стула. – Помощь не предлагаю – не знаю, как смогу ее оказать. Но подозреваю, она тебе очень понадобится.

Нарсия махнула рукой.

– Справлюсь. Пока от меня двух-трех детей не получают, не убьют. А там и я осмотрюсь.

Мне оставалось только попрощаться.

Каждый делает свой выбор. В любом из миров.

– Неприличие какое-то!

– Радуйся, что шить умеешь. В панталонах было бы хуже.

– Ага... и так эта галька... как здесь влюбленные только устраиваются? Она же везде впивается... она круглая! Откуда у нее столько острых краев?

– Влюбленным все равно.

– Лин, Сив – еще по десять отжиманий. Если есть силы болтать, будут силы и двигаться.

– Садюга, – хором ответили два голоса.

А нечего болтать во время упражнений на статику! Две поганки!

Санторинцы уехали вчера. И мы с радостью наверстывали упущенное.

Пока эта компания была в академии, нормально заниматься было невозможно. Зато сегодня...

Я сделала упор на статику и йогу, и девочки меняли позы, растягивая мышцы...

Мы с Марисой заговорщически переглядывались. Нас еще ждали Виола и Эстанс.

После занятия мы с ней отправимся в пещеры к драконам и попробуем там заночевать. У нас с собой и два одеяла есть, и теплое белье пододенем... не замерзнем. Мы жутко соскучились!

Не знаю, как Мариса, но я просто дождаться не могла. Впрочем, это не повод срывать тренировку...

– Кайа! Ты куда хвост выставила? Запомни, попа не должна быть выше головы!

– Я так не удержусь!

– Ничего! Справишься!

– Злыдня...

Ругалась Кайа не всерьез. А вот удержаться в нужной позе ей действительно было сложновато.

Наше внимание даже плеск воды не отвлек, только вскрик Олинды:

– Ой!

И было отчего ойкать.

Из воды показывались... санторинцы!

Точно, они! Черноволосые, смуглые, а главное, впереди всех – эс Четин.

– Не ждали? Стоять, стервы!

В камни у моих ног ударил короткий арбалетный болт.

Даннара!

И сколько их тут? Два, три... десять человек?

Однако...

А как они здесь оказались?

А, это не вопрос. У каждого по два надутых бурдюка, и на головах что-то такое синее, типа небольших лоскутков. Вечером, на морской глади, они и не заметны. А корабль...

– Где вас ждет корабль? – резко спросила я.

И судя по лицу Четина, попала в цель.

– За мысом.

– Это похищение?

– Это возврат собственности, – оскалился недоумок. И пальцем поманил Кайю: – Иди сюда, птичка, цып-цып...

Я оглядывалась по сторонам и выхода не видела.

Одного, ну двух или трех мы могли вынести. Но десять подготовленных человек?

Впрочем, девочки таких сомнений не испытывали.

Я заметила, как Олинда подобрала подходящий камешек, зажала в кулачке.

Как Фатима подняла руку к волосам. Я знала, что в заколку у нее вставлено шило, сама же и посоветовала.

Как Севилла, стоящая ближе всех к воде, опустила в воду свой пояс, а потом еще и по мелкой гальке провезла. Таким, да по глазам...

Мариса сделала шаг ко мне и принялась обуваться. А сапожки у нее по образцу моих. Один пинок – и перелом гарантирован. Утяжелитель в носке и подковка на каблукке. Проверено эсом Лиезом.

Я испытала гордость за своих девочек. Никто, никто не собирался сдаваться без боя!

– Я так полагаю, нас планируется оглушить, привязать к мешкам – и тащить до корабля? – поинтересовалась Олинда.

– Д-да, – удивился эс Четин.

– Губы закатай, козел.

– Чего?

Кажется, женщины в жизни с санторинцем так не разговаривали. Что ж, выведенный из себя враг – половина врага. И я без боя не сдамся.

Десять человек?

Вещественные доказательства я тут оставлю! Минимум три трупа!

И браслеты у меня на запястьях тоже не просто так, это утяжелители. А можно их и как кастет...

Санторинцы переглядывались.

Забава откладывалась?

Никто не бежал, не визжал, ловить испуганных дурех тоже не получалось... стоят, смотрят холодно и зло. Кайа за меня прячется, но тоже не орет.

Конечно, мы не победим. Но... есть еще Виола и Эстанс, которые нас будут ждать и не дождутся. А потом...

За своих наездниц драконицы разнесут что хочешь. И корабль, и Баязета лично...

Если они и не едят людей, ради такого сделают исключение. Только косточки сплюнут.

– Каэ?

Голос Виолы в моей голове раздался так отчетливо, словно она была рядом.

Пошатнулась, схватилась за мое плечо Мариса. А я поняла, что происходит.

Драконицы не собирались ждать нас в пещерах. Им же тоже и погулять, и полетать хочется. И сейчас они были неподалеку...

– Да. Мы скоро будем, уже летим, – подтвердила мои догадки Виола.

Я ухмыльнулась.

У нас ведь есть еще одно преимущество! Нам не обязательно церемониться с похитителями.

– Девочки, работаем! Лин, ваши те, что справа! Мариса, бери двоих слева, а этот козел мой.

– Чего? – вякнул кто-то из санторинцев.

– Кайа, в сторону! Не лезь под ноги. Девочки – фас!

В кино после такого девочки красиво взлетают в воздух, кидаются на врага. Мы таких ошибок делать не собирались.

Мариса ухмыльнулась, наклонилась поправить сапожок – и выпрямилась с горстями гальки. Которую и швырнула от всей души в противника. Даже не целилась: их больше, они приближаются – свою цель найдет каждый камешек. А если кидать как следует – это больно. Один из санторинцев охнул, схватился за глаз. Мехмет кинулся ко мне – и был встречен прицельным пинком в колено.

Взвыл, сгреб меня... за что сам и поплатился.

Я без затей ткнула его пальцами в глаза.

По пляжу понесся дикий вой.

Да, мои девочки для такого приема слишком цивилизованы, а я – нет. А вот видеть эс Четин уже не сможет никогда. И поделом. Не противник. Я отпихнула подонка в сторону, чтобы не мешался, и кинулась на помощь Марисе.

Мариса отступала, санторинцы, две штуки, наступали на нее. Я, недолго думая, прыгнула одному на спину и вгрызлась в ухо. Благо этот конкретный тип был лысым как коленка.

Тьфу, гадость. Не люблю мясо с кровью, зато Мариса, воспользовавшись секундной растерянностью противника, так влепила ему между ног, что по пляжу хруст скорлупы пронесся.

Второй успел ее схватить, но я уже плюнула на первого – тому полчаса будет ни до кого, хоть ты его убивай, он лежит и воет, обняв яичницу руками, – и пнула под зад захватчика.

– Цып-цып, петушок!

Оскорбительное значение здесь это слово не несло, но мужчина все равно на миг потерял концентрацию. Вряд ли его часто так называли. И кто?!

Бабы!!!

Отвлекся он на секунду, а Марисе и хватило. Подковка с силой опустилась на его стопу.

– Уй-й-й...

Вой оборвался. Я пробила гада прямым в горло.

Вообще, таким ударом и убить можно. А еще его достаточно сложно выполнить. Но я-то как раз и могу. Это мои точки.

Глаза, горло, пах, колени, стопы. Ладно, пах мужчины берегут, но про остальное могут и позабыть. И я этим воспользовалась.

Минус три противника.

Но вот у подруг дела обстоят не так блестяще.

Кайю тащат к воде, а она даже отбиваться толком не может, так, ручками машет.

У девочек чуть получше, но Севила явно в обмороке. Фатиму тошнит, и есть причина. Из глаза у санторинца торчит ее заколка. Насмерть.

Олинда плотно прижата к скале, и ее уже схватили. Севиллу тащат к воде. Фатима...

Мы с Марисой не колебались, двигаясь им на помощь, но – не успели.

Раскладку поменяли драконицы, которые начали появляться из воды. Симпатичные такие...

Поднялись головы на длинных шеях... Так, белая моя, красная – Марисы, а еще пять штук откуда? Черная, зеленая, еще зеленая, синяя, черная...

Санторинцы шарахнулись от дракониц. Ситуация резко поменялась.

– Цып-цып? – пропела я, делая манящий жест.

Может, что-то мужчины бы и успели, но...

Тридцать, а то и побольше метров длины.

Пасти, в которые преспокойно поместится человек.

Они и поместились.

Громадные головы на длинных шеях метнулись вперед, хватая, подтаскивая к себе...

– Виола?

– Им тут нельзя оставаться. Кровь смойте.

Какая у меня умная драконица! Просто прелесть!

– Я знаю...

Самодовольства в мыслях Виолы было – на всех дракониц хватит и на драконов немного останется.

Вопящие санторинцы один за другим исчезали под водой, а там ори, не ори...

Я позволила себе расслабиться и усесться прямо на песок.

– Девочки, все хорошо! Вы умнички! Мы их сделали!

Мариса опустилась рядом.

– Каэ... я себе не верю. Ты, я...

– Да. Минус два врага. Они, конечно, этого не ждали, но все же! И Фати молодец, одного убила.

– Бэ-э-э-э-э, – ответила героическая Фатима.

– Правильно сделала, – утешила я ее. – Даже не сомневайся, нам бы в их лапах плохо пришлось.

– Даже не сомневаюсь, – рыкнула Олинда, подхватывая Фатиму под руку и отводя ближе к воде. – Чего ты? Так и надо! Я себе такую же заколку закажу!

– Бэ-э-э-э-э...

Севилла пошевелилась и застонала. Я вздохнула и направилась к подруге, приводить ее в чувство.

– Ее один из этих уродов ударил. В живот, – разъяснила Кайа. – Каэ, как это?

– Что именно?

– Ну, вот это все? Когда и вы, и они, и вообще...

Объяснения я поняла.

– Да спокойно. Надо просто уметь бить. Девочек я научила.

– Мало! – недовольно рыкнула Олинда. – Каэ, ну что это такое! У вас с Марисой трое на двоих, а я только одного... и то не до смерти!

– А как? – заинтересовалась я.

– Ладонями по ушам.

– Это сложный удар. Тренироваться надо.

Олинда нахмурилась, но я говорила правду. В глаза бить проще, там главное резче и не промахнуться. А по ушам – надо и резко, и быстро, и правильно руки сложить. Если сделаешь как надо – негодяю будет очень плохо. А если нет?

Тогда плохо будет тебе, что Олинда и получила.

– Буду тренироваться.

– Жалко, санторинцы закончились, – пошутила я. – Я бы тебе показала на примере.

Фатима кое-как разогнулась от воды.

– Каэ, а драконы?

– А что драконы? Они скоро вернуться. Вы не против?

– Н-нет...

– Вот и отлично. Севилла, ты как?

– Фу-у-у-у... – Подруга приходила в себя. – Живот болит. Где мы?

– На пляже.

– А санторинцы?

– Сдохли.

– Туда им и дорога. – Севилла тоже не собиралась плакать по врагам. – Наверняка это Нарсия, дрянь такая. Без нее не обошлось!

– Возможно, – кивнула я. – Кайа, ты ей ничего не говорила про эти занятия?

Ответа не требовалось. Кайа выглядела жутко виноватой.

– Ты!.. – прошипела Олинда.

Я огляделась вокруг, не нашла ничего подходящего – и метко кинула ей в мягкое место небольшой камешек.

– Каэ!

– Не рычи на Кайю. Можно подумать, она такое хотела! Она с Нарсией в соседях, и отношения у них были неплохие. Просто не подумала, так ведь?

Кайа опустила глаза.

– Я правда... я больше никому. А это перед отъездом. Я хотела попробовать ее переубедить и сама не поняла, как так получилось.

– Бывает. Но впредь постарайся помалкивать. – Я вздохнула. – А уж о том, что случилось... Девочки, молчим – все! Все это понимают?

Идиоток на пляже не было.

Да и как это рассказать?

Мы тренировались на пляже, тут из моря вылезли санторинцы и хотели нас похитить.

Сначала их побили девочки, а потом сожрали драконы.

Если кому-то хочется навечно распрощаться со спокойной жизнью и нажать себе кучу проблем – можно. Но лучше не нужно, наверное.

Так что мне достались согласные кивки. И робкий вопрос Кайи.

– А все-таки... вот это – вы как?

– Вот так, – «понятно» разъяснила Олинда. – Каэтана нас научила. Результат ты видела. Мариса почему-то лучше справилась, а мы похуже, но все равно! Есть чем гордиться! Будь их поменьше, мы бы и без драконов отбились.

Мне осталось только головой покачать.

– Хвастунишка.

Олинда гордо задрала нос и выпятила грудь. Да так, что хоть ты тарелку с супом ставь – не шелохнется!

– А прием я еще отработаю! Чтобы по одному уху дашь – и через другое мозги вылетели! Вот!

– А... можно я тоже?

Фейспалм я не изображала. А какая разница теперь-то?

Было четыре ученицы, будет пять учениц. Переживем.

Мы переживем. А вот враги – не знаю. Как повезет. Тому, кто с Фатимой связался, не повезло. А молодец я все-таки! Фатима, конечно, полпляжа заблевала, но она же сначала ударила, а потом уже блевать начала! Второй раз и вообще не чихнет!

Научила!

Из воды высунулась голова Виолы.

* * *

– Каэтана?

– Виола, прелесть моя!

Мариса, не обращая ни на что внимания, кинулась к берегу.

– Эстанс!

Алая голова с элегантным гребнем вынырнула из воды. Впрочем, Виола сейчас, облитая закатным солнцем, тоже казалась почти алой.

Дракон цвета крови.

Два дракона, которые только что пролили кровь людей. Хотя обычно они в это не вмешиваются.

– *Поплаваем вместе?* – предложила мне Виола.

Я хмыкнула, но... почему нет? Ящерица-василиск по воде бегает, за что, кстати, получила личное прозвище «ящерица Иисуса Христа», морская игуана отлично плавает, а длина ящерики до полутора метров. И ей это совершенно не мешает.

Драконы так же преотлично плавают.

Виола, беззастенчиво подглядывающая в мои мысли, фыркнула, поднимая фонтаны брызг.

– *Примерно.*

Я бы поплавала. Но как тут девочки?

Из воды вынырнуло еще несколько драконьих голов. И – мне показалось или Виола что-то от них услышала?

– Не показалось. Мы спрятали ваших врагов на дне моря.

– Не всплывут?

– Нет. Мы их немного прогрызли.

Уточнять я не стала. И так в курсе. Чтобы труп не всплыл, ему надо вспороть живот и проколоть мочевого пузыря. Можно еще чем-то придавить сверху.

Могут драконицы камешек хвостиком передвинуть?

Запросто!

Мариса уже обнималась с Эстанс. И... не только она одна.

Рядом с ней Олинда подозрительно приглядывалась к некрупной черной драконице. А потом закатила глаза и обмякла.

Драконица поглядела на меня так, что я все поняла сразу.

– Вы тоже?

– Ее зовут Исла! Каэ, ее зовут Исла!

Вот на этот раз у меня фейспалм получился. Едва сама себе нос браслетом не расшибла.

Рядом, на берегу, Кайа Ибанес обнимала за шею еще одну черную драконицу. И так радовалась...

Фатима и синяя драконица смотрели друг на друга, словно так и надо. Севилла едва в море не слезла, торопясь добраться до зеленой дракошки.

И что нам оставалось делать?

Только помогать. Девушки и драконицы делились своей кровью, потом драконицы брали подруг в зубы – и осторожно взмывали в воздух. Для них купание отменялось.

Остаться на пляже?

Не вариант. Если их утром заметят, а их наверняка будет видно с воздуха... Это конец. Спокойной жизни – так точно.

Поэтому девочки отправлялись в пещеры. Там они отлежатся ночь, потом день, а к следующей ночи придем мы с Марисой. Но как я так встряла?!

Вот просто – КАК?!

Ведь все так мило начиналось с фитнеса!

– Каэ, а мы что будем делать?

Я посмотрела на Марису почти укоризненно.

– Мариса, а что мы можем сделать?

– Ну... не знаю.

– Предлагаю принять предложение Виолы – и поплавать. Почему нет? Прилив скоро начнется, он остатки следов смоеет. А потом

вернемся в общежитие. Там сегодня рэша Ония должна дежурить, она нас пустит.

– Хорошо, Каэ. А... мы прямо в одежде?

– Свою одежду мы, наверное, оставим здесь. – Я задумалась. – Вот тут положим, чтобы прибой не добрался. И камешком привалим, чтобы никто не увидел...

Виола наблюдала за моими действиями с явным одобрением. Эстанс тоже.

Потом, прямо в спортивной форме, я скользнула в воду.

Глубоко.

Но это понятно, иначе драконицы сюда бы не смогли подобраться. Тут глубина сразу начинается, нет плавного спуска. Ну так в эти бухточки и не купаться приходят, а кто в воду лезет, тот плавать умеет.

Мариса кое-как спускалась, дрожа от страха. Она-то как раз плавать не умела, но Эстанс доверяла полностью. И не ошиблась.

Чешуйчатая морда подхватила ее, аккуратно подтолкнула к гребню... Мариса уцепилась двумя руками, я повторила ее действие, но уже с Виолой...

– Поплыли!

И две драконицы сорвались с места.

* * *

За два часа мы накатались так, что мышцы судорогой сводило. Но как же это было классно! Это лучше езды на «банане», лучше полетов на планере над морем, лучше любой скоростной моторки.

Драконицы, оказывается, не гребут лапами, они извиваются в воде, словно змеи, прижимают лапы, помогают себе хвостом и несутся с такой скоростью, что моторная лодка позорно проиграла бы соревнование.

Единственное, что портило мне удовольствие... Ладно! Целых две вещи!

Первая – нельзя визжать. Мало ли кто заинтересуется диким визгом с моря?

Вторая – нельзя нанести ответный визит его высочеству. А так хотелось бы!

Приехать, поблагодарить, ручкой помахать... с дракона.

Нельзя!

Ну и ладно, хотя бы поплаваем всласть!

Мариса, кажется, была еще более счастливой, чем я. И, когда мы выбирались на сушу, едва стояла на ногах. Но так светилась – хоть ты от нее город освещай.

– Каэ, это... я так счастлива!

– Я вижу.

– Спасибо тебе! Если бы не ты...

Я скромно промолчала. У меня хватило ума не напоминать ей сейчас, что Жоао Феррер, и свадьба, и вообще...

Черт с ним, с Феррером. Пусть девчонка хоть немного побудет счастливой!

– Каэ, а почему ты решила не плыть к санторинцам?

Я сняла мокрое белье, растерлась и надела платье прямо на голое тело. Мариса махнула рукой, да и последовала моему примеру.

– Потому что сейчас это не нужно.

– Да?

– Мариса, это будет международный скандал.

– А нас бы похитили?

– Спустили бы на тормозах. Подумаешь, пара-тройка девчонок! И наследный принц. Сравнила тоже!

Про тормоза Мариса не поняла, но общий смысл уловила.

– Каэ, а что теперь будет?

– Полагаю, Баязет сделает вид, что его тут не было. Прождет своих гадов до рассвета, на всякий случай поболтается там еще сутки, но потом проглотит пилюлю и отправится домой. Подумает, что его пловцы наткнулись на драконов или еще на кого.

– На драконов, да...

– Нет тела – нет дела.

– Эм-м-м?

– Без трупов никто и ничего не докажет. А море большое, и рыбы в нем голодные.

Мариса кивнула.

– Понимаю. Ну и пес с ним, с Баязетом. Знаешь, я такой дурой была... и почему он мне нравился?

– Не знаю. Мне он сразу не понравился, – честно ответила я. – Видно же, что сволочь!

– Да еще какая! Надеюсь, ему нагорит от тора!

– Даже не сомневайся. Драконов не получил, отравить их не удалось, бойцов потерял, а взамен – что? Одна рыжая дура? Сомнительное приобретение!

Мариса ядовито ухмыльнулась.

– И ее мне тоже не жалко! Нам бы там хуже пришлось!

Я пожала плечами.

Хуже, лучше...

– Я не особенно боялась. Виола и Эстанс за нами бы и в Санторин слетали.

– Ты думаешь?

– Уверена. Только вот их могли бы обидеть, напугать, причинить вред... за них было страшно. И связываться не хотелось. Если бы драконы налетели на санторинский корабль – считай, объявление войны.

– А кто бы знал?

– Поверь, в таких делах всегда есть свидетели. Не найдут, так назначат.

Мариса и спорить со мной не стала. Она в политике разбиралась хуже, но примерно принципы уяснила. Действительно, обошлось – и ладно.

Эпилог

Его высочество принц Баязет был в ярости.

Расхаживал по каюте, похлопывал себя хлыстом по ладони, и было в нем что-то от охотящегося тигра.

Скорчившийся в углу человек в этом и не сомневался.

Вот как есть тигр! И сожрет, только что облизнется!

Повезло Санджару только в одном. В академии его убить было нельзя – внимание привлечет. А до корабля его высочество и остыть успел, за три-то дня. Подумал, что Санджар может быть еще полезен, и ограничился поркой. Хотя все равно больно.

– Ты подвел меня, Санджар!

– Великий, я не...

– Драконы выжили!

– Яд был надежен! Великий, они заболели! Но я же не могу знать все о драконах! Ящерицы погибали все! А эти нашли способ бороться!

– Должен был знать...

Свист хлыста, крик, красная полоса на лице ученого... плевать, кто прав, а кто неправ, злость сорвать хочется!

– Смилуйся, Великий!

– Более того, твои кувшины нашли!

– Не я их размещал!

– Не ты... верно. И за это я еще спрошу! Строго! Но и тебе не уйти от наказания!

И снова свист, и снова крик...

Измочалив о подчиненного хлыст, его высочество замер у иллюминатора статуей гнева и ожидания. Пловцы тоже запаздывали.

Чего сложного?

Эта рыжая дрянь все сказала, им надо просто доплыть, обшарить бухты, забрать тех, кто там будет... что – сложно справиться с пятью девчонками?

Принц припомнил насмешливые серые глаза – и скрипнул зубами.

Вот стерва!

На женщин он внимания не обращал, но эту запомнил хорошо. Каэтана Кордова. Первая и единственная, кто посмел не отвести

взгляда.

Первая из женщин, которая после такого ушла на своих ногах. Остальных выносили евнухи и тащили к палачам. А эта...

Первая, кто посмел смотреть на него, как будто он... Ярость плеснула огненной волной, даже уши нагрелись! Но Баязет точно знал – на него смотрели с отвращением. Словно на кучку нечистот!

Стерва!

Других он отдаст своим людям, пусть их. Даже самых красивых.

Что он – симпатичных женщин не встречал? В его гареме таких – хоть лопатой разгребай! На любой вкус. Стройные и пухленькие, блондинки и брюнетки, страстные и стеснительные...

А такой пока не было.

И внешность-то у нее так себе – комар на ножках! Дунешь – и снесет. Но характер!

Привлекала независимость, привлекал острый язык, привлекало... Да, хотелось ломать ее и ломать! Об колено!

Пока в этих серых глазах не будет плескаться любовь и обожание!

Он сможет этого добиться! Никуда ты не денешься, Каэтана Кордова! Никуда!

В академии была и еще одна девушка, которая привлекла внимание его высочества. Но... найти ее не удалось. Никому. Даже приблизительно вычислить по фигуре.

Кто была та танцовщица?

Принц считал себя искушенным мужчиной, но такого он раньше не видел. Не танец – откровенный акт любви. Его наложницы танцевали для господина, но не так. Вовсе не так.

Даже танец семи покрывал не был настолько откровенным и чувственным.

Интересно, кто она?

Впрочем, она наверняка здесь, в академии. И рано или поздно он ее разыщет.

Одну из двух женщин, которые его заинтриговали.

Вторая же скоро будет здесь.

Может ли она быть танцовщицей?

Нет, вряд ли... Баязет подумал, но решил, что нет. У танцовщицы были шикарные волосы, и формы, которых не было у Каэтаны... мысль о белье с подкладкой ему в голову не пришла. Нет, это вряд ли.

Из селедки дыньку не сделать.

И...

Его высочество уже предвкушал встречу.

Час...

Два...

Рассвет...

К рассвету даже Баязету стало ясно, что результата не будет. Четин не вернется, пловцы не приплывут, девушек не будет. Почему?

Если не вернулся никто, значит – драконы!

Мерзкие чешуйчатые твари!

Санджар! Это все он виноват, он не выполнил свое обещание...

Гнев Баязета обязательно обрушился бы на ученого, но...

– Великий, если мы не можем уничтожить драконов, может – пусть их уничтожат морские твари?

– Им это уже сколько столетий не удается!

– Великий... – Санджар кое-что придумал за эту ночь, хлыст, знаете ли, так стимулирует к научным изысканиям, что умные мысли потоком летят, только лови! – Морские твари появляются небольшим числом. А если их будет много?

– А их будет много?

– Если подобрать подходящую приманку? Безусловно. Подумать, что их привлекает, провести опыты...

Баязет задумался.

Дураком он не был, а бессонная ночь чуточку смирила гнев и злость. Спать хотелось, и ярости тоже поубавилось... и ученые, подобные Санджару, рождаются на свет не каждое столетие. Убить-то можно, ты потом такого другого найди!

Незаменимых нет?

Есть те, кого заменять сложно, долго и не хочется.

– Может быть... ладно! Я поверю тебе еще раз. Но это будет последний!

– Ты не пожалеешь, Великий!

– Уже жалею. В этот раз ты заплатил своей шкурой, Санджар. В следующий – ценой будет твоя голова.

– Твоя воля, Великий!

Санджар отлично понимал, что рискует, но разве у него есть выбор?

Да и драконы...

Вот если бы на него пал их Выбор, друга вернее у драконов не было бы. А на нет и спроса нет! Сволочи они летучие, вот что! И Санджар их уничтожит! Рано или поздно!

Он справится. Дайте только время. А приманку... у него уже есть идеи. Надо только убедить его высочество выделить подопытный материал...

Ученый потирал руки и прикидывал перспективы.

Баязет, устав гневаться, спал.

* * *

А в академии Каэтана Кордова подошла к окну. Высоко в небе летел драконий клин. И девушке очень хотелось быть там же. Лететь с ними, тренироваться, чувствовать себя единым целым с драконом.

Трудности?

Это ее не смущало. Ей было для чего и для кого жить. И Виола...

Если трудности не по плечу дракону – то кому еще? Она обязательно справится. Она... они...

Шестеро дракониц и шестеро всадниц. И это за четыре месяца.

А что будет дальше?

Каэтана не знала. Но шесть – число некруглое, правда ведь? Десять – намного лучше. А если двадцать...

Она отлично понимала, что долго такое не скроешь. Поэтому... выход лишь один. Надо наращивать обороты – и бить первыми. Тогда есть шанс уцелеть. Только тогда...

И только вперед!

notes

Примечания

1

«Величайший» – обращение к тору. «Великий» – к наследникам.
И то – для подхалимов. *(Здесь и далее – прим. авт.)*

2

На 360 градусов.

Францисканец Бертольд Шварц считается изобретателем отвертки. Выглядела она на тот момент жутковато и до XX века сильно не менялась.

4

Теория вероятности.

Имеется в виду сборник задач М. И. Сканави. И нет, автор не преувеличивает. Лично такую математичку знала. Только имя поменяла. А так – шикарная была учительница.

6

Задача из тервера, которую прозвали парадоксом за неожиданное решение.

Энн Маккефри, «Драконы Перна».

Да-да, Зоя не стала придумывать что-то серьезное и перерисовала обычную стяжку для рюкзаков. Делается хоть из чего, хоть пластик, хоть металл, выглядит симпатично, любой мастер с ней справится. Зоя бы фастекс нарисовала, но с ним сложнее. С зажимом проще. Сколько у нее таких перебивало!..

Чистая правда.

К сожалению – цитата. Из оправданий такого подонка.

Не стёб. Так и написано. Даешь парнокопытного кита! А бегемоты, кстати, китожвачные!

И это еще не все.

Из фильма «Морозко» А. Роу.

Каэ цитирует Булгакова, но кто его знает в другом мире? «И интереснее всего в этом вранье то, – сказал Воланд, – что оно – вранье от первого до последнего слова».

Автор не сочиняет, эту информацию можно легко проверить.

Китайская головоломка.

Данную историю автору рассказывали раза четыре, о разных вузах. Но и у нас в институте так столы стояли, было дело.

«Обыкновенное чудо», шикарный фильм.

К.К.К. – ребята в США, которым очень не нравились свободно разгуливающие по стране чернокожие. Методы решения этой проблемы – радикальные. Теоретически существуют и сейчас, практически выяснять не хочется.

Да-да, русский математик Пафнутий Чебышев в свое время учил парижских портных шить одежду. И книгу о кройке одежды написал.

Аналог варанов.

Легкие наркотические средства.

Цитата из кинофильма «Операция “ЪГ”».

Зоя имеет в виду амебиаз. И лечится он и так тоже. Но антибиотиками вернее.

Очень голливудская рыбка. Та-кие губы – звезды отдыхают. Смотрите фото циртокара мури.